россия в мемуарах

А. Судоплатов

ДНЕВНИК

Новое Литературное Обозрение

россия в мемуарах

Новое
Литературное
Обозрение

россия в мемуарах

А. СУДОПЛАТОВ

ДНЕВНИК

Новое Литературное Обозрение

Москва

2014

УДК 94(47+57)"1918/1920"(093.3)
ББК 63.3(2)612-414.81ю14
С89

Вступительная статья и составление
О. Матич,
подготовка текста, послесловие и комментарии
Я. Тинченко

Серия выходит под редакцией
А.И. Рейтблата

Судоплатов, А.
С89 Дневник / Александр Судоплатов; вступ. статья, сост. О. Матич, подгот. текста, послесл. и коммент. Я. Тинченко. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 376 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0129-1

Дневник Александра Судоплатова (1902—?), служившего в Первом Партизанском генерала Алексеева пехотном полку Добровольческой армии, сохранился в домашнем архиве и впервые печатается целиком. Он выразительно и правдиво запечатлел повседневный быт белогвардейцев, их кровопролитные схватки с Красной армией. Автор описывает Кубанские походы Белой армии и ее эвакуацию из Крыма, рисует героизм и самоотверженность одних участников Белого движения, жестокость и мародерство других. Рисунки автора удачно дополняют его словесные описания.

УДК 94(47+57)"1918/1920"(093.3)
ББК 63.3(2)612-414.81ю14

Ольга Матич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дневник Александра Судоплатова оказался у моего отца по воле случая. В ранней юности их пути пересеклись в Первом Партизанском генерала Алексеева пехотном полку, после чего они ни разу не встречались. Судоплатову тогда было семнадцать, а отцу тринадцать лет. В 1972 году отец опубликовал воспоминания о своем участии в Добровольческой армии, главу из которых Судоплатов прочел в военно-историческом журнале «Часовой». Она была посвящена десанту алексеевцев в Геническ в апреле 1920 года и напомнила Судоплатову далекое прошлое и самого автора. В первом письме отцу от 7 ноября 1973 года он писал: «Я все время вел дневник, и у меня даже есть рисунок "Борис Павлов". Хотя сходства, наверное, не было в рисунке, но зато Георгиевский крест вышел удачно. Близко встретился я с Вами во время Генич[еского] десанта». Далее следовали выписки из дневника об отце: «Дорогой рассказали, что наш юный доброволец Б. Павлов, 13 лет поступивший в полк под Курском (командир полка взял его за крестника), ходил накануне в Ростов (переодевшись крестьянским мальчиком), разузнал все тайны, где батареи, штабы, сколько и какие войска, и сегодня ночью пришел в Батайск». Письмо заканчивалось словами: «Очень рад, что встретил хоть одного алексеевца, который помнит Батайск, Кубань, Крым и еще Кубань».

Не зная адреса Бориса Павлова (1906—1994), Судоплатов (1902 — ?) написал в редакцию «Часового» с просьбой переслать его письмо. Я хорошо помню, как мы дома смеялись над описанием папы, воображающего себя индейцем: «Командир полка и адъютант стоят на крыше дома и наблюдают в бинокль. Очевидно, что-то заметили. Борька Павлов, наш 13-летний партизан, который получил в Батайске Георгия за разведку, лазил в парке по деревьям, изображая из себя индейца и бросая в воздух стрелы, которые он взял в музее». Затем выписка из описания похода в Геническ: «Когда я глянул на своего соседа справа, то ахнул. Со мной рядом шел Борис Павлов, он шел, весело подпрыгивая и что-то напевая, в руках он нес стрелу из музея Филиберга. Убьют мальчишку. "Борис, иди в обоз!" — сказал я ему. "Зачем? — пожал плечами он. — Думаете, я боюсь!" — "Слушай, иди в обоз!" — крикнул я на него. Но он взвизгнул и скорчил мне рожу». Судоплатов в дневнике подробно описывает имение

француза Филибера на Азовском море, разграбленное красноармейцами незадолго до прихода алексеевцев. В зале усадебного дома оставались рояль, пианино и большие кресла, в кабинете валялись гипсовые статуи с отбитыми головами, носами и руками и приборы для физических опытов, а в музее среди прочих объектов старины были лук и колчан со стрелами, одну из которых подросток взял себе на память.

Судоплатов пишет об отце как о веселом подростке. В одном месте он описывает его поющим: «Хорошо он поет. Бывало, в Ивановке вечером, после молитвы, мы садились на улице, и Павлов высоким детским чистым альтом начинал: "Пусть свищут пули". Это была его любимая песня. <...> Звенел его чистый альт, и хор подхватывал припев». Эту песню пели солдаты во время Первой мировой войны, потом добровольцы, а затем она стала песней алексеевцев. В письме отцу в 1970-е годы Судоплатов вспоминал: «Я помню, сколько раз слыхал раньше, как Вы хорошо поете, и специально бежал Вас слушать». Папа действительно хорошо пел. Он меня научил этой песне, и мы вдвоем часто пели ее в долгих поездках. А в 1970-е годы в Москве Василий Аксенов привел меня в гости и рассказал, что я знаю белогвардейские песни — после долгих уговоров я спела им «Пусть свищут пули».

В ответ на письмо Судоплатова отец послал ему свои воспоминания, которые, как пишет Судоплатов, он прочел залпом и в свою очередь послал отцу дневник: «...у Вас есть внуки (т.е. наследники) — у меня никого нет, и я часто думаю о своем дневнике — его выбросят в сор или сожгут после моей смерти. Если Вы ничего не имеете против, я его дарю Вам; если он не будет Вашим внукам интересен, Вы по прочтении, может быть, отдадите его в какой-нибудь архив музея — эмиграции». (Судоплатов наверняка имел в виду детей, а не внуков; после смерти отца дневник хранился у меня, и я собираюсь передать его в ГАРФ.) Папа опубликовал выдержки из дневника в «Первопоходнике», военно-историческом журнале Объединения первопоходников — участников первого Кубанского (Ледяного) похода, издававшемся в Лос-Анджелесе. Номер, посвященный алексеевцам, в котором главное место занимали фрагменты дневника Судоплатова, вышел под редакцией отца в 1974 году. Публикация вызвала у Судоплатова чувство гордости: «...ведь наша жизнь прошла для будущего <...> сознание того, что там в России кто-то возьмет в библиотеке Вашу Книгу или сборник Первопоходник, прочтет ее, задумается и понесет скромный букетик к памятнику Белому воину или поедет поклониться кургану на Перекопе, — нас утешает». Это знакомые чувства белого эмигранта, надеявшегося в виртуальной форме вернуться на родину. С похожими надеждами на восстановление в России правдивой истории Белого движения жил отец, но, как и его

старший однополчанин, он этого не дождался. Правда, подготовка переиздания в России воспоминаний «Первые четырнадцать лет» под моей редакцией[1] началась еще при его жизни. В них я поместила несколько рисунков Судоплатова. Теперь эти воспоминания доступны в Интернете, как и номер «Первопоходника», посвященный алексеевцам. И, наконец, дневник Судоплатова выходит в мемуарной серии издательства «Новое литературное обозрение», подготовленный к печати и откомментированный Ярославом Тинченко.

История моего знакомства с Ярославом такова. В киевском архиве в 2011 году меня заинтересовал молодой человек, сидевший рядом и читавший газету «Киевлянин», которую основал мой прадед В.Я. Шульгин. Мы разговорились. Оказалось, что Ярослав Тинченко — историк, занимающийся историей именно Алексеевского полка. К моему удивлению, он был хорошо знаком с воспоминаниями моего отца. Совсем неожиданным для меня был его вопрос — знаю ли я, где находится дневник Александра Судоплатова. Узнав, что он хранится у меня, Ярослав пояснил мне, насколько это ценный исторический источник, и предложил опубликовать его. Эта встреча и привела к публикации дневника в России. «Ведь наша жизнь прошла для будущего», — писал Судоплатов в 1975 году. Произошло именно так, как он и мечтал — «что там в России кто-то возьмет [дневник] в библиотеке».

Судоплатов был сыном сельского священника на Украине и сам учился в духовной семинарии, откуда ушел в Добровольческую армию. В октябре 1919 года под Харьковом он поступил в учебный батальон Первого Партизанского генерала Алексеева пехотного полка, служил в команде связи у поручика Кальтенберга, а в Геническе в офицерской роте как унтер-офицер. Вот что пишет папа о поручике в своих воспоминаниях: «Офицер нашего штаба, пор[учик] Кальтенберг, вернувшись как-то вечером в свою квартиру (в Батайске), нашел стену_ своей комнаты развороченной, а под кроватью неразорвавшийся шестидюймовый снаряд. Это послужило у нас темой для безобидных шуток о педантичном, любящем порядок поручике с немецкой фамилией. Смеялись не зло, а любя»[2]. Судоплатов в отцовских воспоминаниях не упоминается. Он эвакуировался из Севастополя в Галлиполи на корабле «Саратов» вместе с генералом Кутеповым, потом в Болгарию, а затем, как и отец, попал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия). В Белграде Судоплатов переписал свой дневник, пометив 1924 годом и разместив в нем свои замечательные рисунки; многие из них делались на месте событий. В какой-то мо-

[1] См.: *Павлов Б.* Первые четырнадцать лет. Посвящается памяти алексеевцев. М.: ИЦ-Гарант, 1997.

[2] Там же. С. 60.

мент — когда именно, мне неизвестно — он уехал во Францию и в 1970-е годы жил в предместье Парижа Масси.

Семья моего отца происходила из Торжка, маленького древнего города в Тверской области, который всегда фигурировал в папиных детских воспоминаниях. Дед в молодости был социал-демократом, приветствовал Февральскую революцию, но не Октябрь — отец же поступил во Второй Московский кадетский корпус буквально за полтора месяца до Октябрьского переворота. Он любил рассказывать, как уже во время Гражданской войны он слышал в Ливнах речь Троцкого, ораторские способности которого произвели на подростка большое впечатление. Троцкий стоял на крыше бронепоезда буквально в нескольких шагах от него.

В отличие от Судоплатова, который пошел в Первый Партизанский генерала Алексеева пехотный полк сознательно, отец, несмотря на то что избрал военную карьеру, попал в него случайно — в результате сложных передвижений семьи во время войны, когда многие территории быстро переходили от белых к красным и наоборот. Год, проведенный в Добровольческой армии, он называл самым интересным в его жизни: «То, что произошло со мной <...> было мне и интересно и отвечало мечтам тринадцатилетнего мальчика. А мечтал он, этот мальчишка, о героических подвигах и о том, как он вернется к отцу героем с Добровольческой армией, в победу которой он верил. Кто мог предполагать тогда, что события разовьются так стремительно и так бесповоротно, и совсем не так, как мечталось»[3].

Уже в Крыму папу, как малолетнего, отправили в Константиновское училище в Феодосии, о чем упоминает Судоплатов[4], а через два месяца, в начале ноября 1920 года, он эвакуировался на крейсере «Корнилов» в Константинополь, затем в Югославию. Там отец окончил Крымский кадетский корпус; ему, как и многим юным добровольцам, оказавшимся за границей без семьи, корпус ее заменил. Кадетские корпуса и женские институты по старому образцу были основаны в Югославии при финансовой поддержке короля Александра.

Юные добровольцы уезжали из России без средств и семьи. В отличие от большинства других европейских стран, в которых российские беженцы особого сочувствия не вызывали, Королевство сербов, хорватов и словенцев финансировало не только их среднее, но и высшее образование, обеспечивая университетскую молодежь небольшими стипендиями — 400 динаров в месяц. На такую

[3] *Павлов Б.* Указ. соч. С. 39.
[4] См. с. 259 данного издания.

стипендию жил отец, закончивший университет как горный инженер. Воспользовался ли Судоплатов такой стипендией, чтобы получить высшее образование, мне неизвестно, как неизвестна и его дальнейшая биография, кроме того факта, что он был женат[5].

В 1920 году король Александр (Карагеоргиевич) учредил Государственную комиссию по приему и устройству беженцев, а она установила месячные материальные пособия для эмигрантов, которые они получали первые годы. Гостеприимство объяснялось хорошими отношениями России и православной Сербии и тем, что у короля Александра были особые связи с Россией и даже с царской семьей, но не только этим. Хотя в Югославии осели в основном казаки и военная эмиграция, ее профессиональная часть сыграла важную роль в развитии и, как это ни парадоксально, в европеизации отсталой страны. Педагоги, врачи и инженеры быстро находили работу. Поэтому молодежь шла в инженеры — многие, кого я знала из югославской эмиграции, учились на инженерных факультетах. Русские профессора заняли хорошие места во всех университетах (правда, их было немного), а в некоторых случаях создавали ранее не существовавшие кафедры. Так, мой дед А.Д. Билимович создал кафедру экономики в Люблянском университете. Конечно, для преподавания требовалось знание сербохорватского или словенского языка, которым они вынуждены были овладеть, вначале читая лекции на немецком или французском.

Показательным в этом отношении был случай П.Б. Струве, известного общественного деятеля, экономиста и профессора Петербургского университета; в Париже он так и не смог устроиться в университет — для этого ему пришлось переехать в Югославию.

Белая эмиграция, включая поколение Судоплатова, продолжала жить Россией, сначала в ожидании возвращения с Белой армией, затем воспоминаниями о стране, где они родились, — революция и дальнейшая судьба России оста-

[5] Следует отметить, что в одном из писем отцу Судоплатов объясняет, почему он в дневнике называет евреев «жидами»: «...у нас на Украине евреев называли жидами (это не было презрительным словом, т.к. они сами себя часто так называли, то в дневнике я часто так их называю). Не подумайте, что я антисемит. У меня было много друзей-евреев и покойная жена была наполовину еврейского происхождения». Чувство неловкости, которое он испытывал по этому поводу, примечательно, так как бóльшая часть белых эмигрантов были антисемитами, в первую очередь потому, что считали евреев причиной революции и установления советского режима. В самом дневнике вот что Судоплатов пишет о погроме в Юзовке (Донецк): «“Мы, прежде чем достать подводы, пойдем пограбим жидов!” — заявил наш старший. Два наших старика что-то пробурчали, но он их не послушал. “Вы знаете, — добавил он, — что власть уже удрала из Юзовки и в городе никого нет, так что свободно можно грабить”. Мне это предложение было не по душе, но делать нечего» (с. 22).

лись для многих эмигрантов главной точкой отсчета. В Югославии, особенно в Белграде, были созданы благоприятные условия для такой политической установки и вообще для культурно-общественной жизни русской эмиграции, в которой активно участвовало и молодое поколение. Например, Русский научный институт в Белграде организовывал съезды русских академических организаций. Приезжали эмигрантские знаменитости, устраивались концерты, любительские спектакли, балы, отмечались юбилеи, читали русские газеты, издававшиеся в Белграде и в других европейских странах. В 1928 году там состоялся первый и единственный съезд русских писателей и журналистов в эмиграции[6]. Иными словами, «сидение на чемоданах» совмещалось с восстановлением российской культурной жизни, помогавшей забыть положение беженца, как и в других странах большинство старых эмигрантов всех поколений жили обособленно от общества, в котором оказались.

Интересы русских студентов в Югославии защищал Союз русских студентов, а в начале 1930-х годов появилась молодежная политическая организация — Национальный союз нового поколения (НСНП), самые большие отделы которого находились во Франции и Югославии. Его целью были передача культурных ценностей тем, кто уехал из России подростками, и борьба с коммунистическим строем, для чего НСНП (переименованный в Национально-трудовой союз в 1943 году) засылал своих агентов в Советский Союз. Во время Второй мировой войны НТС связал свою деятельность с Власовским движением (РОА), которое предоставило ему бóльшие возможности для пересылки своих членов в оккупированную немцами советскую зону. Мой отец состоял в НТС, но к сотрудничеству РОА с немцами относился скорее отрицательно. Идеологической основой НСНП был корпоративизм, переименованный в «солидаризм» во время войны, чтобы не путали с фашизмом.

Мирная жизнь югославской эмиграции кончилась во время Второй мировой войны. Так как большинство русских в Югославии придерживались правых политических взглядов, многие бывшие белогвардейцы вступили в Русский охранный корпус после оккупации Югославии немцами. Причиной было не столько стремление сотрудничать с нацистами, сколько желание бороться с партизанами Тито, т.е. с коммунистами. Другие, понимая опасность Тито и возможность его прихода к власти, бежали из Югославии. Для них таким образом началась новая эмиграция. А третья, менее консервативная и более ассимили-

[6] В нем участвовали такие известные поэты и прозаики, как З. Гиппиус, Б. Зайцев, А. Куприн, Д. Мережковский и И. Шмелев, а также такие критики и публицисты, как А. Бем, М. Вишняк, А. Кизеветтер и П. Струве. Съезд писателей субсидировал король Александр, присутствовавший на открытии.

рованная часть, не говоря о тех, кто не сумел уехать, оставалась на месте и, как известно, в конечном счете мало пострадала от новой власти. Ведь Тито оказался значительно терпимее Сталина. Когда именно Судоплатов уехал во Францию, мне неизвестно — очень возможно, именно в этот период, так как ранее Югославия предоставляла бóльшие возможности трудоустройства для эмигрантов, чем Франция.

После войны моя семья эмигрировала в Америку. Отец умер в 1994 году в Калифорнии, в небольшом приморском городе Монтерей, где он похоронен в русской части местного кладбища. Этот город прославился в эмиграции своей Военной школой языков, в которой в самые горячие годы холодной войны насчитывалось больше трехсот преподавателей русского языка из первой, второй и третьей волн русской эмиграции. В преподавательском составе школы 1950—1960-х годов были представители многих социальных слоев старой и в меньшей мере новой эмиграции (последних было просто меньше). Из аристократии — Н.А. Романов, сын сестры Николая II; из дореволюционной интеллигенции — М.Э. Аренсбургер, внучка лейб-медика Л.Б. Бертенсона, известного общественного деятеля и ученого; моя мать Т.Я. Павлова, племянница члена Государственной думы В.В. Шульгина; К.П. Григорович-Барский, потомок известного монаха-путешественника В.Г. Григоровича-Барского; из второй волны эмиграции: поэт Н. Моршен и литературовед В. Марков; из военных кругов: Н.Н. Богаевский-Воробьев, племянник последнего донского атамана, а также участник РОА советский полковник Сергей Голиков (ставший Ю.Н. Марковым). Чтобы получить право въезда в Америку, им, как бывшим коллаборантам, пришлось приобрести фальшивые документы с другими именами[7].

Участвовал ли Судоплатов в эмигрантских политических организациях или продолжал заниматься историей Белого движения после 1924 года (когда он переписал свой дневник) — мне тоже неизвестно. Многие бывшие участники Добровольческой армии использовали досуг для таких занятий, по крайней мере так было в окружении моих родителей; отец посвятил последние двадцать лет российской истории, и не только написанием воспоминаний.

Отец выпустил воспоминания под псевдонимом Борис Пылин. Как большинство старых эмигрантов, он боялся своей публикацией повредить семье, оставшейся в Советском Союзе.

В одном из писем Судоплатов предлагал прислать свои наброски «Галлиполи» и, если они отцу понравятся, напечатать под своим именем. Может быть,

[7] Н.Н. Богаевский стал Воробьевым, так как он был участником Русского охранного корпуса в Югославии, который сотрудничал с немцами.

по тем же соображениям, что и мой отец, он просил не указывать «подлинного имени» в публикации выдержек из своего дневника. Судоплатов писал отцу и о своих рассказах: «Когда-то я послал в “Русск[ую] мысль” рассказ — они напечатали. Но второй не поместили. Хотя второй был, по-моему, интересней». Ни названия рассказа, ни даты публикации он не указывает. Получается, что его пять писем — единственный источник информации о жизни Судоплатова в эмиграции. В последнем он размышляет о положении Алексеевского полка. Сравнивая его с Корниловским и Дроздовским полками, он пишет: «Правда, они всегда держались “на материке” компактно и внутренняя организация у них была продумана. Дроздовцы в Галлиполи имели несколько сот в полку бывших пленных, их так дрессировали там, что можно было равнять их с полком мирного времени. А ведь вместо пленных (которых сажали на пароходы почти насильно) можно было вывезти людей, для которых не было уже места. Наш полк хозяйственно был плохо организован. Но наш командир был не хуже Туркула[8], и беда наша была в том, что не успевали мы переформироваться, как нас посылали куда-то “на воды” затыкать дырки. Это была летучая пожарная команда».

Александр Судоплатов остается загадкой. Размышляя о нем, я задаюсь вопросом: почему человек, который вел столь подробный дневник в тяжелых условиях войны, не продолжил писательскую деятельность в эмиграции? Но теперь уже никого не спросишь. Вполне возможно, он и писал, но, будучи человеком скромным или из-за отказа в «Русской мысли», это занятие скрывал. При этом он по собственной инициативе написал отцу о своем дневнике, может быть с мыслью, что тот предаст его гласности, но это уже моя интерпретация. Ведь Судоплатов расставался со столь важным для него документом. Интерпретация поведения в данном случае имеет отношение к памяти. Толковать — значит помнить.

Благодаря киевской встрече и заинтересованности в Дневнике И.Д. Прохоровой и А.И. Рейтблата, мы смогли предать гласности этот забытый исторический документ.

[8] Имеется в виду генерал А.В. Туркул, командир Дроздовского полка, который в 1930-е годы стал сторонником фашизма как идеологии, эффективной для борьбы с коммунизмом. Знал ли об этом Судоплатов, мне неизвестно. Эмигрантов, сочувствовавшим фашистам, а затем нацистам, было немало, и не только среди бывших военных.

Россия в мемуарах

ДНЕВНИК

Добрая память дорогих алексеевцев

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы, утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но в мире есть душа одна —
Она до гроба помнить будет.

. . . .

Им жаль несчастных матерей,
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

Некрасов[1]

10 февраля / 28 января 1924 года

Несколько дней тому назад я, скуки ради, решил перечитать мои дневники, написанные на Кубани и в Крыму карандашом на отдельных тетрадках, добытых различными способами и в разное время. Каково же было мое огорчение, когда я, перелистывая старые записи, увидел, что многие страницы сплошь стушевались и не только не видно [некоторых] слов, но даже трудно определить отдельные строчки. Так как дневники эти составляют для меня большую память и они дороже мне последних брюк, то я решил немедленно их переписать заново, чернилами и в одной большой тетради. Труд нелегкий и долгий, но только одна ценность этих листочков и придает мне бодрости. Сегодня начинаю — не знаю, когда окончу. Буду переписывать все дословно, переведу и все рисунки с их характерным начертанием; и, переписывая все это вторично, буду переживать эти памятные годы. Опять вспоминать Кубань, где я нередко писал дневник мимолетом в станицах, Кавказские горы, где потерял надежду эвакуироваться и уничтожил дневники, Крым — где опять восстановил. Десанты, в которых трепались дневники, нередко пробуя морскую ванну. И, наконец, последняя тетрадь на транспорте «Саратов», на котором я ушел, покинув Родину. Так как дневники часто уничтожались, а потом снова восстанавливались, то я мог делать погрешки, небольшие, правда, в датах, а затем в названии сел, а особенно кубанских станиц, что и есть ужасно, к сожалению, я не могу по памяти их воспроизвести сейчас. Но для меня это не важно, важны факты, а они все, надеюсь, будут переписаны верно. Пишу это и даю слово ревностно довести до конца начатое дело, чтобы оставить себе на память «дела давно минувших дней» и в минуты уныния забываться в дорогих строках далекого времени.

Александр Судоплатов

10 февраля н. ст. 1924 года
Белград
Сербия

1919 год

9 декабря ст. стиля. Бахмут[2]. Сегодня рано утром (еще темно) нас разбудил взводный. «Вставайте! — говорил он, входя в комнату. — Выходите с вещами и с винтовками, да быстро!» — добавил он, видя, что мы «нежимся» на соломе, удивленные таким ранним визитом его. Делать нечего, встаем и быстро одеваемся. Тихий[3] в потемках натягивает штаны, бормоча под нос: «Чого цэ так рано — мабуть большевыкы блызько!»[4] — заключает он. В душной комнате сопенье и шорох одевающихся. Хозяин, разбуженный вошедшим взводным, молча слез с печки и, придерживая одной рукой кальсоны, осторожно ступая босыми ногами, чтобы не наступить на кого-либо из нас, пробрался к лампе, и через минуту комната озарилась тусклым светом.

— Ну я уже готов! — вскочил Тихий, расчесывая пятерней лохматую голову. — Пока вы оденетесь, я чай вскипячу. Хозяин, где у тебя вода?

Вдруг в окно застучали.

— Ну что, долго вас дожидаться? — раздался за окном сердитый тенор отделенного командира.

— Напились! — злобно бормочет Тихий, с грохотом ставя ведро под лавку и цепляя через плечо вещевую сумку.

Еще звезды догорали на темном небосклоне. Восток уже светлел. После осенних дождей почва совершенно раскисла, и, выйдя из дверей, мы в темноте зашлепали по жидкой грязи. Сначала в темноте ничего нельзя было разобрать, но потом мы рассмотрели, что узкая улица вся запружена повозками с разным скарбом, некоторые выезжали из ворот соседних дворов, внося в узкую улицу еще больший беспорядок. Все это полковой обоз на обывательских лошадях. Слышались крики, брань, переругивания. Между повозками сновали люди с вещевыми мешками и винтовками.

— Куда прешься! — слышались голоса. — Какой роты?

— Нестроевой![5]

— Нестроевой .... осади! Что здесь вам .... что ли?!

— Да вы осторожней, с кем разговариваете?!

— Я поручик Смирнов, начальник обоза первого разряда[6], приказываю вам!..

— Замолчите, поручик... Я вас арестовываю, я полковник Носицкий, командир нестроевой роты...

В другом месте шел спор из-за женщин.

— Куда лезете с бабами! — кричал какой-то офицер. — Приказа не читали!..

— На черта мне ваши приказы, когда я вам приказываю пустить повозку!..

— А я не пущу!..

Путаясь между повозками, едва вытаскивая ноги из грязи, мы наконец нашли свою роту, она была в сборе.

— Кто пришел? — грозно спросил фельдфебель, держа список в руках. — Шатаются там! — добавил он, отмечая нас в списке. Мы пристроились на левом фланге, я спереди, мой Тихий, левее меня Половинка и Шпак — оба почтовые служащие из ст. Желанной[7].

— Ну и здорово же тот осадил бабу, — бормотал Тихий, оглядываясь назад.

— Кого? — спросил Половинка.

— Да знаешь того рыжего поручика, что с женой, — иду я вчера по улице, а он — эй, нижний чин[8], почему чести не отдаешь, под арест захотел!.. А сегодня его самого не пускают с бабой, — фыркнул Тихий. — По-моему, всех баб бросить к чертовой матери, — добавил он и сплюнул. — А то таскают...

— Нижним чином обозвал, — осведомился сосед справа от меня в заячьей капелюхе[9] с саквояжем в руке, — и вы ничего?

— А што ж?! — удивился Тихий.

— Хм! — фыркнул сосед в капелюхе. — Да я его в морду бы!..

— Кого?! Ахвицера? — удивился Тихий.

— А то ж ково? — усмехнулся «капелюха». — Мало ли мы их перебили!.. — добавил он и покосился на меня.

«Вот тебе и раз, — подумал я, — вот так рота, куда я попал, — здесь такие речи, а когда дойдет до дела, что то будет — посмотрим, что дальше будет». Недаром Митя В..., удравши с фронта, ругал Добровольческую армию и говорил, что жестоко разочаровался в ней и ни за какие коврижки он не вернется к ней.

— Смирно! — раздался голос фельдфебеля.

— Напрааaa-во! — На плечо! — Шагом марш!

Обходим повозки. Толпимся на узком тротуаре, держась за мокрые доски забора, чтобы не упасть в грязь, и наконец выходим на широкое шоссе. Уже окраина города. Наш 1-й батальон громадный, более тысячи человек, наша 2-я рота 280 человек. Идем в ногу, какая-то баба вышла за калитку, крестит нас и плачет. Выходим в поле. Легкий ветерок. Уже рассвело. Прощай, Бахмут! Когда-то я тебя увижу снова. Увижу ли?

Зайцево. 12 декабря ст. ст. Вот уже четвертый день идем. Грязь невылазно. Грязны все, как свиньи. Сделали от Бахмута верст[10] семьдесят. Ноги у меня страшно натерты, так, что больно разуваться. Портянки прилипают к натертым местам, страшно больно. У Тихого тоже — это просто мука. Особенно если приходится идти по густой грязи. Сапог задерживается, нога движется в сапоге, и раны болят. Сегодня делаем дневку. Пообедали суп, в котором горошина горошину догоняет с дубиной, — смеялись солдаты. Лежим в теплой хате мужика на соломе, как свиньи. Я пользуюсь отдыхом, пишу дневник. Тихий все спрашивает, что я пишу, и, узнав, что дневник, и увидев в нем рисунки, просит срисовать его. Делать нечего, рисую.

Горловка. 13 декабря ст. ст. Сегодня вечером пришли в Горловку. Людей осталось в роте ¾ всего состава, остальные разбежались, но все-таки рота большая, человек до 200 будет. Остановились у одного еврея. Жид боится, наверное, чтобы его не ограбили, и всячески заискивает, поддакивает и расхваливает нашу армию. Дал нам простыни, подушки. Сам с семьей спал где-то в стороне, а нам предоставил спальни и столовую. Тихий, Половинка и другие прямо в сапогах полезли на одеяла и затеяли борьбу на мягких перинах. Я спал в столовой на кушетке. Первый раз за две недели спал на подушке и простыне. Сменил белье. К нам примазался какой-то солдат с фронта, очевидно дезертир. Он говорит, что армия наша разбита и отступает и что кадетам, очевидно, конец.

— Ну, брат, мы еще покажем им конец! — вскочил Тихий и схватил винтовку. — Мы еще повоюем! — щелкнул затвором он.

— Оставь, Тихий! — успокоил его Половинка, отводя в сторону ствол винтовки. — На печке-то мы все вояки!

14 декабря. В 5 часов утра разбудили. Раздали приготовленные в походной кухне галушки и выступили. Шел мелкий дождь. Ноги страшно ныли, особенно левая. На ступне была сплошная язва. Идем вразброд. Винтовки уныло болтаются за спиной. Ох, если бы можно было, я бы с удовольствием ее забросил. Сумка на повозке. Сзади батальона идут повозки с бабами. «Куда их везут! — ругались солдаты. — Небось наш брат подобьется, так бросают, пропадай так, а эту сволочь возят!» Это была сущая правда. Правда, я ничего не заявлял, но уже слыхал много заявлений о том, что у многих ноги на-

терты и они не могут идти, но в повозках им было отказано. «Повозки перегружены — нет мест!» — заявило начальство.

— Эх! .... на белом свете! — вздыхал Тихий, хромая рядом со мной. — Ноги натерты, как у сукина сына, а брать на повозку нельзя сесть! Не пускають!

— Не пускають! — передразнил его сосед в капелюхе. — Небось если бы у меня были ноги натерты, так я бы уж тут не был!..

— А где же ты был бы?! — покосился на него Тихий.

— Где?! — усмехнулся «капелюха». — Остался бы!..

Тихий ничего не ответил и стал вертеть папиросу.

15 декабря. Григорьевка. Вчера вечером пришли в Григорьевку. Стоим в душной крестьянской избе. Час ночи. Пришли в половине десятого ночи. Сделали сорок верст. Пожалуй, если бы еще нужно было пройти версты три, я не дошел бы. Уже в семь, когда размещались по квартирам, Тихий попросил у меня винтовку и, опираясь на две винтовки как на костыли, шел по мерзлым кочкам и плакал. Станешь на кочку, попадешь в ямку, рана как запечет. Господи! За что такие муки! Я готов каждый день шагать пятьдесят верст, но чтобы только ноги были здоровы. Разместились тесно. Целый взвод в одной хате. Душно, клонит ко сну. Но спешу мой дневник пополнить тремя лишними строками. С нами стоит сосед в капелюхе. Сегодня с ним разговорились. Он сам Тульской губернии, рабочий рельсопрокатного завода, фамилия его Тучков Василий. Лицо его, длинное смуглое, с толстым носом и подстриженными щетинистыми усами, всегда было угрюмо и в глазах блестел недовольный огонек. Он был всем недоволен — и начальством, и редким борщом, и погодой. Однако пора спать. Говорят, еще один переход, а там поедем эшелоном.

16 декабря. Сегодня сделали 12 верст и остановились на хуторе Пашково, на дневку. Усиленно говорят, что дальше поедем поездом. Обоз будто пойдет пешим порядком, а пехота поездом. Бахмут, говорят, занят красными. Мы идем в корпусном резерве, потому отступаем первыми. Идти пришлось по мерзлой дороге. Лучше, чем по грязи. Дорогой передумал о всем. Вероятно, и С.... занята красными. Что-то делается дома? В роте осталось человек 80. Остальные разбежались. Наша компания — Половинка, я и Тихий, Шпак — держимся еще. Уже за нами идет повозка с брошенными винтовками. Каждый день число их увеличивается. Убежал наш отделенный командир — рабочий из Лисичанска. Ушел под видом болезни взводный. С нами стоит какой-то гвардейский полк. Драпали за сто верст от фронта, а на вид

боевые с палашами, со шпорами у них только. «Кгвагдия», «т'гадиции» и «тонно»! Ох, будет вам когда-то «т'гадиции»[11].

17 февраля. Железное. Сегодня пришли на ст. Железное. Дождь идет все время. Мокрые до нитки. Настроение унылое. Говорят, красные нас хотят отрезать от Дона и будто бы мы пойдем в Крым. Остановили на улице селения и сказали, что сейчас будем грузиться в вагоны. Часа через два погрузились. В вагонах мокро, на полу уголь. Холодно. Крыша дырявая, и через нее бежит вода и увеличивает грязь на полу — печи нет. Перешли в другой вагон, намного лучше. Крыша цела и сухой. Воруем на соседних платформах доски и делаем нары.

18 декабря. Ясиноватая. Стоим на ст. Ясиноватая. Теперь мы идем эшелоном. Выпал снег, подмерзло. В вагоне у нас все оборудовано. Из краденых досок нары. Я лежу на нарах. Со мной компания моя. Я внизу, и в другом конце под нарами на полу тоже лежат. На Ясиноватой украли со станции водосточную трубу, а из кирпичей устроили печку. Тепло в вагоне. Спим и жрем раздетые под шинелями. Слава богу, ноги заживают. На вещевой сумке пишу дневник, удобно. Мерцает огарок на нарах, так как двери и окна глухо затворены, несмотря на день. Нас качает по тупикам. Наконец закатили в один тупик и бросили. Из дверей видно снежное поле. И насыпь или обрыв.

19 декабря. Все еще на Ясиноватой. Мороз сильный. Не хочется высунуть носа из вагона. Подошел другой эшелон Самурского полка. Бегаем по очереди, покупаем молоко, 70 руб. кувшин, и пьем чай на нарах. Одна беда — дров мало. По ночам воруем на станции с груженых платформ уголь, доски, шпалы, а днем жжем щиты железной дороги. Сегодня облюбовали для дров часовню. (Не часовню, вернее, а навес.) Долго мозговали, как ее развалить. Вдруг Тихий закричал: «Берегись, мина!» Не успели сообразить, в чем дело, как Тихий поднял трехпудовый камень и с размаха ударил под один столб. Часовня качнулась

и с грохотом упала. Толпа накинулась. Бревна, доски. Даже железо с крыши захватили для печек. Через минуту от часовни не осталось и следа.

20 декабря. Мушкетово. Прибыли на ст. Мушкетово. Мороз страшный. С нами прибыл и Самурский полк и стал на соседнем пути.

21 декабря. Стоим на Мушкетово. Паровоз испортился. Ждут другого. Наша компания купила полпуда сахару (на четырех) за 200 рублей. Пьем чай целый день. Сегодня неизвестно откуда прибыл вагон с лаптями. Вагон разграбили. У каждого куча лаптей. Надевают поверх сапог и щёголяют по перрону.

22 декабря. Все стоим на Мушкетово. Уже порядком надоело. Лежим на боку. Тесно, душно. Печка горит день и ночь. Все сидят у печки и слушают басни одного «брехуна». Хотя бы скорее двинулись. Говорят, паровозов совсем нет и будто бы и не будет. Есть слухи, что мы пойдем на Ростов походным порядком. Ведем совсем свинский образ жизни. Спишь и спишь. Проснешься. Что на дворе — день или ночь? Вероятно, ночь, потому что тихо в вагоне. Перевернулся на другой бок, заснул. Опять проснулся. В вагон постучали.

— Первый взвод за обедом! — Ага, значит, полдень.

Пообедали. Опять спать. Проснулись. «Сколько же времени?» — подумал я. Очевидно, рассвет. Потому что уже никто не спит и мне спать не хочется. Эх, сейчас бы двинуться. Хотя бы потрясло немного.

Дверь в вагон со скрипом отодвинулась.

— Эй! Кто пойдет за подводами в село, — крикнул в дверь фельдфебель. — Завтра идем походным порядком!

— Я! — закричал Тихий и уже спрыгнул с нар.

— Еще кто?

— Идем! — толкнул меня Тихий.

— Хорошо! — согласился я. «Все равно, — подумал я, — сейчас утро, чего же даром лежать на боку».

— Завтра выступаем пешим порядком, — объявил фельдфебель. — А потому нужно достать для батальона десять подвод!

Нас назначили пять человек. Старшим назначили какого-то вольноопределяющегося[12], не то еврея, не то армяшку в погонах унтер-офицера. Мы вышли из вагона. Получили винтовки и по 5 патронов. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что сейчас не утро, а всего лишь 9 часов вечера. Почему-то мне сразу и спать захотелось, но делать нечего — «назвался груздем — полезай в кузов». Итак, нас 5 человек. Начальник наш, караим[13], затем Тихий, я и два старика, не то рабочие, не то крестьяне — простые. Марш-

рут наш был село Семеновка — это где-то за Юзово[14]. Где, никто из нас не знал. Ночь была тихая, морозная и лунная. Луна ярко поливала белую равнину, снег весело искрился и хрустел под ногами. Мороз щиплет за нос и уши. Натянул шапку. Мы идем быстро по дороге — гуськом друг за другом, выделяясь на белом фоне поля черными силуэтами. Пройдя версты две, подошли к какой-то деревеньке. Перейдя плотину, мы заметили на пустынной улице четыре фигуры с винтовками за плечами. Увидев нас, двое из них скрылись за хатой, но спустя минуту вышли.

— Кто идет? — крикнул Тихий, беря винтовку на руку, забывая, что не он здесь начальник.

— Свои! — ответили те. — А вы кто?

— Алексеевского партизанского полка! — ответил Тихий.

Подошли ближе. Один из них в бурке с солдатской кокардой на фуражке. Остальные в шинелях (погон не заметил). Первого остальные величали «господин поручик», что впоследствии нам показалось подозрительным.

— Куда идете и зачем? — спросили они.

Мы сказали.

— Разве на Мушкетово добровольцы? — удивились они. — А нам сказали, что там никого уже нет!

— Да вы далеко не заходите! — предупредили они нас. — А то здесь где-то близко, говорят, красные.

Мы распростились и ушли. Тихий перед уходом отдал честь «типу в бурке» и проговорил: «Господин поручик, разрешите у вас закурить!»

Тот любезно предложил папиросу. Нам показались они подозрительны, и, пройдя с полверсты, мы решили, что это местные большевики.

— Идем их арестуем! — оборачивался назад Тихий, но их и след простыл.

Вошли в Юзовку. Город пустой и унылый. Тускло качаются от ветра редкие газовые шары. «Мы, прежде чем достать подводы, пойдем пограбим жидов!» — заявил наш старший. Два наших старика что-то пробурчали, но он их не послушал.

— Вы знаете, — добавил он, — что власть уже удрала из Юзовки и в городе никого нет, так что свободно можно грабить.

Мне это предложение было не по душе, но делать нечего. Старший все делает. Идем по пустынной улице, разглядываем, где богаче дом. Подошли к одному, стучали, стучали в ворота — ответа нет. Около ворот какой-то деревянный сарайчик.

— Лезь, Тихий, через крышу и отопри со двора! — командует старший.

Тихий полез по деревянной крыше. Треснули мерзлые доски, и эхо отозвалось на пустынной улице. Долго Тихий возился с калиткой, но она была заперта на ключ. Он стучал в окна дома, но, вероятно, перепуганные обитатели боялись подать голос. Мы начали мерзнуть на улице и уже говорим караиму, если он не пойдет сейчас за подводами, мы его бросим и сами пойдем.

— Идите! — ответил он. — Если не хотите подчиняться, потом по закону ответите!

Тихий разбил прикладом стекло в окне и, выругавшись, полез обратно через крышу. Наш старший ругался на нас, и мы безрезультатно пошли дальше. Подошли к небольшому домику.

— Хозяин! — стучит караим в дверь.

Дверь открыла перепуганная старуха.

— Вы жиды?! — кричит караим, входя в дом. Обстановка бедная, две комнаты и две старухи.

— Нет, мы русские! — испуганно заявляют они.

Караим заглянул под кровати и начал допрашивать, где живут жиды и у кого есть поблизости самогон. Старухи крестились и говорили, что ничего не знают. Мы начали грозить караиму, что уйдем от него, если он не оставит своих выходок. Это был один из типов, которые и губят Добровольческую армию своими «делами». Он заявил старухам, что он начальник карательного отряда и что ему дан приказ уничтожить Юзовку! Старухи совсем перепугались. Наконец он вышел. Тихий стал извиняться перед старухами за беспокойство и сказал, что мы русских не трогаем, пожелал спокойной ночи, и мы вышли. Караим отчаянно ругался за свои неудачи. Подошли к большому одноэтажному дому. Постучали. Дверь открыл еврей — в одном белье. Зашли в комнату — обстановка средняя.

— Да, мы евреи: я и сын в кровати — больной.

— Давай деньги! — закричал караим, беря на руку винтовку.

— Ой, какие же вам деньги, — взмолился еврей, — когда казаки у меня все до нитки забрали!

— Тихий, — крикнул караим, — мину подложил под дом?!

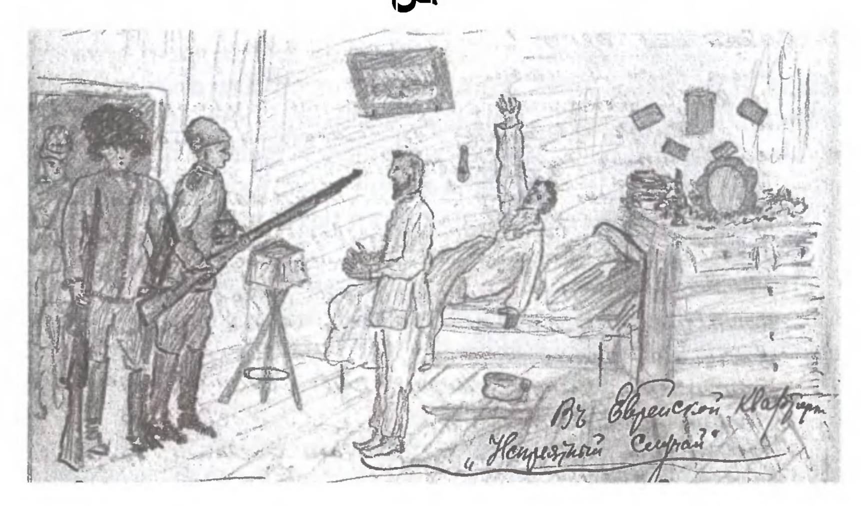
— Так точно, ваше высокоблагородие! — неуклюже беря под козырек, ответил Тихий.

Еврей, вероятно, перепугался и полез в карман брюк.

— Вот семьдесят рублей!

— Давай еще!

— Нету. Ей-богу!

— Открывай .... комод!..

Еврей повиновался и открыл ящик с бельем.

— У тебя, Тихий, нет белья?..

— Так точно!..

— Выбирай!.. Так... бери и полотенце... так... бери еще пару... ну теперь давай я возьму, а теперь давай еще денег! — крикнул караим и приложил дуло винтовки ко лбу еврея.

— Ой вей! — вскочил больной сын и упал с кровати. Хозяин покопался в комоде и достал двести рублей, затем еще пятьсот.

— Тихий! Выйми мину! — скомандовал караим.

Тихий полетел в сени и, переворачивая с грохотом разное барахло, возился там минуты две.

— Мина вынута! — доложил он, входя.

— Идемте! — к великой радости семьи скомандовал караим.

Вышли на улицу. Мороз еще усилился. Вдали в конце улицы раздался тревожный свисток. Вероятно, там происходило то же. Сзади раздался другой свисток, и опять тишина. Гулко отдаются шаги наши по пустынной улице, и тускло колеблются газовые шары. Мы идем теперь за подводами за Юзовку. Караим нас ругает, а мы его. У меня замерзли руки, винтовки у всех без ремней, и приходится нести в руках. Наконец вышли за Юзовку. Семеновка где-то верстах в трех после по шоссе. Опять хрустит под ногами блестящий снег, искрится от месяца. Прошли с версту. Вдруг впереди блеснул огонек. Ближе, ближе. Огонек исчез куда-то вниз. Подходим. Сбоку шоссе

в канаве сидит человек. Очевидно, спрятался от нас. У него мешок с чем-то и шахтерская лампочка в руках.

— Ты кто? — спустились мы в канаву.

— Шахтер!

— Откуда идешь?

— С ночной смены!

— А что в мешке?

— Уголь!

Пощупали, действительно уголь. Хотели идти дальше, но Тихий что-то заупрямился.

— Стой! — запротестовал он. — Мандат надо проверить, чи той як его местожительство чи як воно![15]

— Да ну тебя к черту! — закричали мы. — Мы замерзли.

Тихий сконфузился, и мы пошли дальше, оставив шахтера, который нес, очевидно, краденый уголь.

Проходим какой-то полустанок, рудники и наконец после долгих расспросов, замерзшие, отыскали в овраге хутор Семеновку.

23 декабря. Утром выступили походным порядком. Оттепель. Но не грязно. У каждого на сапогах лапти. Сахар несем по очереди. Тяжелый. ½ пуда ведь. Слева где-то ухают орудия. Красные уже нас опередили, пока мы сидели в Мушкетово. Ноги теперь не болят. Нас в ротах человек по 50. Сзади целый обоз идет с пустыми кухнями и брошенными винтовками. Теперь на весь батальон варит одна кухня. По дороге валяются лапти, лапти, лапти и лапти. Сползет с сапога. Одна на ноге, другую утерял. Вся дорога усеяна лаптями, наконец ни у кого не осталось лаптей. Прошли Прохорово, Бешево. Идем быстро, без остановок, потому что красные нас отрезывают. Везде, где остановимся, пьем чай. Сахар сыплем деревянной ложкой полкружки и раздаем всем, чтобы меньше было — легче нести ведь. Ночевали в Киреево. Большое село Донской области.

24 декабря. Вчера прошли Кальмиус-реку и вступили в Донскую область. Прощай, Екатеринославская губерния, когда-то я вернусь к тебе. Увижу ли твои равнины? Интересный случай был ночью. Мы пришли в Киреево и остановились у старика и старухи — богатые. Нас поставили на квартиру 8 человек, а у них уже стояло четыре улана с лошадьми[16].

— Куда, куда, тут и так полно! — протестовали уланы, не пуская нас.

Они здесь расположились как дома. Едят и пьют чужое, ведь не свое. Наше начальство долго с ними спорило. Наконец уланы, видя, что не ночевать же нам на улице, угомонились. По обыкновению мы, пехота, тащим

солому и на полу ложимся покатом. Уланы спят на подушках и перинах. Ночью один улан встал покормить лошадей. Сквозь сон слышу голос улана:

— Дед, где у тебя ячмень?

Голос деда (плачущий):

— Да дэ ж вин у менэ. Було всего пьять четвертей[17].

Улан:

— Где ключи от амбара?

Дед:

— Не знаю!

Улан:

— Что?.. А ну-ка... Так бы и давно... Давай ключи... Да поразговаривай еще!

Утром встаем, по обыкновению, рано, уланы еще лежат. Им что, они на конях, успеют удрать всегда.

— Дед, нет ли у тебя хлеба? — спрашиваем мы.

— Нет, — отвечает дед.

Мы предлагаем в обмен сахар. Дед упирается. «Нет», — говорит.

— Эх вы, пехота! — укоризненно заговорили уланы. — И просить не умеете.

— А ну-ка, баба, — крикнули они, — перепечки[18] и сметану в два счета на стол!

Через 15 минут на столе стоял горшок сметаны, а баба не успевала вынимать из печи горячие перепечки. А мы один за одним лазили в горшок, макая коржи в густую холодную сметану.

— Вот так уланы, — смеялись наши солдаты, уплетая перепечки, — недаром мы так и драпаем быстро, от перепечек ведь! — смеялись наши. Сегодня сделали больше 40 верст. Вышли из Киреева, было еще темно, и к вечеру́ подошли к Таганрогу. Заходили в донские станицы. Мы сразу просили чаю и щедро дарили хозяев сахаром, чтобы легче нести, уже его осталось фунтов 20. Тихий везде представлял нашу компанию хозяевам.

— Вы не бойтесь нас, — вежливо говорил он хозяевам, — мы люди интеллигентные, образованные, я и он (указывал он на Шпака или Половинку) — чиновники почтового ведомства, а он (указывал он на меня) студент выше среднего училища (хотя я ему не раз замечал, что у нас только был табак выше среднего, а училища такого не было). Старые солдаты, которые еще идут в роте, смеются над нами: «Ишь, привыкли по квартирам чаи распивать, вы по-походному, как в германскую войну!» — и едва остановимся, они сразу

котелки с водой на кирпич и соломкой и дровами сами греют чай. Мы уже напились у хозяев, а они еще греют.

— Выступаем! Собирайся! — торопит начальство.

Мы выходим, строимся, а старички наши «по-походному» переворачивают котелки с нескипевшим чаем и, ругаясь, идут дальше. Часов в 5 вечера подошли к Таганрогу. Я ног не чувствую. Страшно устал. Как-нибудь, думаю, до Таганрога дотянуть, а дальше сил нет. Иду голодный. Утром, как поел перепечки в Киреево, больше ничего не ел. Дорогой только и представляется, как бы дома ел пирожки с печенкой и маслом или еще что-нибудь. А слюни бегут, жрать хочется и устал. Говорят, больше 40 верст сделали. Уже виден Таганрог и вдали полоска моря. Скоро, скоро придем. Много отсталых, другие садятся на дороге — не могут идти. Подводы переполнены, каждый стремится уцепиться на подводу. Но что такое? Колонна наша сворачивает влево, Таганрог остается вправо. Неужели не пойдем в Таганрог, еще дальше идти? Надежда рушится, и силы падают. Нет уже сил идти.

— Таганрог занят местными большевиками! — проносится в рядах. — В Таганроге восстание.

Колонна идет быстро, быстро огибаем злополучный город. Проходим лиман Миусс и село Новониколаевку. Может быть, здесь остановимся, но нет, голова колонны уже выходит из села быстро, быстро. Половина роты разбежалась по хатам и назад уже не вернулась. Часов в 8 вечера пришли в село Мокрый Чалтурь — армянское село. Армяне встретили неприветливо. Дома у них хорошие, большие, но не пускают внутрь. «Тиф! Тиф!» — заявляют. Вертимся на улице. Грязь, слякоть. Кто где прислонился, там и заснул, наконец объявили, что дальше мы поедем, из Ростова пригнали извозчиков, мы сели человек по 5—6 на фаэтон и поехали, как приятно после такой дороги. Я прислонился к Тихому и, едва не пуская из рук винтовки, дремлю. Нас везет старик-извозчик с мальчишкой лет восьми в бабьей кофте.

— Чижело жить, — заявляет старик, после того как мы проехали с версту, — внучка у меня маленький, — кивает он на мальчика, — сынов — бросить не на кого, гонят, иди в наряд, нужно брать и его с собой, может, уйдешь на неделю, ножки закутай! — поправляет он кофту мальчика.

— А сын-то твой помер? — спрашивает кто-то.

— Какое помер, убили, набилизовали и убили...

— Кто мобилизовал?

— Добровольцы... Набилизовали и убили на Маныче...

В темноте показались строения. Станица Гниловская. Остановились у богатой казачки. Но без денег ничего не отпускает. Принесли соломы — и спать, вот отмахали сегодня.

25 декабря. Рождество Христово. Великий праздник. Что-то делается дома? Жутко. Там ведь красные. Праздник встретили плохо. В 12 верстах позиции, бьются дроздовцы[19]. Целый день грохочут пушки. Стонет от гула земля. Красные во что бы то ни стало к празднику хотят взять Ростов. Пишу дневник, сидя за столом. Тихий притащил кувшин молока. Пьем, значит, чай. Говорят, завтра выступаем. Что-то красные не на шутку взялись, у нас от гула дрожат стекла и вся хата. Как бы ночью не выступили. Здесь красивое место. Донские казаки все рыболовы. У каждого в сенях куча вяленой рыбы.

26 декабря. Ночью вышли на Ростов. В несколько рядов идут обозы — брички, двуколки, батареи, конница, конница без конца. Все это «могучий» фронт Деникина. Где вы, конница Шкуро, Мамонтова и других и других?[20] Все рухнуло. Все, все! Вот и Ростов.

Сонный город наполнился шумом проходящих частей. Часа 2 ночи. На мосту через Дон целый базар. Стоят обозы в 20 рядов. Сутолока, ругань. Многие прут по льду. Но лед непрочен и трещит. Разгоняют автомобили и топят в Дону. Топят броневики. Они с шумом и треском проваливаются под лед. В городе идет грабеж. Где-то в центре грабят Американский Красный Крест[21] и интендантские склады. Американский Красный Крест горит. Наша рота в ожидании переправы где-то «нащупала» рыбный склад. Тащат все вяленую рыбу. Все наши подводы набиты вяленой и соленой рыбой. Кое-кто несет кожи. Аршина по два в квадрате. Тащат мануфактуру, сахар, мыло, табак. Подводы — полны. Кое-где поднялась редкая ружейная стрельба. Наконец пришла наша очередь, и мы пошли на мост. Светает. Выходим из города. Заметна сильная паника. Обозы несутся по дороге в три ряда, бросают в панике вещи. Что такое? Вечно эти обозы наводят панику. Вот лежит куча английских рукавиц — целая пачка. Я нагнулся...

— Эй, берегись! — раздалось сзади, и не успел я сообразить, в чем дело, как пристяжная лошадь лихой тройки грудью ударила меня и отбросила в сторону сажени на две. Винтовка звякнула в снег. Когда я поднялся, тройка была далеко. Счастливо отделался, что не попал под сани. Я отряхнулся и продолжал путь. Все-таки перчатки взял. Начинает таять. Дорога делается мокрая и тяжелая. Сани уже брошены во многих местах. Стоят брошенные автомобили. Солдаты лезут в них и важно сидят, пока фельдфебель не вы-

гонит. Обозы все несутся и несутся. От Ростова уже отошли версты три. В Ростове что-то горит, черный дым клубами подымается к небу.

— Фр-фр-фр-фр-фр, — прошелестело что-то над нами и глухо разорвалось впереди.

— Ти-ув! — пропело что-то за ним и звонко разорвалось в вышине белым букетом.

— Подтянись! — кричит фельдфебель, видя, что обозная паника передается и людям.

— Реже шаг!.. Ать! два! ать! два!

Батайск

Часов в 8 утра прибыли в Батайск. Он в 10 верстах от Ростова. Знаменитый Батайск, которого долго не могли взять немцы в 1918 году[22]. Жители коренные русские. Разговор странный. Хлеб — бурсака, кувшин — махотка, помидор — яблочко, закрой дверь — закутай дверь. Отдыхаем и через час двигаемся дальше. Мы в корпусном резерве, а потому спешим заранее удрать. На позиции корниловцы[23] и дроздовцы. Двинулись по над железной дорогой к югу.

Каял. Вечером часов в 9 пришли в Каял, это от Батайска 20 или 25 верст. Дорога была грязная и страшно тяжелая. Едва вышли из Батайска, пошел дождь, и мы мокрые шагали до ночи. К вечеру стало подмерзать. Получилась гололедица. Скользим, падаем, и весь мокрый, и в сапогах полно воды. Они у меня окончательно порвались. К тому же и есть хочется. Ведь сегодня еще с утра ничего не ели. Потеряли друг друга. Идем я, Половинка, Шпак и три чужих. Тихого где-то потеряли. Подходим к станции. Ярко падает на землю свет из вагонов штаба 1-го корпуса[24]. Электричество слепит глаза. Стучит динамо. В вагонах (видно в окна) тепло и светло. Чистота, занавесочки. Держимся за вагон, чтобы не поскользнуться, и бредем к станции. Открылась дверь, и в дверях показался блестящий офицер с аксельбантами и шпорами. Пахнуло на нас духами и теплом. А мы, грязные, мокрые до последней нитки, с грязью в сапогах, голодные и усталые, бредем дальше. Куда? Где наша часть?

В Каяле полно войск. Улиц пять прошли, каждая хата занята. Обозы стоят на улице. Скользко. Несколько раз упал.

— Знаете что! — предложили нам три наших новых спутника. — Идите вы по одной стороне улицы, а мы пойдем по другой. Кто из нас найдет пустую (незанятую) квартиру, зови остальных!

Пошли. Идем я, Шпак и Половинка.

В какой двор ни войдем, занято. Хат шесть переспросили безрезультатно. Пытались разузнать, где наш полк стоит, — никакого впечатления.

— А вон во дворе хатка, — указал Половинка, — должно быть, не занята!.. Пойдем?

Пошли.

Хата действительно не занята. Слава богу, наконец-то. Хозяйка долго спорила и говорила, что тесная хата и т.п., наконец согласилась впустить только троих.

— Нас шестеро, — заявили мы.

— Ни, ни, ни! — не впускала она в хату.

— Ну ладно, трое будет! — согласились мы.

Как хорошо, тепло. Мы сняли мокрые шинели, сапоги — и к печке. Соломы полна хата. Лежим на соломе. Ах, как приятно, как хорошо. А есть хочется страшно. Как бы это ей намекнуть?

— Тетка! — первый заговорил Половинка. — Нет ли у тебя повечерять[25]?

— Так чого ж, — подобрела хозяйка, — борщ остався. Сегодня у меня душ двадцать солдат обидало. Два раза варыла. Роздягайтесь, — добавила она, — та побыйте воши. У мене як стоялы козаки, так цилу нич былы воши, аж руки кажуть заболилы, пока всих перебыли![26]

Появился борщ, хлеб, картофель жареный. Едва только мы уселись на полу за борщ, как в окно раздался стук:

— Хозяйка, пусти переночевать!

— Нету места, — закричали мы, — видишь, и так полно!

— Ах вы ....! — раздалось со двора. — Нашли квартиру, сукины сыны, а нам и не сказали!

Это были три наших компаньона. Мы о них и забыли на радостях, что нашли квартиру.

— Проваливайте, проваливайте! — кричал Половинка, усердно мотая ложкой.

28 декабря. Спали хорошо. Встали часов в 7 и пошли искать полк. Решили, если не найдем полк, пойдем дальше к югу. Но дивизия наша здесь, очевидно, и полк здесь, через час нашли и полк. В роте идет пьянство и кутеж. Продают жителям награбленное в Ростове — мануфактуру, сахар. У артельщика целый мешок сахару. Нашли Тихого. Он отстал с одним стариком, терцем Богомоловым (нашей роты)[27].

— А я думал, вы в полку! — воскликнул Тихий, протягивая свою лапу.

С ними было ночью приключение. Он и Богомолов остановились у одного хозяина. Богомолов ночью вышел во двор по своим надобностям, двора не знал, переступил через заборчик, поскользнулся — и бултых в колодец. Колодец был без сруба. Тихий и хозяин услыхали глухой крик. Вышли на улицу. Слушали, слушали минут 10 и решили, что это кричит в конце села кто-то. Потом кинулись, терца нет. На двор, а он в колодце. Кое-как вытащили. Причем одна веревка перервалась. Шапку Богомолов потерял, утонула. Всю ночь голый он сушил у печки одежу. Хозяин дал ему рваную шапку, и в ней старик щеголяет. Тихий смеется над ним, называя его водолазом. Мы стали на квартиру 5 человек. Я, Тихий, Богомолов, Шутько (харьковский хохол из Купянска) и еще один орловский. На станции Каял стоит штаб 1-го корпуса генерала Кутепова[28], а рядом штаб Алексеевской дивизии. Мы в корпусном резерве. Говорят, в Батайске остановился фронт. Это 25 верст отсюда. Хорошо быть в резерве.

31 декабря. Каял (О.В.Д.). Отдохнули немного. Ходим на занятия. Все эти дни писал дневник. Начал с Мушкетово и вот сегодня дописал до настоящего числа. Отдали в стирку белье. Живется, в общем, ничего. Я согласен всегда стоять в корпусном резерве. Прислали обмундирование. Очень мало.

«Полторы рубашки на роту!» — смеялись солдаты, а сколько составов с обмундированием сожгли под Юзовкой и в Ростове. Получил английский смушек. Под шинель одевать тепло. Сплю на нем прямо на полу без соломы. Мягко и тепло. Расстилается во весь рост. Вчера все солдаты, которые отступали с полком от Верховья Орловской или Курской губернии, куда дошел наш полк, произведены в унтер-офицеры.

1920 год

Ст. Каял (Области Войска Донского)

1 января. Новый год провели хорошо. В роте две гармошки. Шутько играет хорошо. Тихий валяет дурака. Переодевается в дивчину[29].

2 января. Читал газеты. Генерал Деникин обращается с воззванием к кубанцам, где говорит, чтобы они вернулись на фронт и не предавали Родины, иначе он обещает с верными еще ему войсками бросить Кубань врагу и идти в Крым[30]. Спорим с дедом-хозяином. Он очень скупой. Нам выдают на руки муку, мясо, капусту, так как кухни бросили. Баба варит борщ из нашего мяса, добавляя для вкуса кое-что свое, и печет нам хлеб, вероятно «выгадывая» и

себе. Дед все это ест с нами, а когда мы утром просим у него сала изжарить картошку, он говорит, что сала нет, крестится и божится. Сегодня Богомолов произвел разведку и доложил нам, что на чердаке у деда висит мешок сала.

Сегодня Богомолов чуть не дрался с дедом из-за этого сала.

3 января. Теперь живем с дедом дружно. Он ест наш хлеб, борщ и сахар, а мы по утрам жарим его картофель на сале. Дед видит, что спорить невыгодно, а мы люди «хорошие», даром не берем.

4 января. Под Батайском идут страшные бои. Там корниловцы. Канонада не умолкает с утра и до ночи. Ранен генерал Топорков[31]. Наши укрепляют Батайск проволокой.

6 января. После иордани поднялась стрельба. Солдаты «провожали кутью». Стрелял всякий, кто имел оружие. Кое-кто из офицеров в панике седлали лошадей — думали, красные. Пьянство и разгул большой в дивизии. Однако строго запрещено стрелять. Получен приказ. Завтра идем на позицию. Сменяем корниловцев. Теперь они будут в резерве. Прощай, Каял, с грязью. С Богом на позиции. Значит, пришло время.

7 января. Сегодня днем погрузились в вагоны, я попал в наряд грузить батальонный обоз. Некоторые лошади боялись идти в вагоны. Наконец к вечеру погрузили. В нашем вагоне гремит гармошка. Пение и смех. Хочется со своими, но мне по наряду нужно быть с лошадьми. Лошади в вагоне (мясо — лед)[32]; привязали поводья к крючкам на потолке (где висело мясо). Сена полон вагон, лежим на сене. Пожалуй, здесь лучше, чем во взводе, там тесно, грязь и сесть не на что. Некоторые наши офицеры забрались к нам в вагон, здесь лучше. Эшелон наш вагонов 80. 1-й и 2-й полк Алексеевские и самурцы и 2 батареи. Обоз 2-го разряда остался в Каяле. Ночью осторожно двинулись к Батайску. Мерно стучат колеса на стыках. Вагон дрожит и плавно качает на стороны. Лошади фыркают и жмутся то в одну, то в другую сторону. Наконец попали мы на позицию, что-то нас ожидает. Все молча лежат на тюках сена. Вспыхивают папиросы. Каждый предается своим мыслям.

8 января. Ночью выгрузились в Батайске. Вот и фронт. Смотрю в сторону Ростова. Темно, хоть глаз выколи. Тишина, ни звука. Пока пошли квартирьеры. Стоим на станции. Здесь же и корниловцы, которых сменяем.

— Ну как тут? — спрашивают наши.

— А вот как рассветет — увидите! — смеются корниловцы.

— Счастливцы! — завидовали наши. — Идут в Каял! — Ночь бродили, пока нашли район, и наконец разместились. Квартира большая, стоит 8 человек. Хозяин небогатый армянин. Занимался торговлей, вернее спекуля-

цией, а в настоящее время живет на прошлое. У него дочь лет 18. Тихий думал поухаживать за ней, но получил от матери ее такое atande, что закаялся другой раз и другим поручил то же. Подмерзло. Были занятия. Вопреки ожиданию, день прошел тихо, ни одного выстрела. Не верится, что мы на позиции.

9 января. Противник в 9 часов утра обстреливал из орудий вокзал Батайска и Койсуг левей Батайска. Там 2-й Алексеевский полк. У нас спокойно. Отвечает наша 2-я батарея.

10 января. Был бой. С рассветом противник открыл огонь по Батайску. В 9 часов наблюдатель донес, что противник скопляется у нахичеванской переправы. Часов в 10 приказано быть в «боевой готовности». Снаряды с воем несутся через нашу хату и рвутся в центре села.

— Первый батальон... строиться!.. — раздалось на улице.

Роты выходили. Настроение нервное, повышенное. Пошел снег, сначала тихо, потом больше, больше. Скоро тысячи белых мотыльков закружились в воздухе. Земля стала бела.

— Четвертая рота в батальонном резерве!.. Остальные направо шагом марш! — крикнул батальонный.

Выходим в поле. Поле все белое. Здесь ветер сильнее и дует в лицо с Дона. Прошли проволочное заграждение. Идем по замерзшей пахоте. 1-я рота уходит влево к насыпи железной дороги. Наша идет прямо. 3-я вправо. 4-я еще в Батайске. Вправо шел 2-й батальон. Красных не видно, не видно и Ростова из-за снега. Прошли с версту. Уже Батайск скрылся сзади, едва чернеет резервная рота, да вправо и влево еле видны 1-я и 3-я.

Вдруг впереди показались движущиеся точки. Не более версты. Сначала слева, потом и вправо, много, много.

— Рота... Вправо по линии в цепь!..

Пошли тише. Держим равнение. Некоторые сняли с ремня винтовки. У меня сердце не на месте.

Тихий идет левее меня. Справа Шутько, дальше терец Богомолов. Шутько волнуется и оглядывается. Тихий все время отпускает анекдоты. Он косится на своего соседа слева цыгана Савку, — чудака, над которым смеется вся рота, и уже в десятый раз повторяет вполголоса анекдот о том, как одного цыгана взяли на войну, а жена его пришла к воинскому начальнику и молит: «Отпустите моего Кирилла, невже[33] без него на войни нельзя обойтись!» — хохочет Тихий, «моргая» цыгану.

Савка принужденно улыбается, но видно — он боится. Тихий тоже шутит, а сам посматривает вперед, иногда восклицая:

— Ой, ой! Да их три цепи... и вон, и вон... Эге... ребята...

— Вторая, стой! — раздается сзади голос батальонного, он на лошади. — Дай подтянуться резерву.

— Третья, правильно идти! — через минуту кричит он. — Что сбились, как бараны .... — выругался он и помчался к третьей роте.

Остановились. Снег начал стихать. Поджидаем резерв, через 5 минут двинулись опять.

«Та-та-та-та-та-та-та», — застучал слева пулемет.

«Трах-тах-тах», — поднялась слева ружейная стрельба.

Первая рота вступила в бой. У красных было заметно движение. Они рассыпались в цепь.

— Пулеметы на фланги! — кричал сзади батальонный, переносясь от одной роты к другой.

Красные уже отчетливо видны. До них шагов 800. Они идут не то цепью, не то группами, не разберешь. Прямо растянутой по фронту толпой.

— Вторая! Ложись!

Легли за бугорок. Как раз на меже, на сухой бурьян, покрытый снегом. Спустили с предохранителя. Какая-то группа всадников, человек 40, мчится со стороны красных по фронту к нашему правому флангу.

— По кавалерии... двенадцать... — пронеслось по цепи.

Протянулись руки к прицелу, нервно задвигали хомутик прицела и замерли.

— Рота-а-а! Пли!

Грянул залп, защелкали затворы.

Кто-то выстрелил еще раз. Другой, третий — и пошла беспорядочная стрельба. Пулеметы заливались справа и слева. Всадники рассыпались и начали поспешно удирать. Красные открыли огонь, над нами засвистели пули, но красные шли. Все ближе и ближе.

Наши отчаянно стреляют. Не знаю, чем я разрезал руку, вероятно, когда вставлял обойму, и не почувствовал. Красные легли. Слева отчаянный бой, и однажды раздалось «ура!», кто кричал, наши или они, не знаю. Вдруг над нами с нашей стороны провизжал снаряд и разорвался между нами и красными.

— Ребята! — радостно крикнул кто-то. — Пятая батарея бьет, полковника Думбадзе[34], сейчас красные будут драпать!

Сзади нас всё летели и летели снаряды. Они рвались то впереди, то позади цепи красных. Вдруг один ахнул прямо в гущу их пехоты. Там закопошились и приникли к земле.

«Бум, бум, буууух! бум, бум, ууух! Бум, бум!» — беспрерывно гремит 5-я батарея. А в антрактах выстрелов заливаются наши и красные пулеметы и щелкают ружья. Батарея на секунду смолкла. И вдруг залп, и четыре букета шрапнели низко остановились над цепью красных и не успели растаять, как новый залп и новых четыре букета. Уже не букеты, а ползет белый дым. Батарея открыла ураганный огонь. Красные закопошились и вдруг понеслись к Ростову, часть так и не поднялась с земли, а батарея все гвоздила и гвоздила.

Вдруг вся цепь красных начала уходить врассыпную и бегом.

— Ураааа! — раздалось справа.

— Ураааа! — подхватила наша рота и бегом понеслась вперед.

— Ура-ура!

Справа, обгоняя нас, неслась за красными конница генерала Барбовича[35].

Добежали до места, где лежали красные. Несколько убитых и раненых. Наши уже снимали с них шинели. Один был жив, но было притворился убитым. Другой раненый кричал: «Братцы, не раздевайте, я офицер!» Вдруг взвизгнул снаряд и разорвался позади нас, другой, третий. Один разорвался уже около. Кто-то застонал.

— Ура! Ура! — кричали все и неслись вперед.

— Вторая, назад! — вдруг закричало сзади несколько голосов.

Рота остановилась. «Что такое?»

— Приказано на место! — кричал прискакавший на взмыленной лошади ординарец.

Повернули кругом. Снаряды яростно рвались вокруг нас. У Батайска соединились все роты и вошли в Батайск. У нас один тяжело ранен осколком в живот. В 1-й роте 3 раненых и 1 убит. До вечера красные обстреливали Батайск.

Ночью пошли к соседу красть солому, так как у нашего хозяина нет топлива. Натопили печь докрасна и легли спать.

11 января. Пришло пополнение. Сегодня спокойно. Перед вечером красные было постреляли. Один снаряд разбил третью хату от нас. Убита вся семья. Занимались. В роте у нас человек 100. Получил ботинки — английские. Голенища от сапог отрезал и натягиваю на ботинки.

12 января. Был ночью дневальным. Ну и мороз. Нельзя выстоять полчаса, чтобы не забежать погреться. Фельдфебель передал, что завтра идем под мост в заставу на целую неделю.

13 января. Сегодня сидим под мостом в заставе. Взял с собой дневник. Мост версты полторы от Батайска в сторону Ростова. Взорван нами. Ферма упала, а по ней пустили товарные платформы, которые целою цепью висят на ферме. Это чтобы хуже было починить. Под мостом к быку, в нашу сторону сделан из бревен и досок навес, прикрыт соломой и землей. Здесь сидим мы, застава. Один взвод, другой взвод в заставе на водокачке, правее в двух верстах. В заставе железная печка и телефон. Пока печку топишь, тепло. Чуть прекратил топку — адский холод. В заставе живет кот — Буденный, неизвестно чей. Он все время спит у печки или сидит на телефонном аппарате. Топим печь докрасна. Шпал много. Ломаем разбитые вагоны. Греем чай и пьем целый день. С нами два пулемета: «Максим» и «Люис». «Люис» на дворе, а «Максим» таскаем то на двор, то внутрь, чтобы вода не замерзала[36]. Наверху дежурят 2 часовых, наблюдая в сторону противника. Перед мостом у речушки сделаны окопы и деревянные бойницы, впереди которых тянется проволочное заграждение. В заставе не особенно хорошо, так как приходится все время быть в шинели с подсумком с патронами. Спать приходится нерегулярно, то днем, то ночью. Выходишь на пост часто. В общем, жизнь скотская.

14 января. Сегодня ночью подняли тревогу. 5 человек из 1-го батальона пошли с офицером в разведку. Солдаты ушли к красным, уговаривая и офицера идти с ними. Офицер вернулся, а его солдаты ушли. Днем была орудийная перестрелка, подходил красный бронепоезд, но наши батареи его отогнали. Мороз страшный, такой зимы я еще не видал. Печь топим вовсю, хорошо еще, что красные не наступают.

15 января. В 9 часов утра показались красные у нахичеванской переправы. Началась орудийная стрельба. Сильный отряд конницы Буденного пошел на Хомутовскую. Наша конная сотня, стоявшая в хуторе Шматове (правее Батайска), отошла в Батайск, несколько колонн пехоты шли по линии железной дороги к Батайску. Очевидно, красные решили взять Батайск. Наш полк выходил на позиции. Нам приказа никакого нет — очевидно, останемся в заставе. Вся застава была наруже, наблюдаем бой. Полк уже рассыпался, началась стрельба. Тихий просился в бой. Ему не разрешили, но он сам «смылся». Бой закипел жаркий. Пули яростно свистали над мостом, уже несколько с визгом рикошетировали о бык моста. К нам подходил бронепоезд красных. Снаряды наши и его с воем несутся через мост. Начальник заставы стоит на мосту, у него бинокль, и ему отлично все видно. Он оттуда передает результаты боя.

— Наши отходят! — говорил он, очевидно волнуясь.

— Левый фланг почти бежит. Ой! Ой! Кавалерия красных уже в Койсуге. В ружье!..

Мы и так готовы. Все волнуются.

Заметно волнение всех. Слышны отдельные фразы:

— Это в районе второго полка!

— Что же наша пятая батарея полковника Думбадзе?

— А вот же она, бьет, видишь, по Дону!

— Хорошо! Бьет, а на левом фланге наши бегут!

— А тут вторая батарея.

— Да что толку. Это г...... батарея!

Второй полк слева действительно отступал. Второй полк у нас был ненадежный. Командир был неважный, полковник князь Гагарин[37]. Красные уже были на линии нашей заставы и заходили в Койсуг. То есть заставу обходили. Мы с насыпи открыли во фланг огонь. Начальник заставы у телефона. Нам приказано быть на мосту. Пулемет наш строчит ленту за лентой. Признаюсь, у меня душа ушла в пятки. Бой шел уже в Койсуге, а может быть, и в Батайске. Наш полк лежал за проволочными рогатками справа от нас и отбивался от красной пехоты. К нам подходили самурцы. Они были в дивизионном резерве. В Койсуге кипел бой. Пулеметы строчили, как будто кипит котел воды. Начальник заставы передает, что из Каяла грузятся нам на помощь корниловцы. Вдруг он радостно закричал, бросая трубку:

— Господа! Сейчас на правый фланг пошла конница Барбовича!

Настроение у всех поднялось.

— Красные отходят!

Оглянулся. Действительно, наш полк шел правильными цепями вперед. Через полчаса и из Койсуга начали отступать. Взяли пленных. К 4 часам роты вернулись в Батайск. Пришел Тихий, он отморозил в цепи палец на ноге. «Теперь не скоро двинутся, — говорили солдаты о красных, — дай очухаться им!»

Вечером пишу сегодняшнее событие и размышляю о том, где бы выдрать бумаги. Тетрадь кончается. Телефонист обещает достать. Мы с ним подружили. Он уговаривает перейти к ним в команду связи. Подумаю.

17 января. Ночью ушла к красным наша разведка. Офицер, бывший с нею, едва вырвался, тащили с собой. Выдали обмундирование. Пояс английский и подсумок. Мороз градусов 20. Орудийная перестрелка.

18 января. У нахичеванской переправы заметно скопление красных. Наша «Канэ»[38] их разогнала. Интересный случай был сегодня ночью. К нам прибежало двое офицеров из плена (концентрационного лагеря в Ростове). Они были не уверены, что в Батайске белые, так как в Ростове несколько дней циркулирует слух, что Батайск занят красными. Однако они днем высмотрели, где большевистские заставы (получив разрешение в город), а ночью двинулись. Подошли к проволочным рогаткам Батайска, ожидают оклика наших часовых — ни звука. Входят в Батайск — значит, в Батайске красные, решили они. Подходят к одной хате. В хате слышны голоса. «Солдаты», — решили они. Но кто? Постучали. Выходит баба. Они сразу ее за горло, чтобы не кричала. «Говори, кто у вас, белые или красные?» Она перепугалась,

упала на землю и прохрипела: «Белые». Однако не поверили. Вошли в хату. В хате публика без погон. Кто они, белые или красные? А те в свою очередь перепугались. Кто это явились, белые или красные? Пятиминутная пауза, и наконец все выяснилось. Смех. Беглецов отправили в штаб дивизии.

19 января. Ну и надоело же сидеть под мостом. Мороз страшный. Топим вагонами и разным барахлом. Ночью стоял часовым. Тихо.

20 января. Сегодня сообщили по телефону, что сменяют нас, но начался бой. Сильная конница пошла в обход. Выручила 5-я батарея полковника Думбадзе. К 4 часам дня все ликвидировано. Ночью прибежала разведка и доложила, что ко второму бетонному мосту подходит большевистская цепь в белых балахонах. Это близко, всего в двух верстах. Поднялась тревога. Полк приготовился к бою. Послали разведку, через час все выяснилось, на бетонном мосту бродила стая собак. По телефону поднялась руготня и смех. Адъютант отчаянно ругался. Попало начальнику разведки. Мороз 26°.

21 января. Сегодня нас сменила 5-я рота. Слава богу, 8 дней не раздевался. Сменил белье. Избавился от вшей. Ох и посплю важно. Тихий напился пьяный.

22 января. Сегодня вышли на занятия в поле, а красные открыли артиллерийский огонь. Пришлось вернуться в село. Сели вечером ужинать. «Шрапнель» — ячменная крупа с постным маслом. Только взяли ложки, вдруг «дум! дум! виуу-бах!» — разорвалось на улице против нас. Некоторые опустили ложки, разговор утих. «Чого це[39] ему вздумалось?» — удивился Тихий, первый прервавший молчание.

«Бум! Бум!» — глухо бухнуло вдали.

«Бах!» — разорвалось у нас во дворе.

— Ох!.. тикай[40], ребята, сейчас в хату ударит! — закричал Тихий и выскочил во двор. Наш отделенный кинулся под печку. Баба схватила подушку,

заголосила и забегала из одной комнаты в другую. «Бум! Бум!» — ухнуло вдали. Мы притаили дыхание, широко открыв глаза. В голове уже воображается грохот, «стены падают, сейчас конец, сейчас конец!» — думалось мне.

«Вззззз-ба-бааах!» — разорвалось рядом с хатой. Двери с шумом отворились, стекла со звоном посыпались, лампа потухла. Хата наполнилась вонючим дымом, и мы в потемках, толкая друг друга, выскочили во двор. Небо было ясно и густо усеяно звездами. Тихо. Был легкий морозец. Первое, что

бросилось в глаза, — разбитая конюшня соседа. 4 хозяйских лошади было убито, 2 обозных ранено.

23 января. Сегодня ходили в разведку. Вышли в 10 часов вечера нас 6 солдат и седьмой офицер поручик Ципко. Тихий был тоже. Предупредили часовых, вышли за проволоку и осторожно пошли, придерживаясь насыпи железной дороги. Версты две прошли спокойно, впереди темнела постройка, железнодорожная будка.

Пошли с остановками. Винтовки наготове. Подошли вплотную. Тихо. Будка без крыши разбита снарядом. Вышли вперед. Тихо — никого. Ростов в 4 верстах.

— Здесь, на будке, бывает красная застава, — сказал поручик Ципко, — может быть обождем и зацапаем их!..

— Эх и заживем! — одобрительно заговорил Тихий. — Как захватим комиссара!

Постояли около будки с полчаса. Вдруг сзади послышались осторожные шаги. Мы присели за стеной и прислушались. К будке со стороны Батайска

осторожно кралась фигура; не доходя шагов тридцать, она остановилась и замерла. Мы притаили дыхание, ожидая, что будет дальше. Фигура постояла минут десять, двинулась к нам.

— Стой! — закричал Ципко и выбежал к фигуре навстречу. Я ожидал, что начнется борьба, и подскочил к ним, но фигура испуганно произнесла:

— Та я вольный, я подводчик, товарищи!

— Какие мы товарищи! — крикнул Ципко и ударил его в морду.

Это был мужик бородатый лет сорока пяти. Мы повели его в Батайск.

Дорогой он плакал. Говорил, что уже два месяца он с лошадьми сидит в Батайске и не может выехать. Уверял нас, что он подводчик, Екатеринославской губернии, бросил лошадей и решил пробраться домой. Он просил нас отпустить его. Мне его стало жаль. Я видел, что человек говорит правду, и отпустил бы его, но Ципко был неумолим.

— Знаю вас, вольных! — говорил он. — А до большевиков попадешь, так все расскажешь, где какая батарея стоит...

Пришли в Батайск под утро.

Я и еще один сдали мужика под расписку коменданту полка.

24 января. Был аэроплан наш или чужой, стреляли по нем здорово. Мороз сильный, один солдат нашей роты отморозил нос. Приезжала английская миссия. Снимала Батайск, заставу.

25 января. Большевики обстреливали Батайск из орудий. Попали в молотилку, которая стояла в огороде соседа. Играли в карты. Тихий остался 18 раз дураком. Мороз.

26 января. На позиции тихо. Шел снег. Был дневальным ночью.

27 января. Сегодня был утром на базаре, который разогнала красная артиллерия. Видел автоброневик «Могучий», который будет действовать с нами. Действительно громадный броневик, но малоподвижный.

28 января. У нахичеванской переправы заметно скопление красных. 5-я батарея стреляет. Вышел большевистский бронепоезд. Приказано быть в боевой готовности. Пишу уже, придя с позиции, лежали за проволокой, но красные не дошли до нас за версту. Их разогнала 5-я батарея полковника Думбадзе и конница Барбовича.

30 января. Был генерал Деникин. Тихо. Мороз. Дневалил. Наши, у кого английская шинель, были на параде.

31 января. Сегодня по секрету узнал, что наши думают наступать на Ростов. Тихий мне это передал и сказал, что вызывают охотников на ночной набег и что он вызвался и меня назвал. Я его выругал, а он смеется. Дурак. Если прикажут, я всегда исполню приказание, но сам бы никогда не вызвался.

1 февраля. Мороз сегодня страшный. Выскочил на минуту во двор и скорее в хату. Хорошо еще, что красные молчат. Пишу дневник, а в хате полно гостей. Играют две гармошки. Половинка что-то заболел. Его отправляют в Каял. Сегодня прибыло пополнение. Все из Екатеринодара.

2 февраля. В Ольгинской сильная канонада. Там дроздовцы.

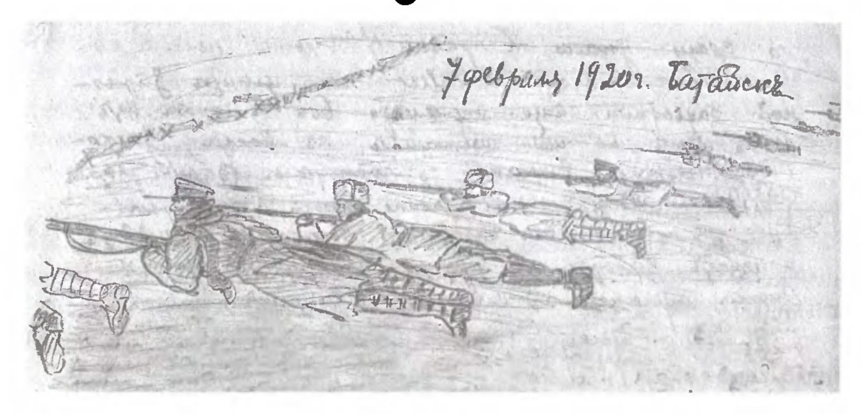
3 февраля. Был в околодке, растер ногу. Что я видел сегодня. Ужас. В околодок идут и идут все больные тифом. На ст. Батайск полно тифозных. Лежат на каменном полу, стонут, под себя испражняются. Мертвые лежат с больными. Холод адский. Вши лазят по стенам. Никто за ними не смотрит. Когда я случайно открыл дверь, раздались крики: «Воды! Пить! Холодно! Ой! ой! Добейте! Куда, куда! Спасите, вон красные!» Я выскочил из вокзала. А за станцией сложены штабеля с умершими, во всех тупиках все товарные вагоны полны умершими. Нередко из них живых только 5—6, а остальные человек 30 умершие. Кошмар. Говорят, так же дело обстоит и в Каяле и по всей линии до Екатеринодара. А из околодка отправляют прямо в вагоны — «умирай, мол!». Солдаты плачут, говорят, что они будут лечиться на свои средства

в Батайске, но их без разговора отправляют. «Сдыхай, мол! — плачут больные. — Когда здоровы, так нужен, а заболел — пропадай!»

4 февраля. Сегодня ночью на площади повесили одного солдата. Не знаю, за что.

Ночь с 6—7 февраля. Вечером нам передали по секрету приготовиться, а в 12 час. ночи построиться. Взяли побольше патронов и пошли. Дроздовцы или корниловцы шли по льду на Темерник. Мы должны бить в лоб. Наша сводная

рота шла впереди по линии железной дороги, сзади в ¼ версты шел 1-й батальон. Дорогой рассказали, что наш юный доброволец Б. Павлов, 14 лет поступивший в полк под Курском (командир полка взял его за крестника), ходил накануне в Ростов (переодевшись крестьянским мальчиком), разузнал все тайны, где батареи, штабы, сколько и какие войска, и сегодня ночью пришел в Батайск[41]. Прошли бетонный мост. Я думал, что красные знают о нашем наступлении и встретят нас около моста, но они не встретили — значит, не знают. Подходим к Заречной. У будки их застава. «Первый взвод за мной, — тихо говорит командир роты, — мы подойдем по-над насыпью и бросимся на заставу. Как только кинемся, вы бегите на подмогу!» Только он это произнес, как вдруг в темноте затрещали выстрелы. Никто не понял, откуда, что и как. «Рота в цепь!» — закричал громко командир роты. Но все толпились около насыпи и не знали, «куда и как» рассыпаться. Насыпь высокая, а сбоку кустарник и замерзшие озера. Мы сперва подумали, что бьют с заставы. Оказывается, пули летят слева. Слева затрещал мост, наша публика шарахнулась через насыпь и залегла. Начали стрелять. Но я не выпустил ни одного патрона. Я не понимал, что происходит, и на меня напало какое-то оцепенение. Я думал, мы попали в ловушку. Вдруг из заставы застучал «Максим», лихо, захлебываясь. Запели пули, щелкая о сучья деревьев.

— Кавалерия слева! — крикнул кто-то и, не дожидаясь приказа, наша «ротушка» поползла назад. Сначала тихо, потом быстрее, а потом бегом, падая в ямы и сбивая друг друга. Пулеметы отчаянно стучали. Я бежал по-над насыпью, поминутно проваливаясь в сугробы.

— Куда бежите ....! — кричал сзади хрипло командир, я остановился. Но кричавший тоже бежал.

— Стой, рота! — кричал он.

Мы остановились. К нам спешил 1-й батальон.

— Ошибка! — кричал кто-то в темноте. — На нашу роту наскочила конная разведка второго Алексеевского полка.

— За эту ошибку вешать мало ....! — кричал наш комроты.

— Батальон, в це-е-епь!

Стучали пулеметы, визжали пули. Была ругань и бестолковщина. Мы шли цепью вперед. Застава удрала, бросив пулемет. Мы у Ростова. В городе слышны пулеметы. Там корниловцы — обходят город.

— Эх, не везет! — вздыхал Тихий. — Враз бы заставу взяли. Эх вы, командиры, командиры!

Стоим в какой-то канаве, страшно ноги мерзнут, чувствую, что отморожу.

Вторая вперед пошла, красные отчаянно бьют. Три человека сразу упало. Справа 4-я рота пошла «на ура». Наша подхватила. Мы на улице Заречной захватили еще пулемет. Бой в городе. Из окон бьют, но мы спешим к вокзалу. Заскочили погреться в какой-то госпиталь. Вдруг рядом раздались выстрелы: «Красные здесь, спасайтесь!» — крикнул кто-то. Нас человек 8 выскочили во двор и через заборы на другую улицу. На улице стоит пулемет и 5 человек в серых шинелях без погон. «Пропал!» — подумал я. Но оказалось — это наши. Завязался бой с красными через двор. Красные удрали, они сами бегали, как зайцы. Я потерял свою роту и бродил по Ростову. Кое-где слышны выстрелы, но красные уже выбиты — вернее, удрали. Был на вокзале. Идет грабиловка. Захватили вагон с семьями комиссаров, два вагона с деньгами. Мыло, сахар, колбасу, табак, кожи. Наш полк стоит в Заречной. Тихий захватил 2 ящика мыла, продает по 20 рублей фунт. Захватили рыбу вяленую, колбасу.

8 февраля. Сегодня в Ростове спокойно. Красные драпанули в Гниловскую. Неужели опять мы будем наступать — не верится что-то. Живем отлично, жрем вовсю рыбу, колбасу, чай внакладку[42]. Тихий при наступлении отморозил ухо, а я приморозил палец. Слазит кожа.

9 февраля. О красных ни слуху ни духу. Мороз адский. Вечером получен приказ — оставить Ростов. Пришли опять в Батайск на старую квартиру. Что такое? Почему? Говорят, Буденный зашел нам в тыл и занял ст. Торговую.

10 февраля. Мы в дивизионном резерве, сменили нас самурцы. Перешли в другой конец Батайска дальше от позиций.

11 февраля. Красные заняли Ростов и бьют по Батайску. Самурцы отбиваются. Сегодня Тихий сообщил, что разговаривал с одним поручиком

команды связи и что есть приказ по полку всем грамотным перевестись в команду связи, а окончивших 4 класса средне-учебного заведения отправить в военное училище. Меня спросили, я сказал, что окончил начальное училище. Не хочу в военное училище. Я, Тихий, Шутько переводимся в команду связи. Будем работать с телефоном. Думаю, что будет легче.

12 февраля. Сегодня перематывали кабель. Я вечером пошел на дежурство в штаб дивизии. С первой телефонограммы понял все несложное дело телефониста. Работа хорошая, лучше, чем в роте. Сидишь в тепле. Принимаешь, передаешь телефонограммы. Правда, если линия порвется, придется бежать на мороз.

13 февраля. Были занятия с телефоном. У нас начальник команды поручик Вольдемар Александрович Кальтенберг[43], немец. Без голоса. Хрипит. А говорят, трус отчаянный. Когда были в Батайске бои, он всегда седлал лошадь, передавал команду фельдфебелю Малыхину (кубанцу), а сам удирал в Каял. Ночью, когда проснется, сейчас к телефону — 1-й батальон, 2-й, 3-й. Застава под мостом! Водокачка! Центральный: проверит все места — и спать. Спокоен. Зато все телефонисты держат трубку у уха беспрерывно. Команда на «Ѣ»[44].

Новые друзья. Борис Гильдовский[45] — москвич. Бежал из Красной армии. Служил у братьев Патэ в Москве по кинематографической части[46]. У большевиков был на агитпоезде тоже в кинематографе. За пристрастие к кокаину сослан в 13-ю армию (чуть был не расстрелян) и бежал к нам под Орлом. Страшно боится опять попасть к большевикам. Чудак большой и куплетист.

14 февраля. Опять дежурю в штабе дивизии. Я было запротестовал перед взводным: «Позавчера ведь был в наряде!» — «Слушайте, N, — умолял меня взводный, — некем заменить, вы лучший телефонист!» Это мне польстило. 3-й день служу — и уже лучший телефонист. Дежурю в штабе. Тепло. Сижу у печки. Принял штук 40 телефонограмм. В команде связи гораздо легче, чем в роте. Мороз сильный.

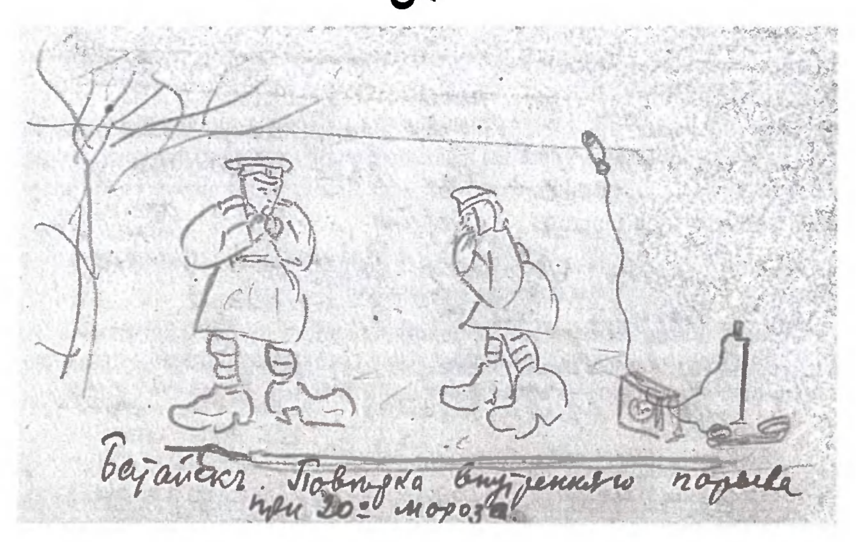
15 февраля. Отдыхал после дежурства. Почти целый день спал. Сегодня красные наступали. Стрельба была отчаянная. Но меня это не интересует.

16 февраля. Дежурю в 3-м батальоне. Назначен на неделю. Сегодня из Ольгинской целый день доносится сильная канонада, там марковцы[47]. Ночь спал плохо, т.е. почти не спал, трубку держишь у уха. Тихий дежурит во 2-м батальоне и до 12 часов ночи рассказывал анекдот по телефону про «казака Кулика» станицы Нетягайловской. Где-то играла гармошка, все слуша-

ли, в телефоне получаются красивые звуки. Кто-то передразнил «кальтенпупа» — так прозвали начальника команды, а он услыхал, наутро приглашает он всех на стакан чаю, т.е. под винтовку. Под утро задремал и заснул, а трубку держу у уха, но хорошо, что никто «не засыпал».

17 февраля. В Ольгинской сильный бой. У нас тихо. Ночью часа в два неожиданно получаю по телефону приказание от поручика Кальтенберга смотать линию до заставы на водокачке, а к нам будут мотать со стороны 2-го батальона. Значит, Батайск оставляем. По телефону передали, что на-

чинать сматывать тогда, когда получится приказ из штаба полка. Сидим. Батальон спешно собирался. Выходили на улицу. Строились. Уже штаб батальона грузит вещи на подводы, а у нас приказа все нет. Звоним в штаб полка. Ответа нет. 2-й батальон отвечает, что линия прервана и они тоже не знают, что делать. Уже брезжил рассвет, когда 2-й батальон заявил нам, что он, не дожидаясь приказа, начинает сматывать линию, так как батальоны уже выступали. Делать нечего, нужно и себе сматывать, так как батальон уже

выходит. Светает. Мы по грязи мотаем линии в заставу. С нами аппараты, катушка и винтовки.

Страшно неудобно. В поле страшная грязь. Провод саперный, тяжелый.

Прямо выбиваемся из сил. На водокачке видны какие-то фигуры. Это застава собирается уходить. Вдруг из Батайска мчится наша двуколка со взводным и конюхом-армяшкой.

— Что вы возитесь?! — кричит на нас взводный. — Долго ли будете еще возиться? Хотите, чтобы красные вас забрали?!

Мы смотрели на него, недоумевая.

— Вы знаете, — кричал он, подъезжая и соскакивая в грязь, — что в Батайске уже никого нет, и сейчас могут прийти большевики!

Мы оторопели.

— Давайте кабель!

Он взял намотанный кабель, быстро взвалил на двуколку, сел сам и, хлестнув по лошади, умчался.

— Вот тебе и раз, а мы?

— Эх! — махнул рукой Шутько. — Когда круто, так каждый бросает, а когда нужно, так давай!

Что же делать, уже рассвело, у нас еще версты 1½ несмотанного кабеля. Мотаем в Батайск. Кабель висит на деревьях через хаты. Завязан прочно. Мы потянули его, хотели оборвать. Повалили в одной хате трубу. Выскочила баба.

— Слушай! — сказал я. — Раз они нас бросили и удрали, бросим и мы этот кабель.

— Конечно, — решил Шутько.

Двинулись в Батайск.

В Батайске пусто, ни души на улице. Действительно наши ушли. Идем быстро по-над заборами, стараясь идти по льду, легче. Вспомнил, что у меня на квартире осталось грязное белье в стирке, но сворачивать туда далеко. Придется в одной смене ходить. Навстречу бежит какой-то солдат.

— Где самурцы? — спрашивает он.

— Какие? — отвечаем мы. — В Батайске никого нет!

— Как! — удивился он и помчался дальше.

Нас нагоняют кавалеристы. Они летят рысью.

— Эй! Ребята! — кричат они нам. — Куда идете, поспешите, мы последние, за нами уже красные!

У нас гайка ослабла. Куда идти? А все наше начальство и иже с ними не успели еще в два часа ночи отдать приказы о выступлении, как уже штабы позвали линию начать поспешно «мотать», а мы на позиции сидели до утра, ожидая приказа. И что же — у нас пропало версты 1½ проводу, а в Батайске почти весь висит на деревьях. Вот так паника, видно, была, весь кабель бросили.

— Идем на вокзал! — говорю я Шутьку. — Может быть, застанем поезд.

«Бууум!» — ухнуло на вокзале и глухо разорвалось в Ростове.

«Канэ» посылала прощальный привет. Бежим к железной дороге. Медленно вытягивается к Каялу громадный состав-огнесклад[48]. Мы поспешили к нему.

— Скорее, скорее!

Спотыкаемся. Хотя бы к последнему вагону. Шутько добежал и уцепился на ходу, поезд развивал ход все сильнее и сильнее.

Я прицелился и уцепился за подножку пульмановского вагона. На повороте поезд замедлил ход, я соскочил и уже влез в товарный вагон. В вагоне навалено полно ящиков со снарядами. Лежат разбитые ящики, снаряды валяются и на полу. Несколько солдат лежат на ящиках, покуривая, и беседуют. Какой-то поручик стоит у дверей, тоже курит, хотя говорит солдатам: «Поосторожнее, господа».

— Какой части? — спросил меня один солдат с винтовкой в руках.

Я назвал.

— А вы?

— Я команды связи Марковского полка!

— Вы из Ольгинской?

— Да, из Ольгинской, — сказал он и прибавил: — Вчера красные взяли Ольгинскую. Был сильный бой. Наша дивизия вся разбита. Много порубили. Наша команда залпами пробивалась, шли до ночи, а ночью я прибежал в Батайск.

— А красных много было?!

— Целый корпус конницы. Туча прямо. Они, наверно, уже отрезали нам дорогу в Каял. Иначе вы бы Батайска не бросили.

Мне уже представилось, что на наш поезд нападает конница. А у нас снаряды. Вот если пойдет потасовка. Поезд шел медленно, постукивая в такт на стыках рельс. Где-то визжал букс[49]. Батайск уже исчез, белеет поле, еще покрытое снегом. Дорога уже черная, по ней идет наша дивизия. Вот нагна-

ли самурцев. Солдаты цепляются на вагоны. Идут по грязи обозы. Вот и наш полк. Вот плетется и двуколка со взводным.

— Ага, удрал! — смеется Шутько.

Сбоку насыпи в белой папахе с винтовкой за плечами шагает Тихий.

— Эй, Тихий, сюда, сюда, в вагон! Давай руку!

Каял.

Часов в 10 прибыли в Каял. Сутолока на вокзале полная. На столбы лазят солдаты и режут телеграфные провода. Проводятся новые линии. Мы ждем наш полк. Узнали, что полк наш занимает позицию к западу от Каяла, в 5 верстах деревня Веселая Победа. Идем туда, грязь такая страшная, что мы, выйдя из Каяла в 11 часов, пришли в Веселую Победу в 5-м часу — 6 верст. Шутько бросил свой отрез — винтовку. Земля липкая, идти невозможно. Остановились у одной бабы. Угостила молоком.

— Ну сегодня поспим! — говорю я Тихому. — Ведь ночь прошлую не спали!

Вошел взводный:

— Сейчас наводить линии! Где кто в Батайске дежурил, туда и идите.

Тихому попало вести линию в штаб дивизии из Веселой Победы в Каял. «Ой, ой, ой! Когда же они ее приведут?» Пошли с Шутьком мотать опять линии в 3-й батальон. Возились часов до 12 ночи. Голодные, усталые, грязные, привели в 3-й батальон. Линию хорошо укрепили, на переездах подвесили высоко. Прочно сделали, чтобы двадцать раз не бегать. Вечером командир полка с ординарцами выезжали осматривать позицию. Едва привели линию в 3-й батальон и включились в аппарат, как вдруг из штаба полка передают: «Сматывайте обратно». Страшно обозленные, мы опять зашлепали по грязи, полезли на деревья, на заборы. Хорошо хоть, взошла луна. У меня в ботинках полно грязи, и весь в грязи. Часа в два ночи смотали до штаба полка.

Явились к фельдфебелю Малыхину.

Он не спал.

— Будите людей! — сказал он нам. — Да поживее, сейчас выступаем, сейчас с нами разговаривали красные по телефону, — добавил он, — черти уже где-то здесь рядом с нами.

Я пошел на свою квартиру и только начал будить ребят, как вдруг вблизи застучал пулемет. Все сразу вскочили. На дворе стояла отчаянная стрельба.

— Ребята! — закричал, вбегая в хату, Шутько. — Красные уже в селе, сейчас через нашу хату две пули пролетело. На улице так и свистит.

«Что делать? — думали мы. — Выходить или сидеть?» Дело в том, что на улице никого не было.

— Хозяйка, купи сумку! — предложил Гильдовский.

— А что в ней? — спросила хозяйка (она тоже встала).

— Что есть, сколько дашь!

— На семьдесят рублей!

И сумка пошла за 70 рублей, а там было белье, табак, брюки.

Стрельба утихла. Мы выскочили на улицу. Наш обоз стоял на улице. Но конюха все удрали. Между повозками на конях носились офицеры.

— Кто тут команды связи?! — хрипел поручик Кальтенберг.

— Я, я! — отозвались мы.

— Голубчики, — кричал он, — садитесь на повозки, а то обозные все удрали!

Я сел на двуколку с аппаратами, и вытянулись на улицу. Быстро несутся повозки из села. С трудом переехали плотину и выехали в поле. Ночь была темная. Луна исчезла за тучами. Повозки плетутся по грязи. Дорога чернеет под ногами лошадей, а справа и слева белеет снег. Где-то близко раздался выстрел.

«Ввиу!» — пропела пуля над головой. Близко где-то красные. На рассвете нас догнали конюха. Они во время стрельбы попрятались под скирды.

— Слушай! — говорил мой обозный-армянин. — Зачем ты сел на двуколка!

— А разве что?

— Надо было прятаться, и мы бы все было на большевик и опять бы служил на обоз.

— Так почему же ты не остался на большевик?

— А один страшно! — выругался он, влезая на ходу на двуколку.

«Ну, страшно, не страшно, — подумал я, — а я с двуколки не слезу».

Лошадь еле тащит тяжелую двуколку.

— Слушай, слезь! — говорит армянин. — Видишь, лошадь тяжело.

— А ты?!

— Я кучер!

— Слезь ты, и я слезу!

Армянин ругается. Наконец под гору лошадь совсем выбивается из сил, мотает головой, падает, я выругал армянина и спрыгнул в грязь.

Часов в 12 остановились в хуторке на ½ часа, выпросил кусок хлеба и пошли дальше.

Встретился конный. Приказано на Кущевку не идти, там большевики. Пошли вправо. А многие пошли по железной дороге на Кущевку. Грязь страшная. Переход очень тяжелый. Лошади падают. Уже много пропало, бросаем по дороге ненужные вещи. Бросаем повозки. Многие бросили по дороге винтовки.

18 февраля. Переночевали в какой-то станице Кубанской области и с рассветом двинулись дальше. Вчера прошли верст 25. Идти страшно тяжело. Я уже натер ноги. Иду, держась за повозку, и чуть не плачу, винтовку положил на повозку (хотя не разрешено ввиду плохой дороги). Со мной дневник и медный кофейник, взятый еще из дому. Белье осталось в Батайске. Офи́церы наши на лошадях. На одной двуколке едет жена офицера — сама занимает двуколку. Один солдат выбился из сил и лег на спину сбоку дороги. А на повозки не разрешают сесть. А везут Кальтенберга сундуки и прочую дрянь.

19 февраля. Сегодня проходили один хутор, обегал все хаты, нет ни куска хлеба. Хозяйка говорит, уже пятый день идут войска и каждый забегает — просит. У нас тоже ничего не дают. Страшно голодный, с Батайска почти ничего не ел.

20 февраля. Сегодня пришли в станицу Шкуринскую. Я ожидал, что казаки к нам враждебно настроены. Наоборот, накормили.

22 февраля. Сегодня сделали переход верст 30. Пришли в ст. Тимашевскую. Остановились в теплой хате, но нас выставили офицеры и переселили в другую хату, нетопленую, где лежала вся семья, больная тифом. Мокрые и одетые, мы переспали на полу ночь и на рассвете выступили. Здесь же выдали муку, напекли «пышки», как называют солдаты лепешки.

23 февраля. Под утро пошла «крупа», дул северный ветер. Подмерзло. Поднялась метель. Ветер пронизывал насквозь. Я бежал сбоку двуколки, стараясь согреться. А ветер подхватывал полы шинели, на груди и на воротнику ледяная кора, обмерз весь. Часов в 7 утра подошли к какому-то хуторку. Никого в нем не было, и хата стояла без окон и дверей. Наша команда сбилась с дороги и шла самостоятельно. Все обрадовались хате и влезли в нее. Натащили полно соломы, заложили окна снопами. Ветер все-таки свистел в окна и трубу. Затопили печь. Стало тепло, ах как хорошо. Топим и топим и лежим возле печи на горе соломы. Печь уже потрескалась, а мы все топим. Наконец закричали — хата горит. Мы выскочили — хата загорелась. Двинулись дальше. Метель была такая, что зги не видно. Сзади едва мерцал горевший хутор. Вечером пришли в станицу N. Хозяйка угостила горячими пирожками с фасолью. По две штуки. Только раздразнила. Двинулись дальше. Ночью остановились в станице N. Днем играли в снежки. Все атаковали Тихого.

25 февраля. Вышли на линию железной дороги. Очень тяжело идти. Половина команды растерялась в пути. Полк шел почти без винтовок, все с шомполами. После каждых 5 шагов останавливаешься и чистишь ноги о шомпол. Много лошадей валялось по дороге. Валялись мешки с мукой, винтовки, повозки. Лежала бочка с подсолнечным маслом. Солдаты лезут с фляжками и набирают. Разбили громадный ящик. Там оказались новые винтовки — русские — английского изделия. Все в масле. Вытаскиваем из них шомпола и идем дальше. Лежит лошадь в грязи. Слабо подымает голову, смотрит на нас и опять кладет в грязь, вот другая дохлая, брюхо раздулось, изо рта запеклась кровь. Наши повозки идут по шпалам. Одно колесо между рельсами, другое сбоку.

«Стук, стук, стук!» — прыгают колеса по шпалам.

90 верст, смотрим мы на верстовые столбы, 89, 88, 87 — куда это? К Новороссийску, что ли?

26 февраля. Сегодня показалось солнце. Настоящая весна. Идем над путями. Дорога немного накаталась. Я иду с Гильдовским по шпалам, считаем

столбы, уже 73, 72 версты. Шагаем со шпалы на шпалу. Уже видна станица Полтавская.

Вдруг справа неожиданно раздался орудийный выстрел.

«Ввииу!» — провизжал снаряд. И рядом с дорогой поднялся столб дыму. «Бах!»

«Бум!» — опять ухнуло вправо. Обозы понеслись рысью. Поручик Кальтенберг подлетел к своей повозке, вынул из сундука пару новых сапог и ускакал вперед. Дело плохо, сзади подымалась паника. За нами в версте был наш бронепоезд, он завязал перестрелку.

Впереди в трех верстах река и железнодорожный мост. Я прибавил шагу. Обозы мчались вовсю, наши повозки были далеко впереди. Нас обгоняли кавалеристы.

— Нажми, нажми! — смеялись они над нами.

— Алексеевский конный дивизион пошел назад! — пронеслось по рядам. — У красных только одно орудие!

Я, пробежав версты две, встретил Гильдовского, пошли шагом вместе.

На путях стоит тяжелый бронепоезд «Канэ» с целым составом. Я страшно устал и предложил Гильдовскому сесть на поезд. Мы забрались на площадку, груженную пшеницей. Мимо идут батареи, повозки, конница. Уже все части прошли, никого нет, а наш поезд стоит. Сидим час, другой. Решили идти пешком. Проходим мимо орудия «Канэ», оно отпустило сошники в землю и готовится к бою. Подходим к мосту. Перешли мост, нас догнал бронепоезд. Перешли реку Протоку. Мосты взорваны. Получил жалованье 80 рублей.

27 февраля. Уже весна в полном разгаре, но грязь страшная. Теперь мы идем в корпусном резерве, а за нами идут корниловцы и дроздовцы, но мы идем всегда вместе. Сильная грязь. Сегодня к вечеру пришли в ст. Новодеревянковскую, но не остановились, перешли плотину и остановились в станице Каневской. Приказано навести линии. Наводили часов до 11 ночи. Есть сильно хочется. Дежурю в штабе дивизии возле школы. Пошел искать чего-нибудь съедобного. Денег нет. С трудом у сторожихи школы выменял за свой медный кофейник кусок белого хлеба и сало. Утром выступили. Хотя ноги натерты, но идти легче. Есть тропинки. Степь сменяли болота и перелески, вдали в ясном небе видна белая цепь кавказских гор. Виден Эльбрус. Говорят, в ясную погоду виден и Арарат. Но я не видел. До гор еще, говорят, верст 100. Проходим через кустарник. Я иду сбоку двуколки. Со мной шагает обозный ставрополец.

Он сломал ветку орешника, очистил ее от листвы, говоря: «Хорошее дерево, на мундштуки, на что угодно, на!»

И он отрезал мне кусок дерева.

— Зачем?

— Возьми, придешь домой, мундштук сделаешь, у вас такого дерева ведь нет!

«Когда-то я вернусь домой!» — подумал я, пряча дерево в карман. Сбоку окапывали орудие.

28 февраля.

«Тифозная вошь»

Сегодня пришли в Староминскую. Хорошая станица, как вообще все кубанские станицы. Две церкви. Каменная новая, деревянная старая, гимназия, магазины, тротуары, даже электричество. Лучшие хаты заняло начальство. Пока мы возились с линией и пришли в команду, настал вечер. Пришли к фельдфебелю грязные, голодные.

— Где нам помещение?

— А вон! — указал он. — В конце улицы две хаты. Размещайтесь там четыре человека!

Пошли. В одной хате семья человек 15. Хозяйка умоляет не занимать хаты, говорит, дети у нее больные. Черт бы их побрал. Идем в другую хату. Пустая, холодная, и окно выбито, но печь теплая — видно, сегодня топилась. На печи тепло, а в хате холодно. Мы трое залезли на печь и растянулись на теплой печи, ругая все на свете. А Гильдовскому не было места на печи, он ходил по хате и ругался. На печке же было тепло, и мы начали дремать. Гильдовский ходил, ходил по хате и полез к нам.

— Подожмите ноги! — сказал он. — Я хоть посижу на печи!

Он сел.

— Ох! — сказал он через 5 минут. — Ну и вшу я поймал, большую на печи и, наверное, тифозную, я спрашивал хозяйку, она говорила, что тут спали тифозные...

Мы, как ужаленные, вскочили с печи и легли внизу на досках.

— А я тифу не боюсь! — сказал Гильдовский. — Два раза болел им, эх, пропадать так пропадать! — вздохнул он и растянулся на теплой печи.

Мы целую ночь дрожали на голых досках и утром рады были, что выступаем, хоть дорогой согреемся.

— А знаете что! — сказал Гильдовский утром, неохотно слезая с печи. — Ну и выспался же я на печи, а насчет тифозной вши я вчера соврал! — засмеялся он.

29 февраля

«Нищие в гостях у нищей!»

Сегодня прошли верст 20, остановились в ст. Новоминской. Пока наводили линии, настала ночь. Голодные, ищем команду. «Где квартира?» — «Вон», — указал фельдфебель. Входим. Хата на курьих ножках. Бедная старуха, и тесно. Ну спать найдем место, а вот чем бы поужинать.

— Бабка, есть ли у тебя что поесть?

— Есть, голубчики, — зашамкала она и вывалила из торбы гору кусков хлеба. — Кушайте, голубчики, сегодня напросила под церковью, люди добрые дали, ешьте!

Мы переглянулись и скривились.

Но голод был так силен, что мы с удовольствием уписывали хлеб с постным маслом, которое тоже дала старуха.

1 марта. Старо[ниже]стеблиевская. Стоим у старичков на квартире. Старик и старуха. Старик — солдат Турецкой войны[50]. Угостили чаем с абрикосовым вареньем. Старуха принесла теплой воды, мыла. Мы умылись за месяц раз. Помыли ноги. Когда старики увидали, что у меня на ногах целые язвы, принесли мягкой материи на портянки. Хорошие люди.

2 марта. Староніжевеличковская[51]. Здесь дневка. Поручик Кальтенберг обратил внимание, что я хромаю, и выдал мне старые, но большие ботинки, теперь чувствую лучше. Разрешил мне ехать на повозке. Вообще он стал к солдатам лучше относиться, наверное, потому что нас-то и осталось солдат всего человек 10 всей команды. Остальные остались. Боже мой, чего не пережили мы дорогой. От Каяла и сюда верст 200 вся дорога усеяна трупами и сдыхающими лошадьми, винтовками, ящиками, мешками с зерном и т.п.

Прошлую ночь шли по-над путями. Луна ярко сияла со звездного неба. Слева от пути было болото. Оттуда тянуло сыростью. Мы молча шли по белевшим в темноте шпалам. Вдруг передние остановились и что-то рассматривают в стороне.

— Все тифозные ведь! — говорит кто-то в толпе.

Я подошел. По-над путями лежало три человеческих трупа в английских шинелях, дальше один в белье, дальше еще двое. Глаза одного открыты. Луна освещает перекривленное ужасом лицо. Зубы оскалены, и руки протянуты вперед. Жутко! Жутко!

3 марта. Сегодня в станице N встретили двух казаков. Они бежали с фронта и жили дома.

— Куда вы идете?! — спросили они.

— В Новороссийск!

— А дальше?

— В Крым!

— До Новороссийска, брат, не дойдете! — засмеялись они. — Там вас зеленые[52] не пустят.

Перешли Кубань-реку, взорвали мосты.

Говорят, есть секретный приказ. Когда перейдем Кубань, взорвать мосты, всем раздобыть лошадей и в два дня достигнуть Новороссийска, где спешно сесть на пароходы. Не знаю, насколько это правда. Самурский полк уже весь на лошадях. Выпрягли обозных, раздобыли в станицах. Сегодня ночью Корнев украл у одной казачки еще жеребенка года два и едет на нем, жеребенок ржет и оглядывается на станицу. У этой казачки украли еще три лошади. Горы отчетливо синеют на горизонте, а до них, говорят, 70 верст.

6 марта. Пришли в Крымскую. На улицах полно войск. Все хаты заняты. На улицах толпятся обозы, батареи. Остановились у одного грека-табачника (здесь греки — табаководы). При входе нас многочисленная семья грека забилась в угол и смотрят на нас зверями. «Пообедать не удастся», — сверлила мысль в голове. Что же делать? Смотрю, на окне лежит книга. Я развернул. Греческое Евангелие. Старый грек подошел ко мне и берет из рук Евангелие.

— Ты не можешь читать по-нашему! — сказал он.

Но я не отдал ему книгу и начал читать. Грек очень удивился. А когда я перевел несколько слов по-русски, то он даже разлюбезничался и вынес мне черную кукурузную лепешку. Я ее с жадностью съел, но больше ничего не получил.

7 марта. Из Крымской Алексеевскую пехотную дивизию послали левее железной дороги на Новороссийск. На нашу дивизию возлагалось две задачи. Во-первых, нашему корпусу нужно было соединиться с донцами, которые отступали левее нас. Во-вторых, нужно было обеспечить левый фланг нашего корпуса при отступлении, так как местность эта кишела зелеными. Пошли болота и перелески. Пехота переезжала через болота на кавалерийских лошадях. Горы ясно обозначились в синеве неба, и среди них белоснежный двуглавый Эльбрус. Часа два дня. Слева от нашей колонны показались два всадника. Они приближались к нам, оба в старых пиджаках и солдатских шапках. Никаких знаков отличия. Не то наши, не то красные. Подъехали, остановились.

— Вы кто? — спрашиваем мы.

— Донцы! — отвечают они.

— Какие же вы донцы? — разочарованно спрашивает кто-то. — А где же ваши лампасы, пики, околыши красные?[53]

— Э! Полиняли все теперь! — махнул рукой старый казак.

Проходим станицу. В станице грязь невылазная. Звонят к вечерне. Звон протяжный, великопостный. Старушки, одетые в черное, медленно бредут около заборов, выбирая сухие тропинки, со свечами в руках, — это говельщицы. У меня что-то сдавило горло. Вспомнил свое село, скоро Пасха, какое время, а мы как окаянные куда-то бредем, и нет нам ни пристанища, ни убежища. Священник в шелковой, потертой рясе с серебряным крестом на груди стоял у калитки своего палисадника.

— Какая часть идет? — спросил он.

— Алексеевцы!

Я посмотрел на него. Боится ли он приближения большевиков. Но он был спокоен, как вообще спокойна была вся станица и эти старушки, пробирающиеся по-над заборами в церковь, и этот медленный великопостный благовест.

11 марта. Стоим в станице Мингрельской. Горы отсюда рукой подать, да и станица расположена уже не на равнине, а на горах. Остановились у старика и старухи. Старик герой 77-го года[54]. Угостили чаем. В станице мы наслушались много о зеленых. Они зимой несколько раз занимали станицу. Забирали скот, хлеб и уходили в горы. Однажды ночью вошли в станицу, забрали вещи офицеров, местного гарнизона и тихо ушли в горы. «Вас не тронут! — успокаивали нас жители. — Ежели вы перейдете на ихнюю сторону». Покорнейше благодарю, а дальше что? Вечером старик поставил самовар. Чай, хлеб есть, а сахару нет. Пошли к богатому соседу, выпросили груш сушеных и с грушами пили чай.

Гиреев что-то заболел и едет на повозке. Лежит у нас на полу, наверное тиф. Скоро Новороссийск, удастся ли сесть на пароход? Эта мысль меня не оставляет все время. А сейчас нужно уничтожить кое-какие документы. Я вынул целую пачку документов. Те, которые нужно уничтожить, отложил в сторону, а те, которые оставлю, в другую. Карточку тоже оставлю.

12 марта. Выступили. Дорогой полез в карман. Нет записной книжки и документов. Документы рассортировал вчера, а уничтожить не уничтожил, все так и забыл. Как это произошло, не припомню. Как в тумане. Вот глупость. Не могу успокоиться. Как это произошло? Хорошо, если старик их не

покажет красным, но, наверное, покажет. Думаю и не соображу, как все случилось. Хотя и документов особенно страшных не было. Но все же. Всходим на предгорья. Прощай, равнина. Идем по-над железнодорожным полотном. Грязь страшная. Над линией на горе красуется двухэтажная дача — имение. Забежим — может быть, хлеба достанем. Побежали. Дача пустая. Сараи тоже пустые. За домом пасека. Ульи разбиты и перевернуты. Соты валяются в грязи вместе с поломанными рамами. Пчелы бесприютные ютятся под крышками перевернутых ульев и беспомощно лазят по мокрой траве.

— Вот сволочи! — ругаются наши, проходя через пасеку. Не знаю только, кто сволочи, наши или хозяева.

Идем по шоссе. Шоссе лежит в глубине ущелья. С нами по железной дороге идет бронепоезд. Наша дивизия идет последняя. Пока мы соединялись с донцами, корниловцы и дроздовцы далеко ушли вперед. Уже вечереет. Посланы вперед квартирьеры. Где-то близко в горах есть станица. Идем, вернее бредем, грязные, усталые. Повозки с трудом переезжают через скверный мост. Перед мостом грязь по брюхо лошади.

— Подгоняй! Подгоняй! — кричат каждому обозному перед мостом. Подъезжает наша повозка.

— Но, но! Люди, помогайте!

Хватаемся за грязные спицы, утопая по колено в грязи, вытягивая из грязи двуколки.

Лошади (бедные лошади), которые прошли без отдыха по грязи, питаясь одной соломой, 300 верст, надрываясь, вытягивают перегруженные повозки. Вот идет повозка с кабелем.

— Но! но! но! Ну! ну! ну! А Господи! — Тройка лошадей была не дружная, и повозка застряла перед мостом.

— Ну помогите!

Хватаемся за колеса. Лошади дергают, не берут.

— Запряги серую в пристяжку, а гнедую в корень! — кричат с одной стороны. — Серый не везет!

Начали перепрягать. Опять нет толку.

— Чего обоз задерживаете! — кричит прискакавший к мостику командир полка. — .... переверните повозку в грязь!

— Выбрасывайте ненужные вещи! — хрипит прискакавший начальник команды; он был уже далеко впереди.

Выбрасывают с повозки подобранные дорогой хомуты, седелки, новый телеграфный аппарат в лакированном футляре, а тяжелый кабель остался. Чудаки, самое ценное выбрасывают в грязь, а кабель оставляют. Зачем во-

обще везут кабель (мучат лошадей, когда, говорят, в Новороссийске едва ли удастся всем людям погрузиться).

— Припряжите другую лошадь, а серую долой, она, видите, норовистая! — посоветовал кто-то.

Начали выпрягать серую.

«Тра-та-та-та-та-та-та-та-та!» — раздалось вдруг с горы.

«Виу-виу-виу!» — запели над нами пули.

Откуда? Что? Вся публика, скопившаяся у моста, бросилась врассыпную. Я прислонился к скале и не знал, что происходит, кто и куда бьет. Офицеры, не раз бывшие уже в переделках, опомнились первые. Сняли с ремня винтовки и вложили обоймы. Но куда стрелять? Откуда и кто бьет? А пулемет все строчит.

«Бум! Бум! Трах-трах!» — раздался орудийный выстрел и разрыв разом.

«Бум! Бум!» — опять выстрел и разом разрыв. Эхо в горах зашумело, застонало и носило разрыв минут 5. Пулемет все стучал, и слышались отдельные ружейные выстрелы.

Около меня стоял какой-то поручик и внимательно прицеливался куда-то вверх, но не стрелял. Около 20 минут длилась перестрелка и вдруг стихла.

— Пешая разведка вперед! — понеслось по ущелью.

Люди стали выходить из-за прикрытий. Мы опять подошли к повозке. Обоз был цел. Лошади стояли по брюхо в грязи, понурили головы. Они были рады, что люди их оставили в покое.

— Чья повозка застряла у моста? — ругался адъютант. — Почему ездовые бросили? Начальника под суд! — Наш Кальтенберг тут хрипел и что-то оправдывался.

Успокоились. Двинулись дальше.

Оказывается, стреляли с горы зеленые, а из орудия бил наш бронепоезд.

Уже вечерело, когда наш полк, усталый, голодный и грязный, вытягивался по шоссе на гору. Вдруг остановка. Что такое? Прискакал наш квартирьер. Станица, куда мы шли, занята зелеными. Остальных квартирьеров зеленые взяли в плен, а одного отпустили, чтобы передал нам, чтобы сдавались, иначе они встретят нас огнем.

Положение наше отчаянное. Мы в горах одни. Идем последние. Люди устали, лошади еще больше. Из-за каждого куста можно ожидать нападения, и к тому же наступает ночь, идет беспрерывный дождь, и страшная невылазная грязь. Мы мокры, голодны, грязны и усталые. Свернули с шоссе вправо, поднимаемся на поляну меж гор. Решили здесь ночевать. Обоз составили четырехугольником. Разрешено все жечь и все разбирать по рукам.

Последняя ночь. Сожжение имущества. Зеленые.

Ночь. Тихая. Морозная. Дождь перестал, тучи рассеялись, и на небосклоне высыпали мириады ясных, точно сейчас вымытых, дрожащих звездочек. Сыро, слякоть. По всей поляне горят костры. Идет сожжение имущества, все равно ведь бросать. Сжигают повозки, ящики из-под патронов, колеса и т.п. Завтра ведь Новороссийск. Удастся сесть на пароход или нет, а обоз все равно нужно бросать, ибо за нами идут другие хозяева.

— За хлебом, в хозяйственную часть! — раздается по поляне. Несут хлеб на каждого по два хлеба. Это первый раз по выходе из Батайска дали хлеб, а раньше все давали мукой или пшеницей. Хлеб черный, черствый страшно. Сидим у костров и жуем хлеб.

— Слышь, не ешь, — говорит мне Тихий, — говорят, в Новороссийске нету хлеба, да и на дорогу нужно!

— Я еще один кусок! — говорю я, а сам не могу оторваться. Не помню, когда я ел. Вчера в горах ел сырую кукурузу. Греюсь у костра, а в ногах мокро.

— Пали кабель!

Бросаем в огонь катушки. Кабель горит жарко с запахом смолы и резины, а сгорев, долго в пепле золотятся слитки проволоки. Кабель сгорел, ломай повозку. Каптенармус притащил мешок старых ботинок.

— Куда их? — спрашивает.

— В костер!

— А что с аппаратами делать? — спрашивает Шапарев Кальтенберга.

— Негодные сожгите, а трубки и целые части оставьте! — Пошли в костер аппараты.

Берем аппарат за трубки и на шнуре держим над огнем. Аппарат вспыхнул. Шнур перегорел, а трубку в карман. Аппараты горели синим огнем. Элементы — фиолетовым. Пропадай все. За негодными пошли целые аппараты; уже не спасали и трубок. Все равно завтра грузиться. Так и просидели до рассвета. Я, немного просохнув, поспал на повозке.

13 марта. Утро хорошее, весеннее. Солнце подымается из-за горы, отогревая нас и весело улыбаясь на капельках росы и прошлых дождей. Густой пар подымается из ущелий и медленно стелется по склонам не освещенной солнцем горы. Полк вытягивался на шоссе. Нас обгоняли конные донцы. Все они стремились поскорее добраться до парохода. Мерно ступают великаны верблюды, величественно держа головы, а на их горбах восседают калмычки в своих расписных костюмах с детьми на руках[55]. У нас носится слух, что зеленые сказали, если мы не сдадим оружие, то не пропустят к Новороссийску. Вышли на шоссе, идем медленно. Мерно громыхают тяжелые орудийные передки и плывут орудия, перегруженные разной кладью. Идут интендантские повозки с неприкосновенным запасом кошеров «corned beef»[56], которых никогда не давали и, вероятно, бросят либо красным, либо зеленым. Действительно — неприкосновенные. Я иду с Тихим по шоссе сбоку повозок. Настроение подавленное. Чувствуется, что сегодня роковой день. Зеленые не зря говорят. На повозке лежит больной Гиреев. Он все время стонет. Часов в 9 затрещали впереди винтовочные выстрелы и зарокотал пулемет. У зеленых — больше «Люисы».

— Офицерская рота, вперед![57] — пронеслось по шоссе.

Перестрелка стихла. Обозы спокойно движутся. Все идут спокойно. Спокойны потому, что бежать некуда. Враг со всех сторон, и самый страшный сзади. Передают новость. Зеленые выслали парламентера, наши послали подпрапорщика. Зеленые предложили, если наши не сдадут оружия, они будут драться. Наши сказали: «Мы вас не тронем, только пустите нас к Новороссийску». Выходит, не тронем, только пустите. Сзади паника, несколько верховых помчались вперед. Оглядываюсь. Идет какой-то кубанец в бурке, на хорошей лошади и кричит:

— Обоз, поворачивай назад!

— Куда назад, что такое?!

— Это зеленый, зеленый! — пронеслось по обозу.

Кубанец уже обогнал нас, и, подъехав к одной повозке, он закричал:

— Поворачивай назад!

Обозный повиновался.

— Куда назад? — закричал батальонный, подлетая на лошади. — Куда назад? — и выхватил наган.

Хлопнул выстрел.

— Не нужно нам вашего обоза! — закричал зеленый и повернул лошадь удирать.

Захлопали выстрелы из револьвера.

Один артиллерийский офицер приложился с винтовки. «Tax!» И кубанец скатился с лошади.

Обоз пошел прямо.

— Это они не простят! — сказал кто-то.

И действительно, прошли еще с полверсты и остановились. Шоссе проходило через мост, а мост осыпался градом пуль. Трещали винтовки, рокотали «Люисы». Подходим. Пули уже свистят над нами. Сбивают ветки деревьев. Чмокают о стволы деревьев, врываются с визгом в сырую землю. Обоз стоит, ибо мост осыпается градом пуль. Одна повозка рискнула было двинуться, и лошади забились в постромках. Мимо нас идет стадо коров, их гонят еще с Батайска. Худые, они бредут сами не зная куда. Повозки свернули в сторону на поляну, но сейчас же и тут засвистали пули и несколько человек застонало. Что делать? Сзади летит ординарец. «Где командир пол-

ка?» Командир полка стоял у моста, не обращая внимание на град пуль. На нем была офицерская шинель и красный башлык. Он был задумчив. Выйдет ли полк из ущелья или погибнет?..

— Господин полковник, — кричит издали ординарец, — зеленые захватили половину обозу и вашу жену!

— Офицерская рота, за мной! — бешено закричал полковник и как сумасшедший понесся в конец обоза. Обоз был отбит, но дальше не двигался. Откуда зеленые бьют — неизвестно. Горы со всех сторон, мы в ущелье. Смотрю, все бегут вправо и по балке пробираются вокруг мостика вперед. Некоторые ведут лошадей, навьюченных кладью. Поручик Д. возится у повозки с женой. Жена ехала все время на двуколке, теперь он приспосабливает на лошадь седло для жены. Жена его плачет и падает с седла, не может сидеть. Седло из мешков и без стремян. Я решил тоже пробираться по балке, ибо наши офицеры уже удрали, оставив нас на произвол судьбы.

— Тихий, идем!

Но Тихий стоял сбоку повозки, понурив голову, очевидно, он решил никуда не идти. В балке тоже свистят пули. Меня нагнал Гильдовский.

— Идем по канаве!

В глубине балки бежит шумный поток, он шумит в глубокой канаве, обросшей лозой и ивняком. В канаве сидит полно донцов-стариков.

— Станичники, куда идете? — говорят они нам. — Оставайтесь, все равно начальство уже удрало и нас бросило!

Но мы пробираемся. В канаве идти неудобно, мы вылазим наверх.

«Чах! Чах!» — зачмокали около нас пули.

Дело дрянь. Спустились опять в канаву.

Наконец вылезли на поляну. Пули визжат мимо нас. Мы, пригинаясь, бежим к ближайшей горе. Лежит какой-то донец, нога у него в крови.

— Братцы, возьмите! Не бросайте! Голубчики! — кричит он нам. Но что мы можем сделать? Подбегаем к горе и сели. Под горой пули не были опасны. Здесь сидит Калинка[58], вестовой капитана Свирщевского[59]. Он вел лошадь, нагруженную вещами капитана. Парень не бросил капитанских вещей, хотя капитан давно бросил его, удрав далеко вперед на лошади. Сидим у горы, я думаю порвать дневник, но жалко. В последнюю минуту выброшу[60]. Подходит поручик Д. с женой. Поручик ведет лошадь, на которой плачет жена его и держится за гриву лошади. Она съехала на одну сторону, а мешок из-под нее сполз на другую.

— Калинка! — взмолился поручик. — Дай кабеля сделать стремена!

— А раньше! — грубо отрезал Калинка и отвернулся.

«Вот тебе на, — подумал я, — а что, если мы приедем в Крым, ведь ты, Калинка, погиб».

Отдохнули, пошли дальше.

Стало пасмурно, накрапывает дождь.

Идти очень тяжело. Липкая глинистая грязь. Идем по тропинке, которая вьется под горой. Догнали ординарцев-алексеевцев. Они ведут своих лошадей. Лошади карабкаются по тропинке, рискуя упасть в пропасть. Саша Сохацкий ранен в ногу, шинель в крови, хромает, но ведет свою лошадь. Выглянуло солнышко, дождик прекратился. Идем по крутому склону горы. Очень круто и скользко. Хватаемся за ветки, чтобы не упасть. Лошади идут с трудом. Горы высокие, лесистые, а внизу темное ущелье. Вверху плывут облака и скрывают от нас верхушки гор. Мы идем в горах, как бы сдавленные со всех сторон, так вот они, горы! Далеко сзади слышна орудийная стрельба, эхо в горах с шумом несется по ущелью к нам, шумит, свистит в горах все. Слабо слышна ружейная и пулеметная стрельба. Там еще добивали наш полк. Говорят, наша батарея сдалась красным и начала бить по нашим. Удивительное эхо в горах, долгое, раскатистое, как будто сильный вихрь. Переходим горную речонку. Речонка — вернее, поток — быстрая и шумная. Через нее переброшено бревно, а на берегу лежит шест, нужно идти по бревну, а шестом упираться в дно. Течение такое сильное, что чуть не вырвало шеста из рук. Вода вкусная, уже есть цветы по склону горы. Сегодня во время стрельбы слыхал пение птиц. Удивительно. Стрельба утихла, а в чаще разливается хор птичек. Им нет дела до стрельбы. Природа берет свое. К вечеру опять дождь. Вышли на шоссе. Грязь страшная, липкая. Нога не вылазит. Зеленые сзади остались. Слава богу, обошли их. А сзади еле слышна орудийная стрельба да иногда доносится эхо пулемета. Последняя агония полка. Не знаю, кто там дерется, уже все здесь, там остался один обоз. Его весь бросили зеленым. Оставили консервы «corned beef» — «неприкосновенный запас». Проехал на небольшой гнедой лошадке командир полка, на нем тот же красный башлык. Калинка ведет по шоссе свою навьюченную лошадь. Вьюк сползает на одну сторону. Калинка останавливается и ежеминутно поправляет вьюк. В одном месте на высоте 1½ сажени из горы бьет сильный ключ, с шумом и грохотом бежит от горы целой рекой. Шум такой сильный, что не слышно разговора. Много по склону горы бродит брошенных лошадей, худые, еле двигают ноги, ищут траву, едва увидав человека, задирают хвосты и удирают. Одичали. Гильдовский поймал одну, она еле передвигает

ноги. Он за гриву держится и плетется, советует мне взять одну. Но куда ее брать, когда она падает от ветра. Гильдовский идет по грязи, как Дон-Кихот, ноги волочатся по земле. Я едва передвигаю ноги. Сзади все еще бухают орудия.

Шоссе поворачивает влево, свернули. Какой красивый вид. Шоссе вьется змеей вниз по над ущельем, а внизу синеет море. Глубокая бухта с молом, на берегу белеют домики — это Новороссийск. Далеко на рейде дымят пароходы — их много. Из-за туч выглянуло солнышко и зазолотило зеленеющие горы и раскинутый в беспорядке по бухте город. Наконец мы добрались до Новороссийска. Входим в город. В городе оживление, масса войск. Сухо, хорошо. Жители, почуяв что-то, вылезли из домов и насторожились. Мы идем в грязи. У меня ботинки грязные, брюки тоже, шинель вся в грязи, а внизу вместо пол болтаются лохмотья. Стыдно идти по городу. Какой-то еврей подбежал к нам.

— Хотите одеться с головы до ног? — предложил он.

Мы, конечно, изъявили согласие.

— Бегите скорее на станцию, — посоветовал жид, — там грабят интендантство!

Мы понеслись на станцию. Со станции солдаты и жители тащат тюки обмундирования, белья, кож, ботинок, мануфактуры, мыла, рому, шоколаду, муки. Пришли на вокзал. Здесь 70 тупиков и почти все забиты составами с обмундированием. Здесь солдаты раздевались догола и одевались во все новое с ног до головы, надевая по два френча, две шинели и набирая еще в руки, которое тут же бросали, беря только лучшее. Некоторые, одевшись во все новое, опять раздевались, найдя более лучшее обмундирование. Масса кожаных безрукавок. Мы оставили лошадей и пошли к вагонам. С нами был капитан Свирщевский, увидав Калинку со своими вещами, он прямо расцелóвал верного вестового. Уже многие вагоны пустые. Никак не найдем шинелей и белья. А на земле валяются горы шинелей. Старых. Среди них есть почти новые. Я выбрал одну новую, надел на себя и другую поверх с погонами подпоручика-корниловца. Взяли мы с собой тюк кожаных безрукавок, пар 50 носков. Толстую подошвенную кожу аршина в два в квадрате. Несколько пар ботинок. Тюк защитных и тюк плисовых брюк и все это грузили на лошадей. Я хотел переодеваться, вдруг над вокзалом начала рваться шрапнель. Мы вышли в город. Ищем, где стоит наш полк, вернее остатки полка. Поздно нашли. Приказано не расходиться, так как ежеминутно можно ожидать погрузки. Тихого нет. Жалко! Бедняга остался у зеленых. Тихая ве-

сенняя ночь. Человек 200 нашего полка сидят на горе в школьном дворе. Переодеваются в новое обмундирование. Меняются кто чего больше захватил. На рейде прожектор ближним лучом медленно скользит по городу, освещая и нас иногда. На вокзале горят склады патрон. Стрельба отчаянная. Я не пойму, стреляют ли это подожженные патроны или это кто-то наступает на город. Смотрю на наших — все спокойны, беседуют. Что со мной делается, я не пойму. Все переодеваются, каждый старается набрать больше вещей, а я сидел на земле, не то спал, не то ничего не пойму, где я и что творится.

— Собирайся грузиться!

Пошли по городу. Какая-то женщина, плача, раздает нам сухари, мы их жадно грызем, а хлеб, который берег на дорогу, у Тихого. Пусть ест на здоровье. Вошли в какую-то тоннель. Едва пробираемся среди забитых здесь телег и лошадей. Сбивает с ног трупный запах падали. Стоит более тысячи повозок с запряженными лошадьми. Хозяева бросили лошадей и ушли на пароход, а лошади сбились в туннели и здесь и сдыхают без воды и корма. Страшное зловоние. Неужели нельзя было бросить в городе их? Наши тоже привели сюда лошадей и, сняв вьюки, бросили их. На молу тысячи народу. Часа два пробирались к берегу. Как ярмарка: шум, гам. Стоит транспорт «Николай». Для нашей дивизии. Корниловцы и остальные части уже, говорят, погрузились. «Николай» большой пароход, у трапа вооруженные часовые и несколько офицеров. Толкотня, ругань, ужасные сцены. Под ногами какие-то тюки, чемоданы, пулеметы, винтовки. Все, что днем бралось на вокзале, здесь бросалось на пристани. А ночь — тихая, весенняя.

— Куда прешь! — кричат с трапа. — Осади, пять человек алексеевцев.

Лезем вперед, не пускают.

— Да пропустите!

— Куда?

— Да мы алексеевцы!

Нас не пускают. Гильдовский бросил свой мешок, я еще держу несколько брюк, носки на мне, две шинели и три кожаных безрукавки.

— Пять человек самурцев!

— Мы алексеевцы!

— Назад, ваша очередь прошла!

— Да как же?

— Обождите! Не толпитесь! Осади! ....

— Вы кто?

— Самурцы!..

— Осади, прошла очередь!

— Пять человек смоленцев!

Смоленцы оттесняют самурцев, и пока доберутся до трапа, их уже не пускают. Там требуется 5 человек черноморцев[61]. У трапа давка, ругань, толкотня, происходит уже час, а на пароход прошло всего человек 10.

— Что за ...., как на фронте, так мы, а в тылу — они! Где остальные пароходы, штабы все .... возят! — чуть не плакали солдаты.

— Осади!

— Пять человек алексеевцев!

Но нас уже оттеснили далеко от трапа. На пристани десятки тысяч народу, и всего грузится один пароход, где же наш флот, неужели нельзя было пригнать все свободные суда, ведь до Крыма-то не так далеко. Донцов совсем не берут на транспорт. Дослужились[62]. На трапе уже драка.

— Осади!

— Это безобразие, не драться, я раненый офицер!

— Осади, господа, я не пущу никого, если вы будете напирать! — кричал с трапа толстый полковник с браунингом в руках.

— Сволочи!

— Осади! Буду стрелять!

Раздалось несколько револьверных выстрелов, толстый полковник стоял на трапе и, вытянув руку, хладнокровно стрелял над головами толпы.

— Пропустите раненого, раненого пропустите!

Четыре человека несут на носилках раненого. Едва его внесли на трап, как 40 человек уцепились за носилки и полезли на пароход. Носилки страшно качали. Раненый стонал и бил кулаком по головам направо и налево. Публика лезет на близь стоящий грузовой автомобиль и оттуда перебирается на транспорт.

— Назад, автомобиль перевернется в море!

Одни лезут назад, другие на автомобиль. Я, видя такой кавардак, потерял всякую надежду сесть. «Пусть немного усядутся, — подумал я. — После будет свободно». А люди все лезли и лезли.

Уже светало.

— Торопить погрузку! — кричали с парохода.

А на трапе шла толкотня.

— Пять человек смоленцев!

— Осади! Куда прешь! ......

— Пять человек черноморцев!

— Да ты не черноморец, осади!

— Я раненый, пропустите!

— Осади!

— Я штаб-офицер, что за безобразие.

— Пять человек самурцев.

Вдруг один гудок. Сиплый, низкий. Публика на берегу заволновалась и кинулась к пароходу. Другой гудок, застучала машина, и пароход начал отходить. Я бросился к трапу, но было уже поздно. На берегу шла ругань.

— Не удерете же! — кричал кто-то. — Стреляй, господа!

— Сволочи, удрали и не дали места, а когда на фронте, так было нам место.

С парохода кто-то кричал:

— Алексеевцы, группируйтесь! Через пять минут придет «Виолета».

— Черта с два придет! — кричали с берега.

«Николай» был уже на средине бухты. Боевые суда дали несколько орудийных выстрелов в горы и медленно потянулись из бухты. Бухта опустела. Одна старая баржа сиротливо качалась на волнах, привязанная к берегу. Мы остались! Остался. Дошел до берега, перенеся столько лишений и невзгод, и такой конец. Дошел до моря и... остался. Я ругал все наше начальство и всех, кто были виновниками всего этого. А кто был виновник, я и не знал. А как счастливы те, что на пароходе. Наших никого не видно — очевидно, сели на пароход.

Из-за горы подымалось солнышко, и его живительные лучи уже обогрели нас. А ведь сейчас могут в город явиться большевики. Что делать? Ага! — скажут, прибежал к морю, удрать хотел. Лучше бы я остался с Тихим в горах. Хорошо он сделал, ей-богу. Я бросил свои брюки, носки, безрукавки. Срезал погоны с шинели и ходил по молу, ожидая «Виолеты», но ее не было. Значит, обманули, «Виолета» не придет. Я достал дневник и, не глядя на него, перервал на четыре части и бросил в море. Потертые листочки запрыгали на волнах, прибиваемые к гранитному молу.

А что на берегу происходило, трудно описать. Людей было больше десяти тысяч. Люди таскали вещи, шоколад, ром. Тут же и пили. Здесь же на пристани валялись брошенные при погрузке на пароход тюки с обмундированием, винтовки, пулеметы, серебряные дорогие шашки, кавказские бурки, чемоданы, седла, ящики с чем-то. Здесь же стояли танки, валялись велосипеды, аэропланы, в одном месте перепутались колесами штук 50 гаубиц, и везде стоят лошади и лошади. Есть хорошие рысаки, прямо под седлами,

хоть садись и поезжай, но очень усталые. Все топтались по этим вещам и чего-то ждали. Один фельдшер наводил панику на всех.

— Я был, — говорит он, — в городе, там уже большевики, меня комиссар допрашивал, ты, говорит, какой губернии, я говорю — Харьковской. Ну, говорит, твое счастье, что ты мой земляк, а то бы пустил тебя в расход!..

Один полковник набрал рому. Залез в вагон 2-го класса и лег спать. Один капитан сидел с сестрой милосердия на берегу. Сестра плакала: «Неужели нас бросили?»

Встретил Шутько. Чуть не плачет. Говорит, проспал погрузку. Заснул в школе и не слыхал, когда ушли, давай, говорит, держаться вместе и не разбиваться. Многие лезут на мол и смотрят в море: не идет ли пароход.

— Идет! Идет!

Настроение у всех поднялось. Тысячи человек кинулись к молу.

— Нет, нет! — кричат с мола. — Это туда пошел.

На баржу, которая привязана к берегу, налезло полно народу с вещами.

— Куда вы идете?! — смеются с берега. — Она же без капитана!

Но публика сидит. Я решил, лучше быть на берегу, потому что если красные застанут на барже, то уже не помилуют.

— Баржа тонет! — крикнул кто-то.

Публика полезла с баржи на берег, а им взамен с берега полезли на баржу. «На воде все же спокойней», — вероятно, думали они.

С города застучал пулемет, прямо по молу. Пули низко свистят и бьются о стену мола. Дело плохо. Публика приникла к земле. «Сейчас конец, — думал я, — уже в городе они». Пулемет утих. На берегу мотался какой-то донской штаб со значками и кубанцы.

— Волчата! — кричали кубанцы. — В горы! Кто желает с нами, бери лошадей, амуницию — и в горы! Все равно погибли, пойдем на Геленджик, Сочи, Сухум![63]

Я думал было сперва примкнуть к ним, но решил, что лучше остаться здесь, так как зеленые уже, вероятно, стерегут там давно дорогу. Казаки выбирают лучших лошадей и уходят.

— Смотрите, смотрите! — крикнул кто-то, указывая на горы. — Кавалерия!

Все глянули туда. С горы по тропинке спускалась к городу кавалерия. Значит, начало конца. Вдруг в бухту влетел французский миноносец. С города застучал пулемет.

Французы забегали по миноносцу и попрятались за бронированные башенки. Миноносец подошел к берегу. С города стучал пулемет, пули свис-

тали через толпу, но толпа, невзирая на это, понеслась к миноносцу. Но капитан миноносца, увидя такую толпу, замотал руками. Рядом с ним стоял русский офицер-дроздовец. Он крикнул:

— Господа! Капитан отказывается принять на борт кого бы то ни было, если будете лезть толпой.

Толпа утихла и, несмотря на пули, стала рядами. Тогда офицер крикнул:

— Садиться будут только дроздовцы!

Дроздовцы вышли вперед и начали садиться повзводно. А вся толпа около двух тысяч стояла рядами под пулями молча и ждала. Чего?

Дроздовцев было человек 80.

— Дроздовцы, дроздовцы! — кричали с миноносца, но дроздовцев на берегу уже не было.

Сели все дроздовцы. Миноносец начал отчаливать. Толпа зашумела, прося принять на миноносец, но французы замотали руками. Какой-то офицер-самурец разогнался с мола и хотел прыгнуть на миноносец, до борта было сажени 1½, и попал в воду.

— Ой, ой, ооооо! — закричал он, захлебываясь между высокой стеной мола и миноносца. Французы засуетились и вытащили его. Только его вытащили, как другой уже прыгнул прямо в воду. Французы вытащили и этого, загалдели, закричали и, осыпаемые градом пуль из города, быстро отчалили. С берега все еще стучал пулемет. Миноносец зацепил баржу с сидящими там людьми и потащил ее из бухты. Когда он выходил из бухты, какой-то человек упал с борта в воду. У нас на берегу раздалось несколько револьверных выстрелов. Два офицера застрелились. Я ругал себя за то, что не сел на баржу. Кто же предвидел такой оборот? Вот порядки. Дроздовцев взяли всех до последнего человека, взяли всех бывших пленных красноармейцев, которые в любой момент могут обратно перейти к большевикам, а на берегу оставались офицеры, полковники, донской штаб, казаки. Которые один (во всех отношениях) стоили десяти дроздовцев, бывших красноармейцев. Хотя их обвинять не за что. Организованная часть. Мы на Кубани получали вместо хлеба по два фунта немолотой пшеницы в день, а дроздовцы всегда возили с собой горы белого хлеба. Будь так организованны все части, пожалуй, не было бы такого хаоса сейчас.

Встретил на берегу помощника командира нашего полка полковника Сидоровича[64] и адъютанта 2-го батальона поручика Редькина[65]. Полковник Сидорович был грустен, а поручик Редькин волновался:

— Нет, они нас не бросят, — говорил он, — должны подать лодки, неужели они полковника бросят?

Прошло еще часа два. Уже был полдень. С города не стреляли. Толпа на пристани волновалась, но на молу было несколько сотен, остальные, очевидно, предав свою судьбу воле Божьей, расположились бивуаком около железной дороги с обозами и лошадьми. Вдруг в бухту вошел русский миноносец «Пылкий», на котором был генерал Кутепов[66]. Едва миноносец вошел в бухту, как с города застучал пулемет. С миноносца грянуло два орудийных выстрела, и пулемет утих. Говорили, видели, как разбило тот дом, откуда бил пулемет. Миноносец быстро подошел к берегу. Толпа хлынула к нему.

— Идите в порядке! — крикнул Кутепов. — Иначе не приму ни одного человека!

Толпа утихла и построилась по четыре.

— В первую очередь сядут дроздовцы! — крикнул Кутепов.

С берега завопили, что все дроздовцы уже сели до последнего солдата. Тогда Кутепов распорядился садиться остальным частям. Начали садиться. Порядок образцовый, идут молча, в затылок, не спеша, каждый мысленно молит Бога, лишь бы сесть. Вдруг Кутепов закричал:

— Стой! Садиться могут те, у кого есть оружие, винтовка, шашка или револьвер! Остальные могут остаться.

Вмиг расхватали под ногами все оружие. Я кинулся, но ничего уже не было. Но все-таки иду. Передо мной человек сто. Какой-то счастливчик схватил «Люис» и из задних рядов несется вперед.

— «Люис», «Люис», пропустите! — кричит он и несется к трапу. Его пропустили. За ним несется другой, без оружия и кричит:

— А я «Люис» второй номер!

Но этого осадили назад.

Уже остается человек 15 до трапа, и я сяду. Вдруг командир миноносца кричит:

— Довольно, довольно! — закричал он. — Миноносец перегружен!

Команда засуетилась, готовилась отчалить.

Чеченцы на трапе наставили винтовки и никого не пускают[67].

— Довольно, довольно — принимаем трап.

Передо мной три человека вскочили на миноносец.

— Куда, куда?! — схватили их чеченцы.

«Будь что будет, — решил я, — погибать все равно один раз», — и вскочил на трап. Чеченец меня чуть не заколол. В это время с берега опять затрещал пулемет.

— В кубрик, в кубрик! — закричал командир миноносца. — Очистить палубу!

Мы кинулись по лестнице в кубрик. Забрался в кубрик и не могу опомниться. Застучала машина, задрожал миноносец. Слышно, как на нем стучит «Максим» и по броне ударило несколько пуль, мы отчалили. Слава богу! Я сел на миноносец последний и, вероятно, последний в эту эвакуацию. Это было в 10 часов дня приблизительно. Я горячо возблагодарил Бога, какая-то судьба меня хранит. Сел без оружия и последний, а сел. Буду верить и впредь в свое счастье[68].

Когда спустя 20 минут нам разрешили выйти наверх из душного кубрика, Новороссийска уже не было видно. Справа от нас уплывали назад освещенные весенним солнцем темно-зеленые горы, а вокруг нас бушевало синее море, ударяя о борт миноносца пенящимся гребнем волн. Миноносец шел быстро, рассекая волну, ложась то на правый, то на левый борт. Машины работали вовсю. На борту под минными аппаратами лежали казаки, солдаты и офицеры — счастливцы, которым удалось убежать. Что-то сейчас там, в Новороссийске? За миноносцем плывут, то обгоняя его, то отставая, два громадных дельфина. Казаки смеются, бросая в воду всякую дрянь. Есть хочется страшно. Говорят, должны что-нибудь дать. Дали из запаса команды миноносца по одной галете и по ½ коробки английских консерв. Вот и все, а на кухне жарится и варится для команды обед, пахнет вкусно и жирно. Команда миноносца вся молодая, неопытная. Кто в морской форме, кто в английском френче и в матросской шапке. Генерал Кутепов сидит на мостике с командиром миноносца и, любуясь на горы, о чем-то беседует.

Часов в 11 дня миноносец стал становиться. Машины перестали работать. Миноносец сильно качало. Воды нет, говорят, машины стали, нет пресной воды. Матросы вытаскивают две помпы, опускают в море кишку.

— Я вас взял в Новороссийске, — обратился к нам генерал Кутепов, — так помогите же нам дойти до Крыма, на миноносце нет воды, помогите команде, качайте воду!

Начали качать. Качаем по очереди. Некоторые виляют и не хотят качать. Но мы следим за порядком. С голоду и усталости качать тяжело, но делать нечего. Все это для меня пустяки, когда вспомнишь, откуда я вырвался. Пока качаем воду и машина идет полным ходом, как бросили качать, машина прекращает работу и миноносец начинает трепать по волнам. Смотрю на берег: гора, лощина, на гору идет тропинка. Через полчаса опять гора, лощина, на

гору тропинка. Миноносец идет полным ходом. Часа через два смотрю, опять гора, лощина, на гору тропинка. Или это другая подобная гора, или же мы стоим на месте против одной горы. Обогнали транспорт, переполненный людьми, за транспортом привязана баржа. Злополучная баржа, которую захватил из Новороссийска французский миноносец. Баржу захлестывает водой и бросает по волнам, как ореховую скорлупу. Бедные люди — они сидят на ней, как мокрые мухи на щепке, и, вероятно, Богу молятся.

Ночь прохладная, звездная. Ветер не утихает. Лег спать под минным аппаратом, над машинным отделением. Сверху холодно, сворачиваюсь калачиком под короткою шинелью, а снизу тепло, хорошо. Железо прямо горячее. Лежу, как на печке. Пахнет керосином и машинным маслом. Сразу заснул. Сон какой-то тревожный, ежеминутно просыпаюсь.

Будто идем по горам, повозки идут быстро, я никак не могу успеть за ними. Отстаю. Красные уже недалеко. Вот-вот нагонят. Сердце у меня сжимается от ужаса, и вдруг проснулся. Слава богу, я на миноносце, в безопасности. Заснул. Опять тот же сон. Уже кавалерия нагнала. Я хочу бежать, а ноги у меня как будто отпали. «Слава богу», — подумал я, просыпаясь. Опять заснул. Проснулся я, разбуженный криками. Что такое? Тревога. Ночь прохладная, темная. Волны с шумом ударяются о борта и обдают миноносец пеной. Миноносец сильно качает. Машина не работает. Из трубы вылетает огонь. В темноте слышен голос с мостика:

— Почему не качают воду, дай воды, все наверх!

У меня такое настроение, что уже не хочется ничего делать. Я залез подальше под минные аппараты и решил: погибать так погибать. С огнем уладили. Заработала машина. Я опять уснул.

— Вставайте, вставайте! — кто-то дергал меня за ноги. Что такое?

Я встал. Ночь темная, холодная. Стучит машина. Хочется страшно пить. А воды в миноносце нет. Справа от миноносца вверху какие-то огни, они к нам приближаются. Мы подходим к громадному транспорту. Будем брать у него воду.

Миноносец сильно качает. Бросили концы и стали тихо подходить. Миноносец от волн здорово раскачивает.

— Бери шесты!

— Упирай!

Мы взяли в руки шесты. Громадные, как оглобли, по два человека на шест и упираем в борт транспорта, чтобы не разбились суда.

— Упирай! Упирай!

«Бах!» — Борты стукнулись и начали расходиться.

— Упирай! Упирай!

«Бах!» — Опять столкнулись борта и начали расходиться.

— Упирай! Упирай!

Шесты трещат и ничего не помогают. Я держу шест с одним матросом.

— За наш миноносец бояться нечего, — говорит он, — у него броня крепкая, а вот транспорт может повредить!

— Упирай! Упирай!

Борта сошлись, стукнулись и начали расходиться.

— Держи! Держи!

Наш шест скользит по борту транспорта, никак нельзя упереть.

«Ба-ах!»

Борта столкнулись и опять начали расходиться.

С транспорта на миноносец переброшена кишка, и по ней бежит пресная вода. Кишка с дырками, вода просачивается. Мы припадаем к кишке жадными губами и пьем, пьем. Ах! Какая вкусная вода, никак не могу напиться. Пью, и все мало. Сегодня ведь ел соленые консервы без хлеба с одним галетом. Несколько раз напился воды. А миноносец все бьется о транспорт. Шум от волн страшный. Я уже придумал штуку, если миноносец разобьет, то прыгну на транспорт, когда борта сойдутся, хотя у транспорта борта высоко.

— Сегодня генерал Кутепов предлагал командиру миноносца попроситься к какому-либо транспорту на буксир, — говорит мой матрос, — но наш командир сказал, что, по морским законам, если судно в исправности, то должно само дойти до ближайшего порта!

Наконец воды набрали. Слава богу, миноносец отошел от транспорта. Море стало утихать. Я еще раз с наслаждением напился воды. Вода хорошая, хотя, правда, пахнет машинным маслом. Вдали показалась масса огней. Огни приближаются. Красивая картина. Это Феодосия. Море стало спокойно. В бухте стоит эскадра. Вытянулась в одну линию. Огни над водой, и отражение в воде. Красивая картина. Я стою на борту и не могу оторваться. Уже видны и береговые огни — города. Вдруг с одного судна блеснул луч прожектора и начал скользить по городу, медленно, медленно, а затем быстро переносится в другой район. Мы уже в бухте. Миноносец наш лавирует между судами. Слышны с судов крики, стук «динамо», звяканье якорных цепей и грохот лебедок.

— Вира!

— Майна!

— Гур! Гур! Гур! Гур!

— Стоп!

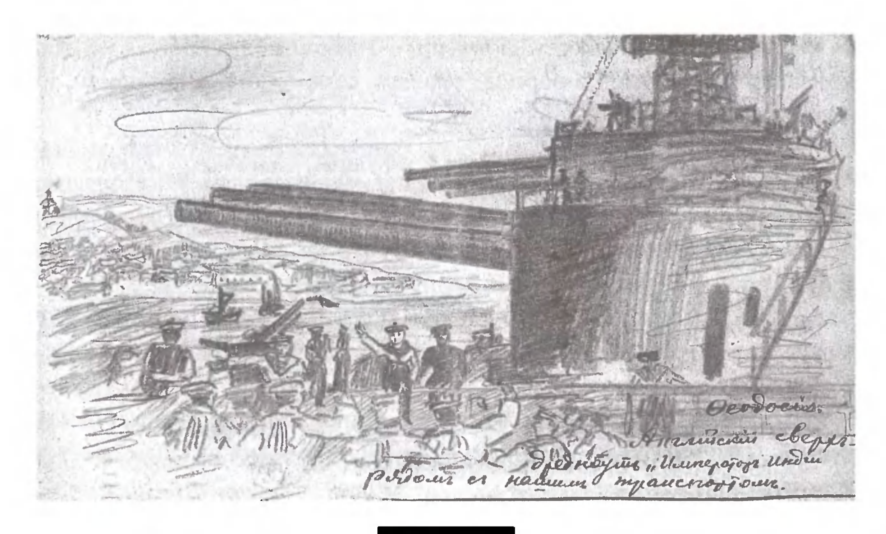
Идет спешная разгрузка судов.

Миноносец быстро пристал к берегу, прямо кормой. Слава богу! Мы приехали в Крым. Наконец-то! Вышли на берег. Хотели пойти в город, но пристань оцеплена солдатами.

— Алексеевцы, сюда! — слышен крик по улице. — Группируйтесь!

Нашел человек 15 алексеевцев. Сейчас же перешли на громадный транспорт, битком набитый народом. Забрались на 20-й этаж под самую трубу и заснули.

16 марта. Феодосия. Ночь спал хорошо. Сегодня хорошая, теплая, солнечная погода. На транспорте полно народа. Наш транспорт стоит рядом с английским сверхдредноутом «Император Индии». Дредноут громадный. Почти величайший в мире. Башни в три этажа, и в каждой башне по три орудия. Орудия необыкновенных размеров. Палуба такая громадная, что на ней занимаются несколько взводов матросов и свободно маршируют. Делается все по трубе. Заиграла труба, прекратили занятия, гуляют по палубе парочками. Через 10 минут опять труба. Все заметались со щетками и швабрами. Через четверть часа опять сигнал, щетки бросили — строятся. Матро-

сы отдельно, какая-то команда в черных куртках отдельно. Идет перекличка, вызывают по фамилии. Отвечают отрывисто:

— Йо! Йо!

Через 10 минут опять сигнал, ходят вольно. Курят. Наши замечают, что англичане прикуривают не по-нашему. У них нет привычки прикуривать друг у друга. Один прикурил, другой рядом испортил 15 спичек на ветре, наконец закурил. Рядом сосед испортил полкоробки и наконец тоже закурил. Опять сигнал. Бегут с посудой.

Наши спрашивают у англичан шоколада, они охотно продают, но просят своей валютой или золотом. Простояли на транспорте до вечера, выдали камсу и черный хлеб.

Феодосия с моря красивый город. Террасы подымаются от берега все выше и выше. Весь город в зелени, а на горе стоит какая-то часовня. Жаль все-таки, что не удалось побывать в городе. Ночью вышли в Керчь.

17 марта. Керченский пролив. Итак, наш маршрут — Керчь. Корниловцы и дроздовцы стоят в Севастополе и Симферополе, а мы в Керчи. Скоро попаду в полк. Сегодня погода скверная. Дождик моросит беспрерывно, туман густой окутал пролив, так что ничего не видно. Наш транспорт сел на мель. Настроение унылое. Противно, сыро, грязно. Руки грязные, весь грязный. За воротником что-то ползает. Когда же конец всему? Подходит буксирный пароходик «Александр». Мы пересаживаемся на него и отчаливаем к берегу. Расспрашиваем матроса о Крыме. Говорит, зимой было в Крыму восстание какого-то капитана Орлова[69] и будто бы Орлов ушел в горы, и сейчас о нем ничего не слышно. Высадились в Керчи. Капитан Свирщевский купил сала и хлеба. Угостил меня и Калинку. Мы «жрали» с волчьим аппетитом. После парохода как-то уверенно чувствуешь себя на берегу.

Полк наш стоит в 5 верстах от Керчи в деревне. Пошли туда. Дорога грязная. Слякоть.

Наконец пришли. Нашел команду. Встретили с радостью. Наши офицеры все здесь, за исключением поручика Д. Жена его, которую вез он в горах на лошади верхом, здесь, а муж не мог погрузиться — остался. Жена плачет. Гильдовский и Корнев здесь. Я стою на квартире с Васильевым, которого Тихий дразнил «пидшморгач» за то, что тот подшморгует ежеминутно ртом, у него нервное подергиванье лица.

Итак, из всей команды, которая насчитывала в Батайске более полутораста человек, целый обоз, повозок 15, с телефонным имуществом, ординарческими верховыми лошадями, осталось 4 человека солдаты. Я, Васильев,

Гильдовский и Корнев да механик Шапарев. Взводные и отделенные заблаговременно остались после Батайска. Фельдфебель Малыхин удрал в свою станицу перед кавказскими горами. Мне жаль одного Тихого. Бедняга остался в горах. Жив ли он сейчас? Как я ругаю себя за то, что уничтожил в Новороссийске дневник. Сейчас для меня те листочки, которые писались при двадцатиградусном морозе в заставе под мостом, дороже всего на свете, как память о старых товарищах. Решил во что бы то ни стало раздобыть бумаги и воспроизвести по памяти старый дневник.

18 марта. Получил кормовые деньги, 500 рублей. У Калинки взял одни брюки. Вот и все, что захватил в Новороссийске. Ходил в Керчь. Постригся. Слава богу, избавился от вшей. Переоделся. Помылся горячей водой. Керчь маленький городок. Мне понравился. Есть в нем старинные места. Гора Митридат, названная так по имени царя Митридата, который, по преданию, сидел на верхушке ее в каменном кресле, любуясь на Керченский пролив[70]. Сейчас на вершине горы стоит радио и туда никого не пускают, а у подножия горы — музей. Купил тетрадь за 200 рублей, листов в 25 неважной бумаги. Ну ничего, буду писать бисерным почерком — больше поместится. Одна половина тетради начинается с Харькова, а другая с Новороссийска и по сегодняшний день. Плохо вот помню порядок кубанских станиц. В этом помогает отчасти Васильев, у него «зверская» память. Сегодня сидел с Гильдовским на ступеньках крыльца нашего дома, и рассуждали о прошлом. Вспомнили Родину, его Москву. Он начал описывать Москву, Хитров рынок, Сухаревку. Как он там продавал кокаин. Да! Хорошо так греться на солнышке, когда знаешь, что ты сегодня спокойно разденешься и ляжешь спать и за тобой не следует по пятам конница Буденного. Нет! Здесь, за Перекопом, мы недоступны. После трехмесячного похода и боев я не могу здесь насладиться жизнью. Я доволен всем, доволен, что я спокоен, меня ничто не тревожит. Эти проклятые линии все брошены. У нас нет ни одного вершка

кабеля и ни одного аппарата. Мы свободные граждане, как все равно полк не имеет ни одной винтовки и ни одной лошади. Хотя, правда, кое-кто и привез оружие, но что это?

23 марта. Село Катерлез[71]. Все готовятся к празднику Св. Пасхи. Но мы его встретим, вероятно, плохо, хотя командир полка приказал командирам батальонов и рот сделать все, чтобы достойно встретить праздник. Нас кормят ужасно. Кухонь нет. Они брошены. Хотя у нас почти никогда в команде не было кухни. Получаем продукты из керченского интендантства: два фунта черно-красного хлеба с неперемолотыми остюками[72]. После этого хлеба у меня нёбо болит и нельзя языком коснуться — оцарапано. ½ фунта манной крупы, два свежих бычка (уже вонючих всегда, так как они до нас перейдут через 10 рук). Ложка льняного масла и 6 золотников[73] сахару. Что хочешь, то и делай со всем. Или изжарь два вонючих бычка в ложке льняного масла, а манную крупу выбрось, или свари манную крупу с бычками и влей туда ложку льняного масла. Мы решили сделать последнее. Хозяйка (жители здесь скверные, все ярые большевики) не хочет варить. «Что я, — говорит, — из-за двух бычков буду голову морочить». Варим сами компанией по два, по три человека. Бычки разварятся. Полон суп костей. Манная каша густая на воде (невкусная) и вся с костями. Денег нет, купить нечего. Пока осталось от кормовых рублей 200, покупал молоко 25 рублей полкварты[74] — бутылка. Но теперь деньги вышли. Корнев кое-что привез из Новороссийска, брюки, шинель, кожаную безрукавку, черную куртку. Все это продал одному мужику за 15 тысяч и отделился от нас. Я живу с Васильевым. Теперь мы ничего не варим. У нас уже скопилось манной крупы несколько фунтов. Едим целый день хлеб с сахаром. Иногда дают камсу. Тогда едим еще камсу и дуем воду после нее.

29 марта[75]. Светлое Христово воскресенье. Хорошо, что перед Пасхой выдали по два фунта белого хлеба, по три яйца и по ¼ фунта мяса (баранины). Хлеб я чуть не съел вчера весь. Я с Васильевым перешли на другую квартиру. Муж с женой и ребенок. Бедные, но люди хорошие. Они испекли две пасхи. Разговелись вместе. Хозяйка завтра сварит борщ с нашим мясом. Вот тогда поедим во славу. Лежим на соломе и греемся на весеннем солнышке. Болтали, болтали, пока не заснули.

30 марта[76]. Получили жалованье. Получил 300 рублей. Пока хозяйка наша варит борщ, Васильев советует сходить на другую улицу. Там, он говорит, у одной бабы брынза свежая продается. Пошли. Хозяйка говорит, что брынза еще не готова. Просит обождать. Делать нечего. Ждем. Прождали

около часу. Наконец хозяйка вынесла брынзы, закусили, пошли обедать. Солнце уже склонялось к закату, нужно поторопиться, чтобы не заставить хозяйку ждать с борщом. На улице творится что-то непонятное. Мечутся наши ординарцы, спешно выгоняют куда-то подводы. Берут для себя лошадей. Уже некоторые носятся по улице верхом на крестьянских лошадях. Что такое? Роты выходят на улицу. Строятся. Мы поспешили в команду. Пустились бегом. Здесь тоже тревога.

— Где вы бродите! — набросился на нас поручик Лебедев[77]. — Быстро получайте винтовки и патроны!

Откуда-то принесли кучу патрон и новых винтовок. Получил английскую одиннадцатизарядную винтовку, которую вижу в первый раз. Тяжелая, каналья, — тесак короткий, вроде ножа. Патрон дают на каждого по две цинки[78]. Набил полные карманы, а одну цинку решил нести в руках. Я стою как обалдуй, ничего не понимая. Да и никто не понимает, в чем дело. Все суетятся, нервят. А что случилось? Никто ничего не знает. Капитан Свирщевский с Калинкой с утра ушел в город и ничего, очевидно, и не подозревает. Наконец полк выстроился на улице. Нам, четырем солдатам, поручику Лебедеву и Аболишникову, приказано пристроиться к офицерской роте и состоять в ее рядах. Вышел командир полка. Он, как всегда, спокоен.

— Вещи все оставить на квартирах! — сказал он. — При вещах оставить людей. Хозяйственная часть, канцелярия полка, околодок и комендантская команда останутся здесь! Остальные пойдут со мной!

У меня винтовка, полные карманы патрон, в руках еще цинка и в боковом кармане куртки тетрадь нового дневника.

Уже стемнело, когда мы вышли из Катерлеса и пошли на Керчь. Наш Алексеевский полк был человек 150. Офицерская рота, и я в ней, сзади шагах в 20 шла солдатская рота, за которой ехала повозка с патронами. За нами шел Самурский полк, тоже человек 150. Входим в Керчь. По дороге Гильдовский мне по секрету сказал, что он слыхал, будто большевики высадились где-то близко и мы-де идем занимать Керченскую крепость, где будем отбиваться.

Черт его знает, ничего не поймешь. В городе ярко горит электричество. В сквере гремит оркестр, публика гуляет. Проходим Воронцовскую улицу. Мы запели «Уверлей»[79], самурцы «Бородино»[80]. Мы «Пошли девки на работу»[81]. Мешаем петь друг другу. Шум, гам. Публика в удивлении смотрит, куда мы идем ночью.

— Прекратить пение! – кричит адъютант. Выходим к морю. Вот и ворота крепости. Вошли, повозки въехали за нами. Часовые, стоявшие на воротах, заперли за нами ворота. Куда же мы идем? Неужели отбиваться будем в самом деле? Идем по железнодорожному полотну. Вот и пристань.

— Стой! Осторожней! Смотри под ноги! Переходи по трапу! Не спи! Упадешь в воду.

Машинально, ничего не понимая, я перешел на баржу, помню, на берегу солдаты что-то сбивали из бревен. Нашей роте отвели место между какими-то перегородками. Баржа большая, железная. Внизу трюм. Деревянная лестница, а вверху голая палуба. Ничего не понимая, куда я попал, для чего, зачем, я свалился на солому и сразу заснул. Одна мысль меня только и угнетала, что я не поел борща. Так долго ждал и не поел. Проснулся. Разбудили. Что такое? Сначала не понял, в чем дело. В барже мерцают огарки свечек. В темноте бродят какие-то люди с мешками, путаются между ногами спящих.

— Получай продукты!

Тьфу ты черт! Нашли же время раздавать продукты. Дали по два хлеба на человека, черствых черно-красных, по два фунта манной крупы, по одному фунту сахару. Я отказывался от крупы, так как некуда брать. Но мне дали насильно, так как не хотят возиться с ней. Пришлось выбросить из кармана патроны и наполнить их манной крупой. Получил кусок мыла, ¼ фунта табаку, 5 коробок спичек. На 4 человека дали бочонок хороших жирных селедок. Я лежу на дне баржи, возле меня лежат продукты, куча патронов и винтовка, из карманов сыплется крупа и рассыпается по полу. Ну и порядки. Когда стояли в Катерлезе, ни разу не дали мыла, а здесь выдали, и, наверно, его бросим, так как некуда брать. Заснул как убитый. Проснулся от сильных толчков и шума. Все храпят, стало прохладно. Я влезаю под короткую шинель и хочу заснуть, не могу. Баржу сильно качает. Волны с шумом и стоном бьются о борта ее. Чувствую, что мы идем. Значит, мы куда-то едем. В трюме мерцает фонарь. Что делается наверху? Спотыкаясь через ноги спящих, я пробрался к лестнице. Вверху в люке показались звезды. Вылез наверх. Сильный холодный ветер сразу охватил меня холодом. Ночь была темная. Кругом баржи бушевали волны, спереди мерцал огонек, то взлетая, то глубоко погружаясь в воду, — это катер, который тащит нашу баржу. На палубе баржи мечутся два матроса и укрепляют буксирный канат. Баржу так сильно швыряет, что невозможно держаться на ногах. Кругом не видно ни огонька. Значит, мы в открытом море. Холодно, лезу вниз, хочу заснуть, не могу. Баржу сильно качает. И в такт качки слышится:

«Бум! Бум!» — как будто бы разрыв снаряда.

«Бум! Бум!» — гудит железо баржи.

Наши тоже просыпаются, спать невозможно.

— Канат оборвался! — несется крик сверху.

— Закрепи кормовой!

«Ну, видно, пришла моя смерть, — подумал я, — не погиб в Новороссийске, так здесь погибну в волнах». Я уже наметил доску, крышку с люка, в случае чего — прямо на эту доску, и поплыву.

— Руби носовой! — несется с борта.

— Есть!

«Бум! Бум!»

Что это такое бьется? Разглядел. В углу стоит баран. Кто его везет, не знаю. Он уперся лбом в железную стенку. Баржу качнет вперед, он откидывается назад. Баржу качнет назад, а он подается вперед — и лбом «бум!» в железную стену баржи. Звук такой, будто снаряд разрывается, и так несколько часов подряд. Волны перекидает через баржу и обдает нас водяной пылью. Снизу под нами булькает пресная вода в резервуаре и просачивается через пол. Уже невозможно лежать, целая лужа. Вылазим наверх. Наверху адский холод. Нашу баржу несколько раз отрывало от катера, катер пыхтит, гудит и кружится возле нас, сам ныряя под волны. Никогда еще я не испытывал такого страха, как в эту ночь. А вдобавок еще холодно. Действительно права пословица: кто на море не бывал, тот и Бога не видал! А тут еще ночь усугубляла страх. Утро 31 марта[82] настало солнечное, теплое, но ветер не унимался. Баржу качало вовсю. Она плавно то вздымалась на волне, то опускалась вниз. Оказывается, мы идем в десант. Будем высаживаться, как говорят, около Таганрога или Мариуполя. Это хорошо, все же мне домой ближе. Нас тащит колесный катерок «Меатида». На нем человек 5 команды, да на нашей барже человека 4. Все молодые и неопытные. Идет нас, алексеевцев, человек 150, да самурцев человек 150, да человек 20 юнкеров Корниловского военного училища[83]. Итого, если наберется человек 350, то хорошо. У нас винтовки и несколько легких пулеметов, где-то, говорят, еще идет корниловская полубатарея и начальник нашей бригады полковник Звягин[84].

Утром я совсем успокоился. Лежу на грязном полу трюма. Солнце через люк пыльным столбом светит на дно баржи, колеблясь от качки, освещая то железную рельсу-стойку, то сбитую ногами деревянную лестницу. Я с Гильдовским едим селедки. Селедок целый бочонок. Едим только жирную спинку, а остальное выбрасываем. Вылазим наверх. Наша «Меатида» пыхтит,

ныряя в волнах. Солдаты и офицеры лежат на палубе, греясь на солнышке, и курят, все курят. Ведь табаку много.

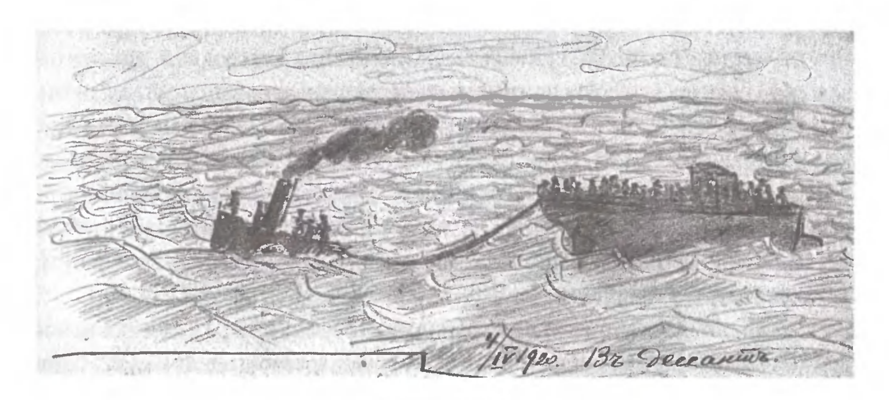
Я лег с Гильдовским на деревянных сходнях и закурил. Куда-то мы попадем? Покурили, попили хорошей воды. Воды много. И опять принялись за селедки. В полдень «Меатида» свернула в сторону, или ветер повернулся. То ветер дул в лоб, а теперь дует справа. Баржу стало относить в сторону, и «Меатида» ничего не могла сделать. Решила тащить на буксире сбоку. Укрепили двумя концами и с носа, и с кормы. Едва корму укрепят, на носу лопнет канат, нос укрепят, на корме лопнет. Один раз на носу лопнул, баржу повернуло кормой к «Меатиде».

— Руби! Руби! — завопил в рупор капитан «Меатиды».

Начали резать канат, его заело, не перережут. Рубили шашками, ножами. Наконец перерезали. «Меатида» кружится вокруг баржи и ничего не может сделать. Часов в 12 дня стали показываться на горизонте дымки пароходов, их много. У большевиков есть тоже суда, например ледокол № 4. Боятся, как бы это были не они. Капитан «Меатиды» смотрит в трубу. Нет, это наши. Наша охрана, английские миноносцы, ледоколы № 2 и «Страж». Часам к двум эскадра сблизилась. Невдалеке от нас идет пароход, на котором едет полковник Звягин и полубатарея корниловцев. Приблизительно в это время показалась земля. Сердце у всех тревожно забилось. Настроение повышенное. Что за земля и есть ли там большевики? Пока видна одна полоска песку. Некоторые смотрят в бинокли, несутся со всех сторон возгласы:

— Смотрите, смотрите, вон село!

— Да, да, село!

— А вон, кажется, автомобиль!

— Где?

— Вон, под горой, правей села!

— Да то дерево!

— Какое дерево? Движется...

— Нет, то всадник...

— Какой всадник, то подвода!..

У каждого сердце тревожно сжимается. «Сейчас! Сейчас!» — стучит в голове у каждого. Может быть, через какие-нибудь полчаса многие из здесь стоящих перейдут в лучший мир.

Берег все виднее и виднее. Капитан «Меатиды» не отрывает глаз от трубы, он изучает берег. К нам подходит небольшой пароход. На борту его стоит полковник Звягин. Наши все вылезли из трюма и толпятся наверху.

— Смирноооо! — раздалась команда.

— Командир Алексеевского полка! — крикнул с парохода полковник Звягин. — Сейчас я подам лодки, на них сядут юнкера и высадятся на берег; затем подойдет ваша баржа и будут высаживаться алексеевцы, юнкера же рассыпятся в цепь в полуверсте от берега. После выгрузки алексеевцев будут выгружаться самурцы. Если с берега будет оказано сильное сопротивление, то обратно на баржу будут погружаться самурцы, а алексеевцы будут сдерживать противника, затем сядут алексеевцы, а юнкера будут держать берег, пока отойдет баржа, затем сядут юнкера в лодки!

Пароход отошел. Ну, вероятно, будет горячее дело. Алексеевцев, конечно, вперед. Берег уже хорошо виден простым глазом, видно какое-то село. Около села пасутся лошади. Волны очень сильны и перебрасываются даже через баржу. К нам с парохода подходит 6 лодок. Юнкера быстро уселись на них по 4 человека. Лодки идут к берегу. Они прыгают по волнам, как ореховая скорлупа, то взлетают на гребни волн, то проваливаются между ними. Мы боимся, как бы они не разбились друг о дружку. Юнкера сидят наготове с винтовками в руках. Наша баржа стоит в 200 саженях от берега. Все, затаив дыхание, не отрывают глаз от 6 лодок. Мы ждем — вот-вот грянет первый выстрел. Да, на нашей барже надпись «Дредноут № 2». С таким именем эта баржа в 1918 году высаживала десант красногвардейцев под Таганрогом, у баржи даже будка бронирована.

Вот первая лодка прыгнула и ударилась о берег. Четыре человека мгновенно выскочили на берег и с винтовками наперевес пошли к селу. Село

в полуверсте. Вот другая и третья подошли. Через 15 минут уже цепь в 25 человек ложилась у села. Едва только выгрузилась последняя лодка, как из села вылетело несколько всадников и помчались по дороге куда-то вдаль.

«Меатида» разогнала баржу полным ходом и застопорила машину, оборвав канат. Наша баржа по инерции понеслась вперед и ткнулась в песок саженях в 6 от берега. «Меатида» повернула и ушла в море.

Хорошо, что ветер с моря. Баржу нашу почти заливает водой, волны ударяют о борт и, пенясь, с ревом отбегают назад, и с новой силой ударяются, и снова отбегают.

— Спускай сходни! — раздалась команда.

У нас на барже сделано двое сходен. По два громадных бревна, и поперек их прибиты дощечки. Одни сходни спустили. Баржу сильно качнуло, борт поднялся, и сходни упали в воду. Борт баржи от воды сажени полторы. Сходни не поднять.

— Спускай вторые! — кричит командир полка.

Осторожно спустили вторые, укрепили их канатом за баржу. Ординарцы придерживают их еще руками. Начали выгружаться.

— Набирайте побольше патрон! — кричит командир полка. — Кто жалеет обувь, может снять!

Он прямо в сапогах спустился по сходням и побежал по колено в воде к берегу. Я снял ботинки, так как все равно придется снимать после высадки. Вода холодная. Брюки замочил. Набежавшая волна обдала меня водой до пояса. Вылез на песок. Одел ботинки. В ботинках полно песку. В карманах мокрая крупа. Спички размокли, табак раскис. В полуверсте слева видно село. Невдалеке от нас у села мальчишки пасут лошадей. Наши поймали двух мальчишек, чтобы узнать, есть ли в селе большевики. Едет по берегу какая-то подвода. Мы подошли и окружили ее. Какой-то мужик везет бычки.

— Какая это деревня? — спрашиваем.

— Кирилловка!

— Какой губернии?

— Таврической!

— А какой город близко?

— Геническ 60 верст! — указал мужик рукой на запад.

Теперь только я сообразил, где мы высадились. Приблизительно на середине между Геническом и Бердянском. Мы все еще вертимся на берегу, ждем, когда все выгрузятся. Невдалеке стоит пароход. Он не может близко

Высадка десанта у дер. Кирилловки.

подойти к берегу и выгружает на катер орудия корниловской полубатареи. Там два орудия с упряжкой.

Солнце ярко светит, но ветер с моря холодный и сильный.

— Идемте в деревню! — крикнул нам поручик Лебедев. — Пока наших там нет, достанем пожрать!

Я с Гильдовским пошел, хотя черт его знает, может быть, в деревне засели красные; но неудобно было отказываться. Мы пошли. Входим в деревню.

Мужики и бабы удивленно смотрят на нас. Откуда, мол, и кто вы?

— Христос воскресе! — говорим.

— Воистину воскресе! — отвечают.

Молчание.

— Так цэ вы кадеты?![85] — через минуту спрашивает один старик.

— Да! А что, у вас были большевики?

— Та було пять чоловик![86]

— А где же они?

— Ускакали! Увидали сегодня, что идут пароходы — хвалятся — это наш флот — ни, думаю, не похоже на ваш флот, — качает головой старик, — бо шото вин не так идэ[87]. А как начали подходить к берегу лодки, они хотели стрелять, да мы их просили не открывать стрельбы — они и ускакали!

Жаль, значит, сообщат вовремя кому следует. Зашли в хату.

На столе пасха, яйца крашеные. Хозяйка дала хорошего борщу с курятиной. Затем молочной лапши. Это по-украински, не то что крымские хамы, последний рубль у тебя норовят отнять.

— Откуда вы взялись?! — спрашивает удивленный хозяин.

— Из Крыма!

— Разве Крым ваш, а большевики тут на митинге кричали, что кадетов они потопили в море!

Пошли в другую хату. Там баба угостила яичницей. Наелся — больше некуда.

Полк уже в деревне. Размещается по хатам. Баржа уже стоит на берегу пустая, из нее тянут в деревню какие-то телефонисты — вероятно, штаба бригады — провод. С баржи сигнализируют флажками в море. Далеко на горизонте, еле видно, дымят военные суда. Одно орудие с трудом спустили в воду, а другое и лошадей не смогли. Решили действовать с одним. Лошадей возьмем у крестьян. Орудие новенькое, английское, горит на солнце.

Итак, наш отряд человек 400, штук 9 «Люисов»-пулеметов, повозка патрон и одно орудие, лошадей ни одной. Слава богу, что благополучно высадились. Ординарцы мечутся по дворам и выгоняют лошадей. Уже все они верхом, на хороших лошадях. Достали к орудию 6 лошадей. Есть и повозка под патроны. Корнев и Гильдовский купили у хозяйки штук 50 яиц и делают в большой кастрюле гоголь-моголь. Обожрутся, черти. Здесь страшная дешевизна. Кувшин молока 30—35 рублей. А в Крыму, когда мы выезжали, бутыл-

ка стоила 90 рублей. Нет здесь совсем табаку и спичек. Спички у меня подмочены. Я отдал их хозяйке, 6 коробок. Она благодарит с поклонами. Едим так, как давно не ели. В Крыму и не мечтали о такой еде. Целый день яичница, сметана, молоко, масло. Настал вечер.

Трубач заиграл сбор.

Выходим строиться. Темнеет. Ночь наступает прохладная, но тихая, звездная. Выступили из села. Алексеевцы впереди, самурцы сзади. Офицерская рота идет в авангарде. Идем. Тихо. Запрещено курить и громко разговаривать. Идем каким-то ущельем. Справа море, слева утес, по верхушке которого идет дозор, то обгоняя, то отставая от нас. Он все время перекликается с нами. Ну если красные где-либо поджидают нас, то нам в ущелье будет невесело. Да и отступать некуда. Дорога песчаная. Страшно тяжелая. Лошади еле вытягивают патронную повозку. Баржа, говорят, осталась одна, а флот ушел в море. Прошли верст 8, сделали привал. Сзади шум. Подъезжает орудие на крестьянских лошадях. Лошади еле вытаскивают из песка тяжелые колеса. Пошли дальше. Вышли в чистое поле. Дорогу пересекает небольшой лесок. Остановились. Послали разведку. Никого. Двинулись дальше. Часов в 11 ночи подошли к селу Демидовка. Наша рота пошла в село, а остальные остались на выгоне. Идем медленно, с остановками. Вот-вот из-за заборов застучит пулемет, но нет. Тихо. Уже весь отряд в колонне движется по сонной улице села. К нам подбежал поручик Аболишников.

— Идемте на почту! — сказал он. — Там, вероятно, есть телефон, мы поговорим с красными, узнаем кое-что!

Я, поручик, Корнев и Гильдовский обогнали отряд и бегом понеслись по улице вперед.

Поручик Аболишников мне не нравился: говорили, что он просто фельдфебель. Он перебежал к нам от красных и назвался прапорщиком. Он был очень груб и нахален. Дорогой поручик шепнул нам:

— Сейчас зажмем, ребята, не журись[88]!

Корнев звонко засмеялся и полетел стрелой. Выходим на площадь. Вон телефонный столб. Подходим: «Демидовское почтовое отделение». Стучим в дверь. Выходит заспанный почтмейстер. Увидев нас с винтовками и ночью, он перепугался.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — дрожащим голосом ответил он.

— У вас телефон есть?!

— Нет, товарищи!

— Как нет, а вот же столб!

— Это, товарищи, еще ставится телефон, провода нет!..

Молчание.

Видно, поручик не ожидал такого оборота дела и замялся.

— Жалко, — сказал он, — ну прощайте, только не называйте нас товарищами, мы не любим этого слова! — усмехнулся он.

— Так это вы, господа, — залебезил почтмейстер, — которые из Крыма приехали, у нас сегодня говорили о вас!

Подходит наша рота.

— Идемте в волость! — сказал поручик. — Где у вас волость? — спросил он почтмейстера. Тот указал. Мы простились и понеслись к волости.

Волость стояла против церкви. Большое здание вроде школы. Входим, темные сени и несколько дверей. Пока мы размышляли, какую же дверь открыть, одна из них открылась, и из нее вышел мужчина лет 35 в сапогах и защитной гимнастерке. Поручик направил на него наган:

— Стой! Руки вверх! — Он повиновался.

Корнев пошарил у него в карманах и за голенищами, но ничего не нашел.

— Ты кто такой? — спросил поручик, не опуская нагана.

— Я милиционер!

— Врешь! Ты коммунист!

— Нет, милиционер!

Долго поручик грозил ему и наконец отпустил. Выходит старик.

— Ты кто?!

— Сторож!

— Врешь!

Обыскали. Ничего нет.

— Давай сюда свет. Почему свету нет?

Сторож принес вонючую лампу с закопченным стеклом.

— Есть касса у вас? — спросил поручик старика.

— Есть!

— А денег много в ней?

— Да есть! — замялся старик. — Сиротский капитал!

— Вы! — указал на меня поручик. — Стойте на крыльце. Если услышите что-то подозрительное или же наши будут подходить, сообщите нам!

Он взял Корнева и Гильдовского, и пошли к кассе. Я вышел на крыльцо. Ночь была звездная, весенняя. Было тихо и прохладно. Я снял с ремня винтовку, облокотился на двери и стал ждать, что будет дальше. Обстановка

складывалась неважная. Наши были где-то в другом конце села. Неизвестно, есть ли здесь красные. Если сейчас на волость налетят красные, то они расправятся с нами не только как с белыми, но еще и как с бандитами. Но если и наши подойдут и узнают все, то тоже по головке не погладят за это.

— Чтоооо! — слышалось из волости. — Ключи, говорю, где?!

Через минуту оттуда понесся стук. Ключа от кассы в волости не было. Поручик нашел в волости испорченную винтовку и хотел ею разбить несгораемый шкап.

Я уже стою около получаса. Начал мерзнуть. Мне была противна вся эта история. Это грабеж, из-за которого мы откатились от Орла. Вдали по улице быстро неслась какая-то подвода. Я решил воспользоваться этим случаем, чтобы прекратить грабеж. Я вошел в волость. Поручик и его «коллеги» возились около стального шкапа. Я доложил, что приближается подвода.

— Ладно! — озлобленно ответил поручик. — Не удалось, ну и ладно: давайте возьмем хоть газет!

Он открыл деревянный шкап и вытащил охапку бумаг и газет.

Мы набрали за пазуху книг, газет и в руки тоже и вышли на улицу. Наши пришли уже на площадь и размещались по квартирам. Выслали на край села заставы с пулеметами. Мы начали искать квартиру. Постучали, как оказалось, к псаломщику. Он перепугался. Выскочил в одном белье. Сует каждому папиросы. Любезный, чуть не целует всех.

Когда узнал, что мы сегодня высадились, он сказал:

— А мы вас еще вчера ожидали!

Мы рассмеялись и пошли дальше, так как у него семья большая и тесный дом.

Остановились в квартире мужика. Уже 2 часа ночи. Старик принес сала, хлеба, пасхальных яиц, масла. Поужинали хорошо. Читаем газеты.

Командир полка приказал не раздеваться и у каждой квартиры чтобы стоял дневальный. В случае тревоги всем собраться у церкви. Мы разделили остаток ночи между тремя человеками. Мне дневалить от 3 до 4 часов утра. Лампу не гасим. В красной газете вычитал, что все, кто остались в Новороссийске, получили полную амнистию[89]. Что 50 учителей армии Колчака объявляют всенародно о раскаянии и преданности советской власти.

Ночь прошла спокойно.

6 апреля. Сегодня достали подводы, и весь отряд идет на подводах. Выступили из Демидовки вчера в 6 часов вечера. Вчера я с поручиком Лебедевым и еще тремя человеками пошли из Демидовки в разведку. У нас был

бинокль адъютанта. Верст 7 проехали. Ничего нет, и вернулись в село. Вот уже два дня, как мы высадились, а о красных ни слуху ни духу. Едем по 7—8 человек на бричке, потому что подвод мало. У нас 6 человек, подводчик седьмой. Я сижу на винтовке, положенной поперек ящика, неудобно, страшно, но иначе нельзя — тесно. Так просидел всю ночь. Спать хотелось страшно. Третья ночь без сна. Здесь не так, как на Кубани. Там спали почти каждую ночь, но ели через три дня, а здесь объедаемся по горло, а не спим третью ночь. Мы склонились друг к другу и заснули сидя. Я прислонился к широкой спине подводчика и спал. Вероятно, так спал весь отряд, не спали одни подводчики. Сытые крестьянские кони быстро мчали брички по укатанной дороге. Если красные налетят, мы со сна и не сообразим, в чем дело. Так я и не слыхал во сне, как мы проехали одно село. Останавливались, двинулись дальше. Проснешься. Все спят. Топот копыт по твердой дороге. Вправо и влево мелькают темные полоски посевов. Колеса бричек одни выдают своим звоном наше присутствие.

7 апреля. Утром подъехали к морю. На берегу моря красивое имение француза Филиберга[90]. Пока обоз подъезжал к имению, поручик Лебедев (он практикант по этому вопросу) вывел нашу бричку в сторону и погнал к крайнему дому. «Достанем пожрать!» — смеется поручик. В этом доме жила семья управляющего имением. Управляющего не было, жена его и две девушки-дочери. В другой квартире какая-то немка. Конечно, нас любезно пригласили в дом, хотя мы сами нахально приехали. Немка сразу усадила нас 6 человек пить кофе. Жена управляющего пригласила меня и Васильева к себе. Две дочери ее, хорошенькие барышни, стащили с нас шинели. Входим в комнату. Комната уютно обставлена. Пасхальный стол посередине. Не успели мы усесться за стол, как на столе появилась шипящая яичница. Барышни и хозяйки всячески нас угощали. Они так были рады нашему приходу, что трудно описать их радость. Когда оказалось, что у них в квартире нет простого хлеба, кроме сдобного, они заплакали и побежали куда-то достать хлеба. Очевидно, они натерпелись горя от большевиков.

— Мы очень рады, что вы пришли, — тарахтели они, — у нас давно слух был, что вы придете!

— Но мы, кажется, так же внезапно и уйдем, как пришли! — сказал я.

Они страшно удивились моим словам.

— Но вы опять придете? — разом спросили они, и в их глазах была мольба.

— Конечно, придем! — успокоил я их.

Эти строки я пишу в Керчи, уже по возвращении с десанта. Спустя месяц, когда наша доблестная армия двинулась в глубь Северной Таврии, мои слова оказались правдивы. Хотелось бы опять побывать в том имении. Закусив, мы вышли в парк.

Идем по аллее. Солнце тепло греет в парке. Весна в разгаре. На зеленеющих ветвях дерев весело порхают и щебечут птички.

О, если бы за плечами не было тяжелой английской винтовки, я никогда бы не поверил, что мы бродим в тылу у красных, что нас горсть и мы ежечасно можем погибнуть под натиском красной лавы.

К нам подошел старик и снял картуз.

— Здравствуйте, господа! — поклонился он. — Мне ничего от вас не будет?!

— Как? За что? — удивились мы.

— Ну, не мне! — поправился он. — Так сыну моему!

— А сын твой кто?

— Он председатель совета!

Мы переглянулись друг с другом.

— Конечно, ничего! — успокоили мы старика.

Да и зачем он нам нужен, когда мы, может быть, не сегодня завтра будем сами на том свете, если он действительно существует. Мы вышли из парка и направились к имению Филиберга. Имение большое, но в упадке. Дом большой, старинный, с колонной террасой. Вхожу в коридор. Наши уже бродят по дому. Дом давно разграблен дочиста. В зале встретил старика, служившего раньше в имении[91].

— А где ваш хозяин?! — спросил я его.

— Наш хозяин француз, офицером служит, — ответил он, — где-то у вас в Крыму!

— Ну а как у вас хозяйничали большевики?!

— Не дай Бог, что тут они делали! — махнул рукой старик. — Какая была богатая экономия, все, сукины сыны, разграбили. В этом доме все время жил комиссар с пятью солдатами. Вчера удрал отсюда. Жрали и пили вооо как! — провел он ребром ладони по горлу. — А сейчас, когда ничего не осталось, решили завести здесь свиную экономию, здесь будут разводить свиней, а рядом у другого помещика думают коров разводить!

— Да! Им только свиней и разводить! — подтвердил какой-то офицер, проходя мимо нас.

Зал громадный. Остались еще рояль и пианино, перевернутые мягкие кресла. На креслах спали наши офицеры. Один бренчал на пианино. На окнах гардины сорваны, висят только желтые шнуры с кистями.

— Оборвали все занавески, — горько усмехнулся старик. — Штаны все шили!

Вошли в гостиную. Комната чуть меньше. Круглые столики и несколько кресел. На стенах еще остались картины. Масляными красками хорошо изображено бурное море и на его волнах одинокий корабль. И другая — полунагая женщина, окруженная амурами. Картина пробита.

— Это комиссар стрелял из револьвера! — указал старик на дырки в картине.

Следующая комната — большой кабинет, наполненный физическими приборами, гипсовыми статуями, различными снарядами. Масса колб, пробирок, пузырьков и баночек со снадобьями.

Гильдовский уже лазил между баночками, отыскивая свой заветный порошок. Здесь стояла электрическая машина для опытов, Аполлон с отбитыми руками и другие древние боги с отбитыми головами, носами, руками.

Следующая комната — спальная. Громаднейшая, почти квадратная лакированная двуспальная кровать, и больше ничего. Даже, вернее, не кровать, а одна рама кровати.

Следующая комната — музей.

Здесь лежал старинный мушкет, колчан со стрелами, кольчуга, вся ржавая, лук, какие-то дикие камни. Какой-то офицер практиковался попадать стрелой в стену, на которой висел в виде сердца кусок сукна. На стеклянной террасе стояла целая аптека.

В другом конце дома была библиотека. Большая комната забита громадными шкапами до потолка; их около 20. В шкапах полно книг. Здесь не видно хозяйничанья большевиков. Почему? Не знаю! Книги валяются и на полу, на столе, на окнах. Масса французских журналов. Книги и журналы ¾ библиотеки — немецкие и французские. Я взял пачку французских иллюстрированных журналов и маленькую книжку Гоголя и вышел в сад. По парку гуляли алексеевцы и самурцы. У ворот сидел наш горнист и что-то наигрывал. За воротами стояли повозки. Кони были распряжены и отдыхали. Против ворот устанавливали орудие. Наводили на цель, окапывали. На крыше дома стоял артиллерист и кричал:

— Направление на одинокую березу, левое ноль пять — запомните цель номер 2!

Орудие новенькое — горит на солнце.

Пошел бродить дальше. Имение громадное. Для рабочих устроены целые казармы, театр, кухни, столовая, громадные конюшни, службы. Еще бродят десятка два овец, несколько коров и птица. Человек 8 рабочих копаются во дворе. От имения идет к морю узкоколейка, по которой Филиберг отправлял к своей пристани грузить на свои баржи хлеб. Наши развели пары в паровозе и поехали по узкоколейке в разведку.

Через час вдали послышалась редкая ружейная стрельба. На крыше дома все время ходят наблюдатели, они наблюдают за противником и за морем, где на горизонте дымят военные суда. Здесь же морской офицер. Он сигнализирует на море флажками, но его, очевидно, там не замечают.

Я направился к своей повозке. Гильдовский намазывал кулич толстым слоем масла и уплетал его. Я последовал его примеру. Рассматриваем французские журналы. Сегодня солнце печет не на шутку. Хорошо спится на весеннем солнышке.

— Ну уже достаточно мы погуляли в тылу у красных, кажется, скоро будем иметь дело! — сказал, подходя к нам, Корнев. — Слышите! — И он кивнул в ту сторону, откуда слышались выстрелы. Мне от его слов стало как-то не по себе. Я еще тогда видел, что мы что-то перенесем паршивое, ибо впереди приятного было мало. Недаром красные не дают о себе знать. Но, кажется, скоро дадут, и дадут основательно. Командир полка и адъютант стоят

на крыше дома и наблюдают в бинокль. Очевидно, что-то заметили. Борька Павлов, наш 13-летний партизан, который получил в Батайске Георгий за разведку[92], лазил в парке по деревьям, изображая из себя индейца и бросая в воздух стрелы, которые он взял в музее. Вечером я с Гильдовским пошли к жене управляющего за молоком. Она утром обещала дать и просила зайти вечером, когда сдоят коров.

Дочек ее мы не видали, а сама супруга встретила нас холодно, не так, как утром (очевидно, наши нищие ей уже надоели).

— Обождите, когда коров сдоят! — сказала она нам.

Такой ответ нас немного сконфузил.

Вдруг в парке грянуло орудие.

Мы забыли про молоко и бегом понеслись к своим. Оказалось, выстрелили для того, чтобы на море привлечь внимание судов.

Ночью выехали.

3 апреля[93]. Геническ.

«Ну ж был денек!..»

Этот день останется у меня в памяти на всю жизнь. Сейчас, когда я пишу эти строки, я сижу уже в Катерлезе (под Керчью). Здесь мирная обстановка, красные далеко за Перекопом и Сивашем, и до нас им не добраться. Приятно полежать на солнышке, зная, что тебя никто никуда не потащит и не услышишь мерного рокота кровожадного «Максима». Приятно от сознания, что я сегодня спокойно лягу спать, и завтра, и даже послезавтра, потому что мы здесь будем формироваться после «генической бани». Да, там была форменная баня, где нас сперва выпороли «свинцовыми вениками», а затем заставили «купаться» в Сиваше, где многие остались «купаться» навеки.

Ночью выступили из имения Филиберга. Определенно говорят, мы идем на Геническ. Говорят, что наша задача — выбить красных из Геническа и занять мост через Сиваш, тогда наши перейдут по мосту с Арабатской стрелки нам на помощь. До Геническа верст 25. Часов в 8 утра подъехали к небольшому селу, проезжаем мимо церкви. Церковь вроде часовни. Поступили сведения, что замечены красные.

Мы уже слезли с повозок и идем колонной. Алексеевцы в авангарде. Орудие сзади. Выступаем из села. Затрещал пулемет.

Впереди в версте удирает от нас подвода, из нее бьет «Максим». Наши открыли по ней огонь и кинулись бегом за нею. Ранили одну лошадь и захватили пулемет в плен. Взяли пленных человек 12. Все здоровые ребята, бывшие солдаты и одеты еще в свое старое обмундирование. Они выезжали

на разведку. Один из них без шапки в прическе «a la coc»[94] — похож на еврея. На бричке лежала (очевидно, его) немецкая фуражка и стоял исправный «Максим».

— Ты жид?! — набросились на него наши.

— Та ни, я с Украины! — говорит он по-украински.

Но я видел, что он коверкает украинский язык, подделываясь под хохла. Он говорил, что он из Каменец-Подольска. Захваченные пленные, очевидно, боялись сказать, кто он. Поймали еще одного красногвардейца, который удирал по полю один. Пристроили его к их команде. Они идут сзади нас. Подходим к селу Изгуи[95] — это в 10 верстах от Геническа. На море, далеко на горизонте, виднеются точки — это наши и английские суда. Перед нашим вступлением они били по Изгуям, хотя в Изгуях никого и не было. Но били замечательно удачно. Вдоль по улице были громадные воронки. Осколки задели хаты. Стекол не было ни одного целого. Некоторые крыши сорвало воздухом. Если бы по улице шли их обозы, получилась бы каша. Жители, или из любезности, или напуганные слухами о нас, несут нам на улицу молоко, масло, яйца, белый хлеб и угощают почти насильно.

Кстати сказать, о нас здесь носились слухи. Когда мы высаживались в Кирилловке, то оттуда убежала одна баба в Демидовку. Она видела, как наши высадились и схватили мальчишек, которые пасли лошадей, чтобы выпытать у них о красных. Эта баба разнесла слух, что высадились белые, из Крыма, и берут детей и девок и везут в Крым, и первое время, куда мы ни заходили, последние нас боялись. Хотя все нас бесплатно кормят, но здесь на наши деньги страшная дешевизна. За 70 рублей я купил большой кувшин настоящего молока, а не снятого, как в Керчи, бутылка 80—90 руб. За Изгуями уже стрельба. Пули перелетают через дома, чмокают в соломенную загату[96], свистят по улице. Стучит пулемет. Наши подводчики плачут, чтобы их сменили. Мы хотели их сменить, ведь они идут из Демидовки, но в Изгуях нет подвод. Выходим из села. Слева крутой обрывистый берег, и у его подножия плещет море. Впереди, на горизонте, виднеется город Геническ, справа ровное поле, по которому движутся красные. Сзади село Изгуи. Тут уже нам загвоздка.

Спереди в версте лежит красная цепь и строчит из пулеметов.

— Вправо по линии в цепь! — несется по колонне.

Рассыпались в цепь.

Полковник Звягин влез на стог соломы (за селом) и наблюдает в бинокль.

Самурцы идут в пятидесяти шагах сзади нас. Они рассыпались в две цепи. Несколько раз ложились, потом опять подымались и опять шли.

— После каждого патрона заряжай винтовку! — кричит командир полка. — Не расходуй патронов из магазина!

У нас одиннадцатизарядные английские винтовки — и полковник боялся, что, выпустив две обоймы, сможет получиться задержка в заряжении, так как патроны английские не в обоймах, а врассыпную даны почему-то.

Когда я глянул на своего соседа справа, то ахнул. Со мной рядом шел Борис Павлов, он шел, весело подпрыгивая и что-то напевая, в руках он нес стрелу из музея Филиберга. Убьют мальчишку.

— Борис, иди в обоз! — сказал я ему.

— Зачем? — пожал плечами он. — Думаете, я боюсь!

— Слушай, иди в обоз! — крикнул я на него.

Но он взвизгнул и скорчил мне рожу.

Мы уже не более как в версте от Геническа. Уже видны хорошо постройки и маяк. Красные залегли и отчаянно отбиваются. Я лежал в цепи третий с левого фланга и пускал патрон за патроном, не целясь, приложив винтовку к бедру. Мы уже лежим около часа. Не хватает патронов.

— Патронную подводу сюда, — кричат, — подводу с патронами!

Невзирая на пули, мчится к нам подвода с патронами.

— Не толпиться! — кричат по цепи. — Перебрасывай патроны по цепи!

Полетели по цепи русские пачки патронов.

— А где же английские — давай английские!

Английских в подводе не было.

Крик, ругань. Красные подбили лошадь в подводе и осыпали подводу градом пуль. Все приникли к земле. Случилась задержка с патронами. Английские почему-то у самурцев.

Сзади из Изгуев движутся на нас густые цепи большевиков. Самурцы повернули назад и отбиваются. Пули свистят и сзади и спереди. Справа на горизонте показалась туча красной конницы. Она рассыпалась в лаву и загибала нам в тыл к Изгуям.

Положение наше было отчаянное. Спереди отчаянно отбивались красные, не пуская нас к Геническу. Слева — море, справа — лава красной конницы, сзади — напирала пехота красных. У нас форменный кавардак. Наши цепи сблизились на двадцать шагов. Мы пробиваемся медленно, а самурцы отступают быстро. Наши подводы остались сзади. Подводчики лежали на земле, придерживая перепуганных лошадей. Я вспомнил, что у меня на подводе остались книги и журналы, которые я захватил в имении. Между цепями болтались какие-то типы. Бегала с плачем какая-то баба-подводчица, отыскивая корнета-армянина, который взял у нее лошадь. Между цепями

отходило орудие. Оно работало отчаянно. Я никогда не слыхал такой стрельбы. Снарядов до девяти выпускали в минуту. Быстро отбежит, запряжку отведут в сторону — и сразу беглым огнем снарядов пять, назад, затем поворачивают направо и снарядов пять по кавалерии, затем поворачивают вперед и снарядов пять по Геническу. Затем быстро подводят лошадей, опять отбегает, опять беглым огнем назад, вправо, вперед, и опять отбегает, и опять отчаянная стрельба. Оно одно, вероятно, и пугало красную конницу. Хотя у нас у всех настроение такое, что «не подходи!».

С моря стреляли наши ледоколы и английские миноносцы. Они едва видимыми точками обозначались на горизонте. Выстрела не было слышно. Но разрыв был сильный. Черный столб дыма подымался над геническим вокзалом, где свистел, пуская пары, очевидно, бронепоезд. Морской офицер метался между цепями, махая флажками. Он хотел сообщить судам, чтобы они перенесли огонь в наш тыл на красную конницу. Но на судах, вероятно, не только не видели моряка, но даже не могли отличить, где мы, а где красная кавалерия, и беспрерывно садили по Геническу.

— Не волнуйтесь, господа, не волнуйтесь! — говорит какой-то капитан-самурец, проходя по цепи. — Спокойствие и хладнокровие, господа ротные командиры!

— Алексеевцы, не подкачать имени нашего доблестного шефа, ура! — крикнул кто-то.

Мы бросились на «ура». Красные без выстрела скрылись на улицах города. Мы уже на улицах Геническа. Стреляют из окон. У нас есть убитые. Офицерская рота вся переранена. Больше почему-то в кисть руки или в плечо. Они толпятся около маяка — здесь устроили перевязочный пункт. С судов подошли шлюпки за ранеными. Мне захотелось, чтобы меня ранило. Мы пробиваемся к вокзалу. Там, говорят, наши, которые переправились нам на помощь с Арабатской стрелки. Мы уже недалеко от вокзала. Вдруг из одного дома затрещали выстрелы. Несколько человек сразу упало. Я никогда не забуду пулеметчика бывшей 5-й роты вольноопределяющегося Крыжановского. Он положил «Люис» на тумбу у тротуара и с зверским лицом осыпал дом градом пуль. С дома полетели стекла, штукатурка — он весь был окутан пылью от извести. Наконец пробились к вокзалу. Здесь узнали, что к нам на помощь перешло с Арабатской стрелки две или три роты, но где они? Неизвестно. Узнал печальную новость. Мост через Сиваш сожжен красными. У меня упало сердце. Погибли. Мы уже выбили красных из города. У маяка слышна отчаянная трескотня, там самурцы отбиваются от конницы. Наш «полк» совсем рассыпался по Геническу. Разошлись по домам: кто напить-

ся, кто перехватить чего-нибудь. Было жарко и пыльно. В Геническе полно жидов. Они повылазили из калиток и недружелюбно смотрят на нас.

Я боялся отбиться от своих и пошел к маяку. У маяка окапываются обывательскими лопатами самурцы. Кавалерия, ее несколько тысяч, покрыла собой все поле между Изгуями и Геническом. Самурцы-пулеметчики взобрались на маяк, и оттуда раздался отчаянный треск «Люиса».

— Прекратить стрельбу с маяка! — кричит какой-то офицер-самурец. — Где видано, чтобы с маяка стреляли.

Пулеметчики наполовину разбежались.

— Давай диски! — кричат, а диски все пустые. — Начиняй диски! — а пулеметчиков и след простыл.

У крайних хат сидят и лежат раненые, их много, они ждут, когда подадут лодки, чтобы взять их.

Встречаю своего офицера.

— А где же наш полк? — подошел я к нему.

— Какой полк?! — усмехнулся он. — Вы, да я, да полковник Бузун!

— Куда же нам идти, давайте присоединимся хотя бы к самурцам!

— К этим сволочам ....! — выругался он.

Мы подошли под стенку хатки. Пули с визгом перелетают через крышу и почти отвесно впиваются у наших ног в землю. Баба с криком и причитаниями выскочила из хатки с подушкою в руках. Во дворе стоял привязанный к сломанному колесу теленок, а около него ковырялись в навозе петух и несколько кур. Одна пуля щелкнула в землю между курами.

— Ко, ко, ко! — засуетился петух и забегал встревоженно вокруг места, где упала пуля. Поручик невольно рассмеялся.

Другая щелкнула около теленка.

— Бееее! — испуганно заорал тот и забрыкал задними ногами.

Раненых все прибывало и прибывало. Вдруг близко за домом грянуло «ура». Самурцы в панике прибежали через огороды. Мы выскочили из-за хатки. Вокруг маяка, сверкая шашками, рысью объезжала большевицкая конница. Мчится повозка с патронами. Поручик на ходу вскочил на нее, я тоже прицепился. Я уцепился за задок и крепко держался, чтобы не упасть. Винтовка сползла и бренчала по спицам колеса.

— Брось ее! — кричит мне солдат-подводчик.

Чтобы не упасть, я лег на повозку, держась за ящики с патронами. Подвода с грохотом скачет по ужасной мостовой. Сзади на подводе бренчит, высоко подлетая на воздух, никелевый чайник. Он скачет из одного угла ящика в другой. «Как бы не выпал он», — подумал я, хотел его придержать,

но боюсь пошевелиться, чтобы самому не выпасть. Вдруг чайник с грохотом покатился по мостовой. Ничего не соображая, я соскочил с подводы и поднял его. Для чего? Подвода ускакала вниз по улице, а я, как дурак, бежал по улице с чайником в руках.

Несколько пуль свистнуло в воздухе. Меня нагоняет арба. Сидит мужик и два офицера. Я бросил чайник и вскочил на арбу. Мчимся вниз по улице. Отчаянный шум, арба с грохотом скачет по паршивой мостовой, пыль стоит столбом. Уперлись в какую-то улицу. На доме надпись золотыми буквами: «Государственная сберегательная касса». У ворот стоит группа евреев[97]. Вылезли из домов и, наверно, злорадствуют.

Арба остановилась, так как улица сходилась тупиком.

— Где дорога на пристань? — спросили мы жидов.

Они замахали руками направо. Мы помчались вниз. Из одного дома по нас кто-то стрелял. Промчались с полверсты. Заскочили в какой-то переулок. Куда ехать? На углу стоит какой-то сапожник (почему мне показалось и сейчас кажется, что он сапожник, не знаю).

— Где дорога к мосту?! — спросили мы его.

Он замахал руками в обратную сторону. Проклятые жиды нас обманули. Мы хотели спросить, цел ли мост, но тут свистнули пули, и сапожник удрал, захлопнув калитку.

Летим вверх обратно, встречаем трех офицеров-алексеевцев.

— Куда вы бежите?! — кричат они нам. — Моста нет, все лодки потоплены, давайте отбиваться до последнего патрона — все равно смерть!

Я уже совсем потерял голову и не знал, что делать.

— Валяй, валяй на пристань! — закричали офицеры с подводы.

Оставшиеся офицеры что-то нам кричали, потом, повернувшись назад, начали стрелять. Подвода дребезжала. Доски расползались, и я крепко держался, чтобы не упасть. С трудом, одной рукой вытащил я из кармана шинели почти чистую тетрадь дневника и, перервав ее на части, разбросал по улице. Подъехали к пристани. Здесь уже толпились наши. Здесь же стояли пленные, которых мы взяли утром. Они нам кричали: «Иван, оставайся, не бойся ничего!»

Моста не было. Лодки все были испорчены красными. Ходила одна большая лодка, которой управлял какой-то старик.

На борту стояло наше орудие. Замок уже сняли. Полковник Звягин стоял на берегу и кричал:

— Никто не садись в лодку, кроме штаба бригады!

— Господин полковник, — кричал один офицер-самурец, — разрешите погрузить команду связи!

— Никого!

— Разрешите аппараты погрузить!

— Грузите!

Ординарцы бросают в лодку седла и сами бросаются туда. Лодка переполнена. Отходит.

— Скорее верните лодку! — кричит Звягин.

«Джжжь! Джжь!» — взвизгнул снаряд, и два водяных столба с шумом поднялись посреди пролива.

«Виу!»

Один снаряд разорвался на пристани. Некоторые раздеваются, бросая оружие и одежду в воду, и бросаются сами туда. До того берега саженей 100. Если бы я мог плавать, я бы поплыл, несмотря на то что вода холодная. Ординарец С. Сохацкий ведет в воду лошадь, он хочет спасти и лошадь. Лошадь храпит и боится воды. Пришлось ее бросить. Его брат, поручик Сохацкий, отличный пловец, разогнавшись, прыгнул в воду[98]. Его приятель-армянин, корнет в бурке и черкеске, вместе со своим вестовым прыгнули ему на шею.

— Поручик, я и мой вестовой вместе с тобой! — крикнул армянин, охватывая руками за шею поручика, и все трое погибли, а поручик был хороший пловец, и никогда бы он не погиб, если бы не армянин. Полковник Бузун, грустный и задумчивый, сидит на берегу. Из окон домов уже стреляют по пристани. Снаряды с визгом падают в пролив. Я решил: будь что будет, сейчас силою вскочу в лодку, плавать я не умею и ни за что из лодки не уйду, лучше утону.

Лодка идет обратно.

— Садись, штаб бригады!

Штаб бригады толпится, каждый старается первый вскочить. Когда уже лодка была погружена наполовину, я спокойно прыгнул в нее и пробрался к носу. Думаю, что сейчас выбросят обратно. Но ничего. Народу налезло полно. Борта лодки на вершок от воды, вот-вот качнет, и она погрузится на дно.

— Довольно, довольно, отчаливай! — кричат с берега.

— Довольно! — кричим мы с лодки и прикладами отпихиваемся от пристани.

— Быстрее назад лодку! — кричит с берега полковник Звягин.

Лодка плавно выходит на середину пролива. Старик рыбак, кряхтя, нажимает на весло, мы налегаем на другое. Пули засвистали над лодкой. Лодка идет медленно, переполненная донельзя, вот-вот попадет неприятельская пуля или ахнет снарядом в лодку. В воде мелькают головы плывущих. Не-

которые кричат и тонут, не умея плавать или выбиваясь из сил. В некоторых попадают пули. Но вот лодка стукнулась о берег. Слава богу. Мы на Арабатской стрелке. Выскакиваем на песок.

— Наза-ад лодку! — кричит с того берега полковник Звягин.

— Назад лодку! — кричим мы, и все выскакиваем на берег.

Никому не хотелось опять вернуться в это страшное «назад».

К черту все, решил я, идя вперед по берегу. Когда я оглянулся, минуту спустя, лодка шла назад, ею управлял старик рыбак.

Я горячо возблагодарил Бога. После Новороссийска — это мое второе чудесное спасение от явной смерти.

На берегу стоят разбитые хаты, за ними вырыты окопы. Я не пойму, зачем окопы сделаны сзади хат. Вообще говоря, в ту минуту я ясно не представлял себе, куда я попал и нахожусь ли я здесь в безопасности. Просто какое-то чувство подсказывало, что здесь я в безопасности. В окопах застава Сводно-стрелкового полка, с ними телефон и сестра милосердия. Наши раненые, голые, подходят к сестре для перевязок и никто не стесняется. Не такой момент. Всех торопят идти в тыл. Прибыл и Звягин; он бросился к телефону.

— Передайте по радио, — кричит он, — Севастополь, мы, голые, бежим вплавь из Геническа. Звягин.

Саша Сохацкий здесь, он плачет о своем погибшем брате и ругает армянина. Он прямо с ума сошел.

— Почему вы не стреляете по тому берегу?! — кричит он на начальника заставы, забывая про свое звание, все равно голый, и, схватив «Люис», стал сам стрелять по Геническу. Полковник Звягин вышел из-за хаты и начал стрелять по тому берегу из винтовки.

Здесь узнаем друг от друга о погибших товарищах. Подпрапорщик С...... из нашего села, говорят, уже доплыл почти до этого берега, но пуля попала в голову, и он скрылся под водой. Только красное пятно несколько секунд обозначило на воде место его смерти. Один офицер тоже доплыл почти до берега, но потом, очевидно выбившись из сил, крикнул, перекрестился и утонул. Другой попал под доски пристани, разбил голову, чуть не захлебнулся, но вынырнул. Сестра его перевязывает, а он, бледный, сидит голый и не верит, что жив. Вспомнился мне случай, когда я садился в лодку, один капитан-самурец подскочил к Звягину.

— Господин полковник, — сказал он, — я плавать не могу. Разрешите сесть в лодку!

— Переполнена! — ответил полковник Звягин.

Капитан спокойно вынул наган и застрелился.

— А я хотел перебросить сюда наган! — говорил один ординарец. — Да не докинул.

— А я с наганом переплыл! — хвалился другой.

— А где командир полка? — спросил кто-то.

— Он сидел на том берегу! — ответил один ординарец. — Я ему кричу: «Господин полковник, раздевайтесь!», а он говорит: «Я не могу бросить полка!»

Наши вылазят из окопов и бредут в тыл, идти нужно по косе версты 4 до первой деревушки. Красные бьют из Геническа по косе. Ведь коса внизу и вся как на ладони. Я тоже пошел.

— Алексеевцы! — кричит кто-то из окопов. — Оставайтесь, берите винтовки!

— К чертовой матери! — ругались наши и уходили.

Пули визжали через головы, мимо ушей, впивались в песок, у самых ног. А мы все шли. Медленно, усталою походкой. Да и нельзя было быстро идти — сыпучий песок. Каждую секунду жду: вот-вот попадет пуля. Рядом бредут голые алексеевцы. Им идти еще хуже: песок, ракушки, ноги у всех в крови. Со мной рядом шагает артиллерист в форменной офицерской фуражке — голый.

Уже вечереет, солнце заходит, становилось прохладнее.

— Осталось орудие? — спросил я его.

— Да! — ответил он. — Но оно для нас сейчас безвредно, замок в воде!

— Жаль, хорошее было орудие!

— Такое г.... мы всегда найдем, — вздохнул он, — а вот людей так жаль, ведь какие были люди?!

— Вам холодно?! — спросил я его. — Разрешите предложить вам мою шинель?

— Очень благодарен, — сказал он, одевая шинель. — Когда придем к жилью, я вам возвращу ее.

Несколько пуль взвизгнуло над нами.

— Разойдемтесь, — сказал артиллерист, — а то привлекаем их внимание.

Прошли одно проволочное заграждение, подходим ко второму. Здесь уже редко-редко взвизгнет шальная пуля — далеко. За вторым заграждением стоят орудия в блиндажах. Они бегло бьют по Геническу.

За заграждением сидят на травке наши, поджидая остальных. Все почти голые. Корнев, Лебедев, Васильев, Гильдовский, Павлов и два поручика — здесь. Они до взятия Геническа как-то пробрались к морю, нашли небольшую целую лодку — и благополучно переехали на стрелку, прихватив с собой и адъютанта полка. Они не только ничего не потеряли, но даже у поручика Лебедева был где-то зажатый английский телефон, а у Корнева фунта два масла, еще из имения Филиберга.

Они очень обрадовались мне, считали, что я погиб. Поручик Лебедев предложил мне шинель, но я отказался, хотя того офицера, которому дал шинель, утерял из виду.

Алексеевцы всё подходили и подходили. Все сидели молча, лишь кое-кто тихо переговаривался, делясь впечатлениями пережитого дня. Сегодняшний день мне показался как целый месяц. Я не верил, что мы еще сегодня утром спокойно пили молоко в Изгуях, затем взяли в плен пулемет, казалось, это было дня три тому назад.

Вечер наступил полный. Сумерки спускались на косу. Стрельба утихла, как будто ее и не было. Стрекотали кузнечики, кричала какая-то птица. Зажглась вечерняя звезда.

Где-то далеко-далеко ухали орудия. Говорят, наши прорвали фронт на Сиваш и взяли Новоалексеевку — это, кажется, всего один пролет от Геническа. Из заставы приближалась к нам тачанка. На ней сидел наш командир полка. Он переплыл Сиваш последний. Ему где-то раздобыли шубу, и он, голый, закутался в нее, подняв воротник.

— Полк, смирнооо! — раздалась команда.

«Полк», человек 40 голяков, встал смирно.

Тачанка поравнялась с нами.

— Здравствуйте, дорогие... — как-то вскрикнул полковник и, не договорив, заплакал. Тачанка умчалась.

Мы почти не ответили. Капитан Логвинов[99] горько плакал. Старику жаль было свой батальон. И кому нужен был этот десант? Что мы сделали? Я почти разочаровался в Добровольческой армии. Не знаю, кого и обвинять во всем[100].

Ночевали в селе Счастливцево. Обещали выдать обмундирование, но, говорят, командир Сводно-стрелкового полка полковник[101] Гравицкий[102] не дает. Ночь спал хорошо. Спали на соломе в пустой хате, в которой сидели гуси на яйцах. Ночью одна гуска начала бродить по хате, наступила мне на лицо, я проснулся и перебросил ее на Корнева. Корнев ругался.

9/IV. Сегодня вечером грузимся на пароход, уезжаем обратно. Едем опять в Керчь. Говорят, красные теперь будут ожидать нас в Керченском проливе и могут потопить. Ночь наступает. Приказано готовиться. Но мы всегда готовы.

Идем на подводах к морю. На море мерцают огоньки. Это пароходы, они выслали за нами лодки. Но лодки не могут подойти к берегу — мелко. А мы не хотим лезть в холодную воду. Решили ехать на подводах к лодкам. И вот по очереди ездим. Идем в воде до тех пор, пока лошади начинают плавать. Затем к бричкам подходит лодка, мы перелазим в лодку. Матросы гребут. Лодка натыкается на мель. Здесь уже приходится слазить в воду и толкать лодку. Затем опять едем. Подходим к катеру. Катер везет дальше в море, и опять перелазим на пароходик «Société».

— Лезьте все в каюту, — кричат на пароходике.

В каюте уже полно — душно, накурено.

Два английских катера и наше «Сосите» сталкивают с мели ледокол «Гайдамака». Ледокол еще осенью 19-го года сел на мель. Всю зиму он стоял во льду, а команда жила на берегу. Три буксира стальными тросами тащат ледокол. У нас машина пущена на полный ход. «Сосите» весь дрожит, а ледокол и не двигается. Матрос в каюте говорит: «Наверху на пароходике сейчас никого нет, потому что если перервется стальной трос, то с палубы сметет все».

Около получаса машина работала полным ходом, вдруг вздрогнула.

Где-то раздалось «ура».

— Пошел! Пошел! — закричали наверху. Ледокол сдвинули. Мы вылезли наверх. За нами в темноте плыла какая-то масса, вся в огоньках. Это «Гайдамака». Он большой ледокол с двумя дальнобойными морскими орудиями.

Красные, вероятно, догадываются, что мы грузимся. Только ночь скрывает нас от их взоров. А ночь хорошая, теплая, апрельская. С высоты неба мерцают миллионы звездочек. Катер мерно дрожит на сонных волнах, и на звездном небосклоне неподвижно вырисовывается мачта с толстыми канатами и труба катера. Офицеры, усевшись на носу, поют «Песнь капрала перед казнью» Беранже.

В ногу, ребята, идите,
Полно, не вешать ружья.
Трубка со мной, проводите
В отпуск бессрочный меня.

Вытягивает высокий тенор, а хор подхватывает:

Был я отцом вам, ребята,
Вся в сединах голова.
Вот она, служба солдата,
В ногу, ребята, раз, два!

«Раз, два!» — отрезают басы, а тенор опять выводит:

Я оскорбил офицера,
Молод и он оскорблять
Старых солдат, для примера
Должнó меня расстрелять.
Выпил я, кровь заиграла,
Дерзкие слышу слова,
Тень императора встала —
В ногу, ребята, раз, два.

Их слушает тихая весенняя ночь, яркие звезды, вся команда пароходика, капитан с женой и, наверно, большевики, ибо они близко, в полуверсте, и не стреляют. А тенор, солидно выдерживая такт, выводит:

Братцы, солдатские годы,
Служба, в руках у судьбы,
Вспомнились наши походы,
Время великой войны.

Эх! наша слава пропала!
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала.
В ногу, ребята, раз, два[103].

И многие поникли головами. Да, вероятно, думал каждый из поющих, «наша слава пропала», слава Карпат, Мазурских озер, Бзуры, Сана, Золотой Липы, Эрзерума, Первого похода, Царицына, Орла[104], и никнут головы все ниже и ниже, и ищут они причину, разгадку всего, а тенор грустно продолжает:

Ты, землячок, поскорее
К нашим стогам воротись.
Нивы там все зеленеют,
Легче дышать, поклонись
Храму селенья родного.
Боже, старуха жива.
Не говори ей ни слова.
В ногу, ребята, раз, два!

Невольный вздох вырвался у слушателей.

Кто там так громко рыдает? —

вскрикнул тенор.

А... я ее узнаю. Русский поход вспоминая,
Я отогрел всю семью.

Снежной тяжелой дорогой
Нес ее сына. Вдова!
Вымоли мир мне у Бога!
В ногу, ребята, раз, два.

«Раз, два!» — отрезали басы.

Трубка никак догорела.
Дай! Затянусь еще раз,

Смело, ребята, за дело!
Прочь! Не завязывать глаз.

Целься вернее, не гнуться!
Слушай команды слова,
Дай Бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята, раз, два.

Певцы уже давно замолкли, а на палубе публика не расходилась. Все стояли молча, и в голове у каждого роились думы. Думы о прошлом, о далеком милом доме. Да все это сон и сон... Кошмарный сон. Увидим ли мы опять свои избушки, своих родных? А звезды ласково мигают с темного небосклона и радуются тишине и красоте природы. И, казалось, вчерашнего кошмара совсем не было. Под утро тронулись.

10 апреля. День был жаркий. Мы лежали в угольном трюме на грязном полу и страдали от жажды. Получили хлеб и селедки (еще оставшиеся с баржи), а воды нет. Пить хочется страшно. В 12 часов дня дали по стакану чая. Я выпил, но жажда еще увеличилась. Но воды не отпускали. Все были озлоблены и страшно ругались.

Ночью должны быть дома, вот где напьюсь воды! Часов в 9 вечера показались огни пролива. Справа вертящийся маяк Еникале. Слева неподвижный большевицкий маяк. Мы придерживаемся нашего берега, высокого, скалистого, темного.

— Потушить огни и не курить! — раздалась команда.

Прикрыли люки. Идем тихо, даже не разговариваем. Один только кочегар часто выбегал из машинного отделения и открывал дверь, откуда падал на палубу свет.

На нашем маяке уменьшили огонь. Очевидно, чтобы не осветить большевикам нас.

Полчаса томительного ожидания.

Проходим узкое место пролива.

Тихо. Плавно стучит машина. Близко ползет назад высокий берег Еникале. Ждем. Вот-вот большевики нас заметят и раздастся гулкий выстрел орудия.

Но нет. Кажется, прошли самое страшное. Пролив стал шире. Открыли люки.

Перед нами громадное судно, освещенное ярко огнями. Стучит динамо.

— Кто идет?! — раздалось в темноте с судна.

— «Сосите».

— Проходите, «Ростислав»!

Мимо слева плывет громадный корпус красивого броненосца. Слава богу, мы дома.

Через час на рассвете мы выгружались. Голым приказано было остаться на пароходе, пока подадут за ними подводы. А кто был одет, пошли по квартирам в Катерлез.

Приходим на старые квартиры.

Хозяйки, встречая нас, ахали и охали, а мужички злорадно посмеивались.

Во многие квартиры не вернулись хозяева. Тот утонул, тот убит, тот ранен. Сохацкий набросился на жену армянина, из-за которого погиб его брат, и начал ее всячески преследовать.

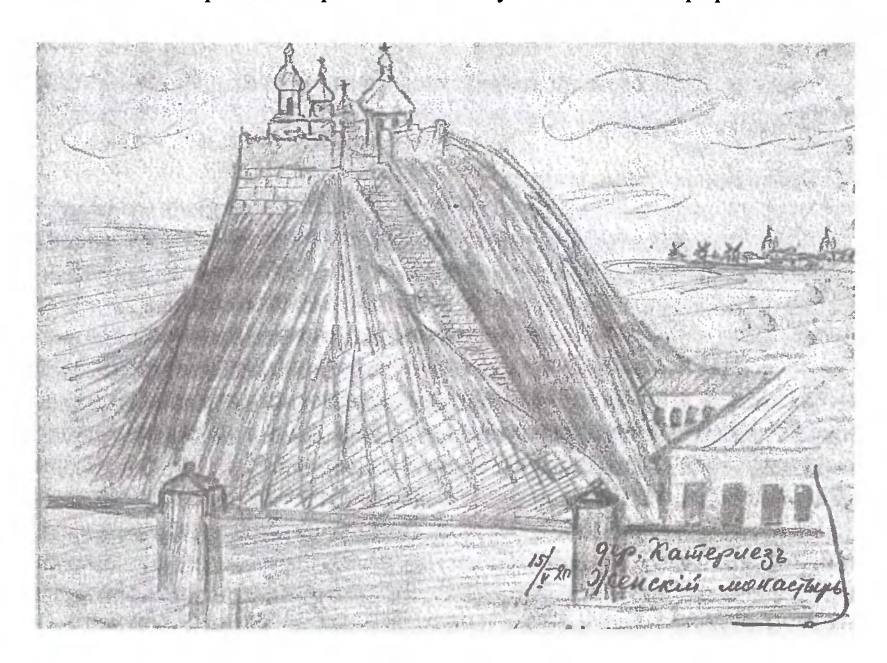
11 апреля. Сегодня на площади села была отслужена панихида по погибшим в десанте. Почти все плакали. Жалко товарищей. Ведь вернулась едва третья часть. А день теплый, настоящая весна. Сегодня прочел прощальный приказ генерала Деникина. Он посылает прощальный привет и низкий поклон всем честно шедшим за ним. Рядом висит приказ нового главнокомандующего генерала Врангеля, в котором он говорит, что принимает командование в тяжелую годину, ни победы, ни славы он не обещает, а говорит, что надеется нас вывести с честью из настоящего положения. Я с первых слов глубоко поверил ему, ибо еще, кажется, ни один военачальник так не говорил. Все всегда обещают победу или, по крайней мере, надежду на нее, а этот ясно, не закрывая глаза, говорит: «Впереди нас неприятель, а позади море. Отступать нам некуда. Или умереть, или победить, но обещаю, если предстанет нам тяжелая минута, я вас всех выведу с честью». Я ему верю глубоко.

12 апреля. Пишу дневник. Возобновляю все сначала по памяти. Если в числах позволю малую погрешность, то это уже вина моей памяти, но, думаю, пишу точно.

13 апреля. Сегодня все вернувшиеся с десанта солдаты произведены. Гильдовский и Корнев старший унтер-офицер. Васильев и я — младший. Писал дневник. Сегодня мне поручик Лебедев сказал, что мы здесь будем формироваться. Получим аппараты и будем опутывать связью весь Керченский полуостров. Пока несем пешую связь. Поручик Кальтенберг и механик Шапарев больны тифом, и за начальника команды поручик Лебедев.

14 апреля. Штаб полка перешел в село Булганак. Это в 3 верстах к северу от Катерлеза, между гор. Я и Гильдовский получили приказание устроить здесь центральную станцию. Получили два фонических аппарата[105] и индукторный коммуникатор на 12 номеров.

15 апреля. Вчера возились целый день, провели из Катерлеза до правительственных проводов версты две шестовую линию с телеграфным 3-мил-

лиметровым проводом. Соединяли и переключали правительственный с Керчью. Сейчас сижу в Булганаке в центральной, работаю на три номера. Пишу дневник, читаю газеты. Генерал Врангель молодчина, везде разъезжает, везде бывает — и на фронте, и у рабочих. Воистину как Петр Великий. Был в Керчи, но я из-за дежурства не мог его увидеть. Сегодня узнал, что задача нашего десанта была: отвлечь красных от Чонгара и взорвать мост на Новоалексеевке. Первое мы сделали, а второго нет; говорят, Звягин забыл взять взрывчатые вещества. Говорят, нашему десантному отряду было приказание ехать обратно, еще когда мы не дошли до Геническа, так как наши части прорвали фронт на Чонгаре, но полковник Звягин будто давал телеграммы, что дела наши блестящи, и мы нарвались. Наши же в тот день занимали Новоалексеевку. Генерал Врангель и епископ Вениамин[106] наступали с первыми цепями. Епископ шел в полном облачении с крестом и благословлял солдат, раздавая крестики, а генерал Врангель тут же раздавал Георгиевские кресты и многих производил в чин.

Все пели «Спаси Господи». Красные будто бы от одного зрелища бежали. Ну теперь дело у нас в верных руках, жаль только, что генерал Врангель раньше не принял командования. Мы бы не бросили так Новороссийск.

16 апреля. Сижу в квартире поручика Лебедева, у него свой телефон, который соединен с центральной. На центральной сейчас Гильдовский. Из окна квартиры поручика красивый вид на пролив и гору Митридат, у подножия которой Керчь. Поручик хороший человек, все угощает молоком.

Вечером беседовал с ним. Он сам москвич, в германскую войну был в артиллерии. Говорит, что он левый с[оциалист]-р[еволюционер], марксист. Бежал из Москвы, где был арестован большевиками. Здесь же служит также по приказанию партии с[оциалистов]-р[еволюционе]ов до особого распоряжения. Он говорит, что в партии он был начальником боевых [э]с[е]ровских организаций Украины. Около часа он сообщал мне программу их партии. Программа мне понравилась.

18 апреля. Сегодня тянули линию и делали переключения Булганак—Тарханы, порт Мама[107]—Тарханы—Булганак и Катерлез—Булганак—Керчь. Гильдовский ездил делать переключение в порт Мама. Центральная работает на 6 номеров. Теперь похоже на центральную — беспрерывные звонки. Шапарев вышел из лазарета. Он все время болел тифом. Бредил. Во время бреда порезал санитару бритвой руки.

20 апреля. Поступил в нашу команду Башлаев, прибыло двое солдат-вольноопределяющихся (гимназисты из Лебедина А. Иваницкий и Т. Горпинка). Я, как старший телефонист, устроил их на квартиру и зачислил на довольствие. Уже кончаю дневник за Кубань. Целый день нечего делать, если бы не линия в штаб полка. Кабель дали поношенный, и он ежеминутно дает внутренние порывы. Дают г... и хотят, чтобы была связь.

24 апреля. Сегодня кончил дневник, довел до Геничевского десанта. Слава богу. Не знаю, что и писать. Сейчас абсолютно ничего не делаю, дежурю с Гильдовским на центральной. Питаюсь акридами и диким медом[108]. Ибо пища у нас не изменилась, так что едим один хлеб черно-красный, да еще прикупаем молока, если попадется монета. Здесь вокруг Керчи и окрестных сел масса каменоломен с длинными ходами. Есть ходы по нескольку верст. В этих ходах живут, говорят, дезертиры, просто бандиты. Поручик нам советует по ночам, если придется ходить в поле на линию, то брать винтовки. Винтовки у нас канадские, затвор — как у орудия. Сегодня рисовал вид из окна на пролив, Керчь и гору Митридат. Хорошо. Цветет миндаль и сирень.

26 апреля. Расстался с Корневым и Гильдовским, ушли в Алексеевское военное училище в Севастополь[109]. Гильдовский долго уговаривал меня ехать с ними.

— Я с тобой сжился! — говорил Гильдовский, идя со мной по полю.

Трава после дождика была мокра, и ноги у нас были покрыты росой.

— Едем! — упрашивал Гильдовский. — Что за смысл здесь тянуться перед разными Кальтенпупами.

Но я отказался. Сейчас, когда с минуты на минуту ожидается катастрофа, учиться на офицера — рискованно. Распрощался с Гильдовским и Корневым. Все-таки скучно. Из всей батайской команды (человек 150) остался один я да Шапарев, да еще Васильев (хотя тот поступил перед оставлением Батайска). Поручик Лебедев сегодня вечером позвал меня.

— Ну! — сказал он. — Расстался я с Гильдовским — он был мой друг и ближайший помощник, мне одному теперь совсем скучно, переходите ко мне на квартиру!

Я, недолго думая, — перешел. Поручик советовался со мною, как устроить линию (8-верстную) в порт Ян-Чекрак. Мы долго смотрели на карту. Я, чтобы не ударить лицом в грязь, делился с ним своими соображениями, хотя, конечно, линию наведем так, как найдет нужным поручик. Поручик Лебедев смеется: «Кальтенберг поправился! — говорит он. — Черт хрипатый, когда заболел, не подал рапорта о болезни, а сейчас поручик Лебедев утвержден начальником команды и теперь Кальтенберг живет на бобах — придется быть младшим офицером!»

10 мая. День моего рождения. Произошло переформирование нашего полка. Бригада переформирована в полк. 1-й и 2-й полки образуют два батальона. Самурцы ушли на фронт. Командиром полка полковник Бузун[110]. Теперь 2-й полк не будет ловчить[111]. Команда связи бригады и наша сведены в одну. Теперь начальником команды новый поручик Яновский. Поручик Лебедев — помощник его по технической части. Солдат человек 20. Новая компания Гусаковский, Левитский, Аносов, Головин, Солофненко — все хорошие певцы. Жаль, что ушли Гильдовский и Корнев, пожалуй, если бы они дожили до сегодняшнего дня в команде, они бы не ушли, так как теперь весело.

13 мая. День моего Ангела. Сегодня штаб полка переходит из Булганака в Катерлез. Пришлось перематывать линии. Теперь я младший в команде. Потому что есть старые солдаты из штаба бригады. Центральная в Катерлезе. Здесь же устраивают мастерскую аппаратов. Поручик Яновский очень хозяйственный и добрый человек. Устраивает общий котел, плохо, нет топлива, но он гоняет подпрапорщика Мартынова, чтобы тот раздобыл топлива — кирпичу-кизяка.

14 мая. Стою на новой квартире, на окраине Катерлеза, на выгоне против Керчи.

Я, Башлаев и Иваницкий. Вся эта улица занята нашей командой. Калинка ухаживает за одной ж. Но она старается убегать от него. Ну и нашел же даму, которую Корнев называл — камса.

17 мая. Наверное, придется прекратить дневник, так как писать нечего, да и бумага страшно недоступна. Стараюсь рисовать, и то по углышкам на полях. Я сейчас назначен надсмотрщиком линий. Моя обязанность — дежурить через два дня в центральной на случай порчи линии. У меня инструменты для исправления. В случае порчи далеко — дается подвода от старосты. Делать целый день нечего, т.к. я и не дежурю, а если линия порвется, то сообщат по телефону в мастерскую, а мастерская от моей квартиры через четыре хаты. Шапарев тогда выходит из мастерской на ворота и сигнализирует мне кулаками, прибавляя круглые словечки. Думаю провести к сети телефон, чтобы не дежурить в центральной. Иногда от нечего делать иду на пирс. По утрам забавная история. Обыкновенно в 6 часов утра отпадает 7-й номер — порт Мама. Звонит поручик Шевердин, морской офицер связи[112]. Он имеет аппарат в порту, и на его обязанности следить за морем и погодой. Обыкновенно утром звонок, и следующий диалог:

— Катерлез!

— Центральная!

— Дайте Керчь!

— Звоните! — Телефонист вставляет штепселя.

Шевердин полчаса звонит Керчь, барышню, затем просит соединить с морской, наконец его соединяют.

— Морская!

— Есть!

— Примите телефонограмму!

— Есть!

— Порт Мама. На море замечено в 14 часов 15 минут судно, которое шло в Керчь, очевидно наше. Состояние моря 4. Ветер норд-вест, температура плюс 14. Подписал и передал подпоручик Шевердин.

— Есть!

Отбой — и день на центральной начался. Шевердин был старикашка, уже 35 лет служивший в морской связи, и наши телефонисты каждое утро над ним издевались.

Звонок.

— Катерлез.

— Дайте Керчь!

— Звоните! — А Керчь и не дают. Звонит, звонит, и слышно по телефону:

— Керчь, барышня, Керчь, ах ты Господи! — Опять длинный звонок. Телефонисты хихикают, и наконец один берет трубку.

— Кончили! — кричит он.

— Да Господи! — плачущим голосом стонет Шевердин. — Еще и не начинали.

Наконец соединяют с городом. Барышня откликается, дает морскую, и телефонограмма по складам передается. Когда он передает температуру, там нетерпеливо перебивают:

— Есть «передал Шевердин»?

— Нет, нет, — стонет старик, — подписал и передал подпоручик Шевердин.

Сейчас и барышня его узнала и тоже издевается над бедным поручиком. От этого поручика я принимал телефонограммы еще в Булганаке. Однажды, это было в первые дни перехода в Булганак, линия в порт Мама два дня была прервана. Линия на простых дрючках. Что такое, наш Шевердин не откликается. А починка линии в его сторону была наша только до правительственного керченского провода. Он был исправен, значит, порыв у Шевердина, пусть он и починяет. На третий день поручик Лебедев встревожился и приказал Гильдовскому ехать осмотреть. «Поезжайте вместе, — сказал он и мне, — покупаетесь в море». Мы поехали. До порта верст 9. Смотрим дорогой линию — цела. Включались несколько раз. Поручик Лебедев отвечает, а Шевердин молчит. Вот и Мама. Небольшая деревушка. На берегу моря с градусником в руках стоит какой-то старик с белой бородкой в белом морском кителе. Мы сразу сообразили, что это Шевердин.

— Мы приехали из центральной...

— Голубчики, — перебил Шевердин, — третий день без связи. Погибаю!

— Но ведь линия цела, вероятно, у вас неисправен аппарат!

Мы пошли в дом. Гильдовский, со своей бесшабашностью, сразу открыл аппарат и вынул элементы.

— Ой, ой, ой! — закричал Шевердин, входя в дом. — Что вы делаете, что вы делаете, пропал аппарат, я сорок лет служу в морской связи и то не позволяю себе часто лазить в аппарат, ооо! Кощунство! Кощунство! — застонал он.

— Аппарат на себя работает! — сказал Гильдовский, соединяя контакты. — У вас, вероятно, внутренний порыв в кабеле!

Из соседней комнаты вышел денщик Шевердина. Вероятно, еще партизан Отечественной войны, на его обязанности было по утрам стирать с аппарата бережно пыль.

— Вот что, господин поручик! — сказал Гильдовский, увидав под кроватью круг медного провода. — Дайте нам несколько аршин провода, мы поедем, исправим вам линию!

— Что вы! Что вы! — удивился Шевердин. — Откуда же у меня провод, я не имею ничего!

— А вот! — вытащил Гильдовский из-под кровати новый провод.

— Да, да, — застонал Шевердин. — Но ведь это казенный... я не могу... не имею...

— Господин поручик! — перебил его Гильдовский. — Я вам даю слово, завтра пришлю из Катерлеза сто аршин такого же провода!

— Гм! — замялся Шевердин. — Обещаете!

— Конечно, обещаю! — скривил гримасу Гильдовский.

Шевердин полез в ящик стола, вынул кусачки и, достав из-под кровати круг провода, осторожно снял два завитка и внимательно осмотрел кусачки.

— Знаете что! — сказал он. — Мои кусачки что-то иступились, нет ли у вас своих...

Гильдовский достал из кармана кусачки и, взяв провод, хотел перехватить.

— Что вы! Что вы! — закричал Шевердин, вырывая круг. — Так вы провод попортите и кусачки ваши!

Он осторожно нажал несколько раз в одном месте. Переломил провод и подал нам, а остальной круг связал и положил под кровать. Вышли в поле. Линия идет по горам — кабельная. Гильдовский подпрыгнул и перервал кабель.

— Батюшки! — заорал Шевердин. — Нарушены провесы, нарушены провесы!

Гильдовский удивленно смотрел на него, он иначе никогда не обращался с линией.

— Как нарушены провесы? — спросил он.

— У меня по уставу стрела провеса 15 градусов, но я по своим соображениям...

— Где там нам уставы знать! — перебил его Гильдовский, включая аппарат. — На позиции приходится не по уставу, а по катехизису работать...

Повалили один столб и наконец нашли внутренний порыв. Исправили. Поставили столб. Гильдовский засыпал его землей и притоптал ногами.

— Батюшки! Батюшки! — застонал Шевердин. — Разве так — слушайте! — обратился он к толпе любопытных мальчишек. — Вы двое принесите мелких камней, вы двое покрупней, а вы еще крупней!

Через минуту у наших ног лежала куча камней всех сортов. Шевердин выбрал самые маленькие и бережно (как яйца вокруг зеленой горки на пасхальном столе) уложил их вокруг столба, пристукнул их большим камнем, затем сверху наложил больших камней, а сверху привалил большими камнями.

— Вот как надо! — сказал он, вставая. — Я так всю линию построил до правительственных столбов!

Пошли к дому. Шевердин доволен, что линия работает.

— Знаете что, — говорил он, — у меня есть лошадь, на которой я езжу по линии, но я на ней дальше пяти верст не езжу, не могу же бросить на произвол судьбы аппарат! — резонно добавляет он.

— Да вот порыв у вас под боком, — хотел сказать «под носом» Гильдовский, — и вы не исправили?!

— Голубчик! — похлопал по плечу его Шевердин. — Я предполагал, что порыв дальше, я проехал пять верст, а поверочного аппарата у меня нет, а не могу же я ехать дальше, ведь у меня... — И он опять заговорил об аппарате и об ответственности.

Мы садились на подводу, распрощавшись с Шевердиным, и, когда подвода тронулась со двора, из раскрытого окна послышалось:

— Морская? Ради бога, примите три телефонограммы. На море замечено...

20 мая. Сегодня исправлял линию на Керчь. Ветер повалил шесты. Шесты сосновые, легкие, а провод повесили телеграфный, железный. Шесты переломались. Утром один телефонист позвонил Шевердину, позвонил так, как на пожар.

— Ой! Ой! — послышалось в трубке. — Тише! У меня трехполюсный аппарат, слабый!

24 мая. В Катерлез пришел 52-й Виленский полк, он все время стоял на позиции у Сивашей. Наш полк вливается в него[113]. Начальник команды поручик Таунберг. Командир полка виленец полковник Подгорный[114]. Таунберг гордый и недоступный. Одевается с иголочки. Белоручка. Пьет три раза в день какао, болеет и солдатам только говорит: «Пхи!» — презрительно сжимая губы. Два солдата-виленца Бойер лет 15 и другой старый солдат, — его ближайшие друзья. Фельдфебель команды еврей Зак — виленец. Поручик Лебедев назначен заведующим информацией в команде. Теперь в команде человек 18 офицеров и человек 30 солдат. Имущества целый обоз. Мастерская разворачивает свою деятельность. Алексеевцы страшно недовольны этим, особенно старые офицеры. Они говорят: если виленцы прикажут одеть их форму, они уйдут на позицию в другие части. Бывший командир нашего полка полковник Бузун также недоволен.

24 мая. Высадка Слащева[115].

26 мая. К нам в команду прибыл чиновник Щетковский. С тремя звездочками на погоне. Мы его сперва называли господин поручик, он задирал голову, а теперь приказано называть — господин чиновник. Он говорит, что умеет летать на аэроплане, [ездить] на автомобиле, был инженером на Екатерининской железной дороге, поедет на велосипеде на стену и знает все уставы. Сегодня в мастерской Шапарев его экзаменовал по уставу — знает хорошо. Мы попросили его осмотреть коммутатор и найти неисправность. В коммутаторе была индукция. Он с деловым видом покрутил один винтик, другой и, повертев носом, проговорил:

— К этому коммутатору надо приделать громадную ручку, чтобы можно [было] хорошо размахать им и забросить его.

Но Шапарев нам ехидно шепнул: «Ни бельмеса он не понимает». Сперва Шапарев боялся, как бы он не отбил у него теплого места механика. Но

теперь спокоен. Чиновник Щетковский только хвастун. Шапарев же кроме своей работы починяет всем часы, швейные машины, граммофоны и проч. Деньгами не берет, а молоком. Ходит по мастерской в одной рубахе, как помещик, а на окнах молоко, сметана и опять молоко.

— Пей! — всегда угощает он меня. Я обпиваюсь. Он харьковский хохол и большой чудак, бежал от большевиков, прогорев в подряде на 70 тысяч, как говорит он.

Сегодня вечером были у поручика Лебедева, угостил меня молоком, дал газет.

— Ну что у вас нового? — спросил он.

— Ничего нет хорошего! — ответил я. — Виленцы все захватили и вертят по-своему!

— Ничего! — усмехнулся он, наливая еще молока. — Кажется, они довертятся, что уйдут на фронт, а мы останемся еще здесь, все недовольны ими, — добавил он.

28 мая. Черт его знает: новая метла чисто метет. Теперь у нас утром и вечером молитва, поверки, занятия. Я должен дежурить не в мастерской, а в центральной, завели книгу для записи телефонограмм. Украл из нее листов десять для дневника. В общем, довольно жить по-семейному. В центральной два коммутатора. Индукторный на 12 номеров и фонический на 6 номеров и еще отдельных 4 аппарата. Звонки и гудки не умолкают до поздней ночи. Днем дежурит и офицер. Все ничего, да пища скверная, вот сейчас пишу на голодный желудок. Иваницкий (я с ним по очереди хожу за обедом) принес манной каши с бычками и постным маслом. Поел ложки две, дальше не идет. Оставили — может быть, вечером съедим. Мясо бывает в неделю раз, да и то кость одна.

30 мая. Сегодня произошел скандал. Нас стали совсем паршиво кормить. Сегодня дали ячменную крупу с постным маслом и по две селедки. Полагается 5 селедок на двух, но каптер наш одну зажимает: «Не буду же я ножа сыростить!» — говорил он. «Так дай пять на двух, мы сами порежем!» Он молчит. Их лавочка. Каптер Левитский, Гусаковский и Аносов, три телеграфиста штабрига[116], они и ворочают в компании. На днях Куприянов был дежурным по кухне, дали мясо, они кости бросили в котел, а из мяса хозяйка квартиры им жарит на масле котлеты. Куприянов пошел и заявил Таунбергу. Они засыпались. Теперь злые на нас. Но никакого возмездия. Сегодня мы отказались брать обед и заявили, пусть дают деньгами лучше, как уже давно получают роты.

31 мая. Сегодня выдали два фунта черного хлеба (с остюками). Ложек 5 чайных сахару, ¼ фунта табаку на неделю, кусок мыла на месяц, чай (чуть не полфуражки на троих) и 1750 рублей кормовых на неделю по 250 рублей в день.

2 июня. Живу одним молоком, бутылка утром — 70 рублей, бутылка в обед 70 рублей и вечером, вот и все, да 2 фунта хлеба, и больше ничего. Можно бы чаю согреть, но вокруг, кроме камня, ни одной щепки. Народ бедный, вернее скупой и жуликоватый, — ярые большевики. Без денег не даст кружки молока и охапки соломы.

4 июня. Объявлен конкурс на трафарет для погон. Буква «А» — премия — 10 000[117]. Молоко уже опротивело, хочется чего-нибудь твердого. Эх! Борщу бы поел. Даже ходишь в ... как больной.

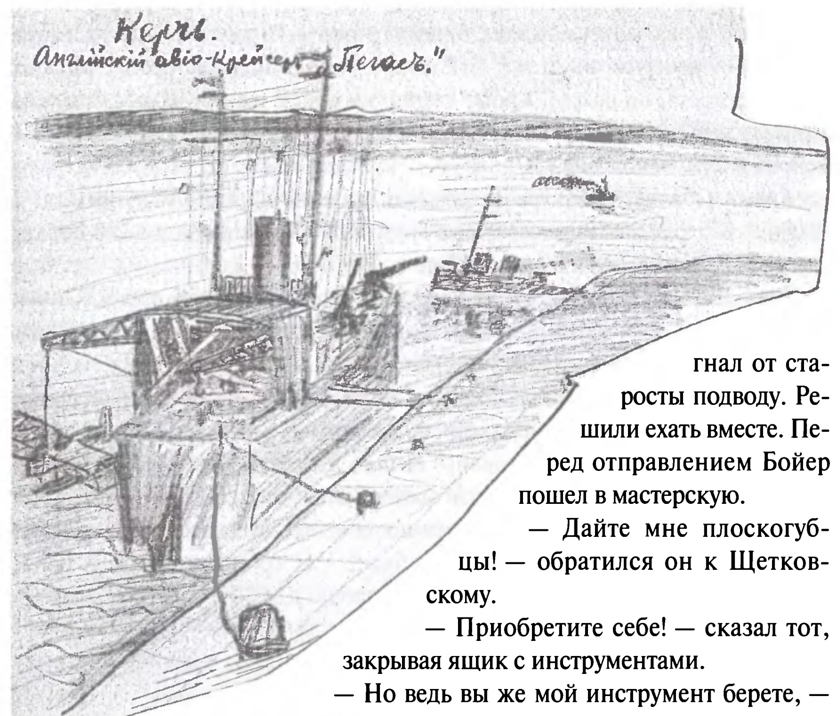
5 июня. Получил за апрель месяц жалованье 2200 рублей, как младший унтер-офицер. Офицеры получают каждый день 250 рублей кормовых и 15 000 жалованья и еще какие-то прибавки.

6 июня. С Иваницким был в Керчи. Постригся. Купался в купальне, купил ¼ фунта табаку, бумаги курительной из бандероли, один фунт белого хлеба и ½ фунта абрикос, и все жалованье вышло. Хотел купить орехов, но они 600 рублей фунт. Это мне надо почти полмесяца служить. Был на приморском бульваре. Много гуляющих, и все хорошо разодеты. Жизнь как была и в старое время. Вечером какой-то концерт будет. Уже собираются музыканты, устраивают сцену. Да, с деньгами можно хорошо жить. Не удалось сходить в музей — закрыт. Был на пристани, здесь стоит английский гидрокрейсер[118] «Пегас», на нем штук 15 гидроаэропланов. Опускаются с крейсера на воду краном, а по воде носятся, как по земле. Шесть человек матросов маршируют на берегу. Кругом поворачиваются через правое плечо, приемы у англичан неважные, не похожи на солдат. Стоят английский и русский миноносцы. Русский потертый, старый, но чистенький и блестит весь. На нем матрос «сушит мушку» (стоит под винтовкой). Идет лодка, за ней на лестнице стоит водолаз, англичане удивленно смотрят на него, у старого парохода водолаз опускается на лестнице в воду, и через минуту слышны подводные стуки.

8 июня. Сегодня выдавали шинели. Поручик Таунберг раздавал сам. Сперва выдал виленцам, а потом нашим. Мне не дал, но потом, когда оказалось, что хватит всем, дал и мне. Он на меня не доволен за то, что я не подлизываюсь к нему, как некоторые, а особенно Зак. Виленцы одеты вообще хорошо. Им Слащев зимой выдал все обмундирование. Не так, как у нас в Батайске, — на взвод один пояс и пара ботинок.

Чиновник Щетковский все мастерит в мастерской, завладел инструментами Бойера и никаких двадцать.

9 июня. Сегодня часов в 9 утра сообщили мне, что провод Катерлез—Керчь не работает. Я отправился в мастерскую взять инструменты. Бойер уже

гнал от старосты подводу. Решили ехать вместе. Перед отправлением Бойер пошел в мастерскую.

— Дайте мне плоскогубцы! — обратился он к Щетковскому.

— Приобретите себе! — сказал тот, закрывая ящик с инструментами.

— Но ведь вы же мой инструмент берете, — вспылил Бойер, — наконец, вы пользуетесь моими тисками, давайте тиски!..

Кинулся он к тискам.

— Не дам! — Щетковский обнял тиски. — Я их не съем!

Бойер пошел и заявил поручику Лебедеву. Поручик Лебедев был за что-то недоволен на Щетковского. Он обрадовался случаю и босый прибежал в мастерскую.

— Господин Щетковский, — грозно сказал он, — отдайте Бойеру кусачки!

Щетковский, бурча, повиновался.

Поручик Лебедев изъявил желание ехать с нами на линию и босый и без фуражки сел в подводу.

— Чиновник Щетковский! — крикнул он с подводы в окно мастерской. — Если я по возвращении с линии найду вас в мастерской, я с вами иначе разделаюсь. Сейчас же чтобы вас не было! Трогай драндулет! — крикнул он и, растянувшись на дне повозки из-под навоза, расхохотался. — А ну посмотрим, перепугается или нет, если уйдет, ну и дурак же он будет.

Мужик ругается. У него кобыла доится, она с жеребенком. Жеребенок дома, а в полдень нужно доить. Линия действительно была порвана. Бойер взял в руки телеграфный провод. В это время кто-то звонил. Бойер бросил провод с ругательством, испустив при этом звук (не ртом, конечно).

— Що мы тут будем дурака валять! — сердился мужик на Бойера и взял провод, чтобы соединить. — Ой! — вскрикнул он и упустил провод.

— Что?! — засмеялись мы.

— Звонэ! — недоумевая, смотрел на провод мужик.

Бойер полез на столб, а мы лежали на земле.

— Как хорошо, — говорил поручик, — смотрите, вид какой на пролив, на Тамань, черт его знает, не хочется возвращаться в этот душный Катерлез.

Порыв наладили. Подводчик просит поспешить, пора кобылу доить.

— Не бойся, дядя, — уговаривал его Лебедев, — и мы подоим!

Стали доить. Мы придерживаем ноги, а Бойер доит в бутылку. Кобыла брыкается, молоко брызгает на траву, на бутылку и на руки Бойера. Все же надоили полбутылки.

— Давайте поговорим с Шапаревым! — сказал поручик.

Включили аппарат.

— Центральная, дайте мастерскую!

Вызвали Шапарева.

— Что, чиновник не ушел? — спрашивает поручик.

— Сидит тут! — отвечает Шапарев.

— Передайте — возвращаемся!

Решили подстроить с ним штуку. Поручик ушел на квартиру, и мы вошли в мастерскую. Щетковский что-то пилил напильником.

— Господин чиновник! — сказал Бойер, подходя к нему. — Неужели вы сердитесь, ведь мы пошутили!

— Ничуть... — надулся он. — Я не дурак!..

— Интересно нам сегодня подвезло, — обратился Бойер к Шапареву, — едем в село, а одна баба, у нее корова отелилась, кричит, хотите молока, угощает нас, мы выпили и еще в бутылку налили, но мы уже напились вдоволь... Хотите? — предложил он Шапареву бутылку.

— У меня своего куры не клюют! — покосился Шапарев на окно с кувшинами.

— Может, вы выпьете? — обратился Бойер к Щетковскому.

— Отчего же!

И он выпил молоко.

Едва он выпил, как мы расхохотались.

— А знаете, молоко вы выпили кобылье!

— Это ничего! — спокойно ответил он. — Я люблю кобылье молоко, оно полезно!

Хороша польза, если оно текло через грязные пальцы Бойера.

10 июня. В Катерлезе устраивают аэродром. С Тамани часто прилетают большевицкие аэропланы и бросают бомбы в Керчи. Наши решили здесь поставить свои. Стоят три «Ньюпора»-истребителя и один тяжелый «Voisin—гарба»[119].

Сегодня вечером пришел в мастерскую. Шапарев лежал на диване на хозяйских подушках и гладил живот. Чиновник Щетковский сидел перед свечой и читал Генриха Сенкевича[120]. У него какой-то не то польский, не то жидовский акцент.

«О, хорошая погода не позволяет мне засиживаться в доме, — сказал Янек, — читал он, — и я часто выезжаю на охоту, бываю у Радзивиллов...»

Шапарев хлопал сонными глазами, как баран, и, вероятно, ничего не понимал.

«Месса совершалась на открытом воздухе, — читал Щетковский как пулемет, — и толстый аббат, отдуваясь от жары и тяжелых облачений, которые...»

— Пфу! — дунул Шапарев и задул свечу.

Секунда молчания. Мы очутились в темноте.

— Что это значит? — раздался удивленный голос чиновника.

— Значит, что пора спать!.. — сказал Шапарев, переворачиваясь на другой бок.

11 июня. Сегодня ночью подняли тревогу. Разбудили всех в три часа. Что такое? Настроение у всех повышенное. «В десант опять попадем», — шепчет всем по секрету Солофненко. Но после оказалось, что переносить будем центральную из частного дома в школу. Поручик Лебедев разбудил всех пораньше, чтобы к 8 часам, когда начнутся разговоры, центральная была на новом месте. Слава богу, успели навести новые линии. Только с портом Мама возились долго. Провод саперный (тяжелый), подвешен высоко на деревьях. Когда снимали, пришлось рубать, и так много бросили на месте. К 9 часам кончили. Жрать хочется страшно, а до обеда еще три часа, и денег нет. Решили попросить чего-нибудь и взамен дать кабеля. Зашли к одному хозяину. Конечно, народ здесь такой, что и не догадается так просто пригласить. Я и Фоменко-младший предложили ему саженей 40 трехмиллиметрового

телеграфного дроту[121], с ¼ версты саперного кабеля и два деревянных барабана-катушки. Он вынес кувшин молока, камсы, луку, редьки. Фоменко облизнулся на все это и нечаянно перевернул молоко. Больше у хозяина его не было. Говорит, сам покупает. Пришлось постничать камсой и луком, закусили хорошо и пошли спать домой. Легко и хорошо. Провод не тащить с собой.

12 июня. Сегодня в 6 часов утра перед поверкой я зашел на центральную. Дежурил Строков — мальчишка, недавно поступивший в команду. Он издевался над Шевердиным. Старик звонит в городскую, а Строков разъединяет и смеется. Меня это взбесило, и я сказал ему, если это повторится в другой раз, то скажу кому следует. Добро бы служил давно. У нас много новых: два брата Фоменки. Оба шоферы и мотоциклисты из связи Сводно-стрелкового полка. Попали сюда после расформирования их полка. Оба из Изюма, женатые, хохлы ярые.

13 июня. Сегодня я проснулся рано утром, разбуженный гулом. Вышел во двор. Солнце только взошло. Над Керчью парил большевицкий аэроплан и бросал бомбы. Около железнодорожного моста подымались большие черные столбы дыму. Бомбы падали за городом. Крейсер «Ростислав» стрелял из зениток. Аэроплан описал несколько кругов над городом и повернул на Тамань. Жалко, что не долетел до нас. Шапарев и Мартынов вечером ходили в город, Зак уехал в командировку, и я производил поверку. После поверки пошли на выгон с песнями.

14 июня. Сегодняшнею ночью была сильная гроза. Я пошел на центральную и застал такую картину. В учительской, где были аппараты, было пусто и темно, телефонисты столпились в другой комнате. Что такое? Смотрю, из коммутатора при всяком блеске молнии вылетает сноп пламени с сильным треском и освещает всю комнату. И это ежеминутно. Телефонисты перепугались и боялись подойти.

— Может быть, выключить аппараты? — спрашивали они меня.

— Ничего не трогайте! — сказал я. А то по ошибке вместо линий выключат землю — и крышка всем аппаратам. Вся надежда на громоотводы.

Целый день возились с линиями. Грозой порвало провода, поломало шесты. К двум часам дня восстановили всю связь.

15 июня. Вечером был на аэродроме. Был на поднятии и спуске аэропланов. «Le voisin» долго не возвращался. «Ньюпор», сопровождавший его, вернулся, говоря, что потерял его из виду. Всполошились. Ведь «Voisin» неповоротливый, может быть, его атаковал красный. Быстро послали другой

«Ньюпор». И этот вернулся через два часа, говоря, что нигде не видел его, ни на земле, ни в воздухе. Уже 9 часов вечера, но я лучше прозеваю поверку, а узнаю, в чем дело, не ухожу с аэродрома. В половине 9-го послышался звук мотора.

— Гарба! Гарба! — закричали солдаты.

— Зажигай костер!

Быстро запылал костер. «Le voisin» благополучно спустился. Летчики кинулись к нему.

— В чем дело?

— Да решил побывать в Екатеринодаре! — улыбался пилот, вылезая из гондолы.

Летчики жали ему руки. Сели на автомобиль и полетели в Керчь ужинать. Читаю из школьной библиотеки «Король Лир» Шекспира.

16 июня. Прибыло пополнение. Читал газеты. Наши в Северной Таврии прорвали фронт и наступают. Генерал Слащев высадился большим десантом у Кирилловки, где высаживались на Пасху мы, занял Геническ и соединился с Чонгарской группой. Вечером наш крейсер «Ростислав» подбил свой аэроплан. И радио послал в крепость. Летчики страшно ругались по телефону. Аэроплан упал в воду у большевицкого берега (Большая коса). Виден из воды хвост. Наш катер хотел его вытащить. Но большевики не допустили — огнем. Бедный летчик. Неприятельского еще ни одного не подбили, а свой подбили.

17 июня. Утром была сильная гроза и ливень. Поломало шесты. Возились с линией часа три, пока наладили связь. Уже шесты у нас есть на ½ аршина от земли, до того изломались. После обеда были занятия. Занимался поручик Бубликов.

18 июня. Интересный случай был сегодня с поручиком Бубликовым. Поручик Бубликов, подпрапорщик Мартынов и Солофненко играли в преферанс в саду на квартире Бубликова. Было очень жарко. Бубликов снял пояс, расстегнул воротник. Жарко. Пришлось расстегнуть штаны. Почти раздетый, он сидел спиной к калитке. Вдруг калитка открылась, к нему в гости идет знакомая сестра милосердия. Мартынов ее заметил, хотел было сказать Бубликову, но потом промолчал, решив устроить штучку.

— А я к вам! — сказала сестра, подходя сзади к нему.

— Ох! Ох! Ох! — застонал Бубликов и лег грудью на колени.

— Да бросьте стесняться! — смеялась сестра. — Ну стоит ли стесняться, если воротник расстегнут! — Она думала, что он закричал, так как у него расстегнут воротник.

— Уходите! Уходите! — кричал Бубликов, подлезая под стол.

Сестра подошла к столу и тут только увидела всю картину. И с визгом выбежала из сада.

Солофненко и Мартынов как бомбы влетели в мастерскую и, едва выговаривая от смеху, передали нам этот случай. Смех стоит.

20 июня. Вчера вечером в порту Мама поднялась тревога. Часов в 8 вечера заметили пароход, который приближался к берегу. Затрещали телефоны.

— Керчь, Керчь! Что за пароход?

Как раз линия в Керчь не работает. Вот жара. Стрелой полетели на линию. В порту Мама стоят две батареи. Одна новая — английские орудия, другая полковника Думбадзе, орудия 70-го года еще Турецкой войны с ядрами и фитилями. Но последняя батарея была в сто раз исправней первой. Слышно в трубке, как в Маме передают батарее готовиться к бою. 1-я батарея только зашевелилась, а Думбадзе уже кричит: «Огонь!» Через минуту послышался отдаленный гул. Батарея открыла огонь. Адъютант полка страшно волнуется, кричит по телефону, чтобы не стреляли, обождали. Вдруг линия Керчь заработала. Из Керчи кричат, что пароход свой — ледокол «Страж».

— Сво-ой! — разочарованно ответили из Мамы.

Очевидно, им хотелось пострелять.

Вечером был на аэродроме. Наш летчик сбил зажигательными пулями большевицкий аэроплан. Тот летел против солнца и не заметил нашего.

21 июня. Чертовы блохи! Их прямо миллиарды. Нет покоя ночью никак. Сегодня легли спать под скирдой соломы. Я, Иваницкий и Солофненко. Только уснули, вдруг меня кто-то будит.

— Вставай скорее!

— Что такое?

Шапарев меня будит. Ну, конечно, так и знал, линия куда-нибудь не работает.

— Иди, брат, скорее, — говорит Шапарев, — линия на аэродром не работает.

— Вот досада, как раз уснул, сколько времени?

— Час ночи! — крикнул Шапарев, уходя, и добавил: — Я открою в мастерской окно и на окне поставлю аппарат и катушку, когда вернешься с линии, поставишь обратно на окно.

Он ушел.

Я начал одеваться. Было прохладно и сыро. Была большая роса. Шинель на мне была влажная. Луна ярко освещала огород и золотила солому. Солофненко и Иваницкий, закутавшись в шинели, мирно храпели под скирдой. Счастливцы! Плохо быть надсмотрщиком. Тревожат, когда угодно. Вышел

на улицу. Хлопцы и девчата еще гуляют. Слышны смех и песни. Чтобы не идти к центральной, решил пойти напрямик через огороды. Включиться в середину провода, какая сторона не ответит, в ту и пойду. Так и сделал. Центральная ответила — аэродром молчит. Пошел к аэродрому. Смотрю на провода. Целый. Иду дальше. Целый. Прошел квартал — целый. Уже и аэродром. Луна ярко освещает большие белые птицы. Они недвижимы, отдыхают до утра. Вот и квартира летчиков. Провод идет в окно. Где же порыв? Что за черт? Я включил свой аппарат у окна. Центральная ответила. Дали звонок. Аэродром молчит. Значит, неисправен аппарат.

Вхожу в дом. Летчики только прилетели с Кубани и сидели за ужином, делясь впечатлениями. Один рассказывал, как он выслеживал ангары большевиков.

— Разрешите войти! — сказал я.

— Пожалуйста, что, из связи?!

— Так точно!

— Вот хорошо! Посмотрите, что за причина, сразу оба аппарата перестали работать!

У них было два индукторных. Один наш, другой — прямой провод Керчь — штаб укрепленного района.

Я подошел к аппарату. Дал звонок, звонка нет. Соединил контакты. Получился звонок. Поверил батарею. Внутренний ток есть. Аппарат исправен. Значит, что-нибудь с землей. Я начал разматывать провод, и что же: на ручке форточки, где был он укреплен, провод перерезан и завязан мертвым узлом; у другого аппарата — то же. Соединил. Центральная и Керчь ответили.

— Линия работает! — доложил я и пошел домой.

22/VI. Утром я вскочил, разбуженный страшным гулом. Над аэродромом низко парил большевик и бросал бомбы. Это первый случай налета на аэродром. Через две минуты взвился наш «Ньюпор», заранее предупрежденный по телефону из Керчи. Красный же благополучно удрал, не причинив вреда.

В связи с этим налетом мне показалось подозрительна вчерашняя порча линий на аэродроме, но я никому ничего не сказал. Может же быть случайное совпадение. Сегодня обстреляли Калинку. Он ехал верхом по линии Мама—Тарханы. В том районе каменоломни, где, как говорят, скрывается много бандитов. Только Калинка начал сращивать кабель, из-за бугра раздался выстрел. Пуля просвистала над головой. Калинка был без винтовки и удрал. Послали учебную команду — ничего не нашли. Позавчера там же зажгли неизвестно кто саперный провод, который лежал на земле. Сгорело с ½ версты провода и несколько копен сена.

23 июня. Страшная жара. Ходим босиком, едим миндаль и абрикосы. Лето в разгаре.

Сегодня утром по нашей улице везли молотилку и порвали провод в мастерскую. Провод был перекинут через улицу от одной трубы хаты к другой. В Катерлезе нет на улице ни одного дерева, а дома черепичные с кирпичными причёлками[122], заборы все из дикого камня. Прямо хоть плачь телефонисту. Некуда прицепить провода. Ни на хату, ни на дерево, ни на забор. И вот мы цепляем с трубы на трубу.

Когда молотилка порвала провод, то повалила верхушку трубы. Думали, думали, как его лучше прицепить, и решили привязать за ту же трубу. Нужно лезть на крышу. Крыша старая, черепичная. Лезть нужно легкому человеку. По общему решению таким оказался Строков. Строков полез. Мы сидели внизу. Было часов 5 утра. Вдруг на крыше раздался крик. Мы глянули туда. Строкова на крыше не было. Где же Строков? Вдруг из черепицы показалась голова. Бедняга провалился на чердак.

Перепуганная баба с ругательствами выскочила из дверей, за ней, плача, выбежали детишки. Крик, шум, гам. Баба хочет на нас жаловаться. Черт с тобой! Жалуйся! Чем мы виноваты, что на улице ни одного дерева, ни одного сука.

Сегодня давали обмундирование: сумки, фляжки, пояса. Солофненко по секрету мне говорил, что он слыхал в штабе полка, что мы скоро поедем в десант на Кубань, будто бы в Тамань. Там, говорят, все дешево.

24 июня. Скука страшная. Виленский полк завтра уходит на фронт, а наш остается. Добились своего. Чиновник Щетковский сошелся недавно с одной бабой. А сейчас уже ссорится с ней. Поручик Лебедев от имени командира полка вызывает его в штаб. Чиновник идет, конечно, напрасно, возвращается обратно, а поручик Лебедев с его женой гуляют на горе у монастыря и оттуда строят ему рожки. Щетковскому и так беда, он взял подряд поставить в определенный срок для полка трафареты[123]. Срок прошел, трафареты не готовы, каждый день он бегает в Керчь.

26 июня. Наш сосед имеет громадный абрикосовый сад. Здесь развито абрикосоводство. Он уже несколько дней приглашает нас стеречь его сад. Мы стережем. Едим абрикосы вволю. И лимонные, и персидские. Всех сортов. Поручик Бубликов до того наелся, что лежал под деревом, схватился за живот и не мог пошевелиться. Целую ночь мы носили абрикосы в карманах английской шинели к себе в огород под копны, а утром из-под копен в дом. У нас в комнате ½ мешка абрикосов. Уже надоели.

Хозяин приглашает стеречь и сегодняшнюю ночь, но мы решили сегодня поспать дома. Абрикосы еще есть.

28 июня. Сегодня абрикосы вышли, и мы пошли опять стеречь сад. Лежали под деревом на траве и едим сочные абрикосы. У нас канадская винтовка — новая, лакированная. Часа два ночи. Вдруг из-за каменной загары выглянула голова, за ней другая. Мы заметили и лежали не шевелясь. Голова скрылась. Через минуту через забор перепрыгнуло человек 10 парней и быстро подбежали к дереву. Один полез на него.

Иваницкий осторожно приподнял с травы винтовку и тихо, не производя шума, вставил в затвор патрон. Потом медленно прицелился в дерево, на котором сидел вор. Хлопнул выстрел. Парни, как воробьи, кинулись через забор, оставив трофей — пустой мешок.

Утром из сада, где живет командир полка, один тип тащил целый мешок абрикосов. Бесстрашный.

29 июня. Сегодня во дворе командира полка гремит оркестр. Справляют именины командира полка. От нечего делать ходим на линию. Квартира полковника Старикова — центральная. Линия идет через один сад. Там хорошие абрикосы. Вот мы под видом поверки линии через забор лезем в сад и пробуем. В этом году я столько поел абрикосов, как никогда.

1 июля. Сегодня ночью в саду был интересный случай с Вишневским (помощником Шапарева — рабочим екатеринославского Брянского завода[124]).

Иваницкий заметил, что кто-то перелез через забор и рвет абрикосы. Иваницкий обежал вокруг сада, чтобы отрезать вору дорогу на улицу, и крикнул:

— Стой, кто здесь?!

Из куста раздался жалобный голос.

— Это... это... Ива... Ива... Иваницкий?

— Я... а ты кто?

— Я, я, я — Вишневский!.. Я немного... Мне Шапарев сказал...

Я подбежал к ним. Вишневский был высокого роста, лет 35, но застенчивый страшно.

Мы удивились ему.

— Ведь мы же просили тебя, — сказали мы ему, — приходи, если хочешь, прямо в сад, зачем же ты пошел красть?

— Да я, я... не знаю... — говорил он испуганно.

— Ну иди, — сказал ему Иваницкий. — Вон посреди сада дерево, там хорошие абрикосы!

Вишневский пошел.

Возле того дерева была привязана цепная собака. Как она его не тронула — не знаю. Но собака умная. Днем она на нас кидается, а ночью идешь мимо нее с винтовкой — лежит спокойно.

3 июля. Идут усиленные занятия. Завтра приказано построиться с сумками, винтовками, фляжками. С полной выкладкой. Говорят усиленно, [что] едем в десант.

4 июля. Был осмотр выкладки. Занимались в саду под абрикосами. Занимался поручик Бубликов. Он хороший человек. Лежим под деревом и едим абрикосы.

5 июля. Сегодня работал на току у соседа. Крутил веялку. То я кручу — Солофненко насыпает, то Солофненко крутит — я насыпаю. Грязные, пыль и пот по всему телу. Зато обедали и ужинали хорошо. Работали с 5 часов утра и до 8 вечера. Генерал Врангель издал приказ, чтобы войска на местах стоянок помогали крестьянам убирать хлеб за плату по соглашению. Висит новый закон о земле, где земля передается крестьянам в собственность.

6 июля. Вечером в 8 часов. Кончили веять пшеницу. Перевеяли ворох три раза и снесли зерно в амбары. Навеяли пудов 500. Получили за работу по 4000 рублей. Помылись. На завтра приглашают работать на молотилку, 5000 рублей в день, и работа легче. Но мы решили завтра идти погулять в город.

7 июля. Сегодня с Солофненко ходили в Керчь. Весь заработок оставили в городе. Парикмахеру 50 рублей. Купальня 50 рублей. Белый хлеб 300 руб. фунт. Табак, мыло. Остальные отдам хозяйке за молоко.

11 июля. Скука страшная, делать ничего не хочется. Сидим целый день в мастерской. Поручик Лебедев босиком лезет в мастерскую и начинает от

скуки философствовать о кубистах, футуристах. Шапарев, отдуваясь от жары, ходит по мастерской в одних штанах и бормочет себе под нос: «Чы ни[125] пошли бы вы все...»

15 июля. Ну и жара. Село все из камня. Прямо жжет и сверху и снизу. Нечего и писать. Кормят скверно. Куприянов часто ссорится со всеми, на дежурстве спит, но хитрый парень.

Когда его подпрапорщик Мартынов начнет пробирать, он говорит:

— Виноват, господин поручик!

— Что, что... что вы сказали? — смягчается Мартынов, переходя от «ты» на «вы».

— Виноват, господин поручик! — не моргнув глазом повторяет Куприянов.

— Гм... гм... да-с... пока еще не подпоручик... — млеет Мартынов, мечтая о двух звездочках, как Шапарев о подпрапорщике.

20 июля. Ура! Едем в десант! Прощай керченское молоко, вода, камса, противные абрикосы, от которых у меня давно понос. Сегодня наш полк переходит в село Карантин. Хотя начальство ничего не говорит, но на устах у всех поход. Довольно! С Пасхи засиделись. 4 месяца. А, признаться, не особенно хочется ехать. Генический десант еще до сих пор не выходит из памяти. Сегодня целый день мотали линии. Не ел до вечера. Устал страшно. Пишу эти строки, сидя у стола, на котором лежит сумка, тесак, скатка, фляжка. Сейчас уйду с мастерской. Хозяйка стоит у дверей — очевидно, боится, чтобы чего не унесли. Не знаю, что здесь можно унесть. Печку или трехкопеечный стол. Нас сменяют юнкера Корниловского военного училища. Они разматывали свои линии следом за нами. Работали неумело, видно, у них

была мала практика. Мы быстрее сматывали, чем они разматывали. Мы им сказали, что ожидать их не будем, а если они хотят проследить, как у нас была налажена связь, то пусть прямо ложат линию на землю, а не цепляют к шестам. Они послушались. Ну! Пропала их линия! Пришли сюда какие-то калмыки. Бабы их боятся. Жители здесь напуганы прошлогодним усмирением восстания, когда чеченцы не разбирали виновного и невиновного, и просят, чтобы мы не уходили[126]. Нет, довольно попили нашей кровушки. Юнкера останутся на охране Керченского полуострова.

Погрузили мастерскую. Шапарев мне говорит, что чиновник Щетковский думает ехать с женой на подводе, «но мы ему не дадим! — смеется он. — Погрузи так подводы, чтобы ему не было места!». Я постарался. Двинулись. Проезжаем мимо квартиры Щетковского. Он выбегает на улицу:

— Куда же вы едете, а я?!

— Я не знаю! — пожал плечами Шапарев и не остановился.

— Возьмите же меня! — взмолился Щетковский.

— Давайте возьмем! — сказал я Шапареву.

Тот поморщился, но остановил подводу.

Щетковский уселся на задок, жена его держала узелок с пирожками и разной дрянью. Вечер. Проходили Керчь строем. В колонне по четыре. Я шел за взводного первого взвода. Публика удивленно смотрит, куда это движутся войска. Настроение у всех приподнятое. Неизвестность — и радует и пугает.

Село Карантин расположено в 5 верстах к юго-западу от Керчи, на берегу Черного моря, при окончании Керченского пролива. Берег каменистый высок и красив. По берегу, утопая в зелени, красуются богатые виллы. На горе село и церковь. С площади красивый вид на Черное море, пролив и «тот берег». Тамань. Видна Таманская церковь. Чаще и чаще публика смотрит туда, ведь скоро будем «там». Жители здесь хотя и лучше катерлезских, но цены солидные. Средний арбуз — 1000 рублей. Книжка английской ris-

papir[127] — папиросной бумажки — 250 рублей. Здесь стоит весь полк. Тысячи две народу. Стоим человек по 10 в одном доме. Хорошо, что погода хорошая, спим на огороде. Каждый день усиленные занятия, после занятий купаемся. Вода в Черном море очень плотная, и легко себя чувствуешь. Перед десантом я хочу научиться плавать и не могу. Никак не могу оторвать ног от дна. Иваницкий учит, но ничего не получается. А научиться необходимо. Линий не тянем. Пользуемся правительственными. Да и вообще заметно по всему, что мы накануне выступления. Поверили аппараты. Пересмотрели батареи. Перемотали, починили кабель. Заменили канадские винтовки русскими со штыками. Тесаки оставили для работы по линии. Имущества у нас много. Пожалуй, больше, чем было в Батайске. Там не было индукторных аппаратов и коммутаторов.

23 июля. Произошло переформирование. Наш полк входит в состав Сводно-Алексеевской дивизии: Алексеевский пехотный полк, Константиновское военное училище и Алексеевское военное училище. В дивизии будет тысячи три с половиной народа. Дивизию принимает генерал Казанович — старый алексеевец первого похода[128].

24 июля. Сегодня ходили на парад под Керченскую крепость. Полк встречал начальника дивизии. На зеленом лугу у валов старой крепости выстроился полк. Мы были с сумками и винтовками. По дороге, подымая облака пыли, несся к нам автомобиль. Раздалась команда: «Смирно! Слушай на караул!»

Звякнули винтовки в руках двух тысяч человек и замерли неподвижным лесом штыков.

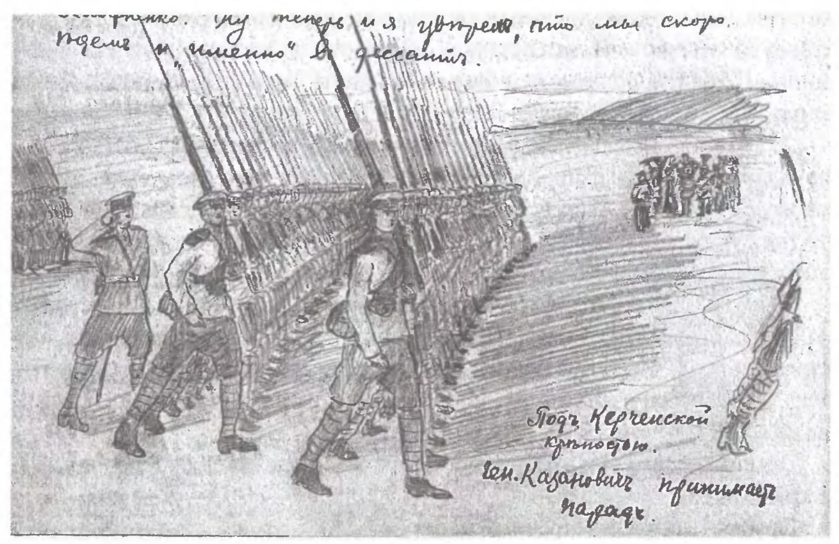
Трубачи заиграли встречный марш.

Генерал обходил по фронту, здоровался, разговаривал со старыми алексеевцами. Во время обхода прилетел большевицкий аэроплан. Наш поднялся ему навстречу. Из Керченской крепости начали бить по нему из тяжелых орудий. Один снаряд этого орудия упал в Карантин и не разорвался. Зарылся в хлеву. Бабы окружили двор и боятся зайти внутрь двора. Был воздушный бой. Большевик удрал.

В Катерлез прибыло еще 6 аэропланов. Больших, со стрелами на гондоле. Говорят, это для десанта.

25 июля. Сегодня обучали нашу команду какой-то новой сигнализации аэропланам. Занимался летчик-офицер. Получили два больших полотна аршина[129] в 2 шириной и аршин 9 длиной. По краям в ширину две палки, как в географической карте. Так что они сматываются и разматываются. Нужно по заранее полученной инструкции знать, какой знак расстилать: крест, бук-

ву «Г», букву «Т», угольник или же тупой угол, острый. Если покажется аэроплан, следить в бинокль — свой или чужой. Если заметят, что свой, быстро расстилать полотно, стараясь на таком месте, где может сесть аэроплан, причем нужно разводить при этом костер, чтобы летчик по дыму мог судить, откуда ветер, чтобы ему спускаться против ветра. Тайну букв на каждый день должны сообщать свыше и держать в секрете. Знать должны только мы и летчики. Назначены постоянные сигналисты, Иваницкий и Солофненко. Ну теперь и я уверен, что мы скоро идем, и именно в десант.

Говорят, мы поедем на Новороссийск. Слухи ходят разные. Говорят, что готовится сразу несколько десантов. Были занятия. Перед вечером занимался поручик Аболишников. Ему хотелось разучить под ногу песню «Скажи-ка, дядя!» — с разными выкрутасами. Но ничего у нас не получалось. Часа 1½ ходили взад и вперед, пока начало выходить что-то. Уморились страшно.

27 июля. Сегодня выстраивались с винтовками и полной выкладкой, ходили на стрельбу. Выдали по два патронташа. Стрельба в ротах идет уже с неделю. Дали ружейного масла для винтовок. Сегодня получили по 4000 рублей кормовых денег, по две пачки табаку, бумаги. Приказано при высадке на Кубани не удивляться, что там все дешево, и не сыпать деньгами зря. Ну теперь и убеждаться нечего, что идем на Кубань. Сегодня Шапарев и Иваницкий, купаясь, заснули на камне и чуть не плачут. Солнце пожгло спины им, кожа полопалась.

28 июля. По вечерам мы сидим в конце села на каменном заборе и поем. У нас хорошие певцы. Левицкий 1-й тенор, Гусаковский 2-й и Аносов бас. Их любимая песня: «Уже років двісті, як козак в неволі»[130]. Невольно вслушаешься в текст.

Ой, рада б я вийти,
Тай сама в неволі,
У неволі у ярмі,
Під московским караулом
У тюрмі[131].

Они поют с чувством, умело. Ночь тихая и теплая, настраивает на далекие-далекие и невозвратные мечты. А с большевицкой стороны подымается длинный луч прожектора и скользит по нашему берегу, временами ослепляя нас своими лучами.

Скоро будем там!

29 июля. Сегодня получен приказ: быть готовым людям и обозам. Завтра в 11 часов дня всем быть уже в Керченской крепости на пристани. Сегодня горячка, готовятся, укладываются. В мастерской у нас полный содом. Упаковывают аппараты, элементы. Элементы у нас все наливные, сухих нет. Приходится много бросать. Идет перемотка кабеля. Весь кабель с мотков приказано перемотать на катушки. На деревянные барабаны. По 4 версты кабеля. Итак, опять поход, опять поедем за море. Охоты особенной нет. Не знаю, чему все так рады. Предстоит еще раз отдать службу Родине.

Завтра идем. Но куда?..

30 июля. Сегодня еще рано утром двинулись обозы в Керчь. К 9 часам уже все было в крепости. Я с двумя человеками и одной двуколкой остались последние. Нам приказано дежурить, пока уйдет командир полка. По его отъезде снять три аппарата и смотать линию до крепости.

В 11 часов мы входили в ворота крепости. Керченская крепость — одна из старых крепостей. Но роль ее, как и вообще роль крепостей теперь, не значит ничто, и последняя служба ее Родине была в средине прошлого столетия[132], когда, не желая пустить англичан в Азовское море, спешно сделали из камня поперек Керченского пролива косу, теперь эта коса (около 4 верст длины) затянута песком и незнающий человек может всегда ее принять за природную отмель. С суши крепость не представляет решительно никакого укрепления. Даже подходя к ней вплотную, сразу не обратишь на нее

особого внимания, просто какой-то бугор, заросший васильками, синяком и другими сорными травами. В крепости масса ходов. Ходов так много и они такие запутанные и большие, что не всякий решится далеко ходить по ним. Во многие ходы давно не заглядывал человек. Факт: недавно извлекли из далеких ходов трупы людей — как оказалось, красноармейцев, расстрелянных в 1918 году германцами[133]. Прошло два года, пока открыли трупы. Говорят, план всех ходов имеется у коменданта крепости. В одной подземной галерее на стене на высоте трех саженей у слуховых окон красуется нарисованный углем на стене громадный портрет генерала Врангеля. Особых сооружений в крепости нет, кроме небольшой часовни, дома коменданта и служащих радиотелеграфа, фонтана и высокой башни с телефоном и пулеметом против аэропланов. Громадные казармы, пекарни — все это находится глубоко под землей, стены бетонные, по нескольку аршин толщиной, и только трубы, выходящие из курганов, выдают их присутствие. Особая ветка железной дороги идет от Керченского вокзала в крепость на пристань.

На пристани идет суматоха. Идет погрузка на пароход «Амвросий» лошадей. Лошадь командира полка грузили около часу. Никак не дается, чтобы ее подняли, брыкается и срывается уже в воздухе. Ординарцы прямо измучились с нею. Наконец ее связали, окрутили со всех сторон, и лебедка заработала. Лошадь забрыкала ногами, но не тут-то было. Она повисла в воздухе и, опустив голову, печально заржала. На пристани поднялся смех. Мы погрузили свою повозку с лошадьми. Людям приказано быть на молу против крепостных ворот. Жарко. Бегаем пить воду. Фляжки то наполняются, то осушаются.

Часов в 6 вечера полк выстроился на деревянной набережной. Здесь стояла баржа громадных размеров. Подошли юнкера-константиновцы[134]. Вероятно, поедем на этой барже. Баржа «Чайка» громадных размеров, вся железная, плоскодонная.

Полк выстроился в каре. Посреди поставили аналой. Священник, отец Солофненка, и церковник Ив. Николаев, бывший шофер, уже дожидались здесь. Ждали начальника дивизии. Солнце уже заходило. Был теплый тихий июльский вечер. Волны слабо плескались о борта баржи и деревянной пристани. Люди стояли, тихо переговариваясь. Все с винтовками, сумками, скатками. Пулеметчики с пулеметами. Настроение у меня неважное. Как ни было плохо в Катерлезе, но сейчас бы лучше сидеть там, ходить опять на аэродром, бегать по линии, стеречь абрикосы соседа. В вышине парил большевицкий аэроплан. Вдали послышался гул автомобиля.

— Начальник дивизии! — понеслось по рядам.

— Полк, смирно! Равнение направо и налево! — раздалась команда командира полка. Стало тихо. Минута ожидания. Все притаили дыхание. Но оказалось, это был не начдив.

— Полк, оправиться!

Началось молебствие. Священник сказал речь, что настала минута послужить Родине и сразиться с коварным врагом, который, захватив святыни московские, торжествует там.

— Нас мало! — сказал он. — Но мы правы, а мы знаем, что не в силе Бог, а в правде!

Он окропил нас святой водой, пошел на баржу и там все окропил.

Началась погрузка. Около трех тысяч село на баржу. Теснота страшная. Едва-едва можно сесть, скорчившись, а лечь нельзя никак. Пройти тоже невозможно. Оружие и амуницию бросили в трюм, и на них тоже сидят, как сельди в бочке. Но говорят, что сейчас будет перегрузка на пароход. Обозы и все хозяйство наше на пароходе «Амвросий», там часть команды, Шапарев, чиновник Щетковский, писарь Капустян и другие, а здесь нас человек 10 с катушками, шестами и аппаратами. Подходит катер и берет нас на буксир. Заработала машина, и мы медленно отделились от берега. С пристани собравшиеся жители машут платками, некоторые крестят. Какой-то солдат заметался на пристани. Он не успел сесть на баржу. Через три минуты он, голый, бросается в воду и плывет за нами. Катер все прибавляет ходу, солдат отстает.

— Нажми, нажми! — кричат ему с баржи.

Он выбивается из сил, но нажимает, подаем ему шест. Он на барже.

Теснота страшная, хотя бы скорее перегрузка. Шутка ли, около трех тысяч народу.

Уже темнеет.

Катер выходит из гавани. Входит в пролив.

— Вот и перегрузились! — разочарованно заявляют несколько голосов.

Мы уже идем в пролив.

Интересно, куда пойдем — в Черное море или в Азовское? Гадают, спорят, ругаются.

Катер заворачивает на север.

— В Азовское! — кричит ординарец Фетисов. — Ага, я же говорил — в Азовское!

Вечер теплый, «августовский». Слева плывет назад высокий берег Крыма, мерцая огоньками Еникале. Справа далеко темнеет таманский берег.

Волны ласково хлопают о борт баржи. Она то опускается носом, то плавно подымается вверх.

— Господа, не шуметь, — раздалась команда, — прекратить курение! Близка большевицкая коса.

Мы сидим, тесно прижавшись друг к другу. Вещи внизу, там и дневники. Что-то будет? Может быть, завтра многих не будет уже на этом свете в живых.

31 июля. На барже. Лежу на железной крышке вышки и пишу эти строки. Здесь ординарцы и часть нашей команды. Спали сидя, прижавшись к Хрисанфову, Иваницкий лежал на моих ногах. Проснулся часов в 5 утра. Кругом чистое море, берегов не видно. Солнце восходит справа — значит, пошли на север. Наш пароходик пыхтит и, ныряя в волнах, везет нас все вперед и вперед. Тихо, но море волнуется. Страшно печет солнце. Часов в 9 дали черный хлеб (с остюками) и консервы на 5 человек коробка — кролики в какой-то жидкости — a la bulion[135]. Пить хочется страшно, а воды нет. Не знаю, есть ли она на барже.

10 час. Жажда ужасно мучит. Эти проклятые кролики. Пить, пить, пить. Кто-то ест арбуз. Ох! Пить ужасно хочется. Почему на барже нет воды и ничего не сказали. Мы бы с собой взяли.

11 часов. Слева и справа на горизонте дымят пароходы. Их насчитывают 14 штук. Пить страшно хочу. Жара. Железо горячее. Сползаем с башенки, невозможно сидеть. Пот катит градом. Из трюма вылезают наверх, но их не пускают — некуда. В трюме говорят: как в бане, можно задохнуться.

12 часов. Вытягиваем котелками морскую воду и обливаемся. Иваницкому налили за воротник целый котелок. Смех. Один другого обливает. А во рту

жжет. Я держу полведра морской воды. Вода чистая, видно дно ведра. Настоящая пресная, неужели ее нельзя пить. Черт с ней!

Тьфу! Горькая. Все пьют и плюются. После плюемся, и опять пьем, и опять плюемся, и все обливаемся. Прошел миноносец «Жаркий», он пошел на Керчь.

— Привет от алексеевцев! — закричали наши.

— Дайте воды!

Матросы нам машут шапками.

1 час. Я по 4, по 5 дней ничего не ел, бывало, но я не испытывал от голода таких страданий, какие сейчас испытываю от жажды. Что бы я отдал хотя за один стакан пресной воды. Эх! если бы сейчас на берег и в речку, а ведь на берегу люди умываются и стирают в пресной воде. Какое варварство. Я сейчас только понял, какую службу человеку несет вода. Не станет пресной воды на земле — и погибло все живущее в один день. Ой! воды! воды! Обливаемся, но ничего.

3 часа дня. Пить! Пить! Солнце ужасно жжет. Все горячее. Разделись донага. Обливаемся, а внутри жжет. Пишу дневник, сидя в неудобной позе. Сейчас выпью котелок морской...

5 часов. Солофненко несколько раз окатил меня водой из ведра. Но что толку. Дневник раскис. Я согласен сейчас идти куда угодно в самый жаркий бой, лишь бы дали мне четверть ведра воды. Хотя вонючей. Что за начальство и интендантство! Сволочи! А хозяйственная часть, о чем она думала?

Только карманы умеют набить. Неужели это труд, достать на берегу воды. Я сейчас готов на что угодно! Это предательство. На носу стоят две бочки с пресной водой. Но ею овладели юнкера. Они пьют ее по полной, хоть и тут же разливают на палубе. Эх, порядки!

— Ура! — раздалось на барже. Что такое?

— Раздатчики за водой!

Выдают по стакану воды. Скорее!

Хрисанфов принес на 15 человек ½ ведра воды. Все дрожат:

— Давай скорее, чего мнешься, тетеря! — раньше бы так не назвали его.

— Стой, не спеши, а то последним не хватит!

— Вымерять, господа, надо, по скольку придется, а потом...

— Шо там вымерять, давай, а то она испарится...

— Да не хватай ведра, давай по полстакана, а что останется, добавку дай!

Дают по ½ стакана. Выпил с жадностью. Но что пользы, и не почувствовал даже. Дай мне ½ ведра. Еще четверть стакана добавки.

А четверть стакана украли, и тут украли. Привычка! Выпили и успокоились, хотя пить еще больше хочется. Уже не так жарит солнце. До вечера ничего не дали есть. Но есть и не хочется.

Эх! Лежал бы сейчас в Катерлезе на боку. И не чувствовал я тогда, что там жизнь была рай. Уже вечереет. Все суда сходятся вместе. Их много. Есть боевые суда. На пароходах масса лошадей и народу. Вон и «Амвросий», на нем наш обоз и хозяйственная часть. Там, вероятно, и вода есть.

Катер остановился.

Солнце уже зашло. Вся флотилия собралась в кучу. Говорят, здесь средина Азовского моря. К нашей барже подошел катер «Мария» с пулеметом. Требуют командира полка к начальнику группы. Сейчас, говорят, все начальники съедутся к генералу Улагаю[136], чтобы вскрыть пакет, где сказано, где нам высаживаться.

Уже вечереет. Баржа неподвижно стоит на волнах. Наши начали купаться. Купается половина баржи. Пробуют нырять до дна, но не могут. Выносит из воды наверх. Надвигается туча. Черная, зловещая. Она заволокла весь горизонт. Поднялся ветер. Баржу начало покачивать. Гулко раскатился орудийный выстрел. Что такое? Это, говорят, сигнал, чтобы суда в море собирались в одно место. Подошел катер «Мария». Командир полка взошел на баржу.

— Что за безобразие! — кричит он. — Кто разрешил купаться, командиров рот и начальников отрешу от должности, чьи люди будут купаться!

Прогремел гром. Отдаленный. Началась гроза.

— Смирно! — раздалась команда.

— Господа! — громко сказал командир полка. — Сейчас я был у начальника нашей группы генерала Улагая и получил подробное распоряжение о нашей высадке. Сейчас можно огласить его, так как большевики все равно до нашей высадки его не узнают. Будем высаживаться у порта Приморско-Ахтарского. Противника там ожидается немного. При нашем дружном усилии порт легко будет занят нами. Побольше хладнокровия и выдержанности!

— Ураааа! — заорали юнкера.

— Ураааа! — подхватили наши.

Буря поднялась не на шутку. Волны ударяются о борт, и пена их достигает палубы. Блеснула молния, и раздался оглушительный удар грома. Пошел сильный дождь. Молния часто сверкает. Я первый раз наблюдал грозу в море. Молния сверкнет на небе, затем в воде. Вода озаряется каким-то фосфорическим светом и долго блестит. Баржу нашу здорово качает. А она плоскодонная, как бы не перевернулась.

— Садись! Садись! — кричат. — Не стой, а то перевернет баржу!

Как будто бы это лодка.

Мы уже мокрые. Можно собрать дождевую[137] воду и напиться, но сейчас не до того, забыли и про жажду. Может быть, пришла последняя минута. Баржу качает страшно. Наконец ветер утих, дождь перестал. Гроза прошла. Стало тихо. На небе высыпали звезды. Слава богу!

1 августа. Утро шикарное, теплое. Пить не так сильно хочется. Весь флот идет вместе. Здесь несколько миноносцев и большие пароходы. Слева в тумане видна полоска земли. Это Кубань. Там большевики. Ждут ли они нас? Заметили ли? Вероятно. Мы идем медленно вдоль берега. Рядом с нами другой пароходик тащит баржу. На ней казаки-бабиевцы[138] с лошадьми. Наша и их баржа высаживаются первые. Наша задача высадиться на Бородинской косе у хутора Бородина, а оттуда двинуться на порт Приморско-Ахтарский (он в 12 верстах от хутора). Там уже высадятся с пароходов кавалерия, артиллерия и обозы. Наши две баржи отделяются от остальной флотилии и приближаются к берегу. Боевые суда стали в линию на горизонте, готовые каждую минуту поддержать нас огнем.

Уже видна коса и на ней хуторок 4 хаты — Бородин. Наш катер подошел версты на 1½ к берегу и остановился.

— Мель, не могу идти! — кричит с катера капитан.

Приходится искать другого места. Казачья баржа более удачно нашла место и уже в полуверсте от берега.

Часов 10 утра. Жара страшная, каждый стремится из трюма наверх. Пить опять страшно хочется. Давка, теснота. Каждому хочется посмотреть, в чем дело.

— Назад, в трюм, в трюм! — гонят сверху.

А в трюме ад, пекло, душно. Обливаемся потом, противно. Пить хочется. Все озлоблены — ругаются. Чтобы весь проветрить, решили по 10 человек выпускать из трюма.

— Десять человек наверх, десять — вниз!

Солдаты говорят вместо «трюм» — «труна»[139]. «Лизь в труну!»[140]

Когда вылезешь из трюма, то ветерок приятно обдает все тело, не хочется уходить, а нужно людей обратно, так как 10 человек следующих ждут очереди. А казачья баржа уже близка от берега. Катер уже поворачивает, думает бросать баржу.

«Та-та-та-та-та-та-та», — раздалось с берега.

— Смотри, смотри! — кричат наши. — Вон, вон около дома два пулемета!

Казаки не выдержали. Выводят лошадей наверх на палубу и толкают их в воду. Сами — голые, с винтовкой и шашкой в зубах, бросаются за ними в воду. Рвутся на свою Кубань.

«Бум!» — раздалось с миноносца.

Казаки уже подплывают к берегу.

«Тиу-чак!» — о нашу баржу чмокнулась одна пуля.

— Ну что вы там! — нетерпеливо кричит командир полка, волнуясь, что катер наш медлит. Он не отрывает от глаз бинокля, волнуясь, что бой идет не по диспозиции.

— Не можем идти дальше! — кричат нам с катера.

— Какая глубина?!

— Восемь футов!

Катер отвязывает буксирный канат.

— Господа! — кричит командир полка. — Для успеха дела, кто желает — прыгай в воду и тяни на буксире баржу к берегу! Пловцы — а ну-ка!

Не успел он окончить фразы, как уже половина баржи раздевалась, а через 10 минут человек 200 пловцов тянули баржу на буксире к берегу. Ин-

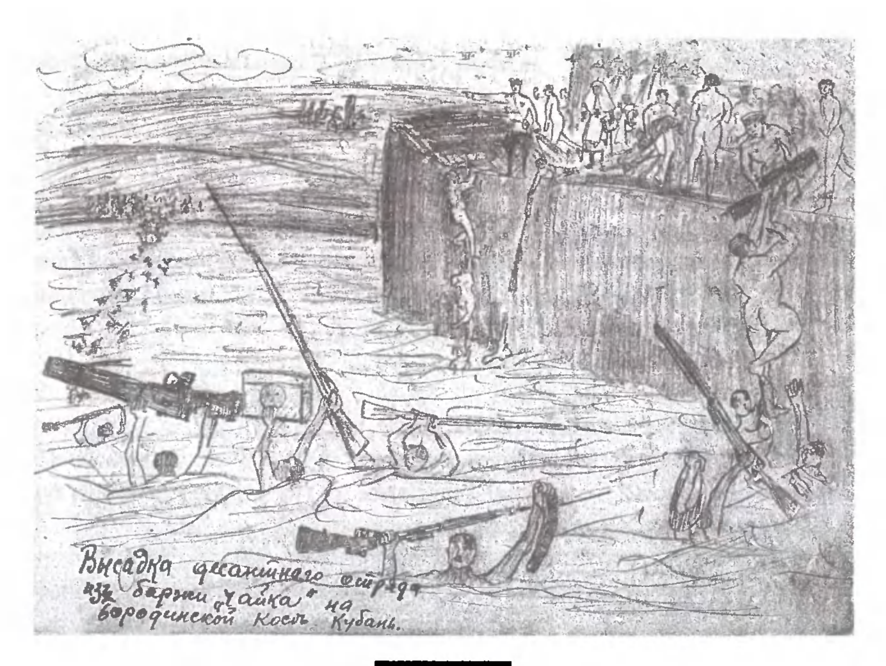
тересная картина получилась — от баржи идут два каната. За них уцепились, как пчелы за щепку, человек по 100 и тащат к берегу с криком «ура!».

Баржа медленно движется к берегу. Из воды торчат головы да взмахивают сотни рук, как будто бы копошится в воде громадное чудовище. Они походили также на пчел, неожиданно застигнутых наводнением. Минут через 20 они уже подымали вверх руки — показывая этим, что идут по дну. Через несколько минут баржа стукнулась в песок. До берега саженей 70. Казаки уже давно на берегу. Их человек 15. Они выплыли на берег и с шашками бросились на пулеметы. Но те благополучно удрали. Пока казаки оделись — красные были далеко.

— Все раздевайся! — крикнул командир полка. — Быстро, не суетясь, бери только винтовки, пулеметы, патроны и диски. Снеси все на берег, затем вернись обратно за одежей, не толпясь, не суетясь, но быстро! — добавил он.

Все раздеваемся. Одежду, чтобы не спутать, уложили отдельно на башенке. Затем взяли винтовки, патроны, аппараты и катушки и стали спускаться по канатам в воду.

В воде уже сотни народу. Вода теплая, по шею как раз. Низким приходится туговато. Высоко держим над водой винтовки и аппараты. Как прият-

но. Дно глинистое, скользкое. На берегу оружие укладываем на песке и возвращаемся обратно на баржу. Дорогой купаемся. Затеяли игру в воде. После душного трюма чувствуется, что попал в рай. Обратно в баржу залезть невозможно, так как все лезут вниз по канатам с баржи. Наконец удается взобраться. Все на барже голые, одни уже мокрые, другие сухие. Здесь стоят и сестры милосердия, их никто не стесняется, ходят голые мимо их. Командир полка наблюдает за выгрузкой. Какой-то офицер поскользнулся в воде и окунул винтовку: «Лучше сам утопись, а винтовку сохрани! — кричит командир полка. — Живей! Живей, не будьте бабами!» Оружие уже на берегу. Спускаемся с одежей. Я за одежей взобрался на крышу башенки. Всю одежу сбросил вниз, а сам не слезу. Железо горячее и жжет все тело. Нельзя ни сидеть, ни слезть, жжет колени. Начнешь спускаться, живот жжет. Наконец я, обжигаясь, кое-как спрыгнул с башенки. Сбросили в воду шесты и погнали их к берегу. Взяли все катушки. Катушки несем прямо в воде. Ах, как приятна вода — теплая. Откуда-то плывут две лошади и за ними тачанка. Тачанку вытягивают человек 20. Я тоже добрался до тачанки. Ухватился за рессору и начал нырять.

Вода мутная. Дно размесили тысячи ног. Скользко. Я и Иваницкий решили еще покупаться.

— Довольно! Довольно! — кричат с берега. — Довольно возиться, быстро одеваться!

Сестры на лодке плывут к берегу. Одна полезла в воду, подняв уже в воде юбку.

Что, если сейчас налетят красные? Публика вся разбросана. Все голые и без оружия. Оружие ведь на берегу. Удрать тоже некуда. Нужно одеваться. Оделись быстро и, взяв каждый по аппарату, винтовке, всей выкладке, по две катушки, по 6 шестов и еще по деревянному барабану (на двоих), пошли к хутору. Роты тоже двинулись. Вскочили в хутор.

— Где вода? Воды? Дава воды?

Ни здравствуй, ничего.

Подбежали к колодцу. Там одна грязь. Уже вычерпали целый колодец. А другого нет. Перепуганная хозяйка говорит, что у нее нет больше воды. Снаряд из миноносца разорвался на дворе, сделав громадную воронку. В хуторе не было ни одного стекла целого.

— Як шо дуже хочете пить, — говорит хозяйка, увидев, что мы очень хочем пить, — то у мене, кажісь, застався квас-сіровець! Як шо хлопці не випіли[141].

— Давай! Где?

Я забежал в камору. Там в бочке на дне был еще квас. Мутная вода и крошки хлеба.

— Уже выпили! — покачала головой хозяйка.

Я зачерпнул кружку, выпил. Одну, другую, третью. — Фу! Передохнул — и четвертую. Квас кислый — во рту полно крошек. Живот сразу заболел, а пить хочется. Наконец пошли. Это было движение верблюдов. Полк идет перегруженный донельзя. Проходим бакши. Рвем дыни, арбузы. Есть хорошие арбузы. Переходили кукурузы. Из-за баштанов видна какая-то хатка, вероятно хутор. Уже отошли версты на две от моря. Море скрылось за горкой. Живот сильно болит от квасу.

«Та-та-та-та-та-та», — затрещало из кукурузы.

«Тиу, тиу, дзз, виу, тиу!» — засвистали пули в кукурузе.

— Ура! — вспыхнуло в какой-то роте.

— Ура! — подхватили все, пулемет умолк, он уже наш — красные удрали. Слабо они дерутся. Одушевление большое. Мы уже отошли верст на 5 от берега. Моря уже не видно. Рассыпались в цепь.

«Та-та-та-та-та-та», — опять затрещал впереди пулемет.

«Трах-тах-трах-тах», — затрещали ружейные выстрелы.

Очевидно, тут дело серьезное.

Цепи легли. Правый фланг пошел в обход.

Поручик Лебедев подозвал меня.

— N, — обратился он ко мне, — здесь, — ударил он прикладом в землю, — будет промежуточная станция, немедленно отсюда ведите линию на хутор Бородин и оставайтесь там до моего приказания; порчу линии исправляете вы!

Я бросил на землю ранец, скатку, взял только винтовку, аппарат и две катушки и понесся колбасой.

Решил напрямик через бакши и кукурузы.

Сзади разгорелась перестрелка. Изредка шальная пуля шелестела в кукурузе. Я шел быстро, цепляясь за огудину[142] арбузов, дынь, огурцов, ломая стебли кукурузы. За спиной звонко стучала заранее смазанная катушка.

«А что, если в кукурузе где-нибудь засели красные? — подумал я. — Вот будет мне жара». На всякий случай дослал патрон в патронник и поставил на предохранитель.

Вот уже видно море и хутор Бородин. Баржа уже стоит пустая, на берегу тоже мало народу. Навстречу по дороге идет наш 3-й батальон — гренадеры[143]. Я иду от них шагов двести влево.

Командир батальона снял винтовку с ремня и направил на меня и что-то кричит. Я не разберу что и иду своей дорогой. Вдруг солдаты ему кричат:

— Господин полковник! Это телефонист!

Он опустил винтовку.

Очевидно, он меня принял за дезертира. Конечно, катушки он за зеленью не видел, а судя по тому, что я иду по кукурузе обратно, мог принять. Прихожу в Бородин. Тут уже высадился штаб дивизии. Штабные купили барана за 1200 рублей. Какая дешевизна. Ведь в Керчи 1 арбуз 1000 рублей. Я привел линии и включил аппарат.

Поручик Лебедев мне ответил, говоря, что говорит с позиции под станцией Ахтари, а на промежуточной сидит Иваницкий, тоже его положение — один в поле.

Я разыскал дежурного по штабу офицера. Он бегал, суетился, устраивая на квартиру начальника дивизии. Штабные телефонисты суетились, устраивая центральную. Они не знали, как соединить начальника дивизии с комендантом и центральной — ведь все помещались в одной хате. И наконец решили устроить центральную на огороде в деревянной будке на колесах, а через нее соединить начальника дивизии с остальным штабом, хотя все они живут в одной хате. Но нужно же людям оправдать свое назначение связи.

— В чем дело?! — спросил дежурный офицер, заметя, что я направился к нему.

— Господин поручик, где прикажете поставить аппарат, привел линию из Алексеевского полка!..

— Уже линию?.. — удивился дежурный офицер и, бросив меня, побежал к начальнику дивизии.

— Ваше превосходительство, — кричал он, еще не добежав до хаты, — я уже восстановил связь с позицией!

— Благодарю, поручик, благодарю! — басил генерал Казанович, поспешно выходя из хаты с полотенцем в руках. — Дайте мне ее!..

Я установил аппарат на земле.

Они подошли.

— А где позиция? — спросил генерал поручика, беря трубку.

Поручик замялся и глянул на меня.

— В двух верстах от Приморско-Ахтарской, ваше превосходительство! — ответил я наобум вместо поручика.

— А вы что, с позиции? — взглянул он на меня.

— Так точно, ваш-дитство!

— Алексеевец?!

— Так точно!

— Молодец! — похлопал он меня по плечу. — Алексеевцы всегда были молодцами.

«Ага, ты восстановил связь...» — подумал я на поручика.

Генерал уже говорил по телефону с командиром нашего полка.

— Ахтарская наша! — воскликнул он, бросая трубку. — Передайте генералу Улагаю на миноносце и немедленно собирайтесь туда! — обратился он к дежурному офицеру.

Я взял трубку. Поговорил с Иваницким. Он говорит, что объелся арбузов и дынь и лежит в поле без движения, с трубкой у уха, а хозяин ближайшего хутора принес ему еще молока, хлеба, сметаны. От его слов мне захотелось жрать, ведь ел еще вчера утром, и то консервы.

Зовет меня поручик Лебедев.

— N, — кричит он мне, — посылаю вам Хрисанфова, он поможет вам сматывать линию, смотайте до промежуточной, я приеду с подводой и заберу все имущество. Скорее работайте, здесь вас ждет хороший ужин!

Голос у него веселый — очевидно, уже пожрал. Черт его знает, всегда я попаду куда-нибудь в захолустье. Хорошо, что дела наши идут ничего. Ахтари уже наши. Теперь будут выгружаться пароходы. Тогда бояться уже нечего. Пока же свою задачу мы выполнили.

ко дней. Неделю тому назад, говорит он, в Ахтарях стояло 7 орудий, но несколько дней тому назад они ушли под Екатеринодар, там вспыхнуло восстание.

Его слова меня озадачили. Жизнь мирная, все дешево, поезда ходят исправно, всего вдоволь. Для чего же мы сюда пришли, чтобы все это разрушить. Или он нагло врет, сам себе противореча. Я хотел ему сказать, как же так, все у вас было хорошо, а под Екатеринодаром вспыхнуло восстание... Но в это время в воздухе раздался отдаленный гул мотора.

— Аэроплан! — крикнул кто-то.

«Вввввввв!» — гудело где-то в высоте голубого неба.

Несколько человек выбежало из вокзала. Аэроплан летел высоко над станцией. Едва заметный.

— Где? Где? — суетились наши.

— Вон, смотри на это дерево, да не туда... правее!..

— Вижу, вижу!

Действительно приближался большевицкий аэроплан. Из противоположного двора выходила рота юнкеров.

— По аэроплану пальба! — раздалась команда.

— Ротааа!

Юнкера дружно вскинули вверх винтовки и прицелились.

— Пли!

«Дрррррррр!» — дружно прокатился в утреннем воздухе залп.

Аэроплан уже был над нами.

— Рота, пли!

«Дррррр!»

Аэроплан быстро обернулся.

«Взззззз — ба-ах!» — разорвалась бомба на выгоне возле пруда, где паслись гуси. В воздух с комьями земли полетели гусиные перья и крылья.

— Хорош соус! — засмеялся Иваницкий, поспешно вставляя обойму в винтовку.

«Ба-ах!» — гулко разорвалась вторая бомба на площади.

«Ба-ах!» — следом рванулась третья на пристани.

Аэроплан поворачивал обратно.

Перепуганные жители сидели по погребам.

Я пошел в команду. Они уже выгрузились. «Амвросий» первый разгрузился на пристани. Выгрузили нашу мастерскую. Лошадей, повозки. Шапарев и Щетковский (который оставил в Крыму свою жену) уже устраивали мастерскую. Встретил Хрисанфова.

— Слыхал? — крикнул он мне. — Полковника Нер.... убило![145]

— Какого? Наблюдающего за командами?

— Да!

— Где? Как?

— Бомбой с аэроплана, на площади!

Я пошел туда. Бомба упала возле одного дерева на улице. Распотрошила в щепки толстое дерево. Выбила все стекла в домах. Убила старика, одну девушку и тяжело ранила полковника Н. Падая на землю, полковник выхватил револьвер и застрелился. Полковника и девушку убрали, а старик лежал на улице. Здесь же плакала какая-то женщина и, смотря на нас, кричала:

— Зачем вы сюда пришли? Зачем вы пришли? Если бы не вы — она была бы жива! Проклятие вам, будьте вы прокляты, да постигнет вас несчастье навеки...

— Идем отсюда! — сказал я Хрисанфову. Мне было как-то не по себе. Мне так тяжело стало сейчас. Пусть лучше меня убьют, чтобы я больше не видел людского страдания и всей этой проклятой войны.

На обратном пути зашел в больницу. Полковник лежал на столе в коридоре. Лицо было прикрыто газетой. Я приподнял ее. Все лицо и тело было избито мелкими осколками. В виске была рана от пули револьвера. Жена его[146] еще ничего не знала.

Пошел на пристань. Масса пароходов стоит в море. Но разгружается один «Амвросий». Нужно бы в первую очередь выгрузить артиллерию и кавалерию, а большие суда не могли подойти, так как пристань большевики не чистили и ее занесло песком. Вот и задержка. Меня поймал сотник Шныпкий, начальник обоза 1-го разряда.

— Вы команды связи?

— Да!

— Идите, там пособите вашим получить хлеб!

Иду. Наши получают керченский хлеб.

В станице хлеба полно белого, сколько угодно и дешево. Но начальство приказало выдать крымский хлеб. Красно-черный с остюками. Несем по 4 буханки.

Казачки, увидев черный хлеб, твердый как камень, удивляются и ахают.

— Что вы несете? — спрашивают они.

— Хлеб.

— Господи Боже мой! — крестятся они.

Здесь все дешево страшно. Хотя нам приказано в Крыму не щедро расплачиваться за все, чтобы не поднять дороговизны, наши сыплют деньгами.

В Крыму 1 фунт хлеба стоил 300 рублей, здесь утка — 50 рублей, гусь — 100 рублей. Кувшин молока 17 рублей. А в Крыму бутылка перед отъездом доходила до 500 рублей. Денег у нас тысячи у каждого. Меньше 250-рублевки нет бумажки. Дашь бабе такую бумажку, она глаза откроет: «Где же я вам сдачу возьму?» Начнет считать и купоны, и марки, и советские рубли, и донские. Часто наши, не дождавшись сдачи, машут руками. Не нужно, мол, сдачи, и удивленная баба получает за кувшин молока вместо 17 рублей — 250. Это все скажется впоследствии на ценах. Наше начальство мудрое, да не совсем. Оно издало еще в Крыму распоряжение не сыпать на Кубани деньгами, дабы не вызвать дороговизну. Но этого мало, надо было для новой территории выпустить специальные деньги и объявить об этом населению станиц, каждому же чину выдать кормовые и жалованье сообразно стоимости здесь продуктов (сравнив с крымскими). Так что наша «публика», имея небольшие деньги, не кинулась бы так накупать все. Ведь это же безобразие, даже неловко становится. Все несут гусей. Утром каждый потрошит гуся, в полдень два или три, вечером утку или курицу. К вечеру сегодняшнего дня уже сказывается все это. Гусь стоит уже не 100 рублей, а 500. Слава богу! Завтра будет, вероятно, 1000 рублей, а там 10—15 тысяч, и крымские цены здесь «зафигурируют», и опять мы будем есть хлеб с остюками, так как белый будет 300 рублей фунт. Вероятно, жители не особенно обрадуются нашему приходу.

Поручик Яновский встретил нас на площади.

— N, — обратился он ко мне, — в 5 часов вечера вы поедете на позицию, нужно сменить Солофненка, Васильева и Иваницкого!

— Слушаюсь! — ответил я, не особенно-то приятно.

Перед вечером пришел ко мне подпрапорщик Мартынов.

— Вы понимаете насчет велосипедов?

— Я понимаю! — подскочил к нему Куприянов.

— Тише, господа, — потирая руки, зашептал он. — Идемте.

Нас ждала линейка.

Выехали за станицу. Стоят хлебные амбары. Дрожки подкатили нас к одному из них. Два каких-то мужика открыли нам двери. Мы вошли. Полон амбар был ломаных велосипедов.

— А исправных нет? — спросил мужика Мартынов, перебирая велосипеды.

— Нету... Забрали большевики! — ответил тот.

Мы начали выбирать. В одном цела рама, в другом переднее колесо, в третьем заднее, а переднего нет, в четвертом шины, там камеры.

Взяли штук 8, уложили на дрожки, прикрыли брезентом и поехали обратно. Мартынов все беспокоился, чтобы никто не знал, что мы везем. Чиновник Щетковский сейчас же принялся составлять из всех частей один велосипед. Через час он уже катался по улице на расхлябанном велосипеде без шин и многих спиц. Велосипед трещал, скрипел, но чиновник чувствовал себя героем. Перед вечером выехали на позицию.

— Слыхали, господа, — говорил Хрисанфов, влезая на подводу, — наш третий батальон изрубали красные!

— Как так?

— Не знаю — сейчас по телефону передали, еще вчера всех порубали до одного!

Что за чертовщина! Как так? Почему? Отчего? Это-то гренадер, командир которых вчера чуть не застрелил меня на Бородинской косе. А сегодня самого зарубили. Я не могу представить, как это произошло и где же были остальные. Мы едем на повозке, а Щетковский на «своем» велосипеде. Первые 8 верст он ехал ничего, но потом выбился из сил и стал проситься к нам на повозку. Мы долго не разрешали ему сесть, наконец он уселся со своим «мотором». Позиция была в 20 верстах у 1-й будки-разъезда.

Уже солнце село, когда мы подъехали. Здесь был командир полка и 1-й батальон, 2-й батальон стоял верстах в 4 вперед по железной дороге на хуторке. Мы слезли с повозок. Подошел Солофненко, он дежурил здесь у правительственной линии.

Я поздоровался с ним.

— Вот это позиция? — спросил я его.

— Нет, позиция в четырех верстах впереди, я только оттуда!

— Как красные?

— Их и не слышно... ты знаешь про третий батальон?!

— Про гренадер... порублены!

— Все до одного! Идем, они вот! — указал он в кусты.

— Как же так? — спросил я, идя за ним.

— Да сами виноваты — мы высадились и пошли на Ахтари, а они без всякой связи и без пулеметов двинулись сюда, на них налетела Дикая дивизия красной конницы[147] и всех порубала. Конечно, они бы никогда бы не подпустили конницы, — добавил он, — но, очевидно, у них не хватило патрон.

У кустарников терновника в четыре ряда лежали голые трупы. Их было больше сотни. Их крестьяне собрали в одно место и положили в ряды. Все тела разбухли, вздулись. Горло почти у каждого перерезано, у иных разруб-

лены головы, у некоторых вырезаны на лбу кресты. Лежит мальчик лет 12. «Вот, — узнает Солофненко, — полковник!» У него рассечена голова, вырезан крест, и он показывает кукиш, вытянув вперед руку. Жутко!

Рядом крестьяне молча роют братскую могилу.

— Вот этого офицера, — указывают крестьяне на полковника, показывающего кукиш, — большевики привели на хутор и говорят: «Сбрось погоны», а он им — на! — и дал дулю. Тут его и зарубили и крест на лбу вырезали.

— А что за красные? — спросили мы крестьян.

— Конница, злые все, на головах носят рога коровьи[148]. Одну сестру милосердия, вашего полковника одного и еще несколько человек не зарубали, а погнали куда-то за собой!

Из батальона остались люди, которые оставались на барже при вещах. Лица у всех мертвецов удивленные, глаза широко открыты и остекленели. Все стояли молча, созерцая эту страшную картину. Тишину вечера нарушал только стук заступов да шорох выбрасываемой земли из копающейся могилы.

— Ну, теперь, Саша, держись! — сказал тихо Солофненко. — Красные не помилуют — или победа, или смерть.

У меня стало плохое настроение. Бомба в Ахтарях. Проклятие матери убитой дочери, изрубленный батальон. Нет, не будет проку из нашего десанта. Эх бы сейчас обратно в Керчь, но туда и мыслить нельзя. Никак не уедешь. Подошел Мартынов.

— Господа! — сказал он. — Зарядите винтовки на четыре патрона и никуда ни на шаг без винтовки. Дальше ста шагов никуда, приказано так!

Вечером Солофненко ушел во 2-й батальон на позицию, а я остался у будки с аппаратом. Телефон лежал на траве у будки под откосом насыпи. Здесь же, закутавшись в бурку, сидел командир полка. Он был грустен и молчал. Еще бы. Опять потеря целого батальона. Опять Геническ. Прямо не везет.

Вечер был тихий, теплый, августовский. Все сидят, тихо переговариваясь, как будто бы здесь был покойник, а покойник был близко, и не один, а целая сотня. Вечная память убиенным героям. Вы погибли за Родину. Хотя не видно успеха нашего дела, но все же когда-нибудь и о вас вспомнит Родина и с благодарностью скажет:

— Они погибли за меня, стремясь спасти меня от насилующего врага...

Я никогда не забуду этот вечер.

Ночью из Ахтарей прибыла дрезина с «качалкой», подвезла патрон и уехала обратно, на ней уехал адъютант полка. Все-таки уже есть быстрая связь с портом. Скорее бы выгрузили артиллерию и кавалерию, а то с винтовочками не навоюешь.

3 августа. Будка. Утром в 6 часов отдан приказ в 8 часов утра перейти в наступление по линии железной дороги. Приехал поручик Яновский на дрезине.

— N, — сказал он мне, — идите на позицию во 2-й батальон, с вами пойдет Васильев, возьмите аппарат и моток кабеля. В 8 часов утра батальон пойдет в наступление, вы будете с ним, при всяком удобном случае включайтесь в правительственную линию. Верхний провод. Где провода порваны, соединяйте. Но когда будете говорить, то обрывайте провод в сторону противника, а когда будете выключаться, то говорите сюда. У нас два аппарата, не бойтесь, красные не подслушают, — засмеялся он.

Я пошел. Идем с Васильевым по кустам, по тропинке вдоль насыпи. Через час подошли к мостику. Бетонный, небольшой. Провода оборваны, и один идет под мост. Я заглянул туда.

— Ааа. Здравствуйте, симулянты! — раздалось из-под моста.

Там на разостланных шинелях лежали Иваницкий и Солофненко. Аппарат и винтовки стояли в углу, а около них стояла целая ярмарка кувшинов со сметаной, с молоком. Одни уже пустые, другие еще не тронуты. Это была батальонная станция.

— Здравствуйте, бандиты! — влезая на четвереньках под мост, ответили мы. — Как живете, много обобрали проезжих?

— А вот! — указали они на кувшины. — Пять рублей кувшин, сколько угодно, наверное, дальше будет по рублю кувшин.

Мы приложились к молоку.

— Ну, как у вас? — спросили мы.

— Вчера разведка приезжала, а так ничего, через час выступаем, на, еще достань молока и хлеба! — добавил Иваницкий, подавая Солофненку 25 рублей крымских.

Тот вылез наружу и пошел в хутор.

Под мост, согнувшись, подлез адъютант 2-го батальона.

— Ну что, господа, приказов никаких? — спросил он.

— Никаких, господин поручик, в восемь наступаем!

— Да в восемь, черт его знает! — засмеялся он. — Может, уже пора, а во всем батальоне нет часов, а слыхали ночное приключение с дедом Макаровым?

— Каким?

— Да каптенармусом батальонным!

— Бородатым! Ну?

— Да, да, они вчера везли патроны на позицию из Ахтарей. Нужно было ехать по-над путями, а подводчик говорит: «Я вас повезу “напростец”[149] межою», и поехали. Ехали, ехали да и сбились с дороги. Блудили, блудили — уже полночь. Смотрят, огонек горит, поехали на огонек. Хутор. Остановились. Пошел старик спрашивать дорогу, и нет его. А повозки стоят на дороге в поле. Нет старика. Ждут, ждут. Давай ему кричать. Вдруг слышат: шуршит трава, кто-то лезет. Что такое? Смотрят, наш бородач на четырех лезет к повозке. Окликнули. А он ни жив ни мертв. «Братцы! — шепчет. — На этом хуторе красные!» Как хватили наши повозки да драпу. Оказывается, он зашел во двор, стоят оседланные кони, заглянул в окно, а там красные кавалеристы Дикой дивизии, со звездой на шапках и с коровьими рогами, играют в очко. Вот переср.. старик. А главное, хорошо, что собаки его не слыхали. А то бы была ему крышка!

Александр Судоплатов (Галлиполи, 1921)

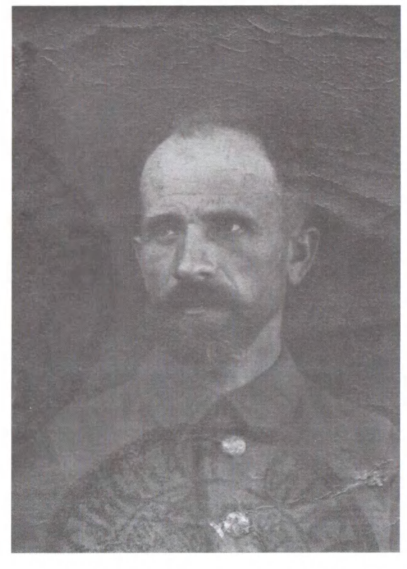
Генерал М.В. Алексеев (1917)

Генерал А.П. Кутепов в форме Алексеевского полка (начало 1920-х гг.)

Генерал Б.И. Казанович (1918)

Полковник В.Я. Дядюра (1922) (фото из коллекции А.И. Рудиченко)

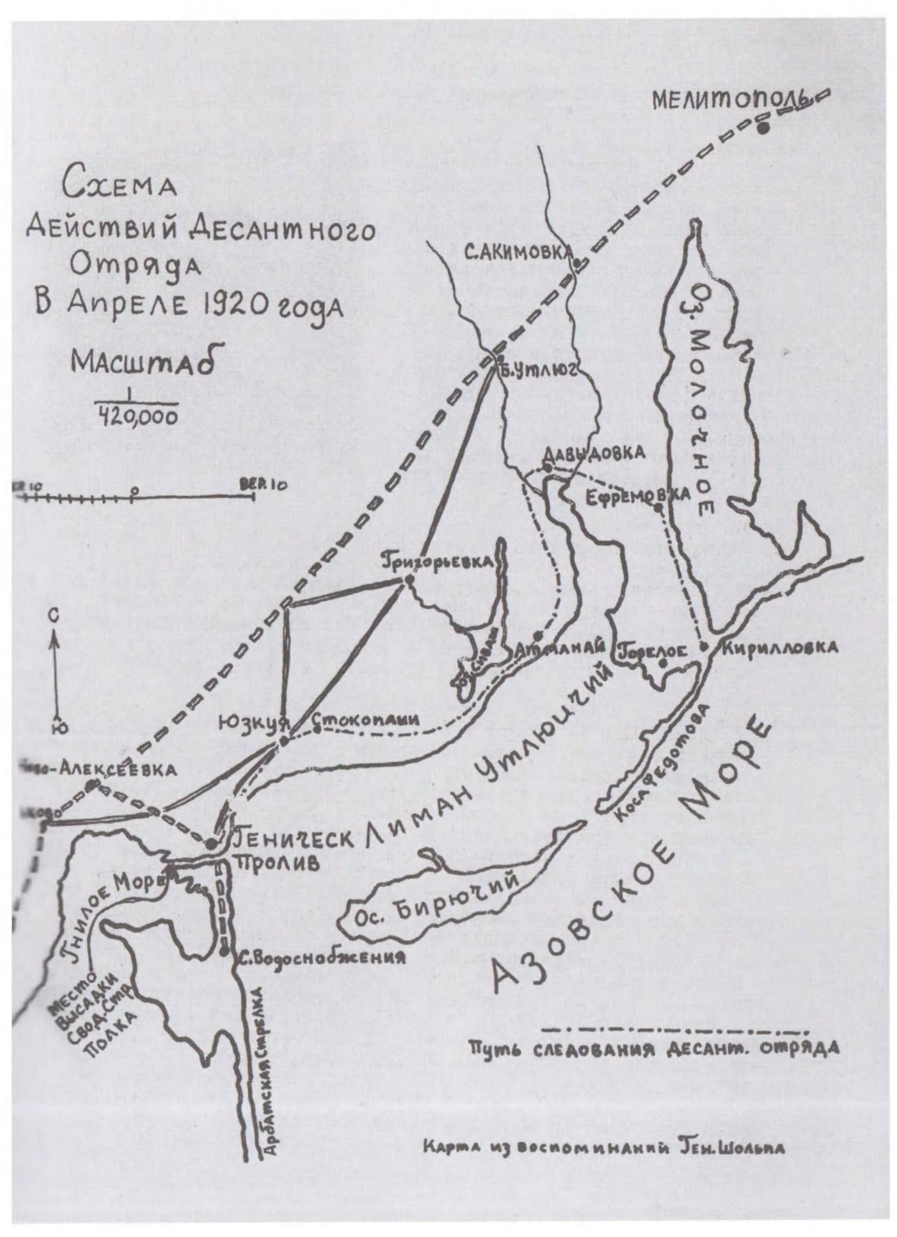
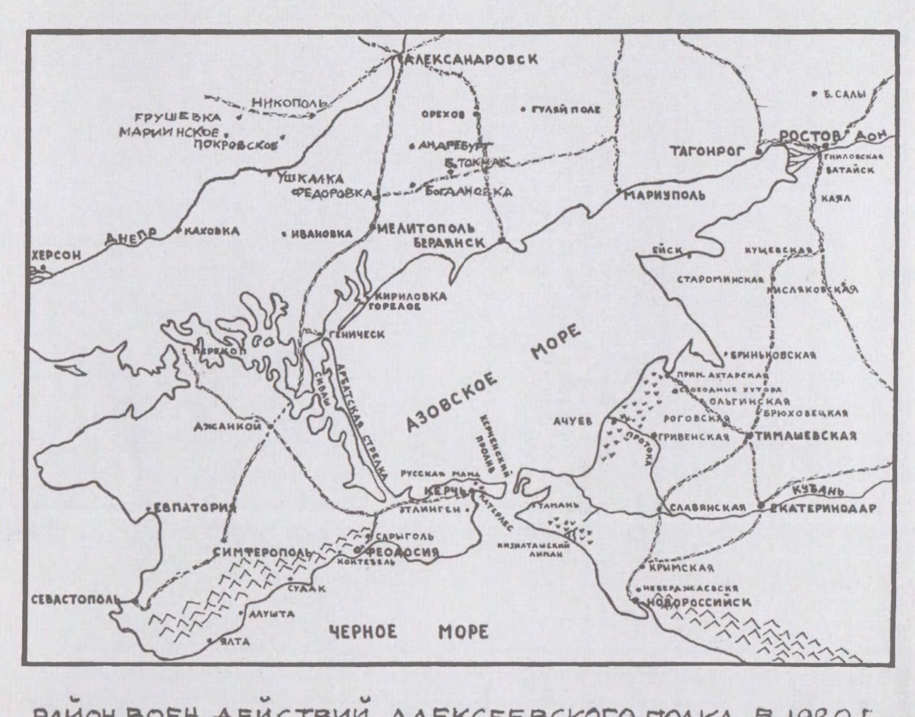

Схема высадки Генического десанта (из № 21 журнала «Первопоходник»)

Карта боевых действий 1-го Партизанского генерала Алексеева полка осенью 1920 г. (из № 21 журнала «Первопоходник»)

Капитан П.Г. Бузун

З. Реформатская (1919)

Полковник В.П. Вертоградский

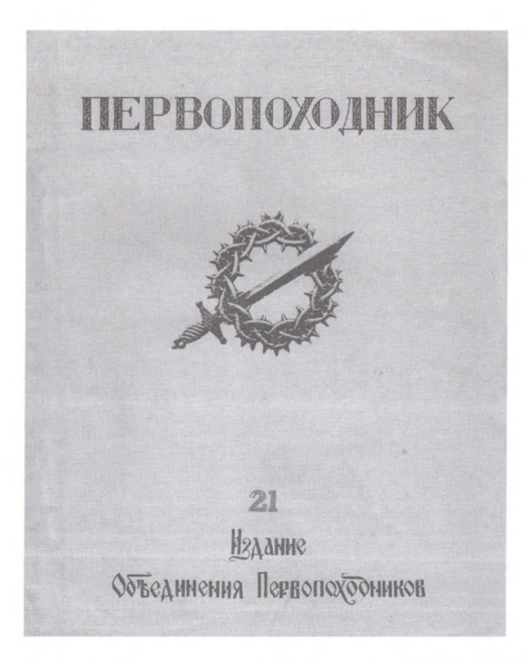
Посадка на корабли (Новороссийск, март 1920 г.). Фотография английского морского офицера (из коллекции А.И. Шереметьева)

Артиллерийское имущество, брошенное на берегу (Новороссийск, март 1920 г.). Фотография английского морского офицера (из коллекции А.И. Шереметьева)

Переполненные белыми солдатами и беженцами корабли (Новороссийск, март 1920 г.). Фотография английского морского офицера (из коллекции А.И. Шереметьева)

Белые солдаты на борту английского корабля после бегства из Новороссийска (март 1920 г.). Фотография английского морского офицера (из коллекции А.И. Шереметьева)

Отплытие частей 1-й пехотной дивизии Русской армии из Галлиполи в Болгарию (1921). Вдоль строя идет генерал А.П. Кутепов, в заднем ряду – солдаты-алексеевцы (фото из коллекции А.И. Рудиченко)

Обложка номера журнала «Первопоходник» (№ 21), посвященного истории 1-го Партизанского генерала Алексеева пехотного полка

Рисунок к странице 38

31е Января. Сегодня по секрету узналъ что наши думаютъ наступать на Ростовъ. Тихiй мнѣ это передалъ и сказалъ что вызываютъ охотниковъ на ночной набѣгъ и что онъ вызвался и меня назвалъ. Я его выругалъ, а онъ смѣется. Дуракъ. Если прикажутъ я всегда исполню приказанiе, но самъ бы никогда не вызвался.

1 февраля. Морозъ сегодня страшный. Выскочилъ на минуту во дворъ и скорѣе въ хату. Хорошо еще что красные молчатъ. Пишу дневникъ, а въ хатѣ полно гостей. Играютъ двѣ гармошки. Половинка, что то заболѣлъ. Его отправляютъ въ кадръ. Сегодня прибыло пополненiе. Все изъ Екатеринодара.

1 классъ

Англичане в Батайскѣ

2 февраля. Въ Ольгинской сильная кононада. Тамъ дроздовцы

3 февраля Былъ въ околодкѣ, растеръ ногу. Что я видѣлъ сегодня. Ужас. Въ околодокъ идутъ и идутъ все больные тифомъ. На ст. Батайскъ полно тифозныхъ. Лежатъ на каменномъ полу стонутъ, подъ себя испражняются. Мертвые лежатъ съ больными

Рисунок к странице 43

На миноносцѣ Пылкiй.
Ген. Кутеповъ наблюдаетъ какъ мы хо-
димъ за передкомъ. Съ голоду и усталости качатъ
тяжело, но дѣлать нечего. Все это для меня пустяки,

Рисунок к странице 75

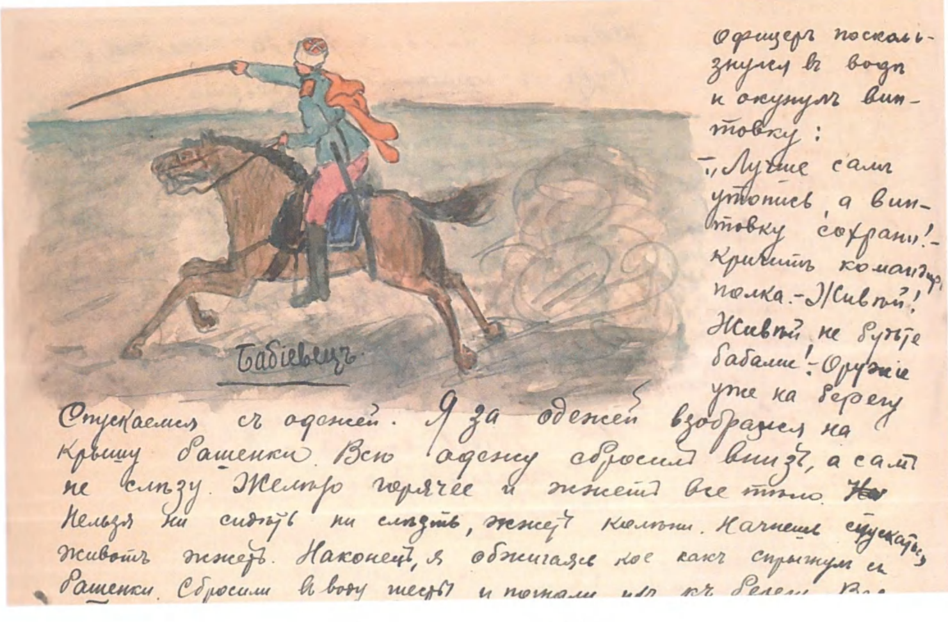

Рисунок к странице 148

Рисунок к странице 48

Рисунок к странице 67

Рисунок к странице 68

Рисунок к странице 45

Погон Алексеевского пехотного полка (рисунок А. Судоплатова)

Нагрудный знак Алексеевского пехотного полка, утвержденный для членов полкового объединения в 1939 г.

Б. Павлов в 80 лет (фото из семейного архива Ольги Матич)

За дачу неточных и неправильных сведений заполнитель анкеты несет строжайшую ответственность

№ 455

3

АНКЕТА

для регистрации бывших офицеров и участников белых армий.

1) Имя, отчество и фамилия: Максим Федорович Шевердин

2) Возраст: 53 года 3) Место постоянного жительства: Город Бердянск

4) Национальность: Русский 5) Бывшее сословие: Мещанин

6) Занятие родителей: Огородничество

7) Семейное положение и адрес семьи: Женат, есть дети. Проживают в г Бердянске ближние Макорты

8) Образование (общее и специальное): Окончил одноклассное училище и Минную школу

9) Профессии: ~~Офицер~~, занимался земледелием

10) Чем занимался до революции: Служил в Черноморском флоте

11) Имущественное положение (движимое, недвижимое, земля, вклады в банках, акции и т. д.) а) до революции: Трип четверти десятины земли огорода и домик в городе Бердянске

б) в настоящее время: тоже самое

12) Последний чин и награды в царской армии: Подпоручик и Орден Станислава 3й степени

13) Последний чин и награды в белой армии: Применен приказ о кондукторах с переименованием в поручики К. К. Оф

14) Время и место поступления в белую армию: В ч 1919 году в городе Севастополе

15) Обстоятельства и причины поступления в белую армию: Ради куска хлеба, имел большую семью, частной должности не мог найти по специальности, отношение к офицеру было отрицательное

16) В каких частях, на каких должностях и в какое время служил в белой армии: В службе связи Черноморского флота, сигнальщиком старшиного в 1919 и 1920 годах.

1920
53
1867

17) Участвовал ли в боях и сколько раз: нет

18) „ „ карательных экспедициях: нет

19) Имеет ли родственников в красной армии, кого и где именно: Родной племянник Николай Шевердин и Яков Руднев (где незнаю)

20) Имеет ли родственников в белой армии, кого и где именно: Мобилизованы два сына Даниил и Степан второй Рашин отп

Регистрационная анкета М.Ф. Шевердина, заполненная им незадолго до расстрела в керченской тюрьме (из фондов Центрального государственного архива общественных организаций Украины)

ген. Кутепова, а рядомъ штабъ Алексеевской дивизiи
мы въ корпусномъ резервѣ. Говорятъ въ Батайскѣ остано-
вился фронтъ. Это 25 верстъ отсюда. Хорошо быть въ
резервѣ.

31 декабря. Кагалъ. (О.В.Д.) | Отдохнули немного. Ходилъ на занятiя.
Всѣ эти дни писалъ дневникъ. Началъ съ Муш-
кетово и вотъ сегодня дописалъ до настоящаго числа.
Отдали въ стирку бѣлье. Живется въ общемъ ничего.
~~Въ общем~~ Я согласенъ всегда стоять въ корпусномъ резервѣ.
Прислали обмундированiе. Очень мало.
„Полторы рубашки на роту!“ - смѣялись солдаты, а сколько
составовъ съ обмундированiемъ сожгли подъ Юзовкой и въ
Ростовѣ. Получилъ англiйскiй полушубокъ. Подъ шинелью одѣвать
тепло. Сплю на немъ прямо на полу безъ соломы. Мягко и
тепло. Расстилается во весь ростъ. Вчера всѣ солдаты, ко-
торые отступали съ полкомъ отъ Верховья Орловск. или
Курской губ. куда дошелъ нашъ полкъ произведены въ унтеръ
офицеры.

1920 годъ. ст. Кагалъ. (Области Войска Донскаго)

1е Января. Новый годъ провели хорошо. Въ ротѣ двѣ
гармошки. Шутько играетъ хорошо. Тихiй валяетъ дурака. Пере-
одѣвался въ дiвчину.
2 Января. Читалъ газеты. Ген. Деникинъ обращается съ воззванiемъ
къ кубанцамъ, гдѣ говоритъ чтобы они вернулись на фронтъ и
не предавали родины, иначе онъ обѣщаетъ съ вѣрными
еще ему войсками бросить Кубань врагу и уйти въ Крымъ.
Спорилъ съ дѣдомъ-хозяиномъ. Онъ очень скупой. Намъ
выдаютъ на руки, муку, мясо, капусту т.к. кухни бросили.
Баба варитъ борщъ и нашего мяса добавляя для вкуса
кое что свое и печетъ намъ хлѣбъ, вѣроятно, выгадывая
и себѣ. Дѣдъ все это ѣстъ съ на...

Страница из дневника А. Судоплатова

Поручик ушел. Ну и война. Мы на позиции, а где-то, не то в тылу, не то черт его знает [где], бродит кавалерия противника. Пожалуй, сейчас на позиции безопаснее, чем где-нибудь в Ахтарях!

Я вышел на насыпь. Батальон с песнями выходил из хутора и в колонне по 4 двинулся вперед над путями. Мы заявили, что выключаем аппарат и соединяем линию. Отнесли кувшины и двинулись. Командир батальона, бородатый полковник Логвинов, едет на своей гнедой лошадке, которую вчера выгрузили с «Амвросия», впереди батальона. Мы шли по путям, наблюдая за проводами, и, где порваны, наспех соединяли, спрашивая, нет ли каких приказов из штаба. Но штаб полка передает, что снимается и идет за нами. Проходим будку. На будке стоит дрезина «с качалкой». Мы, 4 человека, завладели ею и начали качать. Дрезина идет легко и быстро. Особенно под уклон. Мы на целую версту обгоняем батальон.

Полковник Логвинов грозит нам пальцем:

— Не зарываться... вы мне еще нужны будете!

Сзади нагоняет 1-й батальон. Красных и не слышно. Прошли уже верст 15, видна станица Новоджерелиевка и вокзал. Уже перевалило за полдень. Раздались выстрелы.

1-й батальон рассыпался у путей. 2-й пошел далеко в обход.

Подъехал с ординарцами командир полка. Он взлез на скамью дрезины, чтобы лучше наблюдать за боем.

— Немного их! — сказал он адъютанту, глядя в бинокль.

На вокзале показался дымок и приближался к нам.

— Очевидно, бронепоезд! — с тревогой произнес командир полка. — Это коряво, а наших орудий все еще нет, дайте Ахтари! — обратился он ко мне.

Иваницкий быстро взлез на столб и, обрезав провод, бросил мне, я включил аппарат.

Ружейная трескотня все разгоралась, пули уже свистали над нами. Грянуло орудие. Снаряды начали ложиться около цепей. Запела и над нами шрапнель. Подняв облако пыли по всей линии дороги, бронепоезд приближался. С винтовками нам с ним не тягаться, а орудий еще нет.

Нам приходилось туговато. Бронепоезд уже виден. Он выходит из станицы. Цепи наши то было ретиво двинулись, а то уже и не подымаются. Очевидно, у них дух упал.

— Готово Ахтари?! — спросил у меня командир полка.

— Готово! — ответил я, передавая ему трубку[150].

— Ахтари! — закричал в трубку полковник, отчаянно хлопая клапаном. — Говорит командир Алексеевского полка с позиции, дайте начальника группы.

— Это вы, ваше превосходительство?.. Будьте добры, когда прибудут орудия на позицию?! А?! Да, да!.. У них бронепоезд, и мы отступаем!.. Невозможно... Поторопите, будьте добры!.. Спасибо!..

Он бросил трубку и выругался:

— Черт возьми, артиллерия только начала выгружаться...

«Если артиллерия сейчас только начала выгружаться, — подумал я, — то когда же она прибудет на позицию, а сюда от Ахтарей верст 35, если не больше. Да они сразу и не выступят из Ахтарей, они еще попьют там молока да поедят сметаны».

Командир полка, стоя на дрезине, внимательно смотрел в бинокль.

— Первый батальон отходит!.. — сказал он адъютанту.

— А, Господи! — воскликнул он через минуту. — Это же безобразие, ейбогу... Ну и порядки!..

Он, очевидно, волновался за артиллерию. Около нас в пятидесяти шагах со страшным грохотом разорвался снаряд, подняв столб земли и дыму.

Вдруг командир полка встрепенулся.

— У вас, кажется, есть ключ для гаек?! — спросил он нас.

Мы ответили утвердительно. На дрезине был один ключ.

— Садитесь на дрезину и езжайте вперед, пока возможно, и постарайтесь развинтить рельсы.

Дьяков вскочил на дрезину и крикнул мне. Я последовал его примеру. Кто-то нам кричал: «Куда вы? Все равно ничего не получится!» Но мы нажали на передачу и быстро помчались под уклон, навстречу бронепоезду. Красные сосредоточили на нас огонь. Пули визжали в разных направлениях, но мы отчаянно мчались вперед, так что ветер свистел только в ушах. Уже обгоняем свои цепи. Я хотел остановить дрезину, но Дьяков вытаращил глаза, что-то кричит и все налегает на передачу. Уже наши цепи остались далеко сзади, мы вблизи станицы.

Жду, вот сейчас щелкнет пуля в лоб. С бронепоезда бьют из пулемета. Одна пуля ударила в скамью дрезины и с визгом пошла рикошетом в сторону.

Дьяков на ходу соскочил с дрезины.

— Тормози! — кричит он мне, догоняя дрезину.

Я еле удержал ее.

— Скорее ключ, скорее! — кричит он, запыхавшись. Я соскочил, и мы легли за насыпь. Пули отчаянно визжат и впиваются в насыпь.

Мы принялись отвинчивать гайку. Но оказалось, не так просто. Одним ключом ничего не сделаешь. Гайка вертится вместе с болтом. Что делать? Дьяков пыхтит, пыхтит, мы налегаем на ключ, но гайка не поддается. Я внимательно осмотрел рельсу. Оказывается, если даже мы гайки отвинтим и выймем болты, то нужно будет еще вынуть костыли из шпал, чтобы сбросить рельсу, а если мы костылей не выймем, то бронепоезд все равно пройдет.

В это время два снаряда с визгом разорвались около нас, затем третий — совсем близко. У меня уже у самого развинтилась гайка.

— Едем обратно! — сказал я Дьякову.

— Подожди! — крикнул он. — Надо что-нибудь сделать!

— Ну что ты сделаешь?

В это время в воздухе хлопнула шрапнель и вокруг нас со звоном посыпалась картечь.

— Да! Едем! — крикнул Дьяков, прячась за насыпь.

У меня мелькнула мысль.

— Давай перевернем дрезину на пути — все-таки задержим бронепоезд!

— Здорово! — согласился Дьяков.

Мы сняли дрезину с рельс и кое-как поставили ее поперек пути и, пригибаясь, побежали за насыпью обратно.

Командир полка поблагодарил нас за догадливость. Цепи отошли шагов на сто и залегли между копнами. Правый фланг наш уже был у станицы. Бронепоезд пускал снаряды, но не двигался дальше. Почему? Неизвестно. Или он предполагает, что мы подложили под рельсы шашку, и боится? Уже солнце садилось, когда на западе по дороге поднялось облако пыли, оно все приближалось и приближалось. Что такое? В чем дело? Все смотрят туда.

— Батарея! Батарея! — раздались радостные крики.

— Алексеевская батарея!

Батарея неслась карьером. Быстро снялась с передков. Уже наводят орудие. Дух у всех поднялся.

— Ай да молодцы! — раздаются похвалы.

«Бу-ух! Думм!»

Первый снаряд разорвался около самого бронепоезда. Наверное, задел его. Ура! Бронепоезд удирает.

Наша батарея начала бить по вокзалу. Цепи наши начали перебежки. Правый фланг уже вошел в станицу. Без сомнений, станица наша. Мы опять поставили дрезину на рельсы и двинулись вперед.

Влево от нас на дороге движется туча конницы, она несется рысью с черными знаменами с черно-красными значками и волчьими хвостами, идут густыми колоннами — это конница Бабиева, она сегодня утром выгрузилась и сейчас же двинулась в обход. Конницы масса, и конница превосходная. Ну теперь уже красные не страшны нам.

Ст. Джерелиевка.

Ночь. На улицах станицы столпотворение. Идут обозы и обозы, которые сегодня выгрузились. Конница, батареи, опять обозы, какое-то кабельное отделение, какое-то управление, интендантство. Спали у одного казака, угостил хорошим ужином: галушки с курятиной, курица жареная, чай с молоком, хотели уже ложиться спать, хозяйка несет яичницу с салом, потом арбузы. Легли в час ночи.

4 августа. Часов в 7 утра двинулись по железной дороге. При выходе из станицы гляжу, наши бегут на курган. Я понесся туда. Оказывается, на кургане зарыты наши взятые в плен гренадеры, которых, говорят жители, здесь ночью красные рубили. Их отрывают. Жители говорят, что они видели, как командира батальона и сестру милосердия красные погнали дальше на станицу Роговскую. Выступаем из станицы, за нами теперь движется масса обозу, два военных училища. Наша дивизия идет по железной дороге, влево пошла в обход конница Бабиева, вправо от железной дороги пошла конница генерала Шифнер-Маркевича[151]. Красных и не слышно. Мы едем по ли-

нии и с удивлением смотрим на шпалы. Все шпалы — как одна — чем-то острым перерезаны — свежий след. Он начинается от Джерелиевки. Очевидно, наша батарея повредила-таки бронепоезд, и его тащат на буксире. Влево по грунтовой дороге идут ямки, ямки, след от громадных колес. Это, говорят, прошел трактор красных[152]. С тяжелым орудием. Жители говорили, что у них здесь два трактора.

Идем уже около часа. Солнце отчаянно печет, пить хочется. Вправо маячит хуторок. До него верста. Несколько человек помчались туда воды напиться. Я захватил четыре фляжки, тоже понесся туда. Подбегаю к крайней хатке, здесь несколько человек наших окружили какую-то бабу, я подбежал к ним.

— Да ты говори толком! — кричал ей один офицер с наганом за поясом без кобуры. — Белый он или красный?

— А господь его знает! — говорила перепуганная баба.

— Да где он? Веди нас к нему!

— Что такое? — спросил я.

Но никто мне не ответил. Баба повела нас за собой в амбар.

— Где? Здесь? — спросил тот же офицер, входя первый в амбар.

Мы пошли за ним.

— Здесь! — указала баба в закром.

— Братцы, товарищи! — раздалось из закрома. — Я ранен...

— А ну-ка вылазь! — крикнул офицер, заглядывая в закром. — Да это наш! — воскликнул он. — Капитан Соловьев.

— А вы? Наши... свои... — залепетало в закроме. — Господи! Благодарю, благодарю тебя!

— Да это капитан Соловьев! — закричали офицеры, заглядывая в закром. — Гренадерского батальона.

Из закрома, едва-едва падая от слабости, вылез капитан Соловьев 3-го батальона. Лицо у него было в крови. Он был в одном белье. Оно было все в черных пятнах от крови.

— Свои, свои! — крестился он и плакал.

Через минуту он кратко рассказал, как красные взяли в плен их батальон, раздели всех и начали рубить. Ему разрубили ухо и часть черепа, но он

все-таки был жив и притворился мертв. Ночью его подобрали крестьяне и спрятали в амбаре, но баба — хозяйка амбара боялась, как бы большевики его не нашли и ей не нагорело бы за него, и выгоняла его из амбара. Он умолял ее, умолял, но ничего не помогало. Она грозила, что выдаст его красным. Сегодня он слышит крики: «Где он?» — и голос бабы и решил, что красные уже идут за ним. Как он нам обрадовался, я не могу описать. Ну и пережил же он. Я забыл про воду и понесся к своим сообщить эту новость.

Уже вечерело, когда мы подошли к станице Роговской. При ней и станция Роговская. Красные открыли огонь. Наши рассыпались цепью. Батареи наши открыли огонь.

Красные оказывают сопротивление. 2-й батальон пошел в обход, 1-й батальон идет в лоб. Бронепоезд красных отчаянно бьет по цепям. Ворвались в станицу. Красные бежали. Я был с 1-м батальоном. Вскочили на станцию. Тихо и спокойно. Горят лампы. Ни выстрела. Над входом в вокзал горит большой фонарь, освещая усыпанный гравием чистый перрон. Как будто бы сейчас придет поезд... Совсем не похоже на позицию. Только в конторе разбросаны бумаги. Наши офицеры принялись контролировать бумаги и телеграфные ленты. Я тоже начал шарить и отыскал несколько листков чистой бумаги для настоящего дневника. Выхожу на перрон. Ночь теплая и темная. Звезды ласково мигают с высоты небосклона. На путях ни одного вагона. В станице слышен шум проходящих обозов и стук колес. Это входят наши обозы.

Я вошел в контору и сел на стул. Усталость была страшная. Поставил винтовку между колен и незаметно склонился на стол и уснул. Проснулся, не знаю, через сколько времени. Меня кто-то толкал в плечо:

— Какой части?

— Алексеевского полка! — просыпаясь, сказал я.

Около меня стоял какой-то офицер.

— Отчего же вы спите? Ваш полк уже вперед ушел! — улыбаясь, сказал он.

— Куда вперед? — недоумевал я.

— А вот попробуйте разыскать!

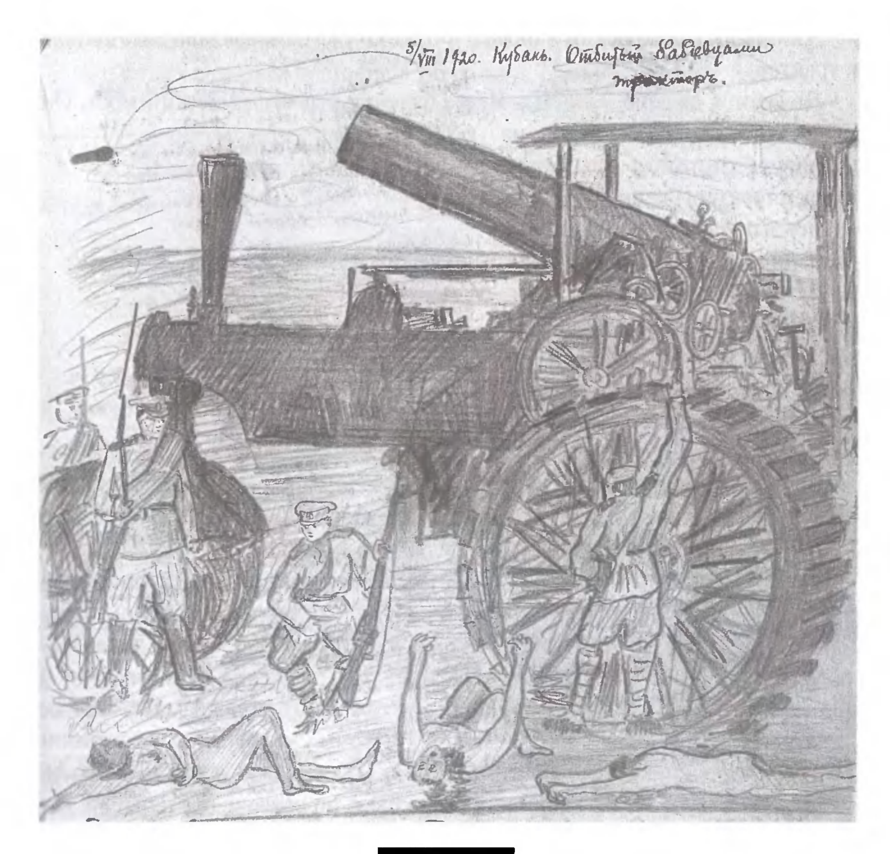
Смотрю, вокруг спят не наши люди. Вскочил с места и выбежал на перрон. В станице еще слышен стук повозок. Я бросился туда. Какие-то незнакомые части... Инженерная рота, автокоманда, Константиновское военное училище, а нашего полка нет.

Бегу вперед. Обгоняю обозы. После долгих розысков нашел наш полк. Он уже был размещен по квартирам.

5 августа. Ночевали на площади под повозками. Выступили рано утром. Опять движемся по железной дороге. Мы едем на дрезине. Шпалы до сих пор

идут резаные. Жалеют, очевидно, бронепоезд оставить. А по дороге идут следы от двух тракторов. Говорят, на этих тракторах шестидюймовые орудия. Конница Бабиева, говорят, уже бродит в тылу у красных. Мы уже прошли от Ахтарей верст 60. Теперь уже до моря далеко. Остается взять станцию Тимашевку, и мы отрежем красным Новороссийск. А в Новороссийске, говорят, высадился десант генерала Черепова[153]. А на Тамани будто бы тоже высадились наши. Говорят, генерал Врангель хочет все части перекинуть на Кубань и устроить здесь базу, а в Крыму оставить на Перекопе небольшую заградительную группу.

Часов в 11 дня на путях заметили что-то. Начались догадки. Что такое? Паровоз, говорят, вагон. Подходим ближе. Стоит бронеплощадка. Заднее колесо поднялось вверх, и ось перебита. Это результат нашего снаряда.

Пулеметы все сняты. Площадка пустая. Валяются обоймы патрон и ствол «Максима», и больше ничего. Этот бронепоезд и резал шпалы своей осью. Очевидно, наши казачки уже наделали у них паники, раз бросили площадку. Через час по грунтовой дороге, левее полотна железной дороги, что-то виднеется. Подходим ближе. Трактор, брошенный красными. На нем громадное орудие. Рядом стоит брошенный грузовик. Подошли вплотную. Вокруг трактора валяются голые трупы порубленных коммунистов. Их около тридцати. Здорово рубили. Казачки прямо рубили по голове. Один черный весь, в саже, наверное кочегар, другой в кожаной фуражке с рассеченным горлом. Один коммунист лежал в бурьяне шагах в двухстах от трактора. Очевидно, он бежал, но его догнали бабиевцы. Он лежал вверх лицом, широко открыв глаза и вытянув вверх руку, показывал кукиш. На тракторе стоял пулемет.

Чиновник Щетковский и шофер Фоменко уже осматривали автомобиль и трактор.

Движемся дальше. Балочка. Через балочку перекинут легкий мост. Он провалился, и в балке лежал накренившийся трактор. Ура! Бронепоезд и тракторы наши. Молодцы, бабиевцы! Настроение у всех повышенное. Теперь пойдем прямо на Екатеринодар. Сегодня, безусловно, возьмем Тимашевку. Это от моря будет верст 80, и до Екатеринодара осталось столько же. В общем, через неделю будем гулять по Екатеринодару. С занятием Тимашевки отрежем совершенно Тамань. Говорят, в Ахтарях устраивают базу кубанской группы. Пришли транспорты с полушубками, с зимним обмундированием, американский склад Красного Креста. Авиационный отряд, огнесклады и пр., пр.

Вечер. Подходим к Тимашевке. Виден вокзал. Красные открыли огонь. Удивительная публика: у станицы защищаются, а в поле их нет. Они сосредоточили орудийный огонь не по нам, а больше по обозам. Обозы наши стояли в балке. Они не выдержали и убегают. Вот там жара Щетковскому и Шапареву. С вокзала бьет их бронепоезд тяжелыми снарядами. Сильные разрывы и столбы дыма и земли. Наши батальоны уже рассыпались у станицы, у ближайшей железнодорожной будки. Пули визжат мимо нас с воем, впиваются в насыпь. Орудия наши бегло бьют по вокзалу. Красные на-

шем правом фланге наступают. Они вышли из станицы и рассыпались далеко в поле. Наш 2-й батальон отходит. Наши орудия перенесли огонь на правый фланг. Я включился в линию и вызвал Ахтари. Слабо слышно. Ведь 80 верст, и линия плохо починена.

Командир полка наблюдает за боем. Он стоит на скамье дрезины и наблюдает в бинокль. Как всегда, он спокоен. Пули свистят мимо дрезины, но он не шелохнется. Твердо держит в руках бинокль и, как опытный хладнокровный доктор на операции, медленно диктует адъютанту донесение.

Адъютант, «притулившись» к скамье, пишет на небольшом листочке карандашом: «Генералу Шифнер-Маркевичу. Командир Алексеевского пехотного полка. Тимашевка. 17 часов 40 минут. Около часа ведем бой с красными. Заметна большая концентрация их сил. Несколько бронепоездов. Особых сведений не имею. Генерал Бабиев слева где-то. Связи с ним не имею никакой. Полковник Бузун».

Адъютант подозвал ординарца Волкова и, свернув записку, дал ему:

— Скачи к генералу Шифнер-Маркевичу и передай ему!

— А где он?! — удивился Волков.

— А где-то там, на правом фланге! — указал неопределенно адъютант. — Верст двадцать отсюда будет. Держись все время правого фланга. Только красным не попадись!

Смущенный таким приказанием, ординарец неохотно отвел свою лошадь и, вскочив в седло, помчался меж копнами к горизонту. С тылу откуда-то летит аэроплан и бьет из пулеметов по нас. Пули визжат в воздухе. Бронепоезд начал бить тяжелыми снарядами по нашей дрезине. Вот-вот угодит. У меня и душа ушла в пятки. Но командир полка и не шелохнется. Мне вспомнился Петр Великий в Полтавскую битву. Он говорил войскам: «А о Петре не ведайте, ему жизнь недорога, была бы Россия!»

Один снаряд разорвался близко от насыпи в болоте. Нас обдало грязью, мелкой водяной пылью.

Бой затягивается. Уже скоро будет темно, а цепи наши лежат на одном месте.

Уже является сомнение. Возьмем ли мы Тимашевку?

В тылу поднялись облака пыли. Приближаются какие-то колонны. Не то конница, не то пехота. Что такое? Откуда?

Командир полка немного растерялся.

— Не может быть, чтобы это были красные, — говорил он адъютанту, направляя туда бинокль. — Это фактически невозможно. Не могут они так быстро, незаметно из Тимашевки обойти нас.

Все-таки он приказал немедленно снять с передовой линии два пулемета и направить против приближающейся с тылу колонны. «Вот сейчас будет жара, — думал я, — либо пан, либо пропал, налетит конница — и всем нам амба. Ведь у нас два батальона и одна батарея, да и люди все устали страшно». Вдруг видим, по железнодорожной линии бежит какой-то солдат. Запыленный, потный — черный. Приближается. Это юнкер-константиновец.

— Где командир Алексеевского полка?! — кричит он.

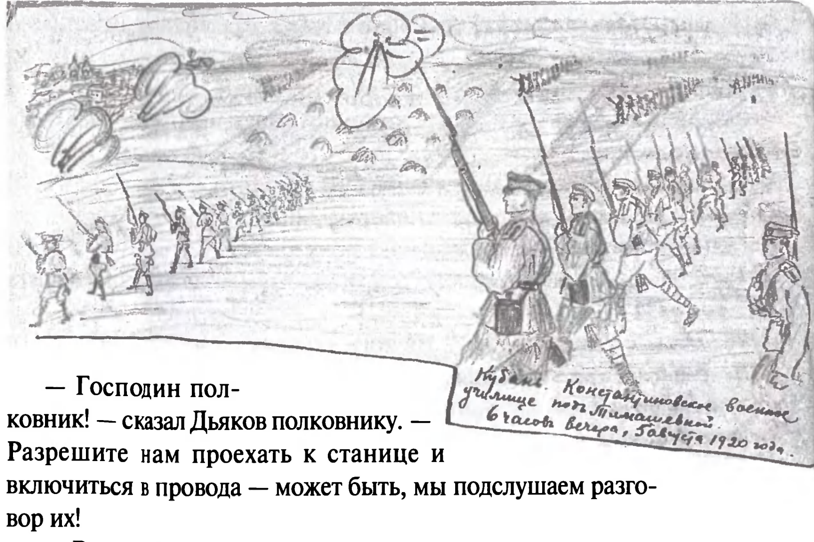
— Здесь! Здесь!

— Господин полковник! — беря руку к козырьку и запыхавшись, докладывает он. — Константиновское военное училище прибыло к вам в подкрепление. Начальник училища просит у вас инструкций!

— Слава богу! — наши просияли. Вздохнули спокойней. Сейчас пойдет дело.

— Пожалуйста, передайте начальнику, — говорит успокоившийся полковник, — рассыпать училище правее нас и охватить станицу с правого фланга.

Через 20 минут по всему полю правее нас шли юнкера. Они рассыпались стройными рядами. Вполоборота направо. Идут, как на ученье. Молодцы! Наши уже врываются в станицу. Около станицы обрезаны провода.

— Господин полковник! — сказал Дьяков полковнику. — Разрешите нам проехать к станице и включиться в провода — может быть, мы подслушаем разговор их!

— Валяйте! — крикнул полковник.

Мы помчались по линии. Не доезжая шагов сто до первой цепи, соскочили и включились в оборванный провод. Ура! Стучит телеграфный аппарат и слышен крик:

— Тимашевка! Тимашевка! Тимашевка!

Мы, затаив дыхание, по очереди слушаем с Дьяковым. Интересно. Разговор врагов. Вот разговор:

— Тимашевка!

— Слушаю, Тимашевка!

— Почему молчите, говорит Екатеринодар...

...Пауза. Мы думали уже, что красные где-либо еще перерезали провода, но через минуту слышим прерывающийся от волнения голос:

— Екатеринодар!

— Слушаю!

— Белые обходят Тимашевку, мы не можем удержаться...

— Откройте ураганный огонь из бронепоездов и отходите!

— А что прикажете с составами?..

Пауза. Слышен шум, через 15 секунд голос:

— Тимашевка! Тимашевка! Тимашевка!

Пауза. Сильный звонок.

— Тимашевка! Тимашевка!

— Слу-ша-ю, Тимашевка! — пропищал в телефоне испуганный женский голос.

— Почему не отвечаете!

— Разорвался снаряд... я не могу!.. — пищал напуганный голосок.

Сильный звонок.

— Тимашевка! Тимашевка!

— Я... Тимашевка, — испуганно пищит бабий голос.

Слышны неземные ругательства:

— Почему .... не отвечаете?.. Дайте мне мерзавца, коменданта станции.

— Убежали... — пищит баба. — Не могу... снаряд...

— Ах, сволочи, уже убежали! — кричит в трубку Дьяков. — Но мы вас и в Екатеринодаре найдем, краснопузая сволочь!

— Винтит гайка! — засмеялся он, бросая трубку. Сильно бьет красная артиллерия. Но безрезультатно. По всему полю вздымаются столбы разрывов. В воздухе беспрерывный вой снарядов.

По путям идет командир с адъютантом, сбоку насыпи ординарцы ведут за ним лошадей.

— Господин полковник! — кричим мы ему. — Они бегут из Тимашевки, приказано очистить станцию!

— Сейчас приказывают бронепоезду уходить! — кричит Дьяков, держа у уха трубку. Действительно, раздался раскатистый гул тяжелого орудия, и артиллерийская стрельба утихла. Страшно трещали винтовки и рокотали пулеметы. Уже слышно «ура!». Роты ворвались в станицу. Командир, адъютант и ординарцы поспешно садятся на коней.

— Садись! — кричит Дьяков, налегая на передачу дрезины.

Я выключил аппарат и на ходу вскочил на дрезину. Мы мчимся по путям на станцию. Дрезина с шумом несется под уклон. Еще кое-где такают винтовки, но редко.

Мы обгоняем наши цепи. Они бегут по скошенному хлебу, обгоняя друг друга, тяжело дыша, каждый старается первый вскочить на станцию. К нам на дрезину прицепилось человек 12. Едва можно качать. Дружно нажимаем на передачу и с гулом летим. Дрезина с треском прыгает на стрелках и покатила по главному пути. А что, если на стрелках заложена пироксилиновая шашка? Вали кулем! Опосля разберем. Влетаем на перрон.

Какой-то человек выбежал из вокзала и бросился удирать по пути. Мы соскочили с дрезины и прицелились из винтовок.

«Трах! Тах! Трах!»

Он, пригинаясь, полез под вагоны и скрылся. Несколько человек лезло под вагонами. Мы начали по ним стрелять. Правее насыпи шагах в трехстах бежало человек 20. Мы открыли огонь по ним. Настроение у всех было такое. Пусть хоть полк идет против нас, все равно разобьем.

Врываемся в зал 1-го и 2-го класса. Пусто. Кто-то выстрелил в потолок. Штыками сдираем со стен большевицкие плакаты.

Вбегаем в контору. Перепуганная барышня выглядывает из-за шкапа. Окно в конторе вылетело, и часть стены вывалило нашим снарядом.

— Вы кто такая? — кричит Дьяков на барышню.

— Я... я... телеграфистка...

— Здесь есть красные?

— Не знаю, они бежали... ничего не знаю!.. — лепетала она.

— А револьверы есть у вас?!

Я, пользуясь моментом, беру со стола карандаши, книгу для записи поездов и штемпель... Последний положил обратно. Взял хорошую кожаную сумку.

Барышня плачет, с нею обморок.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — говорит Дьяков, помогая ей сесть на стул и подавая воду. — Мы не звери... Мы не красные...

Но барышня всхлипывала и не могла выговорить ни слова.

В контору входит начальник дивизии генерал Казанович со штабом.

— Аппараты целы? — спрашивает генерал.

— Целы! Целы! — говорит успокоившаяся барышня.

— Дайте мне Екатеринодар!

Барышня стучит.

— Есть ток?! — удивляется генерал.

— Есть!

— Передавайте, — говорит генерал барышне, — белые обошли нас, что делать с бронепоездом...

Телеграфистка стучит. Слышен стук ответа, и лента, шурша, вылазит изпод пишущего колесика, извиваясь змейками по столу.

— Приказываю вторично, отойти... — читает барышня.

Генерал Казанович диктует:

— Прошу приготовить мне в Екатеринодаре хорошую квартиру...

— Кто говорит?.. — читает барышня ленту.

— Говорит генерал Казанович! — диктует начальник дивизии.

— Готова хорошая квартира, — медленно читает барышня ленту, — между двумя столбами с перекладиной...

Аппарат дает какие-то перебои.

Барышня недоуменно смотрит на ленту. Лента медленно вылазит из часового механизма и, изворачиваясь спиралью, вьется по столу.

— Что такое? — нетерпеливо спрашивает генерал.

— Ваше превосходительство... Ваше превосходительство... — читает барышня.

— Слушаю, генерал Казанович! — диктует заинтересованный генерал.

— Я полковник Скакун[154], — читает барышня, — у меня две тысячи шашек, сейчас вышел из камышей, включился и слыхал ваш разговор, куда прикажете идти...

— Идите в Тимашевку! — диктует генерал.

Едва барышня это выстукала, как аппарат перестал работать. Стрелка гальваноскопа нервно закачалась и вдруг стала неподвижно вертикально.

— Линия обрезана! — говорит барышня.

Я несусь в станицу разыскать наших, страшно хочу жрать и пить. Подбегаю к одной хате, у ворот молодой хозяин и его жена.

— Здравствуйте!

Они приветливо здороваются.

— Можно у вас воды напиться?

— Давайте баклажку! — говорит баба, снимая с меня фляжку.

— Не нужно в баклажку, я так напьюсь!

— Що там так?[155] — махает баба руками, убегая с баклажкой.

— Ну, как большевики? — спросил я молодого хозяина.

— Да как! — вздохнул он. — Если бы не вы, то не знаю, что и было бы. Описали всю пшеницу, хотели реквизировать, а вчера объявили мобилизацию. Да я не пошел, до сегодняшнего вечера по суседях скрывался. Спасибо вам. Теперь и я слободен, и моя пшеница цела.

Бежит баба, несет целый хлеб и фляжку молока.

— Зачем! — говорю я. — Я воды просил...

— Ааа, — замахала руками баба, — пыйте на здоровье, хиба нам жалко для добрих людей, вы за нас бьитесь, жалко, що баклажка мала и пивглечика не влизло...[156]

Я поблагодарил их и пошел в станицу, не утерпев по дороге выпить молоко.

В станицу входили батареи, обозы. Встретился обоз нашей команды. Бородатый поручик Яновский шагал рядом с обозом с радостной улыбкой,

я приветствовал его. Скорым шагом, обгоняя обозы, входило в станицу Алексеевское военное училище, оно, очевидно, опоздало к бою. Оркестр гремел походный марш. Настроение у всех повышенное.

Поручик Яновский вошел в экстаз.

— Ну, воображаю, какое будет воодушевление, когда мы возьмем Москву! — сказал он мне.

Но я что-то в Москву не верю. Устали все мы очень. До Екатеринодара предстоит идти еще 80 верст, и здесь будет сопротивление серьезное. А мы каждый день в бою, каждый день потери, а подкрепления нет ниоткуда. А о смене нас другой частью и об отдыхе и думать нечего. Между тем линия фронта расширилась. У нас же нет связи с Бабиевым, он где-то влево. Верст 30. Шифнер-Маркевич где-то вправо, верст 20. Так что за Москву, очевидно, и думать не придется. В группе обозов везут испорченный автомобиль. Две клячи, на одной сидел старикашка мужик, тащили громадный запыленный легковой автомобиль. Все подбегают к нему и заглядывают внутрь. Я подошел тоже. В автомобиле, откинувшись на спинку сиденья, развалился толстый господин во френче без погон. Но, видно, бывший офицер, рядом с ним сидела молодая красивая сестра милосердия в белой косынке. У руля спереди сидело двое солдат тоже без погон. Что такое? Оказывается, это захваченный бабиевцами в Джерелиевке Мейер[157], командир красной дивизии с женой[158]. Спереди сидели его ординарцы. Говорят, он остался по причине порчи автомобиля.

Начальник красной дивизии развалился в автомобиле и лежал с закрытыми глазами, сестра милосердия сидела прямо, но глаза тоже не открывала. Может быть, они боялись взглянуть, ожидая, что вот-вот их зарубят или убьют.

— Этот начальник дивизии, — говорил какой-то офицер-алексеевец, идя рядом с автомобилем, — говорят, приказал порубить наших гренадер...

Начальник красной дивизии, услышав это, не открывая глаз, отрицательно покачал головой и медленно сквозь зубы процедил:

— Никаких приказов о расстреле я, товарищи, не подписывал! — Голос его был начальнический, внушительный, очевидно, он был старый офицер, так что никто из нас не посмел даже огрызнуться за эпитет «товарищи».

— Ничего, ничего, пустят тебя в расход, тогда подпишешь! — успокаивал его комендант полка*.

* По слухам, как говорили после, этот начальник красной дивизии не был расстрелян.

Мне хотелось успокоить сестру после такого резкого обращения, но неудобно, много офицеров...

Остановились у одной казачки. Вдова. Муж давно умер. Два сына убито, и два дома, уже порядочные парни.

Молоком объедаемся.

6 августа. Тимашевка. Сегодня Преображение Господне. Большой праздник. Вся станица празднует. День солнечный, жаркий. Нашему полку объявлен сегодня отдых. Слава богу, хотя один день отдохнем. Едва встали, хозяйка несет перепечки горячие и сметану густую, холодную из погреба. Умылись, кажется, за две недели первый раз. Отдали в стирку белье. Васильев не дает белья в стирку. Говорит, в Екатеринодаре сменю и постираю — он сам екатеринодарец. С утра я лежал под амбаром, где мы спали и ночь. Написал все до настоящих слов, начиная с Ахтарей. Сейчас пойду бродить на вокзал и по станице. Как бы обеда не прозевать, а обед должен быть хороший. Баба две утки понесла из сарая.

По улице степенно гуляют старые бородатые казаки в черкесках с кинжалами. Вообще в станице мужчин средних лет нет — или молодые парни, или бородачи. И это во всех станицах на Кубани. На площади лежит опрокинутая походная кухня со сломанным колесом. Иду на вокзал. Приятно побродить, когда чувствуешь себя свободным. Большую добычу наши захватили в Тимашевке: много груженых составов. Батареи, груженные на платформы и неудравшие. Целый состав мастерских с полным оборудованием, даже пианино и т.п. Два паровоза вполне исправных. Они уже маневрируют по станции. Перед вечером пошел на Ахтари наш первый состав. Ура! Теперь своя территория. Говорят, починяют бронеплощадку, Фоменко катается на захваченном бабиевцами грузовике.

Сегодня пригнали сюда тысяч пять пленных, которых захватил Бабиев в Брюховецкой. Все уральцы Особой уральской бригады. Пермские, уфимские. Страшно боялись, когда их построили на площади, чтобы разбить по частям. Они падали, думали, их будут расстреливать. В наш полк зачислено тысячи полторы. В нашу команду попало человек 50. Им по станице собрали пищу и пока охраняют.

7 августа. Тимашевка. Сегодня рано утром разбудил нас орудийный выстрел. Подошедший красный бронепоезд начал обстреливать вокзал. Хотелось бы и сегодня отдохнуть. Все-таки красные опомнились. Снаряды с воем несутся через нашу хату. Встаем. Стрельба прекратилась. Подпрапорщик Мартынов и поручик Яновский хлопочут насчет обеда. Достали котел, врыли в землю. Устроили очаг. Получили целую корову (мяса). Думают варить

борщ. Это хорошо. Я давно не ел борщу, кажется, еще на Пасху, как ел в Геническе, и больше не пробовал. Ожидаю с нетерпением. Тянем линию. Опутали уже станицу проводами. Лазили под мостом по деревьям. Через воду перебрасывали.

— Уже пауки начали! — смеются над нами солдаты.

Эх, паршивая служба в связи. Роты сейчас отдыхают спокойно, а ты то сматывай, то разматывай. Пошел в штаб полка. Часов в 9 утра на площадь влетает на лошади казак и кричит: «В тылу красная конница!» Поднялась суматоха. На площади стоят три автоброневика. Затрещали телефоны. По телефону запросили 2-й батальон, он стоял в резерве в конце села. Оттуда ответили, что на соседнем хуторе замечено какое-то движение повозок. Застучал мотор автомобиля, и броневик покатил туда. Через час все выяснилось. Наши брали на хуторе подводы. Откуда-то появились красные кавалеристы и разогнали наших. Вот так война! Прошли 80 верст, а в тылу противник бродит. Нет, видно, нам со своими силами не сделать дела. Тыл открыт. Генерал Улагай вчера здесь делал станичный сбор, разъяснял казакам положение. Казаки-станичники кричали «ура!».

Сегодня в Тимашевке в 12 часов дня парад. Принимать парад будет генерал Бабиев, на площади в ожидании парада стоит конница его. Она только пришла из Брюховецкой, разбив бригаду красных. Она имеет грозный вид со значками, знаменами черными, с волчьими хвостами. Пришел наш полк. Пришли батареи, броневики. Подошли Алексеевское и Константиновское училища. Все с нетерпением ждут генерала Бабиева. Интересно его посмотреть.

— Смирно! — раздалась команда.

Не успели все сообразить, в чем дело, как вдруг из-за угольнего дома, как пуля, вылетел всадник и птицей пролетел по фронту.

— Здрааа! — закричал он.

Но я не рассмотрел ни его, ни его лошади. Видим только мелькнувшую фигуру и руку в воздухе, другой руки у него, говорят, нет, и повод он держит в зубах.

— Здрав-гав-гав! — загалдели казаки. А наши, не привыкшие к таким приветствиям, ничего не ответили.

Жду. Сейчас пойдем церемониальным маршем, но почему-то тишина... Никакой команды... Заминка.

— Разойтись! — раздалась команда.

Удивительно. Почему же не было парада?

Иду к штабу полка. Меня ловит поручик Яновский:

— N, идите в команду, сейчас выступаем!

Куда? Что? Неизвестно.

Быстро грузят на повозки аппараты, катушки, а в саду кипит борщ, неужели бросим его? Хотя бы на ½ часа задержались. Бежит поручик Яновский.

— Что вы делаете! — кричит, нервничая, поручик. — Пойдет всего две подводы, вы, — указал он на меня, — Дьяков, Иваницкий, Башлаев и вот четверо пленных, поедете, возьмите верст пять провода и несколько аппаратов, остальные останутся здесь!

Я хотел было сказать ему, нельзя ли обождать, борщу хотелось покушать. Но поручик нервничал, суетился. Очевидно, случилось что-то серьезное. Уехали. Досадно. Отчего Головин, писарь Капустян, Горпинка и прочие присосавшиеся к начальству никогда и никуда? А меня, Иваницкого и других избранных всюду тыкают, ну да ладно. Будем страдать. Ведь все это за Родину.

Выезжаем на площадь. Бабиевцы уже выходили из станицы. Значки и конские хвосты грозно веют над колонной. Полк наш едет на подводах. Обозы и все нестроевые команды остались в станице. Выезжаем из станицы. Но почему в такое время? Под вечер. Это уже что-то непонятное. Едем по-над путями. Сбоку около нашей подводы бежит какой-то штатский господин в шляпе. Подбегает к нашей повозке:

— Разрешите сесть!

— Пожалуйста! — говорю я, ибо подвода почти пуста, но Дьяков неодобрительно поморщился, но промолчал.

— Куда вы едете? — спросил меня незнакомец, влезая в бричку.

— На Екатеринодар! — ответил я, думая, что мы не изменили маршрута.

— Как на Екатеринодар? — удивился он. — Ведь мы едем в обратную сторону!

— Как обратно? — смотрю на железную дорогу, на столбы.

Да, действительно, мы едем обратно, вот и будка, у которой еще позавчера лежал наш 1-й батальон. Почему же мы едем обратно? Тут только я начал осматриваться. Мы (т.е. наш полк) едет на подводах впереди, а сзади

за нами едет конница Бабиева, 1-я батарея и больше никого. В Тимашевке же остались военные училища и наши обозы.

— Вы знаете, — говорит мне штатский, — что большевики, кажется, зашли вам в тыл, я был в Джерелиевке и оттуда сегодня утром убежал, там близко были большевики... А куда мне теперь бежать, если они вас разобьют...

От его слов у меня настроение стало такое, какое было у поручика Яновского при нашем выезде.

К нашей повозке подбегает поручик Лебедев.

— Господин поручик! — шепотом говорю я ему. — Почему мы идем обратно?

Поручик стал на подножку брички.

— Да, — сказал он, — таковы дела...

— Да почему?.. — допытывался я.

Поручик Лебедев, очевидно, не мог для меня держать секрета и тихо, чтобы штатский не слышал, сказал:

— Красные высадили десант в Ахтарях и захватили нашу базу. Связи с Ахтарями нет...

— А наш флот?!

— А черт его знает... Сегодня сообщили Бабиеву. Он говорит: «Дайте мне один пехотный полк, и я их разобью». Вот мы и идем с ним их разбивать!

Я пал духом. Дела скверны. Одна надежда — это Бабиев. Не будь его — совсем скверно нам будет.

— Вообще, — тихо добавил поручик, — наши командующие стараются каждый играть на своей дудке. Один ушел куда-то вправо, и ни слуху ни духу. Другой говорит: «Дайте мне, я все сделаю...» — он махнул рукой и ушел на свою бричку.

Уже солнце заходило, когда с нашей колонной получилось что-то странное. Конница Бабиева остановилась на дороге и стояла неподвижно, а наши повозки рысью шли по дороге. Конница уже осталась далеко сзади.

Вдруг справа застучал пулемет. Пули засвистали над повозками. Без всякой команды люди вскочили с повозок и рассыпались в цепь.

Что такое? Откуда?

Пулемет резко стучал, захлопали винтовки. Наши еще не успели сообразить, в чем дело. Я глянул назад на конницу Бабиева. Конница рассыпалась в лаву и заходила вправо, грозно трепеща черными знаменами.

Красные, очевидно, заметили этот маневр. И из-за коней вдруг выскочило человек 20 и сели на лошадей, ускакали. Бабиевцы с ревом кинулись

за ними. Стрельба утихла. Мы двинулись на Роговскую. Приходим. На станции ни души, ходит начальник станции.

— Были здесь красные?

— Да! — говорит. — В станице, кажется, были, а на станции не были!

С Ахтарями и Тимашевкой связи нет — очевидно, порезаны провода.

— N, — сказал мне поручик Лебедев, — берите еще двух человек и езжайте к Тимашевке, где увидите порванные провода, соединяйте их и говорите со мной, я буду давать дальнейшие приказания!..

Я взял Башлаева, одного пленного, и мы поехали вдоль линии. В поле — ни души. Наш полк стоит в станице Роговской. Бабиев где-то гоняется по степи. По степи носятся какие-то всадники, не то наши, не то неприятель. Во всяком случае, мы наготове. Проехали версты три — лежат обрезанные провода. Это работа красных. Начали соединять. Подъезжают два всадника-бабиевца. Поздоровались. Сели за насыпью, курят. Мы с другой стороны насыпи возимся с линией.

Вдруг из-за кукурузы вылетает какой-то всадник и на ходу стреляет и что-то кричит.

Башлаев всматривается:

— Это красный! — говорит он.

Красный несется прямо на нас.

Казаки выглянули из-за насыпи.

— Стойте на насыпи! — сказали они нам, а сами отъехали шагов 10 от насыпи, вынули шашки. — Когда он будет близко, бегите к нам на эту сторону...

Мы так и сделали. Признаться, у меня душа ушла в пятки. Красный летел быстро, и обнаженная шашка сверкала в его руке. Когда он был уже в сорока шагах, мы, бросив работу, перебежали на эту сторону насыпи к казакам. Красный с криком: «Бей белогвардейскую сволочь!» — перескочил через насыпь.

Казачки ловко взмахнули шашками, и красный, сразу опешивший от неожиданности, покатился на траву с окровавленной головой. Казачки пошарили у него в карманах, сняли сапоги, поймали его лошадь и, крикнув нам: «Не забудьте, ребята, одежу его забрать», ускакали.

Ну и картина. Если бы не казаки, то черт его знает, что получилось бы. Хотя мы его всегда могли подстрелить. Даже в 10 шагах в упор. А если не его, так его лошадь.

Линия с Тимашевкой работала. Поручик Лебедев приказал нам ехать на Роговскую. Башлаев как-то неохотно стащил с красного брюки, хотел снять

гимнастерку, но она была в крови. Уже отъехали шагов 500, а сзади все еще около насыпи белели кальсоны человека с разрубленной головой.

Поручик Лебедев сидел на станции и пытался вызвать Ахтари. Ахтари то отвечали, то пропадали. Очевидно, просто-напросто в линию включились красные. Летит наш аэроплан. Мы расстелили полотнища. Острый угол был сигнал. Аэроплан сделал несколько оборотов и спустился на стерне, сломав колесо. Летчик пришел на станцию, страшно ругаясь.

— Что делать? — говорил он. — Или Ахтари заняты красными, или нет. Оттуда должна была сегодня прибыть в Тимашевку авиабаза, а ее до сих пор нет. Должны прибыть механики. Если они сегодня не прибудут, я принужден буду бросить здесь свой аппарат из-за пустяковой поломки!..

Мы вызываем Ахтари.

Слабо слышно.

— Слушаю!

— Авиабаза вышла на Тимашевку?

— Вышла!

— А кто у телефона?

— Офицер!

— Как фамилия, какой части?

Молчание.

Очевидно, с нами разговаривали красные. Наш никогда бы не сказал «офицер», а сейчас бы назвал чин и фамилию. Ночуем в Роговской.

Сижу в конторе за аппаратом. Поручик Лебедев и летчик храпят рядом на столе. Тускло освещает контору лампа под зеленым абажуром, а на стене против стола висит несорванный плакат: «Товарищи-казаки! Опять зашевелилась гидра контрреволюции. Отогретая в Крыму южным солнцем, она отдохнула и опять протягивает свою хищную лапу на плодородные поля Кубани. Опять хотят кровожадные золотопогонники загнать в ярмо крестьянина, рабочего и казака. Но нет, товарищи-казаки. Мы должны сплотиться вместе, в один мощный кулак, чтобы единственным усилием пролетариата сбросить этих паразитов, эту белогвардейскую сволочь в море. Вперед же, товарищи-казаки. В дружном усилии нас всех — залог нашей победы.

Екатеринодарский совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов».

8 августа. Сегодня выступили до рассвета. Бабиев узнал, что здесь близко где-то бригада красных, и пошел ей в тыл. Часов в 11 дня встретились с красными в Гарбузовой Балке. Был сильный бой. Красные дерутся страшно. Но и наши пленные дерутся здорово. Вообще сибиряки и уральцы хоро-

шие солдаты. Несмотря на то что все молодые и первый раз в бою. Бой шел около часу, и перевеса не было ни на чью сторону. Вдруг красные побежали. У них в тылу уже работал Бабиев. Наши двинулись вперед. Взяли в плен целиком 3-й полк бригады. Еще два осталось. Пленных ведут больше, чем наших. Среди пленных Башлаев узнал соседа по квартире из Ростова. Я у одного красного каптенармуса захватил целую канцелярию. Еду и читаю. Приказы, декреты, воззвания, аттестаты, документы. Дорогой все выбросил. Через два часа соединились с Бабиевым, он гнал с собой 2-й полк бригады. Осталось разбить еще один. Ночевали в Джерелиевке. А Роговская опять занята красными, и в Гарбузовой Балке опять красные. С Тимашевкой связи нет. Что там — неизвестно. Если завтра возьмем Роговскую, в Джерелиевке будут красные. Ну и война. С нами движутся повозки с ранеными. Их некуда и негде оставить. А многие ранены тяжело, и требуется для них операция.

9 августа. Степь. Сегодня опять прошли Гарбузову Балку. Красные следом за нами заняли Джерелиевку. В общем, мы окружены кольцом красных. Связи ни с кем не имеем. Мы ли выбиваем красных из нашего «тылу» или они нас выкуривают — не разберешь. Бабиев посылает нас в одну сторону, а сам мчится в другую. Нам жарко с ним работать. Конница на лошадях мчится, а мы пешком да на подводах не успеваем за ним. Лошади наши страшно устали.

Утром проезжаем хуторок.

Поручик Лебедев, не пропускавший ни одного хуторка, махнул нам, и мы своротили свою повозку к хутору. Подъехала одна повозка из офицерской роты.

Входим во двор. Во дворе стоит оседланная лошадь. Вошли в хату. Хозяева «дружелюбно» здороваются. В углу под иконами сидит какой-то солдат без погон в красноармейской одежде и пьет молоко.

Увидев нас, он смутился и побледнел. Один офицер пристально всматривается в него.

— Эге-ге, да это ты, голубчик, бежал из Роговской! — узнает его поручик.

Солдат сидел бледный и молчал.

— Поручик Устинов[159], — обратился первый офицер ко второму, который уже заказывал яичницу, — узнаете этого молодца? — указал он в угол.

— Конечно! — подтвердил второй. — Это ты удрал из команды ординарцев и лошадь увел...

Красный молчал.

— Уведите его и расспросите там! — кивнул первый офицер второму.

— Идем, голубчик! — взял его за рукав поручик Устинов.

Красный, бывший пленный, молча повиновался и, бледный как полотно, пошел за поручиком. Они пошли, как я заметил в окно, на выгон за сарай.

Мы уселись за стол пить молоко. За сарайчиком хлопнул револьверный выстрел. Через минуту вернулся поручик Устинов и как ни в чем не бывало принялся за яичницу.

Сегодня двинулись на запад к Ейску. Бабиев опять вернулся на Джерелиевку, а нас послал на станицу Брыньковскую. 1-й батальон и командир полка остались с Бабиевым, а 2-й батальон пошел на запад. Мы были во 2-м батальоне. Аппараты наши и катушки лежат в повозках, мы все теперь с винтовками. После обеда подошли к хуторку, за хутором в 5 верстах станица Брыньковская.

У хутора вырыты окопы, и красные очень метко бьют. С нами 1-я батарея. Она бьет по хутору. Уже около часу лежим в траве. Черти красные здорово бьют. Или они так обнаглели, или это новые части, но стреляют без отдыха. Пуля визгнет прямо над ухом. Слышен ветерок. Стебли осота и будяка подлетают на воздух и шелестят от пуль. А у нас как на подбор у всех фуражки с белыми околышами и белые гимнастерки. Перебегаем ближе и ближе, они от нас не дальше как в двухстах шагах. Оглянешься назад, много наших остались лежать неподвижно навеки. Сестры милосердия давали примеры бесстрашия, они ходили среди цепей и делали перевязки, одну убило сразу. Фамилию ее не знаю. Тяжело ранен командир офицерской роты полковник Непенин. Наши снаряды прямо засыпали хутор и зажгли его. Хутор горит. Окопы красных сделаны под стенами хат, они не выдержат пламени. Нужно только сбить их с первых окопов. Мы бросаемся на «ура»! Мы пробегаем окопы, в окопах никого. Валяются несколько человек убитых да масса гильз патронов.

Вдруг сзади по нас бьют из камышей. Красные отошли влево в камыш и пропустили нас. Опять отхлынули назад, расстреливаемые в упор. Много упало со стонами на землю. Я страшно боялся, если ранят, сейчас же зарубят они.

Стоявшие за скирдами наши повозки с ранеными и пустые, увидав, что мы бежим, ударились удирать по полю.

Полковник Логвинов бежит вдоль цепи с наганом в руке. Его лицо перекошено ужасом и гневом, глаза сверкают, борода растрепана.

— Батальон, стой! — кричит он, испуская миллион матов.

— Ротные командиры, расстреляю!

— Урааа! — опять вспыхнуло на левом фланге.

— Урааа! — подхватили все и повернули обратно. Перед хутором случилась короткая штыковая схватка. Красные удрали. Мы ворвались в горящий хутор. Ужасная картина. Хаты, амбары, скирды, ворох неперевеянного хлеба объяты пламенем. Страшно жарко. Свистали пули. Бабы (мужиков не видно было) бегали по двору, в руках одной была подушка, и выли. Козы, телята с ревом метались по пожарищу. Ружейная стрельба, треск горящего хутора, вой баб. Все смешалось вместе. Ужас! Ужас! Я едва перебежал через двор. Печет сильно. За хутором по дороге валяются трупы красных. Работа нашей батареи. Лица черные в пыли и крови. Два красноармейца лежали на дороге, обнявшись, у одного совершенно оторвало левую, а у другого правую ногу. Батальон остановился, пройдя хутор. Решили ночевать здесь. В темноте наступающей ночи виднеется зарево горящего хуторка. Ну и наделали же мы беды на Кубани.

Впереди в 4 верстах станица Брыньковская.

— Едемте ночевать в Брыньковскую! — предлагает поручик Лебедев.

— Она же еще не взята! — говорим мы ему, удивленные таким предложением.

— Как не взята, командир полка со штабом туда уехал!

— Не может быть, ведь командира полка здесь нет...

— Да что вы знаете! — сердился поручик. — Сейчас он приехал и туда уехал... Фетисов, вы видали? — обратился он к ординарцу.

— Да, командир полка туда уехал! — подтвердил тот.

Поручик садился на дрожки, сел Фетисов, Башлаев. Неудобно было мне отказываться. А в самом деле, если станица занята нами, будут потом смеяться, скажут — струсил. Я сел тоже на дрожки. Хотя удивительно, 2-й батальон располагается в поле. 1-й должен подойти. Кто же занял станицу? И почему батальон не идет туда?

Проехали батальон, обгоняем пешую разведку.

— Куда едете? — спрашивает разведка.

— В Брыньковскую! — кричит поручик.

— Как? Разве она занята? — удивляется разведка, но мы их уже обогнали. Нас обгоняет конный ординарец.

— Господа, не видали командира полка? — спрашивает он.

— Нет, не видали!

— Говорят, он уехал в станицу! — проговорил ординарец и, пришпорив коня, обогнал нас.

«Ну влопались, — думал я, — раз от батальона шла на станицу разведка — значит, станица не занята». Мне было досадно на поручика и обидно за его безалаберность. В темноте уже вырисовываются строения станицы.

«Трах-трах-тах-та-тах», — защелкали винтовки, перед нами видны огоньки выстрела.

«Тиу-тсс-виу-тиу», — запели пули в воздухе.

Наши дрожки, как по команде, опустели. Вмиг все слетели на землю и помчались назад. Конный ординарец бросился тоже назад. Нарвались. Я бежал по высокой кукурузе, натыкаясь на стебли ее и падая в придорожные канавки. Скатка размоталась, я перекинул ее на руку. Рубаха у меня белая, и красные, очевидно, видят меня, потому что все время визжат около меня. Жду, вот-вот вопьется в спину. Даже закололо что-то. «Пропал! Пропал!» — думал я, бежа что есть мочи.

Я накинул на плечи шинель. Теперь пули свистят в стороне.

— Ой, ой, — раздалось сзади, — ранен, ранен, хлопцы, сюда!

Я уже бегу по дороге, нагоняю дрожки.

На них сидит поручик Лебедев, Фетисов и перепуганный подводчик.

Поручик ругался:

— Эх вы... драпать только умеете...

«А что же прикажешь делать?» — думал я, негодуя на него, что из-за него произошло все это. Кого это ранило, неужели Башлаева? Но нет, прибежал и Башлаев. Наши целы все.

— Ну и дисциплина, — ругался подводчик, — ни тебе разведки, ни черта... Едут, сами не знают куда... Просто уничтожение народу...

Действительно, война — горе-война. Сколько уж погибло за этот десант народу, а что мы сделали, какой результат?

Спим в поле. Вверху над нами ласково мерцают небесные лампадочки. Стрекочут кузнечики, и поют сверчки. Природа неизменная, как всегда. Изменились только люди, они спят, чтобы утром с новыми силами кинуться в кровавую, может быть последнюю, схватку.

10 августа. Утро сегодня хорошее, солнечное. Небо чисто, на нем ни облачка. Наш бивак просыпался, сегодня будем брать станицу Брыньковскую.

Солнце быстро вынырнуло из-за горизонта и быстро поднялось вверх. «Это солнце Аустерлица!» — вспомнил я слова Наполеона перед Бородинской битвой. Сколько это солнце уже видело таких «Аустерлицев» на одной

только России — сегодня очередной и, может быть, последний для нас Аустерлиц. По очереди бегаем на соседний баштан за арбузами. Арбузы и дыни громадные, сочные. Вот уже, кажется, 3-й день по выходе из Тимашевки мы живем одними арбузами без хлеба и воды.

К нам прибыла Астраханская бригада[160] генерала Бабиева, а сам Бабиев с конницей пошел куда-то влево в обход станицы.

Станица Брыньковская, говорят, страшно укреплена. Позади станицы какая-то дамба, по которой могут только отойти красные, а влево — болота. Еще в 4 часа мы подошли к небольшой роще перед станицей. Оттуда удрала застава красных, бросив телефонную линию. За рощей в двух верстах станица. Поле ровное, как стол, и скошено все. Ясно видны хаты станицы и колокольня. Едва мы вышли из-за рощи, как из станицы затрещали пулеметы. Пули визжат так низко по траве, что задевают бурьян.

— Вправо по линии... ложись! — раздалась команда.

Люди и без команды давно приникли к земле. Я прямо впился в землю, пули прямо чертят по земле. Жду, вот-вот попадет в голову. Сердце замирает.

Но вот затих пулемет. Слава богу.

— Цепь, вста-ать!

Опять застучал, но мы идем впереди. С нами идет в цепи много пленных. Они почти не ложатся. Даже командир полка один раз крикнул на них: ложитесь!

— Чаво там, господин полковник! — хладнокровно отвечали они и шли вперед. Удивительные кацапы[161], они там держутся отчаянно и здесь молодцами. Едва только лягут, сейчас же окапываются штыками. Очевидно, их учили там окапыванию.

Правда, у красноармейцев у всех есть лопатки. А у нас, вероятно, во всей армии нет ни одной. У меня пробило фляжку, даже не слышал когда. Вероятно, когда лежал. Все-таки я счастлив.

У красных — тяжелая батарея, она бьет по нашему обозу. Астраханская бригада спряталась в лесу и стоит там. Удивительная бригада, вся из калмыков — они здорово, чисто говорят по-русски.

У красных окопы. Много наших убито. Мы лежали около часу, не вставая с места, страшно жаркая была перестрелка — нельзя было подняться. Около меня ранило пленного, он хватает траву, рвет ее и стонет страшно. Ползет фельдшер, рвет у него рубаху и хочет перевязать. Фельдшер зовет меня.

— Помогите продеть бинт! — кричит он. — Приподнимите его!

Я подлез к ним и, взяв раненого под мышки, слегка приподнял его.

— Ой, бросьте, бросьте! — кричал он, царапая землю. — Бросьте, оставьте меня...

Рана в живот, пуля вышла в позвоночник. Когда я приподнял его, из раны засвистел воздух и забулькала вода с желчью.

— Держите, держите, — говорил мне фельдшер, — не бойтесь, и с вами может то же быть!..

Начались перебежки. Красные отходят — очевидно, Бабиев зашел уже в тыл. Откуда-то бьет тяжелое орудие. Наши уже бегом пустились за красными. Астраханцы вылетели из рощи и с гиканьем пустились преследовать их. Вдруг что-то ахнуло передо мной. Сильный удар, и меня откинуло в сторону и присыпало землей. Я поднялся не сразу. Плечо страшно болело, и правая рука была ушиблена. Я ничего не слышал, правое ухо было как будто пробито. Шумел воздух. Я страшно плохо слышал, около меня в двадцати шагах была громадная воронка, около нее лежало двое убитых, один без ног. Мимо проезжали наши повозки. Наши уже взяли Брыньковскую. С трудом я уселся на одну. Я не был ни ранен, ни даже оцарапан, а просто оглушен снарядом, но рука страшно болела, очевидно, от падения. Нельзя ею действовать. По дороге лежат убитые красные. В пыли, в крови. Валяются пачки и обоймы патронов, стоят воткнутые штыками в землю винтовки. Это они сдавались коннице.

Один китаец лежал на дороге. Весь в пыли. Он лежал лицом вниз. И одним глазом посматривал на нас. Притворился мертвым.

Один молодой парень, раненный, очевидно, в грудь, гимнастерка вся в крови, лежал в пыли и протягивал к нам руку, что-то кричал. Один пленный соскочил с подводы и подбежал к нему. Раненый схватился за голову руками, очевидно ожидал, что его заколют. Наш пленный дал ему фляжку с водой. Раненый припал к фляжке, и я долго оглядывался, он все не отрывался от нее. Другой пленный у одного убитого вынул из-за обмотки ложку алюминиевую, а свою деревянную тут же забросил.

Встретил своих. Поручик Лебедев мне очень обрадовался.

— А мне сообщили, что вас убили! — кричит он.

Входим в станицу. В станице большевики бросили массу проводов. Мы их снимаем. Вошли во двор их штаба. На заборе висит фляжка. Стеклянная красноармейская. Я подошел ее снять. Вдруг из-за забора высовывается две руки вверх и показывается лицо испуганного красноармейца.

— Сдаюсь, товарищи! — очевидно, лепетал он.

— Кто ты? — крикнул я, удивленный таким оборотом дела.

— Я, я телефонист штаба полка!

— Идем с нами.

В доме нашли три фонических аппарата и фонический на 4 номера коммутатор. Добычи много. Я взял у одного пленного хороший японский карабин, а винтовку бросил.

Идем дальше, снимаем линию. Мой пленник помогает нам. Навстречу едет старик казак — борода седая, длинная. Увидав пленного телефониста, он, удивленный, остановился...

— А цэ...[162] — протянул он. — Большевик?

— Сейчас только взяли, дедушка, в плен! — сказал поручик Лебедев.

— Кровопивцы!.. — заорал старик и, схватив пленного за горло, начал душить его.

Мы насилу отбили своего пленника от старика. Выходим на площадь. Ведут сейчас взятую в плен учебную команду. Одеты хорошо и идут стройно. Приказано ночевать в станице, мы наводим линии, лазили на телеграфный столб, чтобы послушать разговоры красных, но никаких результатов.

Я левым ухом слышу в телефон, а правое как будто проткнуто гвоздем. Нельзя держать голову прямо. Паршивая боль.

Я с одним красноармейцем кое-как привели линию во 2-й батальон. Я подвешивал шестом, а он лазил и увязывал. 2-й батальон стоит на краю станицы. За станицей стоит наше орудие и бьет куда-то через дамбу и болото. Из-за дамбы летят снаряды и рвутся около нашего орудия. Орудие отвели ближе к хатам, снаряды с воем рвутся на улице, на огороде. Один упал у нас во дворе. Я устанавливал аппарат в хате. У меня душа ушла в пятки. Вот-вот треснет в хату. Жители куда-то поразбегались. Наверное, сидят по погребам. Часам к двум обстрел утих. Слава богу! Стало тихо и спокойно. Батальон отдыхает группами по садам. Я перевел аппарат из хаты в сад под развесистую яблоню. Установил на слепленной из глины плите и смотрю в поле. Рядом со мной лежат на траве офицеры офицерской роты. Вдруг один вскочил на ноги.

— Смотрите! — закричал он, указывая на камыши болота. — Человек бежит.

Мы вскочили. Действительно, из станицы по направлению к красным бежал человек. Он перешел речонку по одной доске, проложенной по разрушенному мосту, и шел по болоту меж камышей.

Мы приложились к винтовкам. Захлопали выстрелы. Никакого результата. Человек был далеко от нас.

— Нужно вызвать конных! — крикнул кто-то.

Но только позвонил в штаб полка, как оттуда уже скачут ординарцы.

— Скорее! — кричим мы им. — Вон человек бежит к красным.

Двое всадников пустились за ним.

Трудно было перевести лошадей через воду. Обрывистый берег речушки. Повалили деревянный забор. Положили через речушку и перевели лошадей. Через полчаса привели беглеца. Это был местный коммунист. Вероятно, его пустили уже в расход.

Часов в 12 ночи передает по телефону из штаба полка поручик Лебедев:

— Немедленно снимайте аппарат и быстро сматывайте линию до церкви. Я буду вас ждать с подводой.

Я доложил полковнику Логвинову об этом.

— Как! — закричал он, он был чем-то раздосадован. — Приказываю сидеть у аппарата, пока не уйдет батальон!

Делать нечего, сижу. Ко мне на помощь пришел один пленный красноармеец-телефонист.

Батальон выстроился на улице и пошел к церкви, очевидно обратно. Хаты опустели. Я снял аппарат и начал сматывать линию. Ночь была тихая и темная, хоть глаз выколи. Ничего не видно. Линия закинута высоко на деревья, привязана к крышам домов. Не развяжешь узла, не найдешь провода. Хоть караул кричи. Никого нет уже на улице. Мы вдвоем. Мой пленный — парень хладнокровный — сопит себе и больше ничего. Ему, очевидно, все равно, служить ли ему красным, или белым, или зеленым, лишь бы кормили. Красные могли каждую минуту войти в станицу и захватить нас, тем более мы на краю станицы. Я отдал своему помощнику аппарат и катушку, а сам, где обрезая, где обрывая, мотал на руку, половину провода оставляя на деревьях. Через 1½ часа мы были на площади. Здесь было пусто. Не было ни души. Неужели уехал поручик, не дождавшись нас? У меня упало сердце. «Пропал, пропал!» — думал я.

Но нет, около церкви что-то чернеет.

— Поручик Лебедев! — крикнул я.

— Я-яааа! — ответило оттуда.

Слава богу. Мы бегом понеслись к подводе.

— Что вы возитесь! — ругался поручик. — Полк ушел, я хотел уезжать. Садитесь скорее, нужно догонять полк!

Догнали полк в степи. Полк шел на Джерелиевку. Темно. Подводы все время подскакивают. По дороге что-то лежит. Я соскочил с подводы для естественной надобности и бегу за подводой. Споткнулся о что-то мягкое. Упал. Труп. Другой. Третий. По дороге масса трупов. Это работа бабиевцев. Спать сильно хочется. Я растянулся на подводе и заснул.

«Тра-та-та-та-та», — я проснулся.

Что такое? Стучит пулемет. Подводы стоят, все спят. В хвосте стрельба.

— Урааа! — раздалось сзади.

Пулемет стих, подводы двинулись. Все спали. Дремали возницы. Куда едем? Что происходит? Ничего не пойму. Опять стрельба, сквозь сон слышу залпы. Подводы останавливаются. Опять пошли. Залпы стихли. Прыгают повозки. Трупы и трупы. Мы движемся. Куда? Как? Кошмарная ночь. Спать страшно хочется.

11 августа. Утро солнечное, теплое. Мы идем на подводах. Красные нас совершенно окружили. Они целую ночь нападали на хвост обоза, но Бабиев их отбивал. Ночью перешли полотно железной дороги. С левой стороны нас движется туча красной конницы. Оттуда беспрерывно бьют орудия. Снаряды рвутся прямо на дороге. Повозки свернули с дороги и несутся через бахчи, кукурузы, подсолнух. Смешалось все. Ничего не разобрать. Мы идем неправильной цепью впереди, сзади нас идут пустые повозки, за ними батарея, которая беспрерывно останавливается и бьет влево. За батареей конница Бабиева, она кидается в атаки то направо, то налево, отбивая красных. Чтобы не разбиваться, наши повозки и батарея не отстают от конницы. Мы тоже бежим за нею. Не особенно-то хорошо бежать за конницей. На мне скатка, сумка, два патронташа и винтовка. Слева затрещали пулеметы. Пули шелестят по листьям кукурузы, сбивают стебли подсолнухов.

— Цепь, правое плечо вперед...

Мы идем по высокой кукурузе. Красных не видно, где они? Шумит кукуруза под нашими ногами и ломается с треском. Вправо и влево белеют фуражки алексеевцев. Маячит фигура ординарца Пушкарева с полковым значком. Пули беспрерывно с пением шлепают по желтеющим листьям кукурузы. Сзади через наши головы с воем несутся снаряды — это наша батарея бьет беглым огнем. Бабиев крошит красных справа, наши кинулись на «ура». Красные отступают.

— Урааа!

Мы бежим через бахчи, цепляемся, падая, за огудину арбузов и дынь. Обоз наш бешено понесся вперед и обогнал нас на полверсты. Наша батарея бьет на шрапнель по нашему обозу и по нашим целям.

— Передайте на батарею, бьют по своим! — несется крик по полю.

Шрапнель со стоном рвется в воздухе и с заунывным свистом сыплет на нас картечью, оставляя в вышине голубой букет дыму.

— Передайте! Бьют по своим!

Вышли на дорогу. Прорвались-таки. Опять едем на повозках. Мы впереди, артиллерия в средине, Бабиев сзади. Слева откуда-то с воем несутся на нас снаряды. Обозы пошли рысью. Одну повозку разбило снарядом.

Рядом с нами скачет на лошади артиллерийский офицер, он, смеясь, говорит нам:

— Знаете, за всю войну, с четырнадцатого года, я сегодня первый раз только увидел, что обоз понесся в атаку на неприятеля... Разве могли мы не обстрелять его, — смеется он, — когда увидели, что впереди наших цепей несутся повозки... — оправдывается он.

Сзади затрещали винтовки.

— Цепь назад! — Бабиев пошел куда-то влево. Мы рассыпались в цепь. Рядом со мной идет поручик Лебедев.

— Что же дальше будет? — спросил я его.

— А вот так и будет! — рассеянно ответил он.

— Но куда мы идем?

— А вот идем, ищем генерала Шифнер-Маркевича, он, должно быть, тоже бродит где-нибудь, как и мы! Будем пробиваться, как в первом кубанском походе! — добавил он.

— Это будет третий Кубанский поход![163] — воскликнул Дьяков, который шел вправо от меня.

Мы опять идем по пахоте и кукурузам. Отбили красных, движемся дальше. У меня что-то разболелось плечо. Опухло все. Из носа пошла кровь, и никак нельзя остановить. Гимнастерка вся в крови. Я лег на повозку. Кровь пошла со рта. Ротный фельдшер дает что-то понюхать, но ничего не помогает. А главное, нет ни капли воды. Голова разболелась. Я лег на солому в повозке. Плечо болит, голова тоже. Красные допекают артиллерией.

12 августа. Целую ночь были в походе, я не заснул ни одной минуты. Плечо страшно ныло. Кровь перестала идти. Сегодня чувствую себя лучше, но с повозки не встаю. Красные почему-то нас сегодня оставили в покое, и их не слышно. Мы движемся по дороге, но сами не знаем куда. Бабиев потерял всякую связь с остальной группой. Из Тимашевки, говорят, наши давно ушли. Настроение у всех отчаянное. У меня из головы не уходит мысль, что нас постигнет участь полковника Назарова[164], который этой весной высадился с тысячью донцами десантом около Таганрога для поддержки будто

бы восставших казаков. Большевики заманили его в Донские степи и уничтожили. Так, вероятно, будет и с нами. На казаков-повстанцев нет никакой надежды. Правда, под Джерелиевкой еще в начале похода к нам присоединилось несколько партизан в шляпах соломенных с винтовками, но, едва мы прошли их станицы, они дальше не пошли, а разошлись по домам. Вообще у них психология казаков — свою хату отбил, и довольно, а дальше хоть сгори все. Вправо от нас в трехстах шагах скачет какой-то всадник и машет рукой. Но к нам не подъезжает.

Два казака поскакали к нему. Едва они подъехали к нему, как он быстро повернул лошадь и бросился наутек. Мы, наблюдавшие эту картину, соскочили с повозок и открыли по нем стрельбу. Лошадь упала и забилась в предсмертных конвульсиях.

— Ах, жалко лошадь! — с сожалением воскликнул кто-то.

Казаки с криком подскочили к подстреленному всаднику и вытащили его из-под лошади. Он оказался ординарцем красного полка, ехал с бумагами в штаб дивизии и наткнулся на нас. Бумаги забрали, а его пристроили к пленным, которые шли позади повозок.

Часов в 12 дня мы услыхали шум мотора, на горизонте показался аэроплан. Начались догадки — чей? Аэроплан летел высоко. Смотрят в бинокли. Одни кричат: с кругами — значит, наш, другие — со звездами — значит, красный.

— Расстилай полотнища! — приказал командир полка. — Все равно — наш или чужой.

Сигнальщики наши принялись расстилать полотнища. Какой сигнал? Никто не знал. А все равно. Сделали прямой угол. Аэроплан кружится над нами и спускается над нами все ниже и ниже.

— Наш, наш, урааа! — раздались крики.

Ему обрадовались, как гостю дорогому. Раз наш, значит, весть принес какую-нибудь. Сейчас спустится — узнаем. Но аэроплан кружился низко над нами, а спускаться не намеревался. Мы с жадностью следим за ним — неужели не даст весточки?

Вдруг с аэроплана бросили вымпел. Длинные разноцветные ленты змейками закружились в воздухе и отнесли вымпел далеко в кукурузу. Человек пятьдесят, как сумасшедшие, полетели туда. Аэроплан быстро взвился и улетел. Вымпел нашли и торжественно понесли генералу Бабиеву. Через 10 минут весь отряд узнал, что аэроплан прилетел от генерала Улагая. Он стоит в станице Старонижестеблиевской и приказывает нам идти туда. Это отсюда верст 30.

Все вздохнули облегченно. Слава богу! Наконец-то. Вот где нам принес службу аэроплан и большую помощь оказала наша сигнализация. Ну теперь, если соединимся, все-таки будет нас в два или в три раза больше. Поднялся ветер, набежали тучи. Пыль по дороге стоит страшная. Подъезжаем к плавням. Болота заросли густым камышом. За болотами бугор, за которым виднеется колокольня. Очевидно, там станица. Через плавни плотина. Едва мы приблизились к плотине, как справа застучали пулеметы, пули засвистали

над нами, а главным образом по плотине, слева показалась масса красной конницы. Очевидно, они поджидали нас здесь, чтобы загнать в болото, когда мы будем переходить плотину, и перебить всех.

Бабиев приказал оставить на повозках по одному человеку, а всем остальным взять винтовки.

Батарее и повозке приказано идти на станицу, а нам рассыпаться в цепь. На плотине стали казаки и следят, чтобы на повозках сидело по одному человеку. На нашей повозке сидело 4 человека — поручик Лебедев, я, Дьяков и Башлаев.

— Вы езжайте, — сказал мне поручик, — а мы пойдем в цепь...

— И я пойду с вами, — сказал я, — я не хочу ехать...

— Но у вас болит рука!

Я не соглашался. Мы долго спорили, кому ехать на повозке, каждый и хотел ехать, и неудобно согласиться. Наконец поручик Лебедев рассердился.

— Долго ли мы будем еще торговаться! — крикнул он. — В таком случае Башлаев, езжайте!

Мы пошли в цепь. Отбиваемся от пехоты красных, пока повозки и конница Бабиева перейдут плотину. Командир полка на лошади носился по цепи, за ним летал на небольшой лошадке 12-летний донец Пушкарев* ординарческой команды. Он нигде не оставлял командира и носился с полковым значком. Уже было часа три дня, когда вдруг справа раздалось «ура!» — и на нас ринулась лава красной конницы. Правый фланг не выдержал и отступил.

— Ни шагу назад! — закричал командир полка и поскакал туда.

Пушкарев стрелой летел за ним, невзирая на пули. Синий полковой значок трепыхался на пике. Вдруг командир полка склонился набок и едва не упал с седла. Его ранило. Полк принял полковник Логвинов. Пока происходила заминка, две красные тачанки вылетели вперед и, подъехав к нам шагов на 100, осыпали из пулеметов. Вправо конница уже налетела на правый фланг.

Поднялась паника. Кинулись на плотину. Но она откуда-то слева обстреливалась пулеметами, и нельзя было проскочить. Мы бросились в болото.

Я шлепал по болоту почти по пояс в зеленой грязи, раздвигая руками ломавшийся старый камыш. Пули с пением впивались в грязь, чмокая то сзади, то спереди, то сбоку. Вот-вот попадет. Мне страшно не хочется умирать. Здесь в грязи никто никогда и не найдет моего трупа. Слава богу, вы-

* В настоящее время находится в Париже в пансионе m-me Достоевской (из Галлиполи).

брался на сухой бугор. По бугру стоит пыль от падающих пуль. Нет возможности идти. Офицерская рота опомнилась и залегла на бугру, открыв огонь по коннице. Я тоже лег. Штаны у меня в грязи, обмотки тоже, рубаха в крови, какое же у меня лицо и вообще весь вид. Слева какие-то люди бегут через болото в станицу. Оказывается, это наша учебная команда, которая недавно прибыла из Крыму. Они бегут из Ахтарей. Ахтари отсюда в двадцати верстах. Не знаю, каким образом мы очутились так близко от Ахтарей. Они (люди) несут каждый по двое, по трое брюк, безрукавок — это все из базы, которую бросили в Ахтарях. Когда я пробирался через болото, то у меня оборвалась сумка и осталась в болоте с дневником за 1919 год, остальные тетрадки остались в вещевой сумке на подводе, не знаю, будут ли они целы.

Красные сосредоточили по нас сильный огонь из артиллерии. Лежать невозможно. Мы отошли к станице. Шрапнель прямо бороздит землю. Мчится ординарец.

— Приказано не отходить от плотины! — кричит он.

Мы опять повернули назад и легли по бугру. Хотя положение наше очень паршивое. К нам прибыла повозка с патронами. Пришли жители с лопатами и пленные — рыть окопы. Красные перенесли огонь по станице — гранатами. Бежит посыльный от командира полка.

— Команда связи! — кричит он. — Приказано навести отсюда линию в штаб!

Я иду в станицу. Из команды я один здесь, где остальные — не знаю. Теперь в цепи, пожалуй, спокойнее, так как артиллерия красных сосредоточила огонь по станице. Вхожу в станицу, кромешный ад. Мне вспомнилась картина, не помню, какого художника, «Гибель Помпеи»[165]. То же происходило и здесь. Повозки сбились на улице. Зацепились одна за другую и не могли проехать, крик, гам. Стадо овец, телят и коров металось между повозок с ревом и блеянием. Пыль стояла такая, что солнце было багровым шаром, на него можно было смотреть простым глазом. Все закрывало серое облако пыли. Снаряды со страшным треском рвались тут же, но всем было не до них. Крик, вопль, ругань, женский плач, стон раненых, рев животных, треск снарядов и серое небо от пыли. Я думал, что настал страшный суд; ничего не соображая, промчался я через улицу на выгон и в изнеможении упал около каменной ограды.

— Вечная память... Ве-е-ечная па-амять... Вечная память... — пел рядом хор монотонно, заунывно.

У меня все смешалось в голове. Что это?

Уж не попал ли уже я на тот свет?

Заунывное пение, туча пыли, вой снарядов.

«Вероятно, конец свету! — думал я. — Неужели так и не увижу никого дома». Вспомнились слова Христа: «Где застанет Страшный суд, там будут и судить. В поле ли, в доме ли». Я мысленно молился Богу! Опять раздалось заунывное пение. Я вскочил. За каменной оградой было старое заросшее травой кладбище. У одной свежевырытой могилы стояла кучка народу. Священник в ветхой ризе с развевающимися от ветра волосами кадил. Оттуда слышалось пение. Пение обыкновенное, спокойное. Как они не боятся снарядов?

Теперь, лежа на брюхе под повозкой в станице Гривенской (в более спокойной обстановке) и описывая тот день, я удивляюсь, как я вырвался из этого ада. Я и помню, и не помню этот день. Мне и сейчас все кажется, что это было во сне.

В станицу прибыла наша учебная команда и много пленных, которых раньше отправили в Ахтари. Сегодня они удрали из Ахтарей. Рассказывают следующее. В Ахтарях была наша база, огнесклад, интендантские склады. Наш флот, выгрузив все это, покинул берег. Вдруг к берегу подошла большевицкая баржа с орудием и открыла огонь по Ахтарям. Никаких частей, кроме прибывшей только из Крыма учебной команды, в Ахтарях не было. Команда едва только хотела завязать бой с баржей, как в тылу появились красные. Баржа же безнаказанно высадила десант. Внезапно прибывший наш миноносец потопил баржу, но было уже поздно, в Ахтарях были большевики, захватившие целиком нашу базу. Это было дня два тому назад. Даже вчера. Все пленные, прибежавшие оттуда сюда, имеют по несколько брюк, взятых из складов; и то, говорят они, наши интенданты не давали разбирать! — жаловались пленные.

— Все равно бросать, а они не дают!

— Почему же вы бежали? — удивлялись мы. — Вы же пленные? Остались бы в Ахтарях, вам же они ничего не сделают?!

— А вот жалко! — указывают пленные на захваченные брюки. — Останешься, значит, отберут брюки...

Люди из-за брюк не хотели менять партии — об идее и не спрашивай.

Вечером выступили дальше и ночью прибыли в станицу Старонижестеблиевскую, она же по-казачьи Гривенская[166].

13 августа. Стоим в Гривенской. Наконец соединились с остальной группой генерала Улагая. Встретили команду, все живы-здоровы. Приветствия, рукопожатия, расспросы. Всего неделя прошла, как мы расстались с ними в Тимашевке, но она мне показалась за год. Нашей команде посчастливилось. На Тимашевку после нашего ухода наступали красные. Юнкера со страшны-

ми потерями их отбили и начали отходить сюда. Дорогой их обстреливала артиллерия, но все обошлось благополучно. Мой ранец и дневники целы, белье пропало. Миргородский говорит, что здесь, в Гривенской, он слыхал, мы будем держать позицию. Сзади нас в шестидесяти верстах море, а до него болота и камыши, так что тыл наш безопасен. Дай Бог! Слава богу, что кончилось наше странствование. Сколько народу погибло как с нашей, так и с их стороны за эту неделю.

Вечером прилетел из Крыма аэроплан и долго кружился над площадью. Мы лежали около повозок. Фоменко на треноге варил кашу. Аэроплан низко спустился и описывал круги, уже видно летчика. Фоменко вскочил, снял фуражку и, махая, закричал вверх:

— Земляк, спускайся до нас вечерять!

Аэроплан действительно спланировал за станицей. На нем прибыл из Севастополя начальник штаба главнокомандующего генерал Коновалов[167], с особыми полномочиями. Первый раз за неделю спал спокойно, на площади под повозкой.

14 августа. Гривенская. Сегодня полк выступает на позицию. Позиция в 18 верстах отсюда, по реке Протоке, станица Николаевская. Поручик Яновский посылает на позицию других, нам разрешено отдохнуть. Особенно благоволит ко мне поручик Яновский, советует идти в лазарет. Но куда идти, когда я здоров почти. Пишу дневник и от нечего делать рисую. Срисовал повозку. Ординарца Пушкарева. Молодчина Пушкарев. Мальчишка отважно летал со значком за командиром полка, пока последнего не ранило. Сегодня первый раз за неделю обедал горячий борщ с уткой. Здесь все дешево. Гусь 150 рублей штука, а вчера вечером еще можно было купить за 70 рублей.

Наводили линии. Теперь у нас много штабов. Штаб группы, штаб обороны, штаб участка. Поручик Лебедев с нами наводил линии, он ругается. «Если бы меньше было штабов, то было бы дело», — говорит он. На позиции под

ст. Николаевской идут жаркие бои. Беспрерывно слышен гул канонады. Эх! Устали очень наши, не выдержать беднягам натиска красных. Жалко людей. Сколько приехало из Крыма, а сейчас едва ли осталось третья часть. Сегодня лежал часа два на берегу реки Протоки. Протока глубока сразу с берегов. Берега, обросшие ивняком, обрывисты сразу. Высокие осокоры[168] шумели своими серебристыми листьями. Их шум мне напомнил почему-то дом, осеннее время, сборы в училище, и мне стало грустно. Когда-то попаду домой? Настает осень. А конца нашей войны не видно, и наше положение неважное. За обедом имел разговор с хозяином квартиры. Он все время до нашего прихода скрывался от большевиков в камышах. Ругает их страшно, говорит, ввели всеобуч — всеобщее обучение. Молодых всех мобилизовали и отправили на Польский фронт. Здесь все время стоял карательный отряд Дикой дивизии. После 9 часов не разрешали ходить по улице и светить огни. Не разрешали группами сидеть на завалинках и больше двух собираться.

— А много вас скрывалось в камышах? — спросил я.

— Много! — кивнул он головой вверх, разрезывая с треском сочный арбуз.

— А где же они все? — опять не утерпел я.

— Здесь все, дома, — ответил он.

— А почему же вы не с нами?

— Как же? Мы с вами воевали, я был два дня под Николаевкой! — ответил он.

— Ну а сейчас...

— А сейчас дома, мой год не призывают, чего же мне идти!

15 августа. Сегодня в станице праздник. Успение Божией Матери. Часов в 12 дня неожиданно поднялась в станице стрельба, и главное — на площади. Несутся повозки по улице. Я выскочил на улицу. Наши повозки без всякого приказания тоже понеслись. Я вскочил на одну. Все летят

сломя голову. На улицах крик: кавалерия! В одном переулке красная кавалерия рубила наших. Опомнились через час в камышах. Обозы пошли тихо. Справа и слева, как лес, высокий камыш и болота. Не дай бог быть с обозом. Всегда наделают панику. Оказалось, что красные по Протоке подошли на речных пароходах и на площади станицы высадили конницу Буденного. Они помчались по улицам, наводя панику и рубя направо и налево. Первый пострадал штаб дивизии. Наш раненый командир полка вскочил на подводу, и с ним еще несколько офицеров. Они мчались по улице, отстреливаясь из револьверов, а сами сидели на винтовке и в суматохе не догадались ее пустить в действие. Жена одного нашего офицера, сестра телефониста Киреева, красивая женщина, бежала по огородам, и, подбежав к одному забору, она никак не могла перепрыгнуть через него. Подбежавший к ней один офицер схватил ее за ноги и перекинул через забор. Она в перепуге .... После мы долго смеялись над этим случаем. Она же сразу уехала из полка. Шофер Фоменко выскочил из штаба дивизии и, увидав скачущего к нему буденновца, не растерялся, прицелился и сбил его. Теперь он едет на его лошади, сбоку седла болтается трофей — окровавленный кисет табаку. К вечеру прибыл и наш полк.

Мы сейчас идем в камыши. Камыши и болота, говорят, тянутся на 60 верст, и к морю идет одна дорога, так что красные нас не могут обойти, так как болота на много верст непроходимы. Один путь для красных — это дорога, по которой мы движемся. Ночевали в хуторке, хутор — две хаты на берегу Протоки в роще, весь отряд с обозами идет вместе. Много казаков примкнуло к нам, много едет подводчиков, которые не хотят бросить своих лошадей. Вечером в хуторке установили радиостанцию и вызвали Севастополь. Сообщили туда положение дел и будто бы получили сообщение, что из Крыма идут за нами пароходы. Дай боже, только благополучно сесть на пароход, а там я спасен. Ну его к черту, с этим десантом.

16 августа. Утром двинулись дальше. Слева Протока, за нею болота и камыши, вправо лес, болота и камыши. Изредка попадется хуторок с садами, обильными яблоками. Яблоки уже готовы. Очень вкусны. Все — антоновка.

Дорога песчаная, временами топкая. С трудом двигаются орудия, а особенно броневики. Один громадный броневик, отбитый у красных «Генерал Бабиев», пришлось бросить, на дороге он застрял по ступицы в болоте.

Наш полк остановился у входа в камыши невдалеке от Гривенской и будет держать позицию. Везде по дороге пленные роют глубокие окопы в две или три линии. Будем здесь защищаться, пока [не] сядем на пароход. К обеду прошли верст 15, остановились. Я после контузии попал в обоз. Обозы сбились

возле одного топкого места, я вырезал на память с Кубани из камыша мундштук. К вечеру вдали блеснуло море. Как приятно! Как дорого и мило нам море! Каковым родным показалось оно мне! Оно напомнило Катерлез, Крым. Нет! Как ни плохо там было жить, а все же лучше бы сидеть там. Наши радостно восклицают, увидев на море пароходы. Спасибо радио. Не будь его, вряд ли бы пароходы нашли нас. Мы уже подошли верст на 5 к морю, но по правому берегу Протоки не пройти до моря, идут сплошные камыши. Левый берег у моря открыт, на левом берегу рыбачий хутор с маленькой церковью Ачуев. Мы заночевали в камышах на этом берегу. Целую ночь наши «понтонеры» строили мост через Протоку на простых рыбачьих челнах, а поперек их ложили забор, ворота, двери и весь подручный материал.

17 августа. Ачуев. Глядя на Ачуев, я не мог не вспомнить «Юрий Милославский» Загоскина[169]. Как в древнее время, 300 лет тому назад, в глухом дремучем бору стоял какой-нибудь монастырь или вотчина боярина Кручины. Одни звери подходили к стенам глухой обители, и одинокие иноки, запершись в своих кельях, далеко от мира суетного, по целым ночам слушали вой голодных волков и других зверей. Точно таким был и хутор Ачуев. Я никогда не предполагал, что на нашей Матушке-Руси есть еще такие медвежьи уголки. Если жив буду, когда все успокоится, непременно побываю еще раз в Ачуеве. Возникновение Ачуева очень простое, как рассказывал нам рыбак.

— Давно это было (сколько лет, он не знает). Ехал один богач Ачуев по Азовскому морю. Поднялась сильная буря. Его судно страшно трепало, и богач, предав все на волю Божью, горячо молился Богу, дав при этом обещание, что если он останется живым, то на этом месте, где он высадится, он поставит церковь... И вот его судно благополучно прибило к берегу на этом самом месте, — указал рыбак, — Ачуев исполнил свое обещание и выстроил небольшую деревянную церковь, вокруг которой образовался рыбачий поселок. Рыбы здесь масса. Особенно в Протоке — крупные коропа[170]. В Ачуеве устроен громадный ледник, так что мы пьем воду со льдом.

Рыбак говорит, что они здесь живут по месяцам, не имея связи с Россией и не зная, что там происходит. Зимою по камышам бродят одни дикие кабаны да другие звери, а летом казаки, бежавшие из станиц.

Наши навели мосты, и мы переправились в Ачуев, а оттуда 7 верст до места погрузки. Море здесь мелкое, купаться хорошо. Установили две баржи рядом. Сделали нечто вроде пристани, к которой подходит катер. Далеко на море стоят несколько больших транспортов. Они не могут подойти ближе, так как здесь очень мелко. К ним будет перевозить катер. Генерал Коновалов беспрерывно присутствует на пристани. Он в белом кителе. Решили погрузить всех лошадей и повозки до последней. В первую очередь гру-

зится кавалерия и артиллерия, а наш полк стоит на позиции. Пехота сядет, когда заберут все повозки. Пароходы идут в Керчь. Делают оборот туда и обратно за сутки, здесь недалеко — верст 60—70. Ачуев лежит приблизительно в средине между Темрюком и Ахтарями.

С позиции доносится страшная канонада, там наши страдальцы. Конечно, красные хотят прорваться в камыши, чтобы не дать возможности нам удрать. Жарко будет нашим. Предстоит еще много жертв. Слава вам, алексеевцы. Ваши подвиги велики, но незаметны и скромны!

18 августа. Сегодня рано утром прилетел большевицкий аэроплан и бросал бомбы. Чуть было не попал в баржу, через которую идет погрузка. Он метил в пароходы. Но обошлось все благополучно для нас. Одна жена поручика по своим делам была в камышах. Когда аэроплан бросил бомбу, она в панике выскочила из камышей, оставив там свои туфли. Публика отправилась их отыскивать. Погрузка идет полным ходом. Грузятся казаки, до нас еще очередь далеко. Одна беда — жрать нечего. Выдали знаменитую керченскую муку, смешанную с отрубями и ячменной, и манную крупу. Что тут делать? И вода далеко. От места погрузки до Ачуева 7 верст, там и вода. Возят сюда воду в бочках из Протоки. Мы варим манную крупу на морской воде. Хорошо — не нужно солить. Из синей муки делаем «пышки» на морской воде. Мука рассыпается и не лепится. Пышки печем на цинковых листах из-под патронов. Все это составляет наше продовольствие. Арбузов здесь нет. Там, где наши позиции, много яблок, но это далеко. В нашей команде ординарцев есть корнет Валиев. Армянин неграмотный, он произведен в корнеты за боевые отличия. Весной под Новороссийском он попал в плен к зеленым. Остался на Кубани, уехал в станицу Гривенскую и занялся садоводством. Сейчас он очень доволен. Опять попал в свой полк. Я его помню. Один раз, не помню в какой станице, во время отступления на Новороссийск, я с Тихим бродили по улицам, отыскивая свой полк. Вдруг встреча-

ем Валиева. А мы знали, если Валиева назвать по чину и как полагается солдату, то он разлюбезничается и готов сделать все, что угодно. Тихий стал во фронт и, взяв под козырек, проговорил:

— Так что, ваше благородие, господин корнет, разрешите узнать, где квартирует наш полк.

Корнет был в бархатной черкеске и щегольских сапогах.

— А здрам желям! — ответил он, улыбаясь. — Идемте! — И, забыв про свое дело, он провел нас кварталов 8 разными переулками по глубокой грязи прямо к штабу полка. Теперь он опять с нами.

Сегодня поручик Яновский подзывает его:

— Корнет Валиев!

— Я слушям!

— Где вахмистр Алексеев?

— Пишки дэлит! (Пышки делает.)

— Передайте ему, чтобы назначил людей в заставу, а вы будете начальником заставы!

— Слушям!

Собирают с бору по сосенке в сборную роту, которая пойдет в заставу. Здесь к югу по-над берегом моря могут пробраться красные прямо нам в тыл. Вот и посылают туда заставу. Она будет стоять от места погрузки верст 12. Эта застава будет стоять до тех пор, пока отсюда уедут все до последнего человека, тогда катер пойдет и возьмет на пароход заставу. Я чуть было не попал в заставу. Слава богу! Положение ее таково, что она могла остаться здесь навсегда. Собрали людей, наших попало 4 человека. Корнет Валиев за начальника, так как офицеры, которым предлагали туда идти, все отказались под различными предлогами, а Валиев пошел беспрекословно. Когда ему предложили расписаться в приеме роты, он посмотрел на бумагу, перевернул ее вверх ногами и, подавая вахмистру, сказал:

— Алексеев, пиши, я не могу!

Он был совершенно неграмотен.

Сегодня из нашей команды послали на позиции двух человек. Людей осталось мало. Если еще будет требование, наступит моя очередь. Вечер. Комары страшно кусаются. Красные где-то на северо-востоке подожгли камыш. Хотят нас выкурить дымом. Что-то будет?

19 августа. Купаемся. Наведывался аэроплан, но вреда не причинил. Мы стоим, как цыгане, табором. Повозки, повозки и повозки везде, костры. Все лепят пышки и тут же недопеченные или черные, пригорелые, а внутри сырые едят. Когда-то погрузимся? Грузятся до сих пор казаки, артиллерия еще и не начинала погрузки. Главное — возня с лошадьми, их приходится лебедками подымать в море с одного парохода и пересаживать на другой.

Вечером грузится наша хозяйственная часть, один писарь штаба полка страшно похож на нашего преподавателя М.А. Кокарева[171]. Слышу, кричат на него:

— Кокарев! Вы взяли вещи?

Я подошел к нему:

— Простите, пожалуйста, вы, кажется, Кокарев?

Он ответил:

— Да! Я!

— У вас не было родственника Михаила Андреевича?

— Это мой брат, а что? — спохватился он. — Где он?

Разговорились.

Казаки уже почти все уехали, грузят обозы. Лошадей берут всех, а повозки берут только казенного образца. Остальные решили бросить, а здесь сотни бричек, гарб, которых взяли прямо с току — с работы. Много подводчиков едут в Крым, не решаются оставаться. А тем, которые пожелали остаться, вернули лошадей, и они поехали обратно через мост на Гривенскую. Вряд ли им удастся проскочить сейчас через позицию.

Вечер. Налетели тучи, поднялась буря, пошел дождь с грозой. Камыш грозно шумел под порывами ветра. Нам не было где укрыться от дождя. Начали шашками и лопатами рубить камыш и у повозок делать прикрытие от непогоды.

Едва только пошел дождь и мы залезли под наши цыганские навесы, как вдруг с позиций из-за Протоки донесся страшный гром канонады. Снаряды бухали как пулеметы.

Одни предполагают, что это молния зажгла снарядные ящики, другие говорят, что это стрельба из орудий.

Вероятнее всего, красные решили сегодня во что бы то ни стало взять нас и засыпали окопы ураганным огнем. Снаряды рвутся беспрерывно уже минут двадцать. Ну после такой стрельбы и места не найдешь нашего полка. Что, если сейчас красные прорвутся? А погрузка идет медленно. Море стало бурное — невозможно лошадей перегружать.

С позиции прискакал наш ординарец и что-то докладывает. Его окружили, мы расспрашиваем.

— Там страшный суд! — махнул он рукой и опять ускакал.

— N, — подзывает меня поручик Яновский, — сейчас же собирайтесь, поедете с Башлаевым на позицию!

У меня настроение пало. Уже не верю в погрузку. Но делать нечего. Взял сумку, дневники. Сел на повозку, которая везла туда патроны. Уже темнеет. Тучи низко несутся над камышами. Обрывки их, как клочья грязной ваты, быстро несутся на юг. Стало сыро и прохладно. Неужели уже осень?

Выехали из массы обозов. Проехали Ачуевскую часовню, переехали Протоку по жидкому мосточку и, свернув направо, медленно двигались по дороге. За нами идет еще повозка с продуктами для полка. Позиция верстах в 18, но стрельбы не слышно. Вероятно, красные, вылив свою досаду в канонаде, успокоились. Едем по правому берегу Протоки. У берегов глубока. Слева сплошная стена камышу и болото. По дороге валяются ломаные повозки, один брошенный броневик. Через мост его нельзя было перевезти, а потому и бросили. Встретили повозку с ранеными алексеевцами.

— Что там, на позиции? — спрашиваем.

Машут руками. «Форменный ад!» Настроение у меня подавленное. Мне кажется, что нам с Кубани не выехать. Плену тоже быть не может. Значит, борьба до конца. Смерть, одна смерть!

20 августа. Пишу в окопе. Вчера часов в 8 вечера прибыли сюда. За полчаса до моего прибытия наши отошли в новые окопы. Сейчас почему-то спокойно, но в окопах все сидят, боясь приподняться, так как красные в 200 шагах и сейчас же «посадят на мушку». Сзади нас (в тыл) вторая линия окопов. Приблизительно шагов 35—40. Сообщаемся телефоном, линия которого лежит по берегу Протоки. Правый фланг окопов упирается в реку и кончается у обрывистого глубокого берега. Левый фланг клином упирается в густой камыш и вязкое болото и здесь и кончается. Длина окопа шагов 100—120.

Группа офицеров ушла в тыл ловить рыбу в Протоке. Они раздобыли лодку и «волок». Довольно удачно происходит ловля.

Часов в 12 дня наш наблюдатель с батареи, которая стояла в полуверсте за второй линией, заметил скопление красных. Батарея открыла огонь. Красные начали отвечать. Их шрапнель рвется в двух аршинах над землей прямо над окопами. Картечь с диким завыванием сметает бруствер. Наши приникли к земле, и никто не высовывается. Вдруг красные начали бить на удар. Один снаряд со страшным треском разорвался в окопе. Не знаю, пострадал кто или нет, потому что все тихо лежат.

Иваницкий держит трубку у уха и беспрерывно дует (поверка линии). Вдруг он бросил трубку и с широкими глазами проговорил:

— Линия перебита!

Недолго думая, он собрался с духом и выскочил из окопа. Я взял трубку! Нет шороха в телефоне. Линия не работает. Ах, вот заработала. Слава богу! Через пять минут лезет Иваницкий.

— Ну и страх же, — говорит он, — перебило в десяти шагах всего!

Вечером все утихло. Слава богу, стрельба прекратилась. Комары кусаются, нет покоя. Только задремлешь, «Виу!» над ухом, и готово.

Чешется до крови, и больно страшно. Прямо нет спасения. Кухня поздно ночью привезла ужин и обед разом. Обед не то что на погрузке. Целый бык на 80 человек.

21 августа. Ночь спал по очереди с Иваницким. Ночь была теплая, звездная. Проклятые комары искусали страшно.

Утро солнечное, ясное, летнее. Сижу на дне окопа и украдкой срисовываю полковника Логвинова. Иваницкий ночью где-то достал хороших яблок. И теперь его скулы беспрерывно работают, перемеливая сочные, крупные, желтые яблоки. Разговариваем по телефону со штабом полка. Он сзади во второй линии. Оттуда телефон на батарею и в Ачуев на погрузку. Говорят, обозы уже погрузились, сейчас грузится артиллерия. Скорее бы, а потом и мы. Я, держа у уха трубку, пишу

сии строки. Все, пролезая мимо меня, стараются не толкнуть и не помешать мне, вероятно, думают, что я принимаю телефонограмму. Сегодня в полдень была жаркая перестрелка, убили двух офицеров, одного совершенно случайно. Приподнялся, вынимал что-то из кармана, и хлопнуло. Они, прикрытые шинелями, лежат в окопе.

Вечером, когда кухня привезла галушки и уехала обратно, линия в Ачуев перестала работать. Я был в это время во второй линии и пошел с Солофненком ее исправлять. Каково же было наше удивление, когда, пройдя с полверсты, мы увидели, что линия порвана, а другого конца ее нет. Мы пошли дальше, дальше. Нет линии. Что такое? По дороге нагнали нашу кухню. И, о ужас! Кухня зацепила колесом провод и потащила его за собой. На колесе было намотано около версты кабеля, а кашевар едет себе спокойно и не подозревает ничего. Со страшными ругательствами мы остановили кухню, распутали провод и кое-как наладили связь.

Вечером со стороны красных понеслись крики:

— Завтра будете все у нас! Сволочи! – и т.д.

Слышались такие ругательства, что становилось жутко и мороз драл по коже.

— Смерть белогвардейцам! Раздавим гидру контрреволюции! — и т.п.

Слышалось пение, крики. Очевидно, там шло пьянство.

— Ка-хии! — кахикали оттуда временами, приснащая свое чиханье отборной руганью.

«Но тих был наш бивак открытый!»[172]

У нас было тихо – ни звука. Все сидели угрюмые, каждый думал одно. Скорее бы... А влево в камышах несколько человек роют могилу, нужно хоть как-нибудь спрятать двух товарищей, они уже начали разлагаться.

22 августа. Рано утром прилетел красный аэроплан и бросал бомбы, там, сзади, где идет погрузка.

Часов в 8 утра вдруг совершенно неожиданно справа, из-за Протоки, ухнуло орудие, и снаряды начали ложиться вдоль окопа. Стервецы большевики ночью переправили орудие на тот берег. Неужели исполнятся их вчерашние угрозы – завтра будете все у нас! Сидеть в окопе не было возможности – били прямой наводкой. Одновременно красные пошли в атаку. Командир полка полковник Логвинов с утра у нас в первой линии. Он не выпускает из рук трубки.

— Батарея! — кричит он. — Сосредоточьте огонь по левому берегу реки, отвлекайте их батарею!

— Господа! — ежеминутно успокаивает он нас. — Побольше хладнокровия! Патрон у всех достаточно?

— Так точно!

— Оставьте аппарат! — махнул он мне и Иваницкому.

Мы тоже легли на бруствер.

— Пулеметчики, на вас вся надежда! — кричал Логвинов на левый фланг, где уже наготове стояли четыре «Люиса».

— Не подкачаем, господин полковник! — весело крикнул один пулеметчик.

Снаряды красных со страшным воем рвутся то впереди, то позади окопа, то падая в воду, поднимая водяные столбы. Но они нам не так страшны. Все внимание наше сосредоточено вперед. Между кустами, деревьями и камышом спокойно идут на нас группами красные. Ясно видны салатные гимнастерки, такие же штаны. Они идут кучами. До них шагов полтораста.

— Батальон, — закричал Логвинов. — Пли!

Грянул залп из 80 винтовок, и яростно зарокотали четыре «Люиса». Боже мой, что получилось с красными. Они все пали на землю и, как раки, лезли в разные стороны. Большая куча их кинулась влево в камыш, прямо в болото. Многие кидались в воду. Мы бешено стреляли. Пулеметчики выпускали диск за диском. Уже красных и не было, а наши все стреляли.

— Разрешите в атаку! — кричали офицеры Логвинову, вылезая из окопа.

— Куда! Куда! — закричал Логвинов. — Назад!

Ночью наши лазили в разведку. Притащили одного красного, раненного в грудь. Он говорил, что у них сегодня перед наступлением были все уверены, что мы покинули окопы. Комары страшно кусают. Командир батальона приказал (от комаров) разводить костры, но без огня, чтобы красные не замечали. Сидим над дымом, немного легче. Пришел Солофненко подменить Иваницкого. Нас 4 человека. Я, Иваницкий, Солофненко и Башлаев. Дежурим в первой и во второй линии день и ночь, подменяя друг друга.

Иваницкий предлагает мне сходить с ними ночью в соседний хуторок, рыбачий, туда ходит весь полк за яблоками. Благо, хозяин удрал. Часов в 10 вечера пошли. Идем открыто. Днем здесь бы сразу уложила большевицкая пуля, а сейчас ничего.

Пройдя с полверсты, входим во двор. Дом стоит без окон и дверей, все растащили на топливо, когда проходили части. Иваницкий, как уже не раз бывалый здесь, идет впереди. В доме еще сохранилась обстановка, но все разворочено страшно. Иваницкий полез по лестнице на чердак. Я за ним. «Здесь, наверно, еще есть что-нибудь!» — шептал он, щупая руками в тем-

ноте, чтобы не удариться носом о что-нибудь. В потемках нащупали миску. Спичек у нас нет. Полезли в миску руками. Что-то мягкое. Иваницкий попробовал.

— Сметана! — воскликнул он.

Целый горшок. От радости мы кубарем слетели с чердака. Забыли про яблоки и понеслись в окоп. Дорогой решили раньше самим поесть хорошенько, а потом уже нести дальше, а то в окопе много найдется прихлебателей. Я побежал в окоп и принес хлеба. Мы сели в камыш и, подзакусив хорошо, пошли дальше. Остаток ночи не мог уснуть. Живот разболелся, а тут еще комары. О проклятые насекомые! У меня все тело поцарапано. Только задремлешь, «Ууувзз!» — Трах! Готово, уже чешется.

Я нашел тряпки, бумажки, смотал тряпки так, как когда-то в старину подкуривали пчел, и держу их около лица, беспрерывно дую, чтобы не погасли. Дыму боятся, сволочи. Ура! Кухня пришла. Привезли целого быка, на каждого приходится фунтов 5 мяса. Одних маслов из мозгов черт его знает сколько. В общем, если так постоим здесь месяц, то поправимся. Проклятые комары. Однако пора спать, уже часа два ночи. Пишу при свете горящего кабеля, а вверху звезды ласково мигают на нас, дураков. Говорят, завтра кончается погрузка всех частей. Ох, не дождусь...

23 августа. 10 часов вечера, пишу при свете горящего кабеля. Все уже спят, утомленные жаркой битвой. Ну и был сегодня денек, пожалуй, в Германскую войну редки бывали такие сражения, как сегодня.

С раннего утра красные прямо буквально засыпали наши окопы снарядами. Мне и Иваницкому приходилось так и бегать из окопа в окоп, со второй линии бегали Солофненко и покойный Башлаев. Его убило приблизительно часов в 10 утра, осколком гранаты. Иваницкий контужен. Я и Солофненко, слава богу, счастливы. У меня в ушах до сих пор стоит визг и треск от снарядов. Не могу уснуть... Скорее бы уехать из этого ада. Башлаев и другие убитые и ране-

ные — человек около 45 — лежат там, их бросили, когда оставляли окоп. Бедняги раненые! Но что мы могли сделать?

Часов в 9 утра первый раз перебило линию. Иваницкий побежал. Едва линия заработала, опять перебило, я побежал. Пули яростно щелкали по кустам и камышу. Я бежал, быстро пригнувшись и пропуская линию в руке. Линия слабее и слабее — вот и порыв...

Только соединил — «Трах-тра-ах!» В 5 шагах рванулся снаряд. Я лежал ни жив ни мертв. Осколки с воем полетели вверх. Вонь, шум, гром. Я уже боюсь и подняться. Дергаю линию. Цела.

«Трах-траах!» — другой снаряд, почти в то же место.

Я обождал паузу после разрыва и, сорвавшись с места, бегом во вторую линию. Встречаю Иваницкого. Он бежит в первую.

— Иди, иди во вторую! — кричит он мне, видя, что я остановился. — Солофненко побежал исправлять в Ачуев!

Прибегаю. Полковник Логвинов сидит у телефона и кричит в первую линию:

— Не выходят? Нет? Держитесь! Держитесь, говорю! Да, да, берегите их... укройте их влево... Да, да, я еще посылаю 2... Что? Первый батальон... Первый батальон... Первый батальон...

Я, не дожидаясь его приказания, вылетел из окопа. Опять порыв. Пробежав шагов 30, встретил Иваницкого. Он лежал под деревом и соединял линию. Я подбежал к нему.

«Трах! Ба-ах!»

Я сразу не разобрал, что случилось. Иваницкий не то нарочно упал, не то его убило. Я пригнулся за дерево. Что такое? Стало светло, светло...

— Я жив, не ранен?! — кричал мне на ухо Иваницкий, дергая меня за рукав, указывая наверх.

Я глянул вверх. Снарядом сбило верхушку дерева, всю листву с ветками, торчал голый ствол. Линии нашей как и не было, черт знает, куда она и делась. У меня был моток кабеля, и мы с трудом опять восстановили связь.

— Смотри, смотри! — кричит Иваницкий, указывая вперед.

Я глянул туда. По всей поляне бежали красные в светло-зеленом обмундировании салатного цвета. У нас зарокотали пулеметы и открылась бешеная стрельба. Мы поскорее понеслись в первую линию. Тут шла горячая работа, все лежали на бруствере и выпускали обойму за обоймой. Пришло на помощь человек 30 со второй линии с полковником Логвиновым.

Красные, невзирая на сильные потери, шли напролом. Одни падали, другие сзади лезли. Было жутко.

— Почему батарея молчит? — кричал Логвинов в трубку. — Батарея! Батарея! Батарея! Черт возьми! — орал он, ругаясь и в Бога, и во что придется. — Связь! — прохрипел он, бросая трубку.

— Я, господин полковник! — кричу я.

— В одну минуту батарею дать... расстреляю!..

Я схватил моток кабеля, запасной аппарат и, забыв про снаряды и пули, колбасой несусь по камышу. Ответственный момент.

Батарея в тылу в версте. Прибегаю, что такое? Батареи здесь нет. Какая-то повозка спешно грузится какими-то мешками.

— Где батарея? — кричу я на солдата, который грузил подводу.

— Сейчас ушла на погрузку!

— Как?.. Куда? Почему?..

— Не знаю! — флегматично отвечал солдат, поднимая с земли мешок с зерном. — Что, красные еще не забрали наших?

Я быстро включил аппарат в брошенную линию.

— Алексеевский полк! Батарея ушла на погрузку!

Слышу такие ругательства, каких я никогда не ожидал от полковника Логвинова.

Бегу обратно. Стрельба почему-то утихла. Наступила зловещая тишина.

Смотрю, навстречу бегут наши, человек 50, до них не дальше ста шагов. Вижу Иваницкого, он быстро мотает на локоть линию.

«Тра-та-та-та-та».

«Свиссссь-взь!» — засвистали пули.

— Полк, стой! — слышу голос Логвинова.

Вижу, остановились, ложатся на поляне. Я, пригнувшись, спешу примкнуть к ним. Подвода, нагружавшаяся мешками, удрала. Около часу мы перебегали назад, отстреливаясь ежеминутно, пока не влезли в свежие окопы. Вечером из Ачуева прислали патрон, продуктов и два «Люиса».

Не знаю, как я жив еще. Верю глубоко в Бога и думаю, что Он сохранит меня и впредь. Мне даже кажется, что меня и не убьют никогда. Иваницкий оглушен. Чудак сидит и головой мотает так странно. Жалко Башлаева, его убило, когда выскочили из окопов удирать. Тогда убило и ранило человек 40 или 45, и всех так и бросили там. Жалко, жалко. Все прильнули к брустверу, накрывшись шинелями, спят, ведь утомились страшно. Сколько осталось народу — человек 60 от полка, а когда высаживались на Кубани в Бородинском хуторе, было тысячи полторы. Правда, здесь только строевые, но и этих было половина полка. А какую сделали пользу. Впереди секреты. Пора спать.

24 августа. Вчера, перед тем как уснуть, пошел напиться воды. Берег в Протоке обрывистый, глубокий, обросший скользкой травой. Одной рукой, чтобы не упасть в воду, я ухватился за ветки куста, а другой набирал воду в котелок. Только черпнул, вдруг — «Тах!» — раздался выстрел на том берегу. «Виу!» Около самого уха просвистела пуля. Я так и замер. Боюсь подняться и чувствую, что по траве сунусь в воду. Минуты две держался, не дыша. Потом быстро вскочил — и в окоп.

«Тах-тах-виу! Виу!» — запели две пули.

Лезу в окоп, там уже зашевелились — что такое? Я сказал. Успокоились. Всем нам кажется, что мы отсюда не уйдем, что все уехали и нас бросили, все нервно настроены и все оглядываются назад. Когда же?..

Солофненко говорит, что уже в Ачуеве нет ни одного солдата, грузится наша батарея, значит, скоро и мы. Часов в 6 утра мы покинули вчерашний окоп, так как красные открыли такой ураганный огонь, что нельзя было сидеть, и главное, били с того берега, как им удалось переправить туда орудие? Наш окоп невдалеке от моря, отсюда видна Ачуевская церковь и мост. Красные нас оставили в покое и бьют по мосту. Я боюсь страшно за мост. Если разобьют, то погибли мы. Хотя бы скорее на ту сторону. От моста до места погрузки верст 7. Уже известно, что мы грузимся сегодня вечером. Все страшно обрадованы. Скорее бы, скорее бы! Вспомнилась наша высадка на Кубани. «Надо воды набрать на дорогу», — думает каждый. Все набрали воду в фляжки. Некоторые пьют сейчас, чтобы дорогой не захотелось. Напиваются на дорогу. Набежали черные осенние тучи, брызгает мелкий дождь. Поднимается ветер. Камыш зловеще шумит. Это уже дело дрянь, при ветре будет скверно грузиться. Наши 4 «Люиса» уже пошли через мост на ту сторону. Они будут обстреливать противника, когда мы будем отходить через мост. Уже отправили раненых на погрузку. Я сдал аппараты и кабель с ними. Мы остались с одними винтовочками, не так хлопотливо. Второй батальон, человек 30, пошел через мост. Красные и не стреляют, они, очевидно, отчаялись уже нас взять и ждут, когда мы сами уйдем. Первый батальон пошел на мост, осталась офицерская рота человек 18. Едва только он взошел на мост, как красные с криком «ура!» вылетели из своих окопов.

— Рота — пли! — крикнул капитан Осипенко[173], который остался старшим вместо Логвинова.

Офицерская рота дала залп, другой. Красные отхлынули. Они, вероятно, не предполагали, что мы еще остались на этом берегу.

Наконец офицерская рота поднялась.

— Не спеши, — кричит Осипенко. — ре-жее!

— Рядами, господа, рядами! Не оглядываться!

— Рядами, господа, рядами! Ряды, стройся! — беспрерывно кричал Осипенко. — Через мост, вольным шагом... Не бежи!..

Послышалась отборная ругань.

— Вторая полурота, стой! Пусть первая пройдет!

Красные открыли яростный огонь. Пули щелкали по мосту. Двух человек уже понесли на руках. Я ожидал, что красные кинутся за нами и уничтожат всех. Наконец наступила наша очередь. Мы — человек 7 — быстро перебежали по мосту. Наши 4 «Люиса», захлебываясь на этом берегу, трещали по красным. Мост был обмотан соломой и облит керосином. Когда пробегали по нему, то он сильно колыхался под ногами. Красные почему-то не бьют снарядами. Два офицера с паклей стояли посреди моста. Когда перешел на эту сторону, я вздохнул спокойно, еще раз возблагодарил Бога.

— Не отрываться, господа, скорым шагом! — кричит сзади Осипенко. — Кто не в силах нести сумку, бросай, ждать никого не будем.

Пулеметы наши все еще строчат. Над нами поют красные пули. Проходим Ачуевскую часовню — хутор — никого. Я оглянулся назад. Мост был охвачен пламенем. Две лодки неслись вниз по течению, а остальные, разорвавшись на две части, колыхались у нашего берега.

Шел мелкий осенний дождь. Мы быстрым шагом шли по вязкому песку к месту погрузки. Несли по очереди четырех раненых, тяжелые «Люисы». Проходили брошенные обозы. Сломанные и целые перевернутые повозки. Следы от костров, солома, бумажки, банки из-под oli-oli (кокосового масла), цинки, на которых пекли пышки, все это валялось на земле. Не поживутся красные здесь, напрасно так они рвутся сюда. Я вспомнил нашу высадку на Кубани, какой был приятный, теплый солнечный день, а сейчас — даже природа плакала. Идем не особенно быстро, раненые просят не качать их здорово.

На море стояло два судна. Один миноносец и рядом небольшой пароход. У берега сильно качался небольшой катерок. Катерок нас перевезет на пароход. Барж, которые стояли у берега, уже нет — они ушли. Нас человек 65. Неужели все поместимся? Мы идем быстрее. Скорее бы. Назад страшно оглянуться, так и жди — вот-вот переправятся и догонят.

Вот и катер. Он небольшой. Страшно качается на волнах. До него шагов 25.

— Первая полурота, на погрузку, раздевайся, вторая, не расходись!

Пришлось раздеваться. Я, Солофненко, Иваницкий не отстаем от офицерской роты. Волны со страшным шумом, пенясь, набегают на берег, отскакивают назад, новый вал, пенясь, перебегает через этот и снова набегает на берег, и с шипением пена всасывается в песок. Когда я зашел в воду по пояс, у меня захватило дух. Зуб на зуб не попадет, страшно холодно. Даже сейчас, в Катерлезе, у меня спазмы сводят горло, так было холодно. Зашел по грудь. Налетевшая волна окатила меня, прикрыв с головой. Одежа в руках мокрая. Нас налезло в катер человек 35. Борта низко над водой. Вот-вот волна зальет катер. Мы все одеваем кое-как мокрую одежу. Холодно, черт бы его взял, но это все для меня ничего. Я молил Бога, скорее бы на пароход, а там я спасен. Катер с трудом идет против ветра, зарываясь носом в волну. Он взял больше, чем надо, народу. Наконец мы у парохода «Амвросий». Борт катера бьется о борт парохода.

— Крепи концы! — кричит с мостика парохода капитан. — Не допускай к винту!

Катер трещит и движется по борту парохода. Мы кое-как перелезаем на пароход. У «Амвросия» что-то сломалось, не то винт, не то черт его знает. Катер ушел опять. Раненых унесли в каюту капитана, а мы полезли в угольный трюм. «Слава богу, — думал я, — я на корабле, теперь бы только попасть в Крым, и я дома». Катер долго шел со второй партией. Чуть не затонул. Волны страшные.

— Ну, все тут? — кричал полковник Логвинов на катер.

— Капитана Залесского нет, и его вестового! — ответили с катера.

— А где они?

Никто не знал. Дорогой, когда отходили, никто не видел их. Уже темнеет. Катер пошел опять к берегу. Я стоял на палубе и наблюдал всю картину. Море было черное, по всему морю, начиная от горизонта, бегали белые гребни пены и, набегая на нос корабля, высоко взлетали вверх. Наш пароход стоял носом к ветру и подымался вверх то носом, то кормой. Капитан на мостике что-то кричит. Команда заволновалась. Оказалось, катер выбросило на берег. Пароход дает сигналы на миноносец. Оттуда понеслось к берегу две шлюпки. Наши все, несмотря на холод и дождь, вылезли наверх. Через полчаса шлюпки вернулись обратно с командой катера. Его невозможно вытащить. Наших на берегу нет никого. Очевидно, капитана захватили или жители хутора, или его убило, а вестовой, очевидно, удрал. Вестовой был красноармеец Богачев, который мне сдался в Брыньковской в штабе батальона. Он был хороший парень, но Залесский над ним страшно издевался,

и Богачев, вероятно, из-за такого отношения не захотел ехать с нами и остался. Прибыл буксирный катер с заставой, которая была под командой Валиева. Когда катер подошел к пароходу, Валиев, увидя на палубе «Амвросия» полковника Логвинова, закричал: «Рота, смирно! Равнение на прямо!»

Значит, Кубань покинули все. Первые высадились, и последние ушли. Кроме убитых и случайно брошенных раненых, не осталось там никого. Приехало 3 батальона, человек 800, а уезжает два батальона, человек 120. Человек полтораста раненых уехали раньше. Жалко 3-й гренадерский батальон, так и погиб ни за что. Прощай, Кубань! Вероятно, навсегда!

«Бум! Бум!» — ухнуло два орудийных выстрела из миноносца.

«Бах-ба-ах!» — разорвалось на берегу.

Выброшенный катер разлетелся в щепки.

Заработала машина, пароход начал поворачивать, сильно закачавшись на волнах. Мы пошли.

Прощай, Кубань! Плохо ты нас приняла! Но и мы были нахальные гости!

У нас на пароходе стоят лошади из батареи. На палубе орудия, зарядные ящики, двуколки. Лошади тесно жмутся на скользкой палубе, скользят и падают. Они грызут доски, которые набиты по бортам. Одна лошадь упадет, и все валятся. Голодные страшно.

Я полез в трюм. Темно и тепло. Во рту солено от воды, глаза режет, и тошнит от качки. А наверху свистит ветер в снастях, и старик капитан, не сходя с мостика, беспрерывно дает звонки в машинное отделение. Жутко на море в бурную погоду[174].

25 августа. Азовское море. Под утро буря стихла. Море немного успокоилось. Утро наступило солнечное, теплое. Пароход идет полным ходом. Слева все время виднеется берег — это Кубань, там большевики. Вылезли на палубу просушить влажную одежду. Я целую ночь не спал. Страшно болел зуб. Лошади стоят, понуря головы, на палубе, изредка то одна, то другая просовывает голову за борт, хотят пить. Почему им не дадут воды? Воды на пароходе сколько угодно. Выдали черную муку. Мы замесили ее на морской воде и лепим пышки. Я с Солофненко выпросили на кухне места на плите и печем прямо на плите коржи. Едим вкусные, по бокам горелые черные, а внутри сырые «пышки», попадается шелуха ячменя. Пароход поворачивает влево. Вот и пролив, вновь крымский скалистый берег, на нем маяк Еникале, слева таманский низкий берег.

Перед нами пролив. Капитан держит путь в пролив. Наш капитан, бородатый старик, видно, старый морской волк. Он говорит, что вчера миноно-

сец принял радио, что Тамань еще в наших руках и красных там нет. Идем посреди пролива.

«Бум!» — грянул выстрел из Тамани.

«Вииииууууухх!» — жалобно простонал снаряд над «Амвросием».

«Чах!»

Огромный столб воды поднялся шагах в ста за правым бортом. Перелет. Что такое? — заволновались все.

«Бум! Виууу!»

«Чаххх!»

Огромный столб воды поднялся влево от борта. Недолет. Кухарка вылетела из кухни и ухватилась за двери ее.

— Ага, ага, сейчас в кухню угодит! — весело кричит ей с носа матрос.

Я был ни жив ни мертв. Если бы я мог плавать, я бы ничего не боялся. До нашего берега было меньше версты. На всякий случай я наметил доску, на которой думаю плыть. Доска — крышка с люка в трюм.

Пароход быстро поворачивает вправо и полным ходом удирает.

«Бум, бум! Тшах! Тшах!»

Огромные столбы поднимаются сзади за кормой. Машина стучит, пароход удирает полным ходом.

«Бум, бум!»

— Ага, уже не достает их орудие! — кричат наши с парохода. — Смотрите, как далеко падают снаряды! Слава богу!

С нашего берега Еникале грянуло орудие «Канэ». И разрывы снарядов обозначились на таманском берегу. Большевики замолчали.

Какой-то громадный пароход идет в пролив. «Амвросий» дает ему сигналы и машут флажками. Пароход не слушает нас и идет в пролив. Вероятно, думает проскочить.

«Бум! Бум!»

Два столба около парохода. Он быстро поворачивает и несется к нам. Стоим за скалистым мысом невдалеке от пролива у маленького порта Ян-Чекрак. Ждем ночи, чтобы войти в пролив. В Ян-Чекраке летом стояла наша 5-я рота. Отсюда недалеко вправо порт Мама, а вглубь верст 12 Тарханы, Булганак и Катерлез. Как будто родные места. Будто век здесь пожил. Не дождусь, когда приеду, как будто бы домой. Как человек быстро сживается, особенно в военной обстановке. На берег ушла лодка, офицеры поехали купить кое-что. Многие купаются с парохода. Довольно жарко, поскорее бы

ночь да домой бы. Боюсь, что красные будут нас ждать. Они знают, что ночью мы войдем в пролив.

Когда стемнело, двинулись. Идем тихо. Приказано прикрыть люки, потушить огни, не курить и громко не разговаривать. Идем близко-близко возле своего берега. Над нами нависла высокая черная скала. На ней беспрерывно вертится маяк Еникале. Маяк вертится и всякий раз освещает воду далеко в глубь пролива. Мы подходим к этой освещаемой полосе. Откроет нас наш маяк. Вдруг на маяке переменился свет — уже не белый, а красный. Заметили. Идем тихо. Волны ласково плещутся у бортов «Амвросия». Нас обгоняет громадный транспорт «Колымя», который тоже стоял в Ян-Чекраке.

Проходим самое узкое место пролива. Всего версты три, у косы. Вот если заметят... Вдруг у красных блеснул луч прожектора. Скользнул высоко по небу и потух. «Пропали мы», — думал я. Все, притаив дыхание, молча ждали страшного конца. Лошади, понуря головы, недвижимо стояли на палубе. Они были голодны.

Равномерно стучит машина, ползет назад темный высокий берег Еникале. На нем мигают огоньки — это город Еникале и Брянский завод. Притаив дыхание, все смотрели на зловещий противоположный берег.

Опять блеснул прожектор и медленно поднялся вверх над нашим пароходом и, скользнув вниз, потух, не задев парохода. Как он не нащупает нас — не знаю. Десять тревожных минут. Слышно, как бьется сердце. Машина равномерно стучит, справа плывут назад разноцветные огоньки, на фоне черной скалы — это Еникале.

Слева рядом с нами ярко мигает множество огней. Стучит динамо. В темноте плавно проходит, вырисовываясь черным силуэтом на звездном небосклоне, красивый, стройный корпус «Ростислава». Медленно проплывают громадные бронированные башни, из них вырисовываются громадные жерла морских чудовищ.

— Кто идет? — раздался крик с «Ростислава». — Фамилия коменданта?

Голос «гвагдейский» — очевидно, жоржик какой-нибудь.

Все облегченно вздохнули. Прошли опасное место. Зажгли огни, и, как по команде, все закурили. Пролив стал шире.

Блеснули огни Керчи. Слева вырисовывается гора Митридата. Вот и пристань. Не дожидаясь команды, все, толкая друг друга, вылезли на пристань. Слава богу! Мы дома. Десант окончен. Ура! Теперь будем отдыхать спокойно здесь за неприступными твердынями Перекопа. Наш полк долго простоит, пока снова сформируется. Воображаю зиму в Катерлезе. Эх! Заживем спокойно. Буду лежать целую зиму на печке.

Идем в Катерлез. В Керчи и за городом масса войск. Повозки стоят и на улицах, и в поле. Все это с десанта в ожидании эшелонов. Генерал Врангель здесь. Масса пленных. Куда ни глянешь — все салатные гимнастерки. Сперва пленные не понимали, куда они высадились. Они думали опять на большевицкий берег и боялись страшно. Закрутили голову людям. Они с Урала прибыли по Волге на Дон и Кубань, а отсюда пароходом в Крым. Черт же разберет, куда и что. У нас на пароходе было несколько пленных — они, когда увидали, что пароход обстреливают, конечно, не разобрали, где Тамань, где Крым — думают, на берегу везде большевики. Ночью, когда мы шли из Керчи в Катерлез и проходили под железнодорожным мостом, пленные заволновались:

— Как бы нас не обстрелял бронепоезд!

Начинаю уверять их, что это Крым, здесь наши — не верят, «а почему — говорят — вы ночью высадились и огни тушили на пароходе?». Не втолкуешь никак.

26 августа. Опять Катерлез. Сегодня получен приказ: особенно не устраиваться, с подачей состава выступить на фронт!

Вот и отдохнули. Поедем в Таврию. Туда ехать спокойнее. По суше не так страшно, как по воде. Значит, предстоит опять война.

Умер командир 1-го батальона от ран, вчера умер от холеры фельдфебель команды по сбору оружия. Из Кубани уехал цел, а здесь умер. Судьба. Вчера по приходе сюда из Керчи произошла неприятность. Как к нам относились на Кубани и как относятся здесь. Хотя, правда, здесь мы уже надоели

всем. Просимся ночевать к одному хозяину — он в хату не впускает. Чтобы не устраивать скандала, мы переночевали под скирдой соломы. Утром, чтобы напиться воды и умыться, просим у хозяина ведро. Хозяин указывает на корыто, из которого пьют лошади и овцы, и говорит: «Вот, пейте!»

Мы разругались и ушли. Жители все страстно ждут большевиков, они никогда их не видали, так как это место еще ни разу не было занято большевиками. Теперь они в первый раз столкнулись с большевиками — нашими пленными. И разочаровались. Уральцы и уфимцы очень жадные и жалкие. Они никогда в жизни не ели арбузов, помидор, дынь, а здесь по целым дням бродят по огородам, уничтожая зеленые помидоры, сырые кабаки (тыквы), очевидно принимая их за дыни.

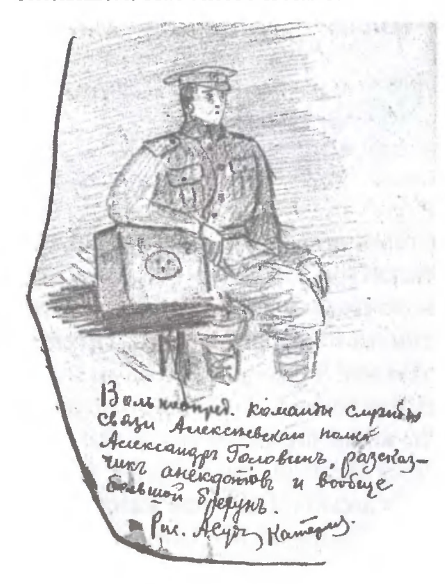
— Вот вам и большевики! — смеялись мы над жителями; они хотя и дуются, но ничего не говорят красноармейцам.

В одном месте хозяйка не принимала наших в белых гимнастерках, а в салатных — большевиков — охотно пускала на квартиру. Наш полк имеет тысячи две народу. Но что толку, когда старых с нестроевыми и околодками осталось человек 250. Остальные — все пленные. Наша команда уже неделю жила в Катерлезе, не было только меня, Солофненко, Иваницкого и Башлаева. Вчера вечером я являлся на квартиру поручика Яновского и доложил, что мы три человека благополучно прибыли с Кубани, привезя 5 фонических аппаратов и версты 3 провода, причем Башлаев остался там убитый при отходе из окопа.

Поручик Яновский долго разговаривал со мной, расспрашивал о последних часах десанта; я спросил у него, как положение на фронте. Он сказал, что сейчас ничего, а когда мы были на Кубани, красные у Алешок прорвали фронт и заскочили в Крым, их думали замануть глубже и уничтожить, но Слащев будто бы испортил дело и упустил нужный момент, просто отогнав их.

27 августа. Катерлез. Стоим на квартире бандой — 12 человек. В ожидании отъезда — 8 пленных — кацапов. Умерла хозяйская дочь, но на поминки не пригласили. В нашей команде человек полтораста и все пленные. Ходил на старую квартиру, но там стоят казаки-кубанцы. В Катерлезе полно войск, везде тесно. Нет впечатления простора, как летом. Едим арбузы — корки на окнах. Стол вечно мокрый, на нем корки, семечки. Полк наш входит в Сводно-Алексеевскую дивизию. Сводно-Пластунский (Кубанский) полк, Терский стрелковый и наш Алексеевский пехотный полк. Дивизию принял генерал Канцеров[175], полком нашим командует бывший помощник комполка полковник Сидорович. Но, кажется, скоро опять примет полковник Бузун, так как он ранен не тяжело.

Сегодня был смотр полка новым начальником дивизии. Генерал Канцеров сказал речь. На вид наш полк солидный, но что толку — и вправо и влево, кругом салатные гимнастерки и курносые рожи забитых уральцев. Редко увидишь между ними белую гимнастерку и белую фуражку с голубым околышем. Нас много и мало.

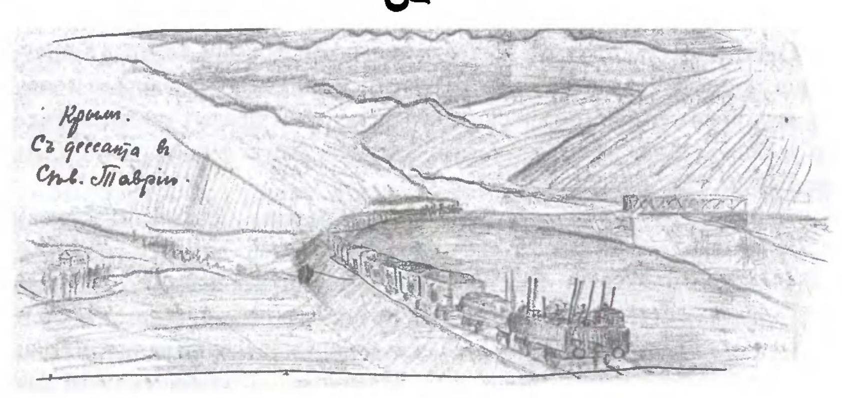
28 августа. Сегодня был приказ построиться. Пришел поручик Яновский и важно прочел: «Согласно приказа главнокомандующего и т.д. произведены в высшие звания Иваницкий, Солофненко — младшие унтер-офицеры, я, Васильев, Головин — старшие. Дьяков — подпрапорщик». Головин все время был с поручиком Яновским в Тимашевке и уехал из Ачуева первый. Остальные не произведены. Пленным приказано носить погоны соответственно их званию до революции — большинство их унтер-офицеры — конечно, службу знают «немного» лучше нас.

Командир 2-го батальона полковник Логвинов, согласно приказа начальника группы наградить всех чинов, покинувших Кубань последними, представил меня, Иваницкого и Солофненко к Георгиевскому кресту четвертой степени.

29 августа. Сегодня выступили вечером на станцию Керчь. Эшелон уже был готов. Наша команда идет в 6 вагонах: в одном конно-ординарческий взвод, в другом офицеры. В трех вагонах — связь телефонная — и в последнем телеграфисты, хозяйственные чины и откуда-то прикомандированные — самокатчики-мотоциклисты. В конце эшелона вагонов через сорок наши лошади и повозки с имуществом. Наш младший унтер-офицер Штепченко взял с собой жену из Керчи. Приходится сдерживаться в вагоне и не ругаться. Но публика держаться не может, и наконец плюнули на все.

Всю ночь простояли на вокзале.

30 августа. Сегодня на рассвете двинулись. Красивая дорога от Керчи к Владиславовке. Слева горы пересекаются ущельями, красивые низменные

долины, дачи, зелень, мосты. Опять горы, река, водопад, опять долина. А вдали на горизонте синеет цепь Крымских гор. Место очень пересеченное. Дорога сильно извилиста, то подъемы, то сильные уклоны. Поезд то летит вниз, бешено давая гудки, и заторможенные вагоны воют на скользких рельсах, то пыхтит, с трудом подымаясь под уклон. Я такой дороги еще не видел. В 12 часов прибыли в Джанкой. Здесь уже ровная степь. Как-то приятно, напоминает Украину. Легче вздохнуть, когда вырвались из гор. Да! Горы красивы — но степь приятнее. Слева перед вокзалом горы снарядов, патрон, много эшелонов с солдатами — это все с десанта. Получили жалованье за август. Купил арбуз за 1000 руб. Половины жалованья нет. Говорят, едем на станцию Рыково[176]. Вечером двинулись дальше. Сиваш. Чонгарский мост. Новый Порт-Артур. Окопы еще целы. Стоят громадные морские орудия.

Слева тянется гора соли и соляные озера. На них воронки от тяжелых снарядов. Вот перепутаны проволочные заграждения. Снесенная до основания будка, разбитые вагоны, шпалы, рельсы, могилы, могилы.

Еще недавно здесь кипели жаркие бои. Теперь мирно колышутся от ветра васильки, густо поросшие по откосу насыпи. Следующие станции почти все разбиты, водокачки взорваны.

Новоалексеевка. Купил два пирожка с рисом по 250 рублей. Вечером прибыли на станцию Рыково. Быстро разгрузились. И легли спать тут же. Я лег в пакгаузе.

31 августа. Ночью пришлось из пакгауза перейти на перрон. Крысы разогнали нас всех. У меня пробежала под шинелью. У одного выгрызли арбуз, у другого съели полхлеба. Сегодня что-то пасмурно. Идет мелкий дождь. Идем походным порядком, вещи на повозках. Солдат Штепченко расстался (с удовольствием) с женой. Для нее отказали место на повозке, и она уехала в Керчь. Над Штепченко все смеются, но он и сам рад. Прошли верст 20. Село Петровское. Остановились по квартирам. Идет дождь. Пошли наводить линии. Линии все неисправны после Кубани. Возились с ними до поздней ночи. Прибежал поручик Лебедев. Промокли до мозга костей. Досадно. Другие уже пообедали, отдыхают, а мы с похода — под дождь и, грязные и мокрые, возимся до ночи. Пришли на квартиру часов в 8 вечера. Нас ожидал хороший борщ с белым хлебом. Хлеб здесь не уступит кубанскому, да и народ не хуже. Сегодня, когда проводил линию, один мужик все приглашал на обед к нему, у него были поминки.

1 сентября. Смотали линию и утром выступили. Прошли верст 25 по гладкой, как стол, степи. Село Ивановка. Большое село. Вода здесь глубоко. А потому колодцы везде большие с барабанами, тащат лошадьми. Жители зажиточные. Остановились у одной хозяйки. Наварила галушек. Уже как будто и сжились. Хозяйка нам жалуется: стояла у нее какая-то сестра — вот мука, говорит хозяйка, и посуда у тебя грязная, и хата воняет, и то и се. А сама каждый день требует яичницу, молоко и ничего не платит. Слава богу, говорит хозяйка, вчера она уехала.

2 сентября. Сегодня утром пришли музыканты и нас выселили. Говорят, это их район. Новое размещение. Наша команда заняла целую улицу. Мы, 8 человек, стояли в одной хате. Хозяева — дед, баба и невестка-вдова с двумя детьми. Сразу угостили обедом. Сегодня протягивали линии. В Ивановке (село громадное) стоит весь 3-й корпус генерала Скалона. Мы 2-й армии генерала Драценко[177].

Дождик маленький.

3 сентября. Хорошая, солнечная погода. Сейчас кончил писать дневник со времени выезда из Керчи и до сего часа. Наши ушли на занятия. Я дежурный по линии. Дед просит принесть ему кабеля, на хозяйственные нужды.

4 сентября. Вчера вечером принес деду кабеля. Темно было, искал в сарае кабель. Старый весь на катушках. Пришлось дать моток (хотя запутанный) нового английского с ½ версты. Хороший кабель, даже жалко, но не даром. Сегодня в награду баба напекла 2 макитры[178] пирожков с сыром и принесла миску сметаны. Нас было 6 человек. Двое были на базаре. Когда баба узнала, что не все ели, еще принесла две макитры пирожков и миску сметаны. Все едят и удивляются, что за добрая хозяйка. А причина этой доброты лежала в углу на чердаке.

5 сентября. Сегодня были занятия. Черт его знает, пленный Валиков командует нами. Хотя, правда, он унтер-офицер николаевской службы, но как-то нам неудобно, что он командует добровольцами. Мне он подозрителен. Он и каптенармус (тоже пленный) смеются, острят над нами, а под нами, конечно, они разумеют всю нашу армию. Вчера я даже рассердился и сказал ему:

— Что ты тыкаешь нам погонами, а у вас не было звезд? Что значит ваша жидовская звезда?

Я думал, он смутится.

— Звезда революции, — спокойно ответил он, — заря новой жизни. Пять рогов ее — пять частей света, они соединены все вместе, то есть означает — пролетарии всех стран, соединяйтесь, а серп и молот — эмблема пролетариата!

Видно, здорово его выдрессировали красные. Я ничего не мог ему ответить. В первый раз я услышал такое толкование о звезде. Валиков, между прочим, устав и строй знает не хуже этого.

6 сентября. Были занятия. Перебежки в цепи и разборка телефона. Завтра или послезавтра идем на стрельбу. Проводили вторую линию в штаб полка. Говорят, в Севастополе организовывается крестный ход. Чтобы идти на Москву с крестом. Не знаю, что за затея и кто решится идти на такое бессмысленное и опасное дело.

Сегодня дед послал невестку на баштан за кавунами, с нею поехал и Валиков. Дед разрешает нам есть кавуны сколько угодно и когда угодно — бесплатно.

7 сентября. Приезжал священник Востоков[179] и говорил речь. Я думал, что он будет говорить о крестном ходе на Москву (он инициатор последне-

го), но он говорил проповедь о необходимой поддержке народом нашей армии. Очень хорошо говорил. Был парад. Принимал командующий 2-й армией генерал Драценко. Кубанцы-пластуны шли «на руку»[180]. Ссоримся с Куприяновым. Он говорит, что его отец, капитан 2-го ранга, — командир транспорта «Буг», за это Куприянова дразнят «юнга».

9 сентября. Хозяйка теперь каждый день варит борщ. Мясо наше, все остальное ее. Кокосовое масло, которое нам дают, она прячет — думает, это особый смалец, а вместо него кладет в борщ сало. В уме, наверное, думает, что она нас надувает, а на самом деле мы ее, и здорово. Арбузы лопаем вовсю, хотя здесь не такие, как на Кубани, — мелкие. Были на стрельбе. На 100 шагов десятивершковая доска, из пяти патронов я три попал. Целился под мишень.

11 сентября. Был парад, принимал командир 3-го корпуса генерал Скалон. Были в белых гимнастерках и шинели в скатку.

14 сентября. Сегодня праздник Воздвижения. Мелкий осенний дождик. Сидим дома. Один раз перед обедом пошел починять линию. Дед и баба позвали меня к себе в комнату, угостили жареным насиньям[181]. Чего это, думаю, им вздумалось пригласить меня? Через минуту дед сказал:

— Знаешь что, Сашко, оставайся у нас жить, я, бачишь[182], старый, хозяйство у нас, слава богу... Баба его поддерживает.

Сколько раз на Кубани во время Новороссийского отступления деды уговаривали меня оставаться у них жить. «Ничего не будет, не бойся, —

говорили они, — голову дам на отрез, не тронут». Я, конечно, и сейчас отказался.

— Эх, жалко мне тебя! — сказал дед.

Сегодня должен выйти крестный ход из Севастополя на Москву через фронт.

15 сентября. Сегодня довольно жаркий день. Перематывали кабель. Очевидно, скоро выступаем. Здесь вокруг по окрестным селам стоит 2-я армия. Очевидно, предполагается какая-то перегруппировка, до фронта еще далеко, и там, кажется, затишье.

16 сентября. Был парад. Принимал генерал Канцеров, начальник дивизии. Мы явились, но опоздали. Удивительно прошла вся дивизия. На приветствие генерала Канцерова ответило несколько рот. Остальные или молчали, или попадали не в такт.

Наш оркестр гремел страшно, и барабан заглушал голос генерала. Напрасно генерал повышал голос и кричал врастяжку: «Здоро-вооо втора-я рота!» Никакого результата. Люди не попадали отвечать в ногу. Чудак этот Канцеров страшный. Пластуны многие парадировали босые — нет ботинок. Вечером были занятия, батальонное учение, пошли и мы — попали в батальон Логвинова.

Здорово он выдрессировал пленных. Занятия идут усиленно. Нас так прямо загонял. Из одного места гонит в другое. И на ходу заставляет разговаривать по телефону — в общем, старик — изобретатель подвижного теле-

фона. Страшно устали с линией. А тут еще с нами поручик Аболишников — ругается на каждом шагу. Но все-таки в конце концов полковник Логвинов нас похвалил, а Аболишникова поставил в смешное положение.

— А ну-ка, поручик, — обратился он к нему, — покажите, как на лошади разматывают провод! — Поручик был на лошади, это было, когда батальон уже собрался идти по квартирам. Поручик, сидя на лошади, взял у меня катушку.

— Да потрудитесь надеть на шею! — строгим голосом крикнул батальонный. Весь батальон смотрел на эту картину. Краснея, поручик неумело надел катушку.

Полковник ударил нагайкой лошадь поручика. Та рванула. Аболишников чуть не слетел с седла. Катушка застучала за спиной. Обозленный поручик лупил коня нагайкой и несся вперед.

— Довольно, довольно! — смеясь, кричал полковник, видя, что поручик бесится.

Но последний все мчался и мчался вперед. Батальон весь начал хохотать. Батальон Логвинова целиком из пленных, но обучены хорошо и делают все молодцевато. Хоть сейчас в бой. Особенно хорошо у них получается стрельба по кавалерии залпами и перестроения, кавалерия с тылу, кавалерия с фронта.

17 сентября. Сегодня выступили, прошли верст 30. Серогозы. Дождик. Тянули линии.

18 сентября. Прошли верст 20. День хороший, летний. Нет охоты писать дневник. Устал страшно. С нами в комнате трое малолетних — ординарец Пушкарев 12 лет, Борис Павлов 14 лет, георгиевский кавалер и Киреев — гимназист 14 лет. Брат жены поручика Б., которая на Кубани ушла из полка. Он совершенно сегодня пристал и плачет, мы уговорили его подать докладную записку об увольнении из армии по малолетству. Он так и сделал, пошел, бедняга, пешком на Ивановку — 50 верст, — оттуда в Мелитополь, там у него есть знакомые. Пушкарев держит себя молодцом. Павлов тоже, хотя последнего берегут и в бои не пускают, он крестник командира полка. Хорошо он поет. Бывало, в Ивановке вечером, после молитвы, мы садились на улице, и Павлов высоким детским чистым альтом начинал: «Пусть свищут пули». Это была наша любимая песня.

Пусть свищут пули, льется кровь
И смерть несут гранаты,

Мы смело движемся вперед.
Мы — русские солдаты, —

звенел его чистый альт, и хор подхватывал припев:

В нас кровь отцов богатырей,
И дело наше право.
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

Не плачь о нас, святая Русь!
Не надо слез, не надо!
Молись за павших и живых!
Молитва нам награда![183]

Хорошие были вечера в Ивановке, после кошмарной Кубани, как приятно было отдыхать в этой песне.

20 сентября. Сегодня наводили линии, только кончили к вечеру. Лазил и по клуням, и по деревьям. Как вдруг на ночь выступаем. Выступление на ночь всегда подозрительное. Выступили внезапно — никто не ожидал. Мы идем из села с песнями. Но я замечаю, что что-то есть. Идем в боевом порядке. Поздно вечером подошли к какому-то хуторку. Генерал Канцеров нас догнал на автомобиле.

— Господа, — кричал он, проезжая вперед, — опасность миновала, прорыв под Каховкой ликвидирован!..

А мы ничего и не знали. Оказывается, мы шли ликвидировать неожиданный прорыв противника под Каховкой. Есть слухи, что там ночью прорвалась красная кавалерия. Самурцев застигла врасплох, и многих порубили. Погибла связь их дивизии. Говорят, группа конницы прорвалась к нам в тыл и где-то бродит. Входим в какое-то село. Уже темно. Из села на хутор, где осталась застава, верст 5 мы вели линию. Целую ночь возились. Я, поручик Лебедев, Иваницкий. Каждую версту проверяем, туда и обратно несколько раз возвращались, линия переставала работать. Часам к трем ночи мы были у села. Поручик Лебедев подозвал меня:

— Идемте, N, на хутор, откуда мы навели линию, и останетесь там дежурить до утра, утром я пошлю вам смену!..

Он смотрел на меня очевидно умоляющими глазами, потому что голос его был умоляющий.

Он видел, что другому некому поручить, это дело только одному мне.

Мне было страшно досадно. У нас в команде числится человек 140, из них строевых — человек 100, большинство пленные. Все они заняли теплые места взводных командиров, каптенармусов, кашеваров, а ты, мало того что прошел 20 верст, целую ночь тянул линию, и иди дежурить до утра. Но делать нечего — я пошел. Тяжелые думы на меня напали дорогой. Разные мысли путались в голове: убежать домой, бросить армию, ведь не видно никакого толку впереди... Но все это минутная слабость.

Темная ночь, голая степь. Шуршит стерня под ногами. Чтобы не сбиться с пути, пропускаю в руке провод, который только проложили. Где-то, может быть близко, здесь бродит красная кавалерия, а я один иду в поле. До хутора 5 верст. За селом, откуда я вышел, стояла застава и зорко смотрела вперед, значит, не доверяют ночной мгле... Что-то есть?

Вот и хутор. Захожу в теплую хату, набитую народом. Аппарат на столе. Работает. Командир роты и солдаты храпят на полу, все в шинелях, и винтовки здесь же. Душно, клонит ко сну, на столе коптит лампа.

Приказано было держать трубку все время у уха, ответственный момент. Я положил голову на стол, трубку под ухо. «Не буду спать», — думаю я. Так немного лучше. Слышно в трубке (по индукции), где-то передают телефонограмму: «Комбат немецбат[184] Агайманы, под Каховкой разбита группа противника, взято одно орудие, семь пулеметов...» — и я уснул...

Проснулся, кто-то толкает меня. Что такое? Сразу не сообразил, что такое, — трубка на столе рядом, а я преспокойно спал. Я обмер.

Меня разбудил посыльный из штаба полка. Прислали, так как телефон не отвечал. Как я заснул — не знаю. Уже рассвело. Видно, спал не меньше часу. Нерешительно позвонил, ожидая бури, ничего нет.

21 сентября. Сегодня рано утром смотали линию. Во время работы где-то поднялась стрельба. Неужели конница? Нагнали полк на походе. Все спокойно. Интересный был случай сегодня. Дорогой нас догнала Алексеевская батарея. У нее шикарные белые лошади. Командир батареи несется мимо нас на небольшой быстрой лошадке и кричит:

— С дороги обоз, батарея пойдет рысью!

Обоз свернул влево, а несколько повозок шли по дороге. Обозные смеялись и не хотели сворачивать.

Командир батареи обнажил шашку и поднял высоко над головой.

— Рысью! — раздалась команда.

Ездовые задергали поводьями, заработали локтями и ногами. Передки и орудия загромыхали громадными колесами, и батарея понеслась по дороге, подымая облака пыли. Повозки испуганно свернули с дороги, а одна не успела.

«Траххх!»

Орудие зацепило повозку. Колесо, люшня[185] и целый бок гарбы поехали за орудием и отлетели в сторону. Повозка с испуганным кучером перевернулась. Артиллеристы оборачивались и долго смеялись, махая нам руками. Командир полка полковник Бузун сегодня приехал, он вполне оправился от раны. Дорогой поручик Лебедев подозвал меня.

— N, — сказал он, стараясь быть строгим, что ему плохо удавалось. — Сегодня ночью вы заснули на посту!

Я молчал.

— Командир полка приказал мне расследовать это дело и, если вы окажетесь виновны, вас наказать, но я знаю ваше состояние сегодня ночью и сделаю все, чтобы отстоять вас. Черт возьми, — перешел он в обычный тон свой, — эта сволочь связной из штаба доложил командиру полка, что вы спали, так что пока я не могу вам ничем помочь, а теперь, согласно приказа начальника команды, вы переводитесь в роту!

Я поблагодарил поручика Лебедева за такое отношение с его стороны и пошел к поручику Яновскому.

Поручик Яновский ехал на повозке. Он растрогался.

— Тяжело мне расстаться с вами, — сказал он, глядя на меня и вертя соломинку в руках, — но долг службы заставил меня поступить с вами так, знайте, что вы были у меня на первом счету как отличный солдат и знаток своего дела, и заменить вас у меня некому. Пока прощайте, но помните, что мы с вами скоро опять будем работать вместе! — улыбнулся он, кивнув мне головой.

— Счастливо оставаться, господин поручик! — Я взял под козырек.

— Идите к Капустяну, он вам даст аттестат!

Я пошел к писарю. Он мне дал аттестат, что я удовлетворен довольствием по 21 сентября.

22 сентября. Я в 1-й роте в 1-м батальоне полковника Логвинова. Вторым батальоном теперь командует полковник Белов. Стоим в немецкой колонии. Тяжело на душе. Мне не жалко команды. Служба в роте даже легче, а опасность почти одинакова и там и здесь. Жалко только, что расстался с друзьями, и досадно на то, что за продолжительную службу в команде — с Батайска — в конце концов такая благодарность.

Арбузы едим вовсю. Дошло до того, что выедаем только сладкую середину арбуза — зайчик. А остальное выбрасываем. Все арбузы у немца так поели. Ночь спали среди двора. Было прохладно. Мы зажгли костры. Масса войск в колонии, целый корпус.

Вечером один солдат (старой службы) показывал способ уничтожения вшей в одну секунду (как делали в Германскую войну). Над костром закрутит рубаху, а затем ее над пламенем раскручивает, рубаха развевается юбкою и раскручивается, а вши с треском летят в огонь. Рубаху осматривала комиссия, человек 12, и не нашла, кроме гнид, ни одной живой вши. Способ признали верным, и ему последовали все. Некоторые раскручивают гимнастерки, потому что сподних рубах нет. Белье нам давали один раз весной, да и то вязаное, теплое с больных, так и ходим кто в чем.

Один солдат, к смеху других, доложил, что вши не погорели, а очмонели просто от угару.

В роте весело и легко. Никаких забот с линиями. Одно дело винтовка, а не так, как в связи.

Видел сегодня Иваницкого. Они тянули линию в штадив[186]. Иваницкий жаловался, что без меня его прямо загоняли, и будет проситься тоже в роту. Он и Солофненко целый день мотаются, как собаки, а пленные ничего или не хотят, или не могут работать. Особенно с телефонограммами — никто писать не может, не то что читать. Видел, как тянули линию пленный Ушаков и другой. Протянули через улицу, так что подвода заденет, и не закрепили по краям, так что если заденет случайно подвода, то потянет всю линию на целую версту, может быть до самого аппарата. Работают медленно. Старание есть, но навыка нет. Видел поручика Лебедева, только поздоровался.

23 сентября. Сегодня прошли верст 35, прошли село Рогачики. Громадное село. Остановились в селе N, говорят, здесь близко Днепр. С нами почти вся 2-я армия — мы так и движемся кучей от Рыково. Перед вечером опять двинулись. Теперь идет беспрерывная колонна. Сзади нас движется обоз с понтонными лодками и мостом. Значит, будем переправляться через Днепр. Этот мост, говорят, секретно везли из Рыково совсем другими дорогами.

Часов в 5 подошли к селу Ушкалка. Остановились, не входя в село, пока стемнеет, так как село на берегу Днепра. Поздно вечером вошли в село.

Выдали по 250 патрон. Приказано быть в хатах, но не ложиться. Баба-хозяйка предлагает сготовить галушки.

— Да мы, говорили, скоро идем!

— Успею! — говорит.

Минут через 25—30 уже готовы галушки с салом.

Я удивился такой быстроте.

В полночь разбудили. Спустились по крутому берегу к Днепру. Оказывается, с нами будет наступать отряд махновцев — человек двадцать. Их атаман Бурлак, высокий, представительный парень в синей бекеше, разговаривал с командиром полка. Он (атаман) как знаток своего дела (повстанчества) и знает местность, берется доставить все для переправы и идти первый. Оказывается, генерал Врангель заключил с Махно союз[187]. Не знаю, насколько прочен будет этот союз. Махновцев пока не видел.

Тихо. Все ведут себя как-то сдержанно. Оказывается, Бурлак уже пригнал душегубки для переправы и еще обещает пригнать большой дуб-лодку. Махновцы во всем содействуют. Но пока всего налицо три душегубки. Действительно душегубки — того и гляди перевернется. Три человека село, и бор-

та почти в воде. Нужно переехать сперва реку Конку — рукав Днепра, — затем перейти (версты три) остров Пидпильный, а потом переправиться уже через Днепр. На острове иногда бывала большевицкая застава, а потому наши держат себя осторожно. Остров большой. Верст 5 длины и версты 3 ширины. Весь в дремучем лесу. Земля нетронута, так как остров весной заливается совсем. Наш 1-й батальон уже переехал на остров, переезжает 2-й. Командир полка волнуется. Говорит, что трех лодок мало, нужно еще. Бурлак говорит, что послал своих хлопцев за лодками, но их еще нет.

Мы уже на острове. Темно, хоть глаз выколи. Тихо. Даже лист не шелохнется. Только трава шуршит под ногами. Идем тропинкой гуськом за проводником около часу. Вот и Днепр — он неширокий, ¾ версты, если не меньше.

Будем сейчас переправляться через Днепр. Это будет наш третий десант в этом году. Будет ли он удачен наконец?

Лодок нет, их ждут оттуда. Подошел 2-й батальон полковника Белова. Полковник Логвинов ходит на цыпочках и шепотом приказывает: не курить и не шуметь. Всматриваемся в большевицкий берег. Темная полоска лесу. Может быть, они там уже заметили и наблюдают за нами. Что-то ожидает нас завтра? Логвинов беспокоится — уже 9 часов, а лодки — еще ни одной. Пришел поручик Аболишников с пленным телефонистом. Поручик что-то ругается, сердитый страшно. Называет пленного ослом, ж... с ручкой и т.п. Я поздоровался с поручиком. Он ничего не ответил. Мы лежим на траве и смотрим туда. Через полчаса поручик Аболишников ищет меня.

— N, — сказал он мне, — идите, проведите линию через Конку!

— Виноват, господин поручик! — сказал я. — Вы ошиблись, я же не в команде связи!

— Ничего я не ошибся... Командир полка приказал вас обратно назначить в команду...

Я удивился. Наверное, Яновский постарался.

— Идите, идите! — торопил меня Аболишников. — А то эти пленные — бараны, приказано с первой лодкой навести связь, а они еще и не начинали...

Идем обратно. Итак, я опять в команде. Сели в лодку, переехали в Ушкалку. Здесь уже до берега есть линия. Я взял моток кабеля. Почему нет катушек, не знаю. Ну и публика. В таком деле только можно работать с хорошо смазанной заизолированной и проверенной катушкой, а у них мотки.

Два мужика. Может быть, потомки запорожцев, сильными руками удерживают душегубку. Я сижу на корме и разматываю кабель. Поручик Аболишников на носу, он что-то сердитый. Кабель облегченный, и течением его относит вниз. Гребцы гребут быстро, потому что лодку относит течением.

Моток зашморгнулся[188]. Не успею размотать. Не хочу сказать Аболишникову — он сердитый. Думаю размотать. Но гребцы гребут.

— Стойте! — говорю я; они держат лодку, но течением ее быстро относит.

— Что там? — пробурчал поручик.

— Господин поручик, — говорю я для оправдания, — запутался, почему нет катушки?

— А черт бы его забрал! — выругался он. — Назад.

Вернулись обратно. Мотки есть, но не заизолированы. Будет утечка тока. Пришлось бегать за катушкой. Наконец провели. Гребцы страшно намучились с нами. Тянем линию через остров. Часа в два ночи довели до берега, где стоял полк. Включили аппарат. Ушкалка не отвечает. Приходится идти обратно поверять линию.

— Идите обратно, — говорит Аболишников мне. — Если в воде будет порыв, то протяните новую линию!

Тоже удовольствие. Идти в темноте по острову три версты, а там возись с линией. Уже 2 часа ночи. Темень страшная. Пошел обратно. Линию пропускаю в руке. Кусты, деревья, канавы. Раньше их не было. Если бы не линия, то заблудился бы окончательно. Может быть, по острову бродят большевики, не зная, что наши здесь. Ведь остров нейтральный был. Немного пробрал страх. Вот линия порвана. Один конец держу, а другого нет. Я привязал линию к дереву. Заметил это дерево и пошел по траве искать другой конец. Сучья трещат, шелестят кусты. Я ползаю как дурак, а линии нет. Вот если бы кто увидел меня сейчас. Ночью человек лазит по траве и что-то ищет; подумали бы — сумасшедший. Темно. Одно небо синеет с миллионами звездочек и на нем вырисовываются очертания деревьев. Я уже пал духом. Что делать? Нет линии, не найду и не знаю, в какую она сторону. Тропы тоже нет. Я посреди острова. Мною овладело отчаяние.

Вдруг слышу голос. Кто-то тихо бормочет близко. Что такое? Я остановился. Прислушался. Кто-то вполголоса разговаривает. Я сделал туда несколько осторожных шагов. Вдруг под одним деревом блеснул огонь от спички и осветил лежащего на земле человека. Другая спичка. Человек один. Но с кем он разговаривает? Огонь потух. Я подошел близко совсем и прислушался. Под деревом лежал человек и что-то бормотал. Я снял винтовку и подошел к нему.

— Поручик Лебедев?! Здравия желаю!

— А! — обрадовался он, это был Лебедев. — Опять у нас?

— Что вы делаете? — обрадовался я ему.

— Шел по линии, вот нашел порыв, а другого конца не найду, вот я и говорю по телефону, чтобы выслали мне кабеля, тянуть новую линию!

— А я тоже нашел порыв, а другого конца не найду...

— Ха-ха-ха! — расхохотался поручик. — Вот история, давайте его сюда скорей, мерзавца...

Я отыскал дерево, куда привязал свой конец, и мы соединили провод. Линия Днепр—Конка—Ушкалка—дивизия работает.

Мы пошли к полку. Уже светало.

Первый батальон уже переправился, а второй еще и не начинал, а согласно приказанию свыше к рассвету на том берегу должен быть полк целиком. Полковник Логвинов страшно волновался, торопил погрузку. Но душегубок только три, и они сразу берут 9 человек. Что же будет, если взойдет солнце, а у нас на том берегу только один батальон. Большевики, конечно, сразу его уничтожат, а помощи ему подать невозможно и бежать ему некуда. Три лодки всего ведь. Командир полка по телефону все справляется:

— Скоро? Скоро ли?

А дуба махновского и нет.

Утро 24 сентября. Остров Пидпильный. Уже рассвело. Переправлялся на ту сторону второй батальон. Я лежал у аппарата и держал у уха трубку. Все тоже тихо лежат, не подымаясь. Вдруг кто-то крикнул:

— Смотри, смотри! Всадник!

Все глянули на ту сторону. Действительно, на той стороне между кустами ехал всадник.

Всадник. Значит, военный. Кто? Конечно, красный. У наших там нет лошадей.

Все, притаив дыхание, следили за ним. Видели ли его наши там или нет? Хорошо, если вовремя заметят, а если нет... Тогда мы открыты. Лодки стоят и не отчаливают.

Вдруг на том берегу раздалось несколько частых выстрелов из винтовки и крики:

— Ай! Ай! Ай!

«Го-го-го!»

Эхо понеслось по плавням и далеко в лесу отозвалось: «Го-го-го!» И все утихло.

Что такое? Мы лежим не шевелясь и не спускаем взора с того берега. Но там тихо, лес неподвижен. Может быть, наших открыли и захватили в плен? Все может быть.

Вот оттуда отчалила лодка. Сидят трое. Мы ждем с нетерпением. Внимательно смотрим в приближающуюся лодку. Двое наших, а посредине пленный.

Оказалось, наши захватили заставу и одного конного ординарца. Застава сдалась. Несколько человек только удрало. Пленный одет во френч, в

русской шинели, ватные брюки, обмотки. Допросили, обыскали. Говорит, мобилизованный рабочий Брянского завода из Екатеринослава. Нашли у него документы и 80 рублей денег. Деньги вернули и отправили его в тыл.

Теперь так: на тот берег переправляется трое наших, а обратно в той же лодке везут трое пленных. Пленные из заставы говорят, что штаб их полка находится в селе Покровском, верст 12 отсюда по плавням, а штаб дивизии в Никополе.

— Неужели вы ночью не замечали наших лодок? — спрашиваем мы их.

— Заметили мы еще с вечера! — отвечали они.

— Но почему же вы ничего не предприняли против?

— Да мы думали, это бабы едут за солью! — отвечали они.

Дело в том, что большевики пропускали за самогон и другие хабари баб на наш берег. Бабы же пробирались в Крым за солью. Эта соль и послужила нам на пользу. Большевики сперва не обратили внимания на нас. Захватили еще одного конного ординарца. Он говорит, что в штабе полка ничего не знают о положении и послали его в заставу с бумагами. А из заставы связи никакой.

— Хорошо! — воскликнул командир полка. — Пока штаб их догадается, в чем дело, мы так, по одному, переловим всех ординарцев.

Уже переправился 1-й батальон, переправляется 2-й. Батальонные уже на том берегу. На этом берегу только командир полка, адъютант, я у аппарата да в стороне мой помощник — пленный Ушаков.

— Хороша местность здесь! — говорил командир полка, лежа под огромным пнем. — И знаете, эти места исторические. Здесь когда-то на этом острове была Сечь... Может быть, еще под этим дубом лежал Тарас Бульба...

Уже часов 12 дня. Захватили еще трех ординарцев, которых штаб полка посылал узнать, в чем дело. Наконец уехал и командир полка с адъютантом. Я спросил его, что делать с телефоном.

— Тяните на тот берег! — сказал он, влезая в лодку.

Я позвонил в штаб полка. Ответил поручик Яновский. Я передал ему, что комполка приказал тянуть линию на ту сторону Днепра.

— Я знаю, — сказал поручик, — сидите на месте и никуда не двигайтесь, а вечером смотаете линию обратно, на ту сторону будем тянуть в другом месте.

Лежим с Ушаковым на острове. Никого больше. На том берегу все тихо. Где полк? Неизвестно. От нечего делать разговариваю со штабом полка. Отвечает Головин. Он говорит, что против Ушкалки начали наводить понтонный мост через Днепр. Я часто забываю и зову по телефону: «Алексеевцы!»

Позавчера был приказ строгий. Мы отныне не алексеевцы, а 36-й пехотный полк. Терский стрелковый 24-й, сводный Кубанский пластунский 48-й. Это делается для того, чтобы ввести красное командование в заблуждение. Одеваем то же белье, только навыворот, и думаем обмануть. А вчера был курьезный случай. Еще утром обгоняет наш полк на походе генерал Канцеров. Он здоровается с автомобиля. Вообще Канцеров любит здороваться со всяким.

— Здоров, молодец! — кричит он пленному Ушакову.

— Здравь желам ваш-дитсь, — надрывается пленный.

— Какой части молодец?

— 36-го полка, ваш-дитсь!

Генерал выпучил глаза.

— Как 36-го, что это за полк, первый раз слышу!

— Ваше превосходительство, — подошел поручик Лебедев, — согласно приказа...

— Ах! Да! Да! — рассмеялся генерал. — Я и забыл.

Вообще Канцеров большой чудак. В Серогозах идет он по улице. Идет солдат.

— Здоров, молодец! — кричит генерал.

— Здравия желаю! — тихо отвечает солдат.

— Разве так отвечают?.. — укоризненно произнес генерал и слез с лошади. — Садись на лошадь! — говорит он солдату.

Тот повиновался.

— Говори! Здоров, Канцеров!

Солдат смутился.

— Говори, а то в морду дам!

— Здоров, Канцеров! — крикнул солдат.

— Здравь желаю, ваш-дитство-о! — заорал Канцеров на всю улицу. — Вот как надо отвечать, а теперь слезай к ....!

И сейчас Канцеров где-то бродит по берегу и часто включается в линию.

Солнце уже подошло к тому берегу. Мы получили распоряжение смотать линию.

Начали сматывать. Черт его знает! Линия версты 4, и нас только двое. Обвешаны катушками, как верблюды. С трудом пробираемся меж кустов. Наконец дошли до берега реки Конки. Из Ушкалки плывет за нами душегубка. Мы положили катушки и сели. Гребет мальчик. Душегубка погрузилась до самых краев борта.

Пришли в Ушкалку. Поручик Яновский обрадовался мне.

— Вот видите, — сказал он, — вы опять у нас, надеюсь, больше мы не расстанемся с вами!

Дежурю в штабе полка. Штаб полка в хате над обрывом. С обрыва и прямо в Днепр на ту сторону уже наши протянули кабель. Мост сначала начали устанавливать против Ушкалки, как было указано по диспозиции из штакора, но забыли, перевели на ½ версты левее. Это, говорят, тоже для того, чтобы ввести красных в заблуждение.

Ночь. Я вышел во двор. Теплая сентябрьская ночь. Звезды обильно высыпали по небу и ярко мигают оттуда. Внизу на Днепре глухо стучат топоры и мигают фонарики. Понтонеры работают, ни минуты не переставая. Стучат топоры и молотки. Тихо, ни выстрела. Неужели красные до сих пор ничего не знают?

Захожу в избу. Входит командир полка. Он прибыл «оттуда». Сел за стол, что-то пишет.

Входит атаман Бурлак — начальник отряда махновцев. Командир полка встал и подал ему руку. Бурлак был в меховой бекеше, на груди висел полевой бинокль.

— В чем дело? — после приветствия спросил полковник.

— Сегодня мои хлопцы, — сказал Бурлак, — захватили пленных на том берегу, вместе с вашими, ваши взяли и всех их отправили в тыл, а у нас правило — пленных оставлять с собой, а там были хорошие хлопцы, они соглашались служить у нас!

Командир полка посоветовал ему обратиться к коменданту дивизии. Вообще наши стараются с махновцами держаться сдержанно, и они стараются (насколько возможно) быть корректными.

Ночью часов в 12 линия через Днепр перестала работать. Что такое? Продувание есть. Или телефонист спит, или утечка тока. Скорее всего, последнее.

Поручик Лебедев из своей квартиры тоже все время справляется по телефону на ту сторону. Услыхав, что нет связи через Днепр, он немедленно приказал мне ехать исправить линию. Делать нечего. Не хотелось страшно, но придется. Досада страшная. А что, если там дежурный телефонист спит? Разорву на месте.

Я спустился к Днепру. Линия висит с обрыва и уходит в воду. Я потянул провод из воды, чтобы узнать, порван или нет. Но кабель тянется туго. Значит, линия цела или, может быть, зацепилась в воде за что-нибудь.

На берегу тихое оживление. Каюки беспрерывно идут туда и обратно. Переправляются туда какие-то сестры.

Я взял каюк. Гребец был дядько, вероятно, потомок какого-нибудь запорожца. Он гребет, а я вытягиваю из воды провод и дергаю его — туго... Целый, целый! Провода в воде раза в четыре больше, чем ширина Днепра, сильное течение оттащило его вниз на четверть версты. Наконец через час или больше пристали к берегу. Линия в воде цела. Ух!

Черти, значит, порыв на их берегу, и они не могли его исправить. Провод привязан за суки. На берегу у костра сидят наши солдаты.

— Где телефонист? — спросил я.

Они указали назад, в чащу кустов. Я пошел туда. Действительно, под кустом лежал деревянный барабан, и, положив на него голову, мирно храпел Строков.

— Строков! — бешено закричал я и толкнул его так, что он вскочил на ноги.

— А? Что? Зачем?

— Где аппарат?

— А? Вот! — И он указал на барабан.

— Где вот? Дурак!

Он полез под барабан и через минуту отыскал валявшийся на траве аппарат. Я бросился к нему. Аппарат работал. Я кинулся с ругательствами на

Строкова. Он только хлопал глазами. Ну придется мне тут дежурить. Ну и народ. Если бы на моем месте был бы кто-нибудь другой, он бы упек Строкова подальше черт знает куда. А я донес, что линия была порвана в воде, и поручик Лебедев успокоился.

25 сентября. Сегодня утром приказано мне идти в 1-й батальон, где находятся Иваницкий и Солофненко. 1-й и 2-й батальоны были в плавнях, в нескольких верстах от берега. Иду с Ушаковым по проложенной линии. Интересное вчера вечером было перехвачено донесение красных, что у них высадились белые части 36-го пехотного полка.

Идем все время по просеке. Громадные деревья по сторонам. Линия лежит справа, вдоль дороги. Никого и ничего, как будто бы мы где-нибудь в глубоком тылу. А ведь, может быть, в каких-нибудь пятнадцати шагах в кустах сидят красные. Вокруг наши продвинулись только по просеке, а ничуть не в стороны, а по сторонам густой лес.

Вот и 2-й батальон. Сидят. Ружья в козлах. С полверсты вперед 1-й батальон.

Иваницкий и Солофненко здесь, они очень обрадовались, что пришла к ним помощь.

1-й батальон уже поднялся и двинулся вперед. 2-й еще лежал. Вдруг бежит ординарец. Что такое? 1-й батальон стал. Приказано 1-му батальону идти в резерве, а 2-му впереди. Полковник Белов повел свой батальон мимо нас.

Иваницкий говорит, что влево от дороги целую ночь гремели подводы. «Вот и сейчас гремят, — сказал он, — послушай!» Я прислушался. Действительно, где-то гремели подводы.

— Смотри, — сказал Иваницкий, — второй день, а красные молчат, как бы они не обошли нас с тылу.

А в самом деле? У нас все делается как-то не по-человечески. Идем по просеке, и баста, а влево и вправо хоть гори все!

2-й батальон шел впереди. Я и Иваницкий старались не отставать от него. В руках у нас на шомполе громадный деревянный барабан с тонким проводом. Мы разматываем линию следом. Сзади в ¼ версты идет 1-й батальон. Где-то далеко сзади послышалась пулеметная и ружейная стрельба. Все прислушались. Стрельба была верстах в 5. «Это у терцев», — сказал адъютант батальона. Левее нас в 5 верстах высадились терцы, очевидно, у них стрельба.

— А что, мост не готов? — спросил кто-то.

— Нет его, вероятно, еще дня три будут строить.

— Эх! — вздохнул какой-то поручик. — Нет у нас старых понтонер, помню, как через Вислу наводили мост. Вы поверите...

«Та-та-та-та-та-та», — вдруг раздалось слева.

Пули защелкали по ветвям.

«Трах, тах!»

Что такое? Откуда?

Бьют слева, даже немного сзади. Кругом густой лес, в просеке и залечь негде. Полковник Белов растерялся.

— Второй батальон! — закричал он и кинулся в кусты.

Создалась паника. Люди шарахнулись в кусты и поползли по земле. Мы бросили катушку и тоже шарахнулись вправо. 1-й батальон свернул влево и рассыпался в чаще. Стрельба сразу утихла. Белов собрал свой батальон. Иваницкий долго смеялся.

— Я не ожидал этого от Белова, — сказал он.

Приказано не шуметь и по возможности осторожно двигаться вперед. Пошли. Вдруг сзади крики и шум. Что такое? Оглядываемся. К нам на помощь идут махновцы.

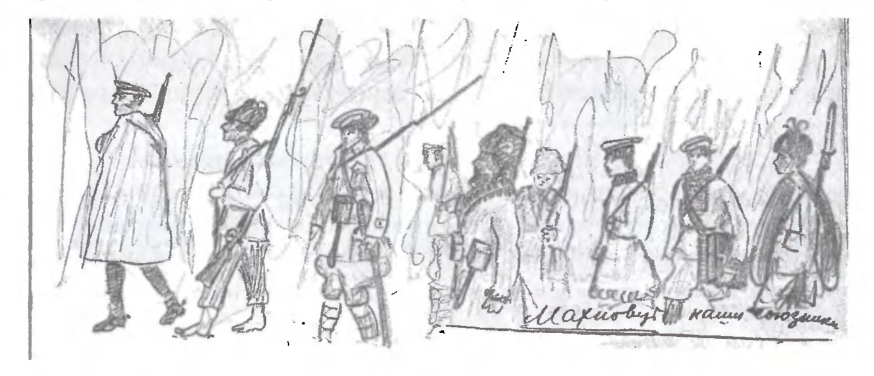
— Тише, тише! — кричим им.

Не хотят слушать. Шумят, галдят, форменная банда. Каждый в босяцком пальто, у каждого по 2—3 бомбы и разные винтовки. Шумя и галдя, они обогнали нас. Их было человек 25.

Спереди застучал пулемет.

— Ура! — гаркнули махновцы и бегом кинулись на него.

Стрельба утихла. Захватили «Максим» на мостике. Красные разбежались. Ободренные махновцами, наши пошли смелее, дабы не ударить лицом в грязь перед ними. Впереди плотина. Оттуда строчит пулемет. Махновцы, без

выстрела, кинулись к ней... Но отхлынули. Наши пошли вброд через какое-то болото, камыши и кинулись на пулемет с флангу. И этот пулемет наш. О махновцах все отзываются с восторгом. Летит красный аэроплан. Он бросал бомбы по мосту. Это по нему, очевидно, и велась стрельба, которую мы слыхали.

Вдруг топот. Оглядываемся. Летит на коне ординарец.

— Мост готов! — радостно кричит он. — Сейчас переправляется артиллерия, а потом пойдет кавалерия. Ура! Ура! Ура!

Дело будет. Батальоны идут быстро. Рвутся вперед. Махновцы где-то исчезли. Мы уже не успеваем вести линию за батальоном. Отстаем. Хорошо, что красные по дороге бросили три ряда провода. Очевидно, на свою заставу. Мы его починяем, где он порван, но все-таки отстали от батальона на версту. Идем же мы быстро. Я, Иваницкий, Солофненко. Потом подошли прибывшие поручик Лебедев и Куприянов. Часов в 10 утра мы задержались с одним порывом, провод был вырван. Требовалось вставлять свой. Начали починку. Вдруг впереди щелкнул револьверный выстрел. Не успели мы сообразить, в чем дело, как слева зашумел камыш и из него вылезло человек 50 в серых шинелях без погон. Двое тащили станок «Максима», а один нес ствол. Шагах в 15 от нас в стороне вылез их командир в кожаной фуражке с красной звездой, такой же куртке, с наганом в руке. Его звезда на фуражке как-то особенно запечатлелась в моей памяти. Эмалевая с золотым ободком.

У меня упало сердце. Нас пять, а их пятьдесят, если не больше. У меня, у Солофненко и у Куприянова были винтовки, у Лебедева и Иваницкого не было. В винтовке не открывался затвор, у Куприянова сразу не оказалось патрон, да он моментально куда-то смылся в кусты. А батальон впереди в полуверсте, а 1-й еще не подошел... Положение было скверное. Но красные тоже опешили, когда увидели английские шинели, их командир остановился и поднял наган... Но тут всех вывел из положения Иваницкий. Он сразу подскочил, не размышляя ни секунды, к одному красноармейцу и выхватил у него новенькую русскую винтовку.

— Бросай оружие! — дико заорал он и приготовился стрелять.

Я тоже взял на изготовку и подскочил к Иваницкому. Тут случилось то, чего мы не ожидали. Передние красноармейцы, оторопев от неожиданности, бросили винтовки, а задние шарахнулись в камыш. Двое, тянувшие станок пулемета, бросили его на землю и удрали. Командир их повернул обратно в камыши.

— За мной, товарищи! — закричал он уже в камышах.

Половина кинулась за ним. Человек 25 остались на месте. Винтовки и пулемет лежали на земле.

— Отойдите в сторону! — скомандовал им поручик Лебедев, приходя в себя.

Они повиновались.

Куприянов подбежал к стволу пулемета и, отвинтив винтик, стал пить воду. Мы удивились: откуда он взялся? Пока красные сдавались, он просидел в кустах. Сдалось человек 25 солдат, столько же винтовок и один пулемет. Винтовки все русские — новенькие, английского изделия. Затворы никелированные, в каждой винтовке вложено 5 патронов и затвор поставлен на предохранитель. Из этих винтовок, очевидно, еще не сделано ни одного выстрела, и, очевидно, они из Новороссийска. Наши. Я выбрал одну. Поручик Лебедев волнуется: «Всегда надо иметь винтовку и патроны!» — бурчит он, а сам же не имеет. К нам подходила навстречу сестра милосердия, ведя под руку офицера, у него была забинтована голова.

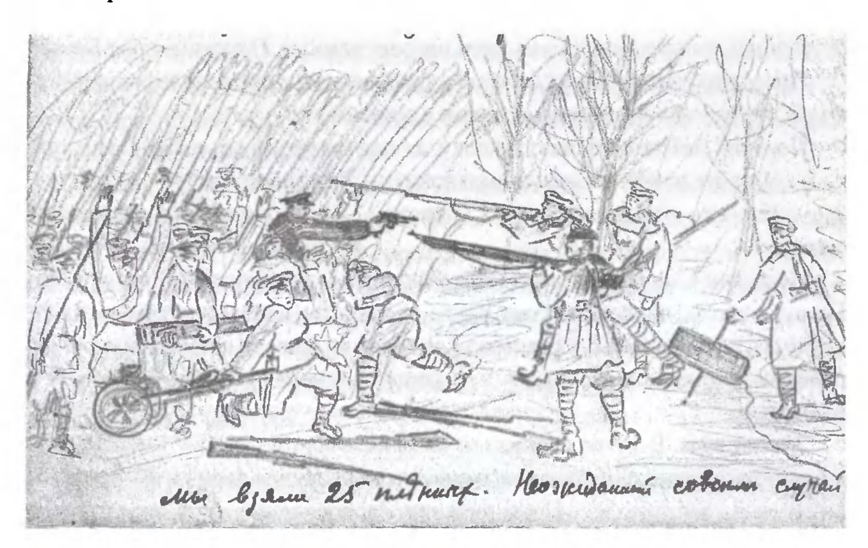
— Вы взяли этих пленных? — спросил он.

— Да, мы!

— А командир их где? — оживился он.

— Удрал!

— Вот сволочь! — выругался он. — Ранил меня из нагана в глаз, как я на него нарвался!

Мы в это время кричали в камыш: «Товарищи, вернитесь, не удирайте» и т.п.

— Вот что, — сказал поручик Лебедев, — чтобы здесь нам не задерживаться, бегите, Иваницкий, к командиру батальона и скажите, чтобы прислал людей отправить пленных, а вы, — он указал на меня, — и вы (на раненого офицера), будьте добры, ведите их в тыл, пока вас сменят люди из батальона.

— Становись! — закричал раненый офицер. — Шагом марш по четыре!

У меня новенькая блестящая русская винтовка со штыком. Русский новый кожаный подсумок, палатки. Пленные обмундированы отлично, все с палатками, с лопатками, только материал на всем скверный, чехол на лопату не кожаный, а брезентовый, фляжки стеклянные, фуражки матерчатые с такими же козырьками, на манер английский.

Я шел сзади за ними и напевал мотив Интернационала, он что-то последние дни не выходит у меня из головы.

— Разве и у вас его поют?! — обернулся один пленный.

— Да, бывает! — спохватился я.

Расспрашиваю пленных. Оказывается, их в плавнях бродит несколько рот, на одну из них мы и наткнулись. О нас они ничего не знали. Им приказано было стать на дороге с пулеметом. Ночью они шли по болоту. Сбились с пути и уже днем вышли на дорогу, наткнувшись на нас. Что, если бы они минут за 10—15 до нашего подхода установили на дороге пулемет? Нам бы, пожалуй, не поздоровилось. Я вижу здесь Промысел Божий. Как это 50 вооруженных человек испугались пяти невооруженных. Поистине воля Божья!

Проходим дальше, стоит отбитая у красных махновцами телефонная двуколка, груженная вещевыми сумками с вещами.

Поручик Лебедев, увидав двуколку, да еще телефонную, сразу подскочил.

— Отдайте нам! — сказал он махновцу. — Зачем она вам?

— Как же, — резонно ответил махновец, — мы думаем ведь разворачиваться!

Подошли Смоленский, Кавказский полки — 6-я дивизия. Едут орудия. Пришли обозы, наша хозяйственная часть, идут дымящиеся, только не наши кухни, радиотелеграф. Едет генерал Канцеров на лошади и по привычке здоровается. Прибыл и командир 3-го корпуса генерал Скалон. Ночевали в плавнях.

26 сентября. В 5 утра двинулись. Едва подошли к лощине, как затрещали винтовки, зарокотал пулемет, и вдруг ахнуло орудие, наше и их. Завизжали снаряды, застонал лес. Плавни ожили. Здорово они бьют. Снаряды рвут-

ся прямо на дороге. Очевидно, им хорошо нас видно. Обоз удрал в сторону и рассыпался по кустам. Я лежал около нашего орудия и наблюдал за полетом снаряда. Если стоять сзади орудия, то в момент выстрела в дыму сразу видна точка, которая лишь опускается вниз, уменьшаясь, и сразу исчезает. А если наблюдать сбоку, то заметно, [как] что-то черное вылетает из орудия.

Убили вестового поручика Аболишникова, пленного Андрея: вылез на бугорок посмотреть, что там, на позиции, его и хлопнуло пулей. Он был у красных ординарцем, кажется, даже командовал взводом. Его захватили, когда мы бродили по Кубани, он вез донесение и наткнулся на нашу колонну, приняв нас, по ошибке, за своих.

Генерал Канцеров и генерал Скалон все время на позиции. Им нужно лично руководить операцией, а до Ушкалки 15 верст, и телефонная линия ежеминутно рвется проходящими по просеке частями. К вечеру подошли к речонке, на той стороне речки видно большое село — Покровское, посреди села возвышается небольшая церковь (на горе), на том берегу стоит паром. Только наши сунулись, красные обстреляли... Наши отхлынули. Посыпались снаряды, сбивая ветви деревьев, иногда снося до корня целые стволы. Пришлось обойти версты на три. Красная пехота нажимала на нас. Наши батареи работали отчаянно. Уже заходило солнце, когда вдруг случилось то, чего никто не ожидал. 2-й батальон лежал впереди от 1-го шагах в пятистах. Стрельба утихала, вдруг слева из чащи дерев выскочило всадников 20 и налетели на лежащую цепь, начали рубить. Цепь опешила от неожиданности. Правый фланг открыл огонь, а левый бросился удирать назад. Красные вот-вот настигнут беглецов. 1-й батальон приготовился бить по кавалерии. Поручик Полынский сразу сел на «Максима» и прицелился, но как стрелять? Впереди красных наши бегущие.

— Ложитесь! Ложитесь! — кричат отсюда наши. — Открываем огонь!

Но они не слушались. Наши не решались бить. Один бегущий офицер выхватил наган и прицелился в преследующего его кавалериста, минуты две он целился, но не стрелял, налетевший кавалерист зарубил его. Двоих других постигла та же участь, бежит один капитан Руднев.

— Ложитесь! Ложитесь, Руднев! — кричат ему. — Открываем огонь!

Но он бежит сюда. Красные уже близко. Медлить нельзя... Поручик Полынский нажал на курок.

«Та-та-та-та-та-та», — затрещал «Максим».

Капитан Руднев упал убитый. Красные все погибли. Двинулись по полям. Валяются подбитые лошади и кавалеристы. Руднев убит в голову двумя пу-

лями. Подошли к зарубленному офицеру, который целился из нагана и не стрелял, он был весь в крови. Наган валялся в траве, на трех патронах следы курка — осечка. Осечка погубила человека. Опять приблизились к реке. Наш берег низменный, песчаный, а противоположный, на котором Покровское, высокий. Им оттуда хорошо видно. Берег чистый, песчаный на 100 шагов. А в 100 шагах от берега лес, кусты. Мы лежим в кустах, а вперед ни шагу, так как песок буквально кипит под пулями. Генерал Канцеров с нами. Он кричит, вызывает охотников добежать до берега по песку и окопаться в песке.

— Кто хочет, — кричит он, — или железный, или деревянный крест получить?

Но никто не решается. Берег прямо поливается пулями. Все лежат не шевелясь. Пулеметы наши пускают ленту за лентой. Около них целые горы дымящихся патрон.

— Никто не хочет? — кричал Канцеров. — Эх вы! Придется мне, старику... Господи, благослови!

Он перекрестился и, выскочив из кустов, побежал по песку. Пыль поднялась вокруг него от падающих пуль, но генерал быстро бежал, пригибаясь. Я жду: вот-вот упадет он мертвый. Но нет, добежал до берега, упал и начал руками нагребать впереди себя кучу песку. Немного зарывшись, он обернулся и стал пальцем манить нас. Двое сразу побежало к нему. Один упал раненый. Еще один выскочил, и вдруг весь батальон побежал к берегу. Несколько человек не добежало, остались лежать здесь навеки. Канцеров хохочет и указывает на свой сапог. Пуля разворотила каблук, не задев ноги. Судьба! Лежим на берегу, красные с Покровского немилосердно жарят. Я приник к песку и нагребаю все больше и больше. Аппарат остался в кустах, но он и не нужен, так как начальство все здесь. Только поздно вечером утихла стрельба. Вызвали патроны. Говорят, терцы с левого фланга перешли эту речушку. Ночью пришла новость, будто бы корниловцы заняли Никополь и станцию Чертомлык и будто бы красные уже удрали из Покровского.

Генерал Канцеров волнуется, он хочет узнать, удрали ли красные из Покровского, и боится, как бы они не удрали безнаказанно.

— Нужно наступать немедленно, — волнуется генерал.

Он приказал всю ночь бить по Покровскому. Оттуда не отвечали — это его беспокоило. Он страшно волновался.

— Очередь! — кричал он. — Садись в лодку! Очередь!

Но красные молчали. Мы сидели в лощине в кустах и грелись у костров.

— Оче-ре-е-е-дь! — тянул на берегу неугомонный генерал.

Мы дремали...

Пришли двуколки с патронами. Приехал подпрапорщик Мартынов. Интересный с ним был случай. Мартынов в Катерлезе всегда хвалился про свои геройские дела в Дроздовском походе, а сегодня, когда вел двуколки и попал под шрапнель, бросил повозки и удрал в кусты. Ушаков (пленный) засмеялся и начал кричать: «Подпрапорщик, на кого ты нас покидаешь!» Может быть, в самом деле человек раньше был герой, а в тылу побыл, и уже не тот. Тыл здорово действует на людей в плохую сторону.

27 сентября. Говорят, Бабиев где-то зашел в тыл красным, так что мы сегодня должны взять Покровское. Перестрелка с утра стоит адская. Мы отошли опять в кусты. Около пулеметов такие кучи гильз, что едва виден за ними пулемет. Красные бьют с горы из-за заборов, а один сидит в пароме и бьет сидя с парома. Мы бьем только по нему, я выстрелил в него несколько раз, но он сидит, но уже не стреляет. Наша конная разведка переправилась левее через речку и начала обходить Покровское с фланга. Всадники уже помчались за деревню в обход. 2-й батальон пошел вброд левее деревни. Красные убегали. Очевидно-таки, Бабиев зашел в тыл, что они так легко убегают. Два крестьянина гонят сюда паром. На пароме сидит стрелявший красноармеец. Его вытащили с парома на наш берег. Это китаец, раненный раз пять. На нем накинута шинель, вся в крови. Он сидел и стрелял беспрерывно, пока пуля не попала в плечо.

— Ходя! Ходя![189] — молчит. Только сопит. Его бросили на берегу. Он молчит и, видно, страдает. Не знаю, что с ним случилось в дальнейшем. Лезем в паром. Покровское хорошее село. Украинские тыны[190]. Вишневые садки.

Жители удивленно смотрят на нас. «А нам говорили, вас разбили». Прибыла конная разведка Смоленского полка — все, как один, в белых папахах. Жители удивляются, а особенно они поразились, когда мы сказали, что Махно с нами в союзе. Они все махновцы. Удивляются, что у нас есть соль, табак, спички... У них этого давно нет. Наша конная разведка поскакала на Чертомлык. Говорят, там захвачен бронепоезд и много разного добра. Едет генерал Скалон. Здоровается. Увидев нас, остановился:

ят в поле и жарят беспрерывно. Часов в 12 мы установили аппарат на кургане и легли, так как пули чертят землю.

— Смотри, смотри! — кричит Солофненко, указывая рукой влево.

Смотрю: на левом фланге стоит пыль столбом. Бегут повозки, всадники, люди. И слышна жаркая пальба. Драп всеобщий. Наш левый фланг остановился и тоже начал отходить. Слушаю в трубку. Полковник Белов кричит командиру полка:

— Господин полковник, что там делается, на левом фланге, мои люди нервничают и начали отходить, уж не прорвалась ли кавалерия?

— Да! — отвечает полковник Бузун спокойно. — Я вижу, там болтается какая-то публика, наверное обозная, держитесь на месте. Мы свое дело знаем!

Скоро на левом фланге все успокоилось. Там действительно прорвалась часть красной конницы. Из штадива поручик Яновский приказывает мне взять катушку кабеля в штабе полка и вести линию в 1-й батальон, там не хватило проводу, а батальон продвинулся вперед.

Идти в 1-й батальон не безопасно. Приходится перебегать от кустика до кустика. Пули визжат, а когда застрочит пулемет, приходится ложиться.

Наконец вот и цепь. Лежит полковник Логвинов, поручик Аболишников с аппаратом. Очень обрадовались кабелю, так как цепь от них уже отошла шагов на 60 вперед.

— Цепь, вста-ать!

Выключаем аппарат. Беру с поручиком барабан.

«Гр-гр-гр-гр-гр-гр!» — разматывается катушка.

«Бум! Виу-бух!» — разорвался снаряд.

Одновременно застучал пулемет.

— Ложи-ись!

Легли как раз на бугорок. Видно, как за дорогой в леску стоит тачанка красных с пулеметом. У них там прикрытие. Передаем на батарею. Оттуда начали бить по леску.

— Цепь, впере-ед!

«Та-та-та-та-та».

— Ложись!

Легли, пройдя шагов 20. Аппарат у нас японский, лакированный, новенький. Блестит на солнце лаковыми покрышками и металлическими застежками.

«Всссь!» — просвистела рядом пуля.

— Ох, ранен! — вскрикнул поручик Аболишников и ткнулся лицом в землю. Я слыхал визг пули на секунду позже крика поручика. Передаю по телефону в штаб полка.

— Можете ползти? — кричит Логвинов на поручика. Он поднял желтое лицо, глаза у него какие-то бессмысленные — ранен в живот.

— Цепь, вперед!

— Господин поручик! — кричу я Аболишникову. — Можете ползти, а то я снимаю аппарат!

— Передайте... Носилки! — прохрипел он.

— Телефон, не отставать от цепи! — кричал Логвинов.

Я крикнул в трубку о носилках, выключил аппарат и, пригинаясь, побежал догонять цепь. Мы прошли лесок. Наткнулись на три трупа красных. Масса неразорвавшихся снарядов валяется по полю. Прошли их окопчики в колено. В окопчиках масса гильз и обойм. Один красноармеец лежит убитый, ткнувшись в бруствер окопчика.

По телефону слышно, генерал Канцеров передает в штаб полка, чтобы полк был готов к атаке. Бабиев еще с утра пошел в тыл к красным, и они должны скоро удирать. Мы уже подошли почти к Мариинскому. Уже часа 4 дня, а красные не удирают. Слева наши роты выбили красных из окопов и пошли на «ура»! Мы тоже схватились.

— Ура! Ура! — Красные бросили окопчики — и наутек. Я знаю, что делать. Остался один с аппаратом. Батальон с командиром помчались вперед бегом в село.

Недолго думая я выключил линию, нацепил на себя аппарат — и бегом за батальоном. Красные здорово драпанули. Валяются одни винтовки, сумки и ботинки, которые они сбрасывают, чтобы легче бежать. Красные шпарят через огороды, заборы и плетни.

Забегаю в одну хату воды напиться. Страшно захотелось пить.

Мужик выносит кувшин воды.

— Кавалерию треба[191]... кавалерию треба, — возбужденно шепчет он, хватая меня за рукав. — Кавалерию на их, сукиных сынов, хиба пишки[192] догонишь!

Вечером пили чай в одной хате. Перед вечером сматывали линию в поле. Масса валяется убитых. Деревенские бабы бродят по полю и снимают с убитых ботинки, одежду и белье. До чего дошел народ!

Приехал поручик Яновский. У хозяина, у которого мы остановились, разбило снарядом сарай, убило корову, жена где-то убежала. Так что хозяин

— Алексеевцы?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Спасибо, алексеевцы, будете теперь отдыхать!

Мы остаемся в Покровском, нас сменяет 6-я дивизия. Итак, полк отдыхает, а нам опять работа — разматывай, устанавливай. В 2 часа ночи только пришел в хату голодный и сразу уснул.

28 сентября. Ну эту ночь и поработали. До 12 часов ночи наводили линии в батальоны. Село длинное, пока тянули из конца в конец, прошло много времени. Потом приказали тянуть в учебную команду.

Часа два искал одну команду, пока нашел, а потом пришлось в темноте тянуть линию. Наконец притянул. Нашел квартиру начальника учебной команды. Он спал. Разбудили. Спрашиваю:

— Где установить аппарат?

— А нельзя ли завтра? — спрашивает он.

— Приказано, — говорю, — сегодня.

— А я приказываю завтра! — рассердился он.

А мне еще лучше, и я пошел спать.

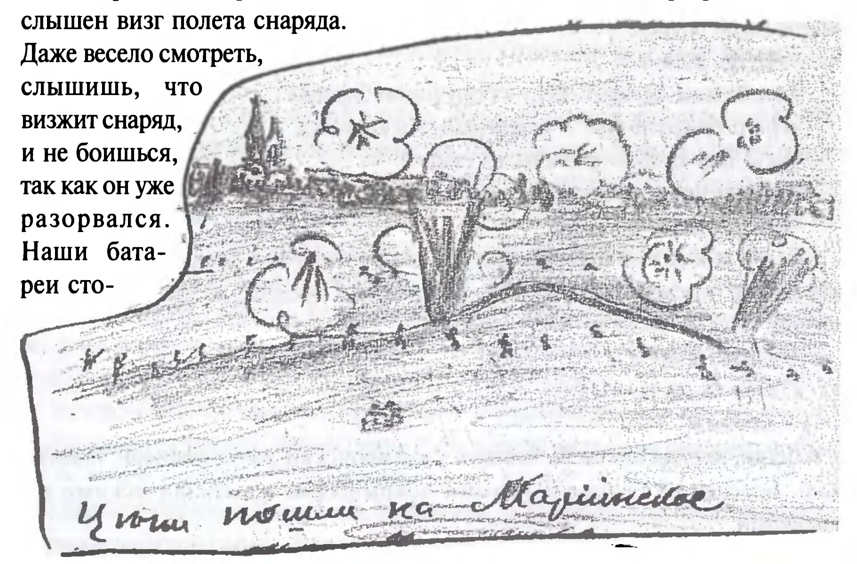
Сегодня с утра полк ушел на позиции (отдых был дан на словах), а мы часов в 11 дня сматывали линии. Пообедали и выехали к полку. Народ хороший. Накормили борщом, жареным картофелем с курятиной, молочной лапшой. Мы хозяина угостили табаком.

29 сентября. Сегодня мы были на позиции с 5 часов утра. Позиция за Покровским в трех верстах к юго-западу. Здесь, на юго-западе, на левом фланге стоят терцы и пластуны, затем правее мы, а правее нас уже на западе 6-я дивизия — Смоленский, Кавказский полки, а на северо-запад пошел Бабиев в направлении Чертомлык—Никополь. Штаб дивизии распо-

ложился за рощей на высоком кургане, туда мы уже протянули паутину. Мы наступаем прямо на село Мариинское, которое верстах в 6 виднеется на горизонте. Пока лежу в штабе полка, но, кажется, придется идти в цепь, потому что там не хватает людей. От нечего делать срисовал горку, которую долго защищали красные, но наши наконец ее взяли. Она вся осыпается шрапнелью. На ней видны окопы. Наши перебегают медленно вперед. Командир полка лежал, лежал возле телефона, но правого фланга отсюда не видно за кустами, и он, не утерпев, помчался туда.

Остался за него помощник комполка полковник Сидорович. Сидорович глуховат, и по телефону ему плохо разговаривать, а тут генерал Канцеров все спрашивает, как у нас на правом фланге? А правого фланга ему не видно, а телефона туда нет, и Сидорович все отвечает: «Пока не выяснено!» Он сердится, что линия проведена только одна, а нет другой на правый фланг. И наконец приказал нам тянуть линию на бугор, недавно взятый нами, откуда видно все поле сражения, и туда решил перенести штаб полка. Бугорок весь в дыму от разрывающейся шрапнели, мне страшно не хотелось туда идти, но делать нечего. Я и Солофненко взяли деревянный барабан и пошли по полю. Пули изредка свистали высоко в воздухе. Мы шли быстро, равномерно такала катушка, ворочаясь на шомполе. По всему полю то там, то здесь рвались снаряды. Интересно: сначала покажется столб дыма и разрыв, а потом слышен визг полета снаряда. Даже весело смотреть, слышишь, что визжит снаряд, и не боишься, так как он уже разорвался. Наши батареи сто-

ходил сам не свой. Мы сами поставили самовар и пили чай с сухарями без сахару. Все-таки очень вкусно. У хозяина наша хозяйственная часть покупает убитую корову, так что он немного успокоился. Ночью получен приказ идти в Покровское. Часов в 12 ночи в поле встретили Канцерова на автомобиле. Он спрашивает:

— Что за часть? А, — говорит, — алексеевцы?! Идите в Покровское, растерял все части и никак не соберу!

Мы молча проходим мимо автомобиля чудака-генерала.

30 сентября. Сегодня двинулись на Чертомлык. Подошли к какому-то железнодорожному мосту, рядом паром. Полк медленно переправляется. Целый день проторчали у парома. Слева какой-то большой кирпичный завод. Смотрю, наша Алексеевская батарея устанавливает орудия куда-то назад и берет прицел. Что такое? Говорят, в тылу замечена какая-то конница. Вечно у нас так. Поручик Лебедев и капитан Свирщевский, не дождавшись парома, решили где-то переправиться левее. Мальчишки говорят, что где-то влево есть брод. Они взяли одну двуколку с лошадью и пошли искать брод. Наконец поздно вечером переправились на пароме. Задымили кухни. Неприятельский бронепоезд издали открыл огонь по кухням. Ночью стояли в какой-то деревушке, а под утро опять пришли в Мариинское. В Мариинском есть громадное имение, кажется, великого князя Михаила Александровича. Стоят одни развалины, а, видно, было хорошее, богатое имение. Электричество, свое динамо. Вечером поручик Лебедев и Свирщевский прибыли в деревушку, где мы ночевали. Они прошли по железнодорожному мосту, а лошадь с двуколкой загнали в воду, она застряла в грязи по шею — и ни взад, ни вперед. Так и бросили ее в воде. Это было часов в 6 вечера. Часов в 11 ночи послали людей спасти лошадь. Она стояла среди реки. Голова одна торчала из воды да двуколка. Вода была холодная. Двое пленных поехали к ней в каюке. Лошадь стояла недвижима. Решили бросить двуколку в воде и спасти лошадь. Обрезали гужи, чересседельник. Лошадь упала мертвая и не поднялась из воды. Так погубили лошадь ни за что. Не зная броду, не суйся в воду.

1 октября. Покров Пресвятой Богородицы. Сегодня мы должны наступать. Мы двинулись на запад из Мариинского. Бабиев должен пойти в глубокий обход. Наши цепи идут вперед медленно. Красных не слышно. Наконец завязывается бой. Канцеров все торопит и торопит нас. «Бабиев, — говорит, — уже пошел!» Потом приказывает не зарываться, не спешить! Что такое? Бабиев почему-то не наступает, вертится на месте. Что за причина?

Приказано нашим не выдаваться. Цепи лежат на месте. Бабиев что-то медлит.

Поручик Яновский прислал нам смену. Пришли пленные. Нам приказано идти в обоз 2-го разряда. Он стоит в плавнях за Покровским. Слава богу, уже несколько дней не спал. «Посплю», — думал я, идя в тыл. Идем через Мариинское. В Мариинском храмовый праздник. Бабы сидят на «призбах», грызут семечки. Мы идем по улице и берем у них семечки. Бабы смеются.

— Отступаете? — смеются они.

— Как отступаем?

— Да куда же вы идете?

— Как куда? Нам смена пошла.

Они недоверчиво качают головами. У меня тоже настроение неважное. У нас что-то здесь затягивается лавочка. Зашел по дороге в лазарет нашего полка. Эвакуируют раненых. Пришел на перевязку подводчик-крестьянин — ранен в руку. Здесь же и о. Солофненко. Переправились на повозке через речушку, идем по плавням. Слава богу, наконец я из этого ада попал в тыл. «Посплю», — думал я, идя по густой чаще леса. Вот и обоз 2-го разряда. Наши повозки, мастерская, две пулеметные линейки. Шапарев разложил свои аппараты и починяет. Публика интересуется у нас: что там на позиции? Миргородский принес из села меду. Начали есть. Кто-то варит в стороне кашу. Подзакусив, я лег под кустом и принялся за дневник. Написал все до настоящего слова. Где дальше буду писать и когда, не знаю. Пригнали пленных красноармейцев, у них русские шинели; их раздели. Шинели сложили в кучу, а в Крыму пообещали выдать английские.

Итак, продолжаю то, что случилось в дальнейшем. Этот день у меня надолго останется в памяти.

Обоз 2-го разряда состоял из 10—15 повозок, большой английской (на 4 котла) кухни, офицерского собрания. Двух линеек с пулеметами «Кольт»[193]. За начальника обоза был полковник Лохов[194].

Приблизительно в 2 часа дня прибегает вестовой полковника Лохова и что-то быстро и нервно докладывает. Смотрю, наши быстро начали запрягать лошадей, бросают в повозку аппараты, катушки, кабель, суетятся. Хватаются. «Дело неладно!» — подумал я. Видно, эти обозные устроят панику. Рамбиевский из нашей команды, увидя всё это, смеясь, сказал мне:

— Смотри! Не дай бог быть с обозом во время паники!

Вдруг вестовой полковника Лохова нагнулся и показывает пальцем куда-то меж кустов. Я глянул тоже. Несколько всадников рысью мчались меж кустами.

«Тах-тах!» — защелкали в лесу винтовочные выстрелы.

Повозки наши рванули как бешеные. На ходу все цепляются на них. Сбрасывают с повозок то, что две минуты тому назад набрасывали.

— Команда связи, ко мне! — слышу голос капитана Свирщевского.

Пробегаю между повозками к нему. Капитан уже держит винтовку на изготовку. Он в форменной фуражке с белым верхом. Я оглянулся. Около меня стоял Рамбиевский и, кроме капитана, больше никого. Капитан тоже осмотрелся по сторонам. Никого уже не было, повозки удрали. Он повернулся и бегом за повозками. Я за ним. Бежим, а сзади хлопают выстрелы, свистят пули. Некоторые повозки останавливаются, впопыхах перепрягают лошадей. Смотрю, наша повозка мчалась, а то вдруг остановилась. Лошади хорошие, их еле удерживают, они кого-то поджидают. Ага! Капитана Свирщевского. Он бежит к ней. Я тоже пустился за капитаном. Капитан уже садится. На повозке Миргородский и еще несколько человек. Ударили по лошадям. Лошади рванули как змеи.

— Господин капитан! Господин капитан! — закричал я.

Повозка умчалась.

Я оглянулся. Я один в лесу. Сзади бегут два или три человека да едет быстро офицерского собрания кухня и наша двуколка на кляче.

Я бросил винтовку, которую взял у пленного в плавнях, и бегом к кухне. Оглядываюсь, конница близко. Дух захватывает. Бежать сил нет. Вот-вот нагонят и шашкой полоснут. Подбегаю к кухне, запряженной четвериком. Кашевары хлещут по лошадям. Хватился за передок.

— Куда? Куда? — кричат кашевары.

Хватился, а вскочить нет сил. Передок высокий, и не на что упереться ногами, а на полном ходу на руках не прыгнешь. Кашевары бьют меня по рукам и стараются, чтобы я не уцепился. «Сдохну, а не отцеплюсь», — решил я и бегу меж передком и кухней, держась за железную скобу передка. Кухня вскочила в какую-то канаву, я споткнулся и повис на руках. Теперь я волочился за передком. Руками держусь за скобу передка, а ноги под кухней. Единственное мое спасение — это остановить кухню или чтобы втащили меня на ходу на передок. Иначе я не могу подняться и попаду под колеса кухни.

Кашевары кричат:

— Что ты цепляешься! Брось держаться! Брось руки!

Ноги мои волочатся через какие-то пни, кусты, канавы, траву. Я волочусь и думаю: «Скоро ли?! Скоро ли?!»

Один удар по голове, и все кончено. Вот-вот догонит и ударит по голове... Волочусь и боюсь оглянуться. Жду... Уже нет сил держаться. Не могу. Руки разжимаются. Я выпустил из рук скобу. Колесо кухни переехало через меня. Левую руку два раза согнутую, левое плечо и левую ногу два раза согнутую.

«Не встану, — подумал я, — не встану...»

Но нет, схватился. В глазах помутилось. Голова закружилась, я упал. Буду лежать: будь что будет! Но нет. Опять поднялся, побежал.

— Стой! Куда бежишь? — слышу сзади крик.

«Пропал, — подумал я, — теперь уже все равно!» — и остановился.

Оглядываюсь. Сзади рысцой нагоняет какой-то всадник. В черном рваном пальто без оружия.

— Куда бежите! — кричит он на кашеваров. — Куда бежите? Вон они смотри где! — Он указал вправо.

Я глянул туда. Вправо в ста шагах наравне с нами скакали красные, сверкая обнаженными шашками, они мчались наперерез.

«Значит, это наш», — подумал я про всадника в черном пальто и понесся вперед. Справа красные кавалеристы окружили одну подводу и роются по мешкам. Слева еле плетется по песку наша кляча с пустой двуколкой. Какой-то пленный красноармеец шагает сбоку и хлещет клячу хворостиной. Я подбегаю к двуколке. Вскочить сзади нет сил. Я ложусь животом на передок, прямо на оглобли. Лошадь совсем останавливается.

— Куда лег? — кричит пленный. — Голубчик, вставай, лошадь совсем пристала, беги, ведь скорее удерешь!

Действительно, сообразил я, ведь лошадь еле плетется. Я соскочил и опять полетел.

Кавалеристы уже близко. Они изредка стреляют. Пули с визгом проносятся над нами. Кавалеристы больше охотятся за повозками, роются в мешках около подвод. Это нас спасает.

— Ой, братцы, не покидайте меня, возьмите меня! — раздался сзади крик. — Не покидайте, ранен!

Это кричал раненый офицер учебной команды. Калинка бежал около меня, потом вдруг споткнулся. Я оглянулся, он лежал неподвижно лицом в

траву. Я бегу дальше. Фуражки у меня нет. Не знаю, где потерял. Догоняю Рамбиевского, он потерял свои черевики[195] и жарит босиком.

Я уже совсем выбился из сил и иду шагом. Будь что будет!

Рамбиевский советует не идти дорогой, а идти кустами левее, так как красные пошли в обход вправо. Действительно, красные погнались за повозками, а мы пошли по кустам влево. Уже тихо. Слышен где-то грохот повозок, но стрельбы нет.

Выбегаем на поляну. Вот и речонка. На другой стороне огороды села Покровского. Там стоит несколько лодок и ходит казак.

Здесь нас уже собралось несколько человек.

Как же перебраться на ту сторону? А красные могут каждую секунду сюда подлететь.

— Что там у вас такое? — кричит нам казак.

— Красные прорвались здесь! — отвечаю я.

— Как красные? — спрашивает он. — Наш генерал приказал узнать, что там за стрельба.

— Так я послан к вашему генералу, — пошел я на хитрость, — у меня есть к нему письмо!

Казак быстро свистнул в деревню. К нему подлетел мальчонка, сел на душегубку и на наш берег. Я, как человек опытный в этом деле (Геническ научил), не дожидаясь лодки, полез в воду. Рамбиевский за мной, и мы поехали. Остальная публика осталась на берегу. Переехали.

— Где письмо? — спрашивает у меня кубанец.

— Нету! — отвечаю я, все равно теперь переехал.

— Идем до генерала!

— Идем!

Оказывается, мы опять в селе Покровском. Здесь был храмовой праздник. Улицы полны принаряженного народа. Генерал Цыганок[196], командир Пластунского полка, почти пьяный стоял на улице с целым штабом, очевидно они кутили. Все были веселы. Вышли на улицу, так как были встревожены стрельбой. Вдруг казак ведет нас. Я без фуражки, Рамбиевский босый.

— Что такое? — спрашивает генерал Цыганок.

— Вот прибегли! — доложил казак.

— Что такое? — улыбаясь, спросил меня генерал.

Я доложил все по порядку. Он встревожился.

— Сотню конную в плавни, на перекресток, где дороги сходятся! — быстро распорядился он.

— Ваше превосходительство, — проговорил, очевидно, его адъютант. — Там в лесу конные ничего не сделают!

— Батальон пластунов немедленно!

Пластуны выступали из Покровского. По улицам целая ярмарка. Обозы сбились в три ряда. Пыль столбом. Спускаются батареи. Парни и девки разряженные стоят на улице, у людей праздник.

Перешел речушку по воде выше колен. Обмотки и брюки мокрые, в ботинках чавкает вода. Пояс, тесак и русский подсумок бросил в лесу, когда бежал. Хотел было бросить и шинель, но вспомнил, что на носу зима, и хорошо сделал, что не бросил. Идем опять по плавням, уже вечереет. Рамбиевского потерял из виду. Обоз идет медленно. Нога у меня разболелась. Попросился к казакам на пулеметную линейку, еду. Проехали место, где кавалерия наскочила на 1-й батальон, вот свежие холмики и дорогие крестики. Вот могила нашего Андрея. На кресте надпись: «Здесь погребен рядовой команды связи Андрей». А фамилию его не знали.

К нам в линейку подсаживается все больше и больше народу.

— Знаешь что? — говорят мне казаки. — Вот сзади привязана лошадь, садись на нее!

Лошадь вели, вероятно крестьянскую. Без уздечки привязана к линейке за шею.

Они остановили линейку. Я сел. Сперва ехали шагом, потом обоз пошел рысью. Лошадь худая, и ехать рысью нет возможности, ни уздечки, ни повода. Прямо привязана за шею. Так проехали верст 6. Я уже сижу на лошади всякими способами. Вдруг на дороге куст. Лошадь моя мчится левее куста, а дрожки идут по дороге правее. Повод зацепился за куст. Лошадь рвануло к кусту, и она упала. Я слетел набок. Веревка перервалась. Лошадь поднялась. Я опять сел, несусь за дрожками. Казаки дали мне красноармейскую фуражку. Решил не спешить. Дрожки далеко умчались вперед. Вдруг дрожки своротили в сторону и остановились, поджидая меня.

— Ты что отстаешь? — кричат на меня казаки. — Хочешь уйти с лошадью?

— Нет!

— Если нет, так не отставай!

Пришлось опять рысью шпарить за дрожками. Уж проехали верст 8. Спереди в темноте послышалась стрельба. Ухнуло орудие, осветив лес.

Это дерется батальон пластунов с красными, которые хотят отрезать единственную нашу дорогу. Обоз наш остановился. Впереди перестрелка.

Я слез с лошади, поблагодарил казаков и начал пробираться между повозками вперед. Стоят орудия, кухни, двуколки, арбы, конница, конница и конница — это бабиевцы. Я пробираюсь дальше и дальше. Вот и стрельба. Темно. Пропело несколько пуль. Я пробираюсь дальше и дальше. Стрельба уже сзади. Обоз уже тронулся. Сел на какую-то гарбу с снарядными ящиками. Снаряды вываливались. Один ящик дорогой выпал. Подводчик какой-то старик, и с ним другой. Теперь только перейти мост через Днепр, и я спасен.

Часов в 11 ночи прибыли к берегу Днепра. Обоз у моста скопился в 70 рядов. Пропускают медленно в очередь:

— Обоз Пластунского полка!

— Третий тяжелый дивизион!

— Обоз штаба шестой дивизии!

Я хожу по песку, что делать? Устал. Ноги мокрые. Спать хочется. Как же перебраться? Решил идти на хитрость. Подхожу к мосту. Горят факелы, фонари. Понтонеры возятся в лодках. Проходит какая-то батарея. Орудие от орудия идет на далекую дистанцию, чтобы не повредить моста. Смотрю, одно орудие въезжает на мост без людей.

— Номера, не отставать! — крикнул я и, схватившись за щит орудия, пошел по мосту.

Номер мой прошел. Иду уже посредине моста. Мост дрожит, и лодки качаются. Чуть-чуть не погрузятся в воду. Понтонеры сидят в лодках с фонариками и вычерпывают воду. Итак, неделю назад мы переезжали в душегубках Днепр, а теперь... Какое было тогда настроение, и теперь. Ездовые выводят лошадей на берег. В Ушкалке уже было полно войск. Почти в каждой хате по батальону. На улицах обозы, орудия, горят костры. Бабиевцы с конями стоят на площади и греются у костров. Кони их жуют солому. Уманцы, шкуринцы, корниловцы, черкасцы...[197] Я подсел к одному костру. Тепло, хорошо... Подбрасываем в костер солому, я снял обмотки, ботинки, портянки и сушу их у огня. Пар идет от тряпья... Приятно у огня... Недаром говорится в песне:

Как хорошо служить в пехоте,
Под барабан маршировать.
Купаться в луже и болоте,
Потом на солнце высыхать!

Казаки о чем-то горячо рассуждают. Прислушиваюсь... О сегодняшнем дне. Оказывается, сегодня утром убили Бабиева. Вот почему бабиевцы замя-

лись и мы драпанули. Но как красные очутились в тылу у нас? Хотя теперь все возможно. Я слушаю разговор казаков и ужасаюсь. Мне он запал в голову, и я его хочу изложить насколько помню.

(Разговор казаков.)

— Терентій, а бачив, як підскочив один та хватив Панасюка шашкою? Так бідолага и залився...

— Хіба Панасюка? Охріменка!

— Де Охріменка?.. Охріменко тоді у звязі був ще як ударив Панасюка, а сотник Негайный зарубав його...

— А наш полковник, хлопці, здорово руба, бачили, як вин двух мотыльнув...

— Я не менчь як трех сегодні зарубав...

— Ну трех, я тим яром, що у плавнях, за один налет чоловік чотырех уклав...

— А бачили, як Тимошенка зарубали?

— А грець його зна, кажись, під ним коня ранило, бо я бачив двое на його налетіло, одного він зняв, а другий його...

— А у іх, кажись, тоже наши!

— Ні, донці, хиба наши так рубають![198]

Этот разговор мне запал в голову. Действительно, публика. Им бы только у Гоголя или у Репина фигурировать, и морды есть запорожские.

2 октября. Сегодня день пасмурный. Проснулся я на площади. Казаков уже не было, и я один спал на груде потухшего пепла. Вокруг стоят обозы. Нашел поручика Яновского.

— Слава богу! — закричал старик. — Капустян, Капустян, — кричал он писарю, — еще одного нашего нашел! Уже два.

Встретили Рамбиевского и еще одного пленного. Подошли Васильев, Солофненко, Головин и еще несколько.

Наш священник, отец Солофненка, остался в плену. Иваницкий, Горпинка и почти все пленные попали в плен. Шапарев с мастерской также попал в плен. Осталась там мастерская, все аппараты и кабель. Нас осталось в команде человек 10 народу, аппаратов 5 и немного кабеля. И то аппараты эти принесены с позиции телефонистами. Один привезен пленным на той двуколке, на которой я ехал в плавнях. Лежим в хате на соломе. Поручик Яновский о нас страшно беспокоится. Достал хлеба, старается, чтобы мы сварили обед. Но охоты нет никакой возиться. Только лежать. Лежим и делимся впечатлениями вчерашнего дня. На нас налетела конница в плавнях

в 12 часов дня, а полк стоял на позиции до 4 часов вечера и ничего не знал, что делается в тылу. Как всегда, отличился полковник Логвинов. Все драпают сломя голову, а он остановил свой батальон:

— Батальон, стой! Кавалерия в тылу!

И так отбивался залпами до темноты, пока не зашли в плавни. И не потеряв ни одного человека, прикрывал отход.

Поручик Яновский с Капустяном ехали на гарбе с аппаратами, заехали на середину речки. Паника. Подводчик вытянул шкворень из оси и на передке удрал, а гарба осталась перевернута на средине реки. Недолго думая поручик пихнул ногой аппараты в воду и сам полез за ними по пояс в воде.

Здесь же показалась наша кавалерия.

Бабиевцы наши приняли их за красных и подняли еще большую панику. Бабиевцы, без вождя, были как бараны; они бешено мчались к плавням и рубили по дороге своих, чтобы не задерживали.

Наши подводы за Днепром попали в плен, хорошо, что я не сел тогда. Опять Судьба. Капитана Свирщевского окружили:

— Сбрасывай, — кричат, — погоны! Бросай наган!

Капитан снял с головы форменную фуражку и, пригинаясь, пробрался по кустам в Покровское. Миргородский тоже спасся. Говорят, видел, что красные рубили сдающихся наших. Кухня, которая меня переехала, осталась. Кашевары порезали постромки и верхом ускакали. Эта конница красных пришла с Польского фронта, так как поляки будто бы помирились с Советами. Здесь конница Буденного, Гая, Черной Хмары, Огненная дивизия[199]. Тысячи тысяч. Большинство донцы. Они будто бы кричали: «Станичники, куда бежите?»

Стучит пулемет. Я вышел во двор. Двор наш над обрывом у Днепра. Днепр внизу как на ладони. Мост уже убран. На том берегу сидят трое наших и машут руками. Один бросился в воду и переплыл, а двое сидят. Может быть, то Иваницкий. Красная кавалерия приближается к ним слева из-за кустов.

С нашего берега застучал пулемет. Кавалерия исчезла в кустах.

— Эх, лодку бы им!

Бедняги!

3 октября. Вчера выступили в направлении на северо-восток. Ночевали в немецкой колонии. Идем опять целым корпусом. Мы сейчас переведены в 6-ю дивизию. Пластуны, терцы и другие части пошли к югу. Говорят, красные прорвали фронт на Каховке. Заняли Новоалексеевку и отрезали нас от

Крыма. Обстановка неважная. Да и у меня настроение грустное, или это в связи с осенней погодой. Надоело все страшно... Не видно конца. Мы мечемся в разные стороны, и нас везде сжимает красная лавина, красная сволочь. Как бы мы не задушились здесь. Иваницкого нет, Башлаев убит, Борька Павлов отправлен в кадетский корпус как малолетний. Сколько было друзей, остался я один, теперь новые появились... и опять я один. Поручики Яновский и Солофненко уехали в Севастополь в командировку за аппаратами. Скучно и грустно. Начинается осень.

4 октября. Пришли в село Рогачики. Село громадное, стали в одной хате. Арбузы жрем вовсю.

5 октября. Сегодня наводили линии. Линий мало, и лишнего кабеля нет. Прислали немного из штакора аппаратов и кабелю. Сегодня прибыли в наш полк махновцы — 20 человек, те, которые были с нами за Днепром. До сего дня они там «партизанили». Они составляют команду наших разведчиков. Старший команды их атаман, а начальником пешей разведки числится наш

офицер. В общем, двоевластие. Что получится и кто будет командовать? Неизвестно. Они не носят погон. На занятия не ходят. Чести офицерам не отдают. Банда бандой. Но наши стараются с ними быть корректными. «Союзники» все-таки. Даже им делаются привилегии. Наши делают переходы пешком, а махновцы едут на тачанках. Наших ставят по 10—12 человек в одну хату, а их по два, по три.

6 октября. Сегодня получил жалованье за август месяц — 2400 рублей. Сходил в парикмахерскую, купил на базаре молока — и жалованья нет.

8 октября. Сегодня выступили. Вечером пришли в Большую Белозерку. Заходим в хату, хозяин богатый. Сидим часа два — ни слуху ни духу. Жрать хочется страшно, а нам хозяйственная часть уже вторую неделю, кроме муки, ничего не выдает. Да и кухонь у нас нет. Все время мы на подножном корму. Я удивляюсь, как еще жители нас кормят. Наконец голод нас замучил. Намекнули хозяйке.

— А я уже для вас утку зарезала! — суетилась она. — Сейчас борщ будет готов!

На дворе уже кипит борщ, а на вечер хозяйка думает делать вареники. Хорошая хозяйка. В ожидании сих последних пишу сии строки. Поздно вечером комендант полка:

— Подводу гоните! — грозно говорит комендант хозяину.

— Помилуйте! — взмолился хозяин. — Пять дней не прошло, как я вернулся с подвод из-под Токмака, две недели был в подводах, только от вшей избавился, а вы опять...

— Это меня не касается... Ваша очередь, значит, ведите...

— У меня есть от старосты бумага, не моя очередь! — Он передал коменданту лист из волости.

— Это подделка печати, — швырнул на стол бумагу комендант, — копейку разогрел да и приложил.

— Да, Господи, Твоя Воля, стану ли я подделывать...

— Запрягай!

— У меня бумага есть, не моя очередь...

— Не хочешь! Тогда я запрягу...

Хозяин побежал к старосте. Вот неприятность. Мне так противно. Люди такие хорошие, и такое отношение. Хозяин пошел к старосте, а ординарцы запрягают его лошадей. Сын хозяина плачет, не дает сбруи. Через час пришел хозяин. Ничего не добился. Чуть не плачет.

— Лошадь, — говорит, — пусть берут, я сам не поеду; ну его к черту, чтобы опять вши заели.

Досадно, ей-богу.

Поели борщу. Хозяйка делает вареники. Часов в 11 ночи бежит фельдфебель: «Собирайся выступать!» Что такое? Хозяин уже запряг лошадь и выехал. Выступаем, а вареники еще не готовы.

— Скорее! Скорее! — кричат в окно. Суета.

— Обождите, — говорит хозяйка, — сейчас докончу лепить вареники...

Но нам не до них. Досадно страшно. Фоменко вместо вареников уплетает сметану. Куда это на ночь выступаем? Не пойму ничего.

Ночь. Темно, и страшно холодно. Обоз идет из села. Бегу сбоку подводы. Страшно холодно. Бегу и никак не согреюсь. Уже осень.

9 октября. Сегодня на рассвете пришли в Малую Белозерку. Село большое, если еще не больше Большой Белозерки. Остановились у бедной хозяйки. Бедные, а угостили чем могли. Картошка жареная, арбузы и чай без сахара. Вообще жители в этих Белозерках очень хорошие. Сегодня выдали сахар, отбитый у красных в Чертомлыке, на каждого по полкотелка. Угостили хозяев сахаром и напились чаю вволю.

10 октября. Часов в 5 утра выступили из Малой Белозерки и пришли в немецкую колонию. Ну и мороз был утром. Я прямо замерз. Все время бежал сбоку гарбы, а когда солнце взошло и стало теплее, сел на гарбу. Что же будет зимой? А день теплый, даже жаркий. Стоим посреди улицы немецкой колонии. Получили хлеб. Часа в 2 дня двинулись на Васильевку, переехали железную дорогу и затем свернули на Большой Токмак. По дороге встретили корниловцев, мы их сменяем. Корниловцы идут на Каховку, у них большие батальоны, кухни: все честь честью, а у нас ни черта.

— Во алексеевцы! — кричат нам корниловцы. — Идут жидов бить!

В Большом Токмаке должны быть донцы, но их нет, и вот нас послали туда. Часа в 4 дня приехали в Токмак. Перед Токмаком вырыты большие

окопы, напутаны новые проволочные заграждения. Большие и малые на кольях — против кавалерии. Часов в 5 выступили из Токмака и поехали обратно. Поздно вечером приехали в колонию Новомунталь[200]. Оказывается, мы теперь в 7-й дивизии: Кавказский, 25-й Смоленский и наш полк. Хозяин-немец рассказывает, как у него стояли дроздовцы-писаря. Побили всю посуду. Восхищается храбростью генерала Манштейна[201].

— Ваши солдаты молодцы! — говорит немец.

Колония вся разбита и разрушена махновцами, молотилки разбиты. Не узнаешь, где что стояло. А, видно, была богатая колония.

11 октября. Сегодня прошли 6 верст в колонию Андребург[202] и остановились — (наш пункт) участок. Здесь вырыты окопы в рост. Сделаны пулеметные гнезда и один ряд проволочных заграждений. Пленные еще оканчивают проволочные заграждения. Мы в селе, а застава пошла в окопы. Окопы в версте впереди колонии. Из окопов видно в сторону противника на горизонте село.

Окопы, говорят, сделаны на зимнюю кампанию. Будем здесь держать позицию всю зиму. Справа в 12 верстах Большой Токмак. Слева верст 8 железная дорога и село Васильевка. Сегодня ночью навели линии в штадив — Новомунталь—Андребург. Кабелю больше нет, а командир полка приказывает навести линии в окоп. Капитан Свирщевский достал колючей проволоки, и пришлось мне с ним наводить. В час ночи кончили. Итак, довоевались... Из колонии в окоп на версту лежит волнистая ржавая колючая проволока — наша связь. Ток через колючки уходит в землю... Спать хотелось. Было страшно холодно.

12 октября. Остаток ночи дежурим в штабе полка. Ночь была неспокойная. Ждали противника. Противника пока нет. Днем послали дежурить в окоп. В окопе застава человек 12, я у телефона. Пулеметчики дуют в карты. Впереди пленные еще кончают проволочные заграждения. Через окопы оставлена проселочная дорога. Туда едут подводы, мы пропускаем их только с записками коменданта. Наши солдаты на свой риск идут в село, виднеющееся впереди, за продуктами.

— А что, если там противник?

— Э! — машут они рукой и идут в английских шинелях, в погонах.

Едет подвода оттуда.

— Откуда?

— Из Полог!

— Ну что там?

— Там два дня идет бой!

— Кого с кем?

— Не знаем! — разводят руками подводчики. — Будто махновцы с большевиками, ничего не поймешь...

Зорко смотрим вперед. Застава уже не сменяется два дня, не сменяюсь и я. Запросил в штаб полка. Оттуда нет определенного ответа. Начальник заставы поручик волнуется:

— Ни жрать не дают, ни смены!

— Ну а что, если сейчас нагрянут красные? — спросил я его.

— Успеют наши подойти, — указал он на колонию, — а в случае чего мы все ж сумеем отойти лощиной в колонию!

У нас на бруствере лежит готовый «Люис» и «Кольт». «Кольтов» мы получили достаточно в Рогачиках. Ночевали в окопе. Всю ночь греемся у костра, вытаскиваем колья из проволочного заграждения и жжем. Наутро, не отдыхая, выступили из Новомунталя в Северстар. Нас сменили самурцы. Они заняли окоп.

13 октября. Сегодня дождь, слякоть. Пошел снег с дождем. Мы сидим у плиты в громадной кухне немца, печем пышки и пьем горький «принс». Поем. Особенно удается:

Пошел купаться Уверлей,
Оставив дома Доротею.
С собою пару пузырей
Берет он, плавать не умея!

Пронесся слух, что в тыл прорвалась конница красных, тысячи две-три, и что она бродит в тылу. Час от часу не легче. Я вышел во двор. Снег падает хлопьями и сейчас же тает в грязи. Грязь страшная. В конце улицы (с обоих концов) делают баррикады из плугов, борон, самокосок[203]. Очевидно, против внезапного налета кавалерии.

Дьяков повел линии в соседнюю колонию в штадив. Всего 4 версты. Часа в три дня поднялась ружейная и пулеметная стрельба. Что такое? От Андребурга на Новомунталь наступает кавалерия. Самурцы отчаянно отбиваются. Но они уже окружены. Наш полк выступал к ним на поддержку. Кавалерия движется между колониями. Лошади, видно, у них устали, и они идут медленно. Школьная батарея[204] из Новомунталя бьет на картечь. Видно, как падают лошади, всадники, а они все идут и идут. Обходят уже нас справа. Мы еле вытягиваем ноги из липкой глубокой грязи. Батарею захватили. Вырвалось только два передка.

Уже стемнело. Идет дождь. Мы, мокрые и грязные, идем по вспаханному полю группами, изредка раздается крик: «Сто-ой!» Тогда останавливаемся и даем несколько залпов, затем поворачиваемся и опять идем. Тяжело, выбиваемся из сил. Все тяжело дышат. Но красные тоже, видно, устали. Едва движутся. Они все время кричат «ура!», когда мы даем залпы — умолкают. Чуть повернули — опять «ура!».

Петька Щербинин из 5-й роты идет рядом со мной. У него в руках целая пачка листков: «Закон Врангеля о земле». Он идет и по листочку разбрасывает в поле. Везде по мокрому чернозему белеют мокрые листочки, а на них большими буквами надпись: «Всяк хозяин земли...»

Впереди нас бредут несколько подвод. Лошади, надрываясь, еле тянут. Колеса облипли грязью. Куда идем, неизвестно. Никакой связи. Шли по пахоте, потом свернули по дороге влево. Потом по пахоте вправо. Красные, очевидно, останутся ночевать в колонии и дальше не пойдут. Часам к 9 ве-

чера была уже ночь. Пришли в какую-то немецкую колонию. Командир полка распорядился выставить заставы, вокруг села расставил пулеметы, приказано спать одетыми.

Зашли к немцу. Комнаты пустые, громадные. Я растянулся на полу и быстро уснул.

14 октября. На рассвете выступили. Ушаков сказал, что дальше он идти не в состоянии, и остался. Подмерзло. Идет крупа. Ветер холодный, северный. Прошли верст 12. Хорошая колония. Костел. Добываем хлеба. Дают хлеб белый на молоке. Обогревшись, бредем дальше.

15 октября. Сегодня подошли к селу Богдановка. Утром шли без всякой связи. Неизвестно, где наши, где неприятель. Идем по равнине часов в 10 утра. Вблизи раздались орудийные выстрелы. Где-то влево. Видны облачка шрапнельных разрывов. Значит, где-то близка позиция. День пасмурный, холодный. То выглянет солнце, то спрячется. Подходим к обрыву. Под обрывом село Богдановка. Село под горой в широкой долине. Через него идет железная дорога. Вдали видна станция. Говорят, это Терпенье или Плодородье. На железной дороге стоят два бронепоезда, оба дымят. Около бронепоездов кружатся всадники. Наши или нет?

Обоз наш уже спускается с горы в село.

— Назад!

Обоз поворачивает. Еле вытягивают орудия в гору обратно. Вот если бронепоезд сейчас откроет по нас огонь? Послали разведку в село.

Бронепоезда оба наши, а всадники — донцы.

Расходимся по хатам. Хозяйка нам варит картофель в мундирах. Народ тут бедный. В хате тифозный больной. Сильный ветер. Тучи набежали, собирается дождь.

Откуда-то стреляют. Снаряды с воем несутся через село. Бьет бронепоезд. Стекла в хате звенят, чуть не вылетят. В долине поднимается ружейная и пулеметная стрельба.

Выступаем.

— Быстрее проходи обоз по улице, — кричат, — нижняя половина села занята красными!

Выходим на выгон. Впереди высокий курган. Откуда-то, на наше несчастье, взялись кавказцы, смоленцы. Смоленцы все на тачанках, на задних стоят пулеметы. Они рысью обгоняют нас. Наши обозы тоже несутся рысью. Мы останавливаемся в поле. Капитан Свирщевский сел на подводу.

— Едемте! — кричит он нам.

— Едем! — сказал я поручику Лебедеву.

— Неудобно! — замялся тот, и мы остались.

Вправо на горизонте показывается лава красной конницы. Ее туча, она движется нам в обход. Смоленцы ударили по лошадям и рысью умчались. Мы остались одни. Кавалерии масса. Жутко. Полковник Логвинов едет на лошади верхом, он за командира полка.

Мы идем по над лощиной.

Логвинов остановился.

— Батальон, ко мне!

— Первый батальон, не болтаться!

1-й батальон, кроме офицерской роты, целиком из пленных. Они были у Колчака, попали к красным, от красных к нам. Везде их брала в плен кавалерия. Так что они страшно боятся последней и при ее появлении совсем теряются. Многие из них уже бегут.

— Стой! — кричит Логвинов. — Расстреляю!

Около полковника Логвинова собралась Офицерская рота и солдаты-добровольцы — эти не подкачают. Мы дали несколько залпов. Но они только на минуту задержали красных. Кавалерия уже в двухстах шагах, отчетливо слышно «ура!» каждого человека. Пленные, как один, воткнули штыки в землю и подняли вверх руки. Дело дрянь. Нас всего человек 40. Быстро идем по лощине. Полковник Логвинов сзади на лошади. Красные уже окружили сдавшихся в плен. Справа нас обходят в полуверсте.

— Батальон! — ежеминутно кричит Логвинов. — Пли!

Батальон, 40 человек, дает залп. Другой, третий, кавалерия рассеялась немного. Поле как будто очистилось. Едва двинемся, опять туча собралась и «ура». Мы идем почти бегом. Лава уже близко. Несколько всадников уже долетают до нас. Слышны их крики, ругательства.

«Не помилуют!» — думает каждый. Смерть!

— Батальон, пли!

Раз, раз, раз. Отхлынули. Справа нас обгоняют их тачанки с пулеметами. Пули завизжали над нами.

Даем залп. Быстро, быстро бежим. Нагоняют. Уже поднялась у нас паника. Кавалеристы уже догнали нас. Офицеры оборачиваются и на ходу стреляют.

Полковник Логвинов отстал шагов на 40. Он был верхом и, очевидно, не хотел идти впереди.

— Пропал, — шептал я и бежал, думал было порвать дневник, но все равно живым не оставят. Полковника Логвинова окружили несколько всадников.

— Лови, лови бородатого! — кричали они.

— Нет, врешь, не поймаешь! — крикнул Логвинов и выхватил наган.

Два всадника повалились с лошади, третий удрал.

— Батальон! — кричит Логвинов. — Не волнуйся, стой!

Дали подряд несколько залпов. Красные уже не так гонятся за нами. Очевидно, они решили, что нас не возьмешь. Выходим из лощины, переходим через насыпь железной дороги. Ура! К нам приближается наш бронепоезд. Бронепоезд прошел мимо нас и открыл из орудий и пулеметов по кавалерии огонь.

Мы спасены. Устали страшно. Я совсем выбился из сил. Догнали смоленцев. Они едут на тачанках. Подсел на одну. Сидят три солдата, и стоит пулемет.

— Алексеевец? — спрашивают они меня.

— Да!

— Ну и досталось вам сегодня на орехи...

Ну и порядки у них, на тачанках пулеметы и они бросили нас. Теперь каждый думает о себе. Очевидно, дело идет к развязке.

Уже вечереет, входим в Федоровку. Здесь паника. На улице масса обозов. На станции гудят паровозы. Много груженых составов. Около станции гора лесу. Козла для мостов — готовились когда-то. Холодно страшно. Нашел наши повозки. Ночью выступили.

16 октября. Шли всю ночь. Холодно страшно было. Сегодня утром обошли справа Мелитополь. Так и не увидел города. Тянутся обозы. Орудия, обозы и обозы. Одни обгоняют других. Несутся, обгоняя обозы, легковые автомобили. Один стоит — лопнула шина. Какой-то беженец-интеллигент везет целую арбу мебели, сам подгоняет лошаденку. Жена и детишки на подводе. Входим в какое-то местечко. Небольшая река замерзла — переходим мост. В местечке большая паровая мельница, есть магазин. Остановились на площади. Забегаем в хату греться. Греемся человек 30. Жрать хочется страшно, но ничего нигде нет. Уже вечереет. Вечером подошел наш обоз 2-го разряда. От всего полка этот обоз только и остался. Двинулись ночью. Шли всю ночь. Часа в два ночи остановились в каком-то селе. Развели костры. Забегаю в хату. В хате полно. Миргородский лазит в сенях. Что бы пожрать? Он

зовет меня. Что такое? На окне нашел целый горшок сыру. Удивляемся, как он до сих пор цел. Едим ложками. Опять двинулись.

17 октября. Шли весь день. Обозы идут и идут без конца. Миргородский забежал в одну хату хлеба попросить и смеется. В чем дело? Пока хозяйка отрывала ему кусок хлеба, он стащил скроенные, но не сшитые еще брюки. Я его начал ругать. Вечером пришли в большое село. Остановились. Обозом командует полковник Гагарин. Ночевали на маслобойном заводе. Я с Миргородским зашли в одну комнату. На столе куски хлеба. Откуда? Мы сначала осторожно, а потом разошлись и слопали весь хлеб. Откуда такое счастье?

18 октября. Стоим на месте, почему не двигаемся, неизвестно. Обозы все идут и идут. К полудню узнаем, что красные отрезали нам дорогу в Крым, заняли Новоалексеевку и, кажется, Геническ. Обозы же идут, мы стоим. Вечером двинулись. Говорят, красных отогнала наша конница. Часов в 11 ночи приказано не курить и не шуметь. В 7 верстах вправо могут быть красные. Прошли благополучно. Мороз страшный. Идти я уже не могу. Почти неделю идем без отдыху и пищи. Лезу на двуколку. Неудобно. Сел скорчившись. Укутался в английскую шинель. Шинель короткая, колени не прикрывает. Заснул. Проснулся. Ночь, луна сияет. Поле все белеет от лунного света. Коленям страшно холодно, будто отморозил. Колет страшно. Пронизывает иголками. Бегу и чуть не плачу от боли.

Обозы идут, идут и идут. Кругом пустынно. Степь. Луна далеко освещает ее. Вот и село, входим. Изгуи. Знакомое село. Ведь мы на Пасху отсюда пробивались, окруженные, к Геническу. Знал ли я тогда, что буду здесь и осенью. Отсюда до Геническа 10 верст. А там Арбатская стрелка и Крым. Скорее бы. В хату набилось полно. Греются. Хозяйка ругается, кричит, что у нее украли кувшин молока. Врет. Никто и не крал. Хозяин говорит, что сегодня утром в Геническе была красная конница, но их выбила группа генерала Морозова[205]. Говорят, много порублено красных. Мост на стрелку будто бы сожжен. Вот этого еще недоставало. Эх!

Хотя бы скорее в Крым. Дьяков говорит, что он слыхал в штабе полка, что Перекоп укреплен как Верден[206]: бетонные окопы, блиндажи, проволока чуть ли не 7 рядов, землянки с электрическим освещением, водопровод, бани, дальнобойные орудия с электричеством. Поскорее бы туда. Хорошо бы пообедать, сходить в баню и уснуть, уснуть, уснуть на целую неделю.

Князь Гагарин боится, что в Геническе большевики, и боится вести нас туда, но его уговорили. Выступили. 10 верст не беда. Главное, скоро Крым.

Там за Перекопом станем, отдохнем. Перед Геническом вырыты окопы, горит мост, стоит часовой. Разместились по хатам.

18 октября. Геническ. Опять Геническ. Здесь когда-то у нас была агония. А сейчас даже удивительно. Ходишь свободно по городу. Я тут когда-то ожидал смерти и не думал, что осенью придется быть опять тут. А тогда ведь была погодка хорошая, тепло. Да и сегодня мороз несильный. Вчера еще в городе получилась неразбериха. Наши перепутались с красными. Не разберут друг друга. Красные подожгли мост, но ничего не получилось. Сегодня мы ходили ячмень брать. В одном дворе насыпана гора ячменя вагонов в 500. Этот ячмень оттуда-то берут все, кто хочет. Ходят и ездят по ячменю. Мы насыпали все повозки и двуколки с верхом. Хватит лошадям. Пролетают дикие гуси. Наши охотятся. Охотятся за нырками. Поздно вечером вышли. Через мост идут обозы. Вода на Сиваше замерзла, так что пехота идет по льду. К вечеру получен приказ идти на Сальково. Верст 7 прошли. За Геническом на проволочных заграждениях висят трупы порубленных красных. На дороге нас обогнал ординарец. Приказ вернуться в Геническ и идти на Арабатскую стрелку. Вернулись уже поздно. Ночевали в Геническе. Хозяйка хорошая, угостила перепечками.

19 октября. Сегодня в полдень перешли мост на стрелку. Иду по стрелке и оглядываюсь. Когда-то я шел здесь под пулями, горячо благодаря, а рядом шли голые алексеевцы, тогда было немного страшно, но была тогда весна, а сейчас... осень и мороз. Я еще раз оглянулся на Геническ. Он меня приковал, расположенный амфитеатром по горе. Прощай! Прощай! Несчастливый город.

20 октября. Стоим на стрелке в селе Счастливцево. Здесь когда-то мы сушились в ожидании погрузки. Масса обозов идут мимо. Говорят, будто здесь останется 8-й донской полк; когда все уйдут, то потом Арабатскую стрелку бросят совсем.

Пишу дневник в ожидании похода. По стрелке идти верст 60, и на пути ни одной хаты. Но все ничего, зато впереди Крым, а там и хаты. Скорее бы туда. Вот отдохнем, а главное — спать в теплой хате. Поздно вечером вышли, шли ночь и целый день. Пишу эти строки в селе Арбат, когда вспомнишь Арбатский поход — сердце замирает.

21, 22 и 23 октября. Ночевка в поле. Сильный норд-ост и мороз. Костров разжечь не из чего. Кое-где попадаются рыбачьи хижины. Возле каждой хижины тысячи повозок. Растащили заборы на костры. Уже не думаешь попасть в хату, лишь бы погреться у костра. Хорошо, что я шапку стянул в Гени

ческе в обозе. Вчера ночью, усталый, лег прямо чуть ли не на костер; ноги как во льду, а голове тепло. Проснулся от боли в голове. Шапка загорелась. Одну ночь, правда, полночи удалось переспать в конюшне. Лошадей много — тепло. Сегодня пришли в село Арбат. Старая крепость. Жители татары. Слава богу, вышли на материк. Теперь уже не шумит море с обеих сторон.

Достали в обозе муки. На Арбатской стрелке питались мукой. Пекли лепешки. На цинковом листе из-под патронов замесишь на морской воде и печешь на костре. С аппетитом уплетаешь вкусные, с сторон черные, пригорелые, а внутри сырые пышки.

Сегодня нам хозяйка напекла «пышек» в соде. Пьем с ними чай. Ну и выспался в теплой хате на соломе; как в раю. К нам в хату все время лезут проходящие войска, мы их гоним.

25 октября. Сегодня выступили. Вчера прошла через село тяжелая Марковская батарея. Упряжки по 12 лошадей в орудии. Она проходила из Геническа последняя. На мосту шла под обстрелом. Одно орудие застряло на мосту, мост обрушился. Но восстановил положение какой-то офицер инженерной роты. Он в несколько минут восстановил мост, за что получил орден Николая[207]. Ночевали в небольшом селе. Здесь весной в 1919 году были позиции — Ак-Монай[208]. Хозяйка долго рассказывала об этой войне[209].

26 октября. Ночевали в немецкой колонии. Здесь стоит обоз Виленского конного дивизиона. Хозяйка нас в квартиру не пустила. Ночуйте в кухне. Немного обидно.

— Эх! — вздыхал один старик-солдат. — Ежели бы не мы, дык и ты бы не жила в комнатах!

Делать нечего, ночуем в кухне. Целую ночь топили плиту и пекли пышки, уничтожая сейчас же еще горячие. Утром из-за закрытых дверей несутся звуки фортепиано, и женский голос поет молитву. Мы прямо заслушались, как немцы молятся Богу. Ночью дневалил у повозок.

27 октября. Сегодня пришли в немецкую колонию. Холодно. Стоит в колонии автоэскадрон. Форды с пулеметами быстрые и легкие. Поручик Лебедев говорит, что отсюда верст 30 село, куда мы идем, там будем, вероятно, формироваться, так как в том селе — база нашего полка и, вероятно, там будем и зимовать. Хотя бы скорее. Покупаться бы, получить бы белье. Чувствую — развязка тревожит. Вечером пришли к немцу-хозяину. Здесь размещена какая-то кавалерия. Залезли в теплую кухню. В потемках щупаем: нет ли чего съестного. Голод страшный. Я нащупал на плите теплый казан. Полез рукой — что-то теплое, густое. Зачерпнул кружкой, попробовал. Галушки с гусем. Но гуся не было, а галушек полказана. Хорошие галушки, один жир. Я позвал Хрисанфова. Он ест ложкой, а я кружкой. Вот уж наелись. Ночью кавалеристы ругались. Зато выспались прелестно.

28 октября. Сегодня блудили[210]. Лишних сделали верст 30. Пришли на станцию Колай. Отсюда свернули вправо. Подошли к татарской деревушке, говорят, здесь часть нашего полка. Влево в 10 верстах Джанкой. Наконец сегодня соединились с полком. Встретил Солофненка. Он только вернулся из Севастополя с командировки. Яновский остался в Севастополе. Вечером в первый раз за месяц ел горячий суп с мясом, и то не с мясом, а, как говорят, с консервами, хотя я ни одной «консервины» не поймал. Красные, говорят, прорвались на Чонгаре.

29 октября. Сегодня ночью разбудили. Быстро собирайся. Идем. Прошли по полю верст 10. Приходим в Джанкой. Холодно. В Джанкое на улицах полно войск. Горят костры. Стали на площади. Куда идем, что такое? Неизвестно. Едва рассвело, как все летят на станцию. Бегу. Там грабеж. Что такое, неужели Джанкой сдадут? Раз Джанкой оставляют, значит, пропал Крым. Пропало все. Неужели конец? Где же второй «Верден» Перекоп? Солофненко говорит, что он слыхал, Перекоп временно оставляют, чтобы за-

мануть красных, а потом их отрезать. Будто бы конница Морозова уже пошла им в тыл. Дай бог. Но что-то не верится.

Все бегут на станцию. Там полный грабеж. Тащат из вагонов обмундирование. К вагонам невозможно протиснуться. Из одного выбрасывают пачками ботинки, из другого мыло, из третьего консервы.

Значит, Крым сдан. Раз Джанкой оставляют — все кончено. Поймал кусок английского туалетного мыла с ½ фунта (восковое). Выбросили ящик консервов. Банки в ящике лежат плотно. Все копошатся и никак не могут вытащить. Пыхтят, сопят... Одну вытащили, и другие посыпались. Пошла потеха. Ботинки хватают. Один схватил три ботинка и все на правую ногу. Другой — один левый. Какие-то донцы, сговорившись, налетают.

— Что за грабеж? Расстреляем!

Нагайки замелькали в воздухе.

Публика разбежалась. Донцы давай грабить себе. У штаба армии стоит мотоциклетка. (Приехал с позиции мотоциклист с донесением, бросил свою шинель на мотор.) Публика до того разошлась, что утащили и его шинель. Наши, сговорившись, схватили винтовки и разогнали донцов. Мы подогнали подводы. Взяли 6 ящиков консерв, ящик ботинок. Я взял пару ботинок и повесил на пояс на всякий случай.

Уже часов 7 утра. Обозы идут и идут через Джанкой. Нам приказано построиться. Построились. Пошли в какой-то магазин. Переменили винтовки. Выбрали со штыками и шомполами.

Пошли на улицу. Подъезжает на лошади полковник Новиков, командир Смоленского полка[211]. Боевой полковник. Высокий, стройный, в офицерской шинели, шашка с анненским темляком[212]. Он принял нашу группу, человек 30. Мы выступили из Джанкоя часов в 9 утра. Идем по улице. Грабеж идет полный. Какие-то бабы несут муку. Громадные чувалы[213] на спине.

Мы, чтобы пошутить, останавливаем. Они спускают муку на землю, а потом не могут взять их на спину.

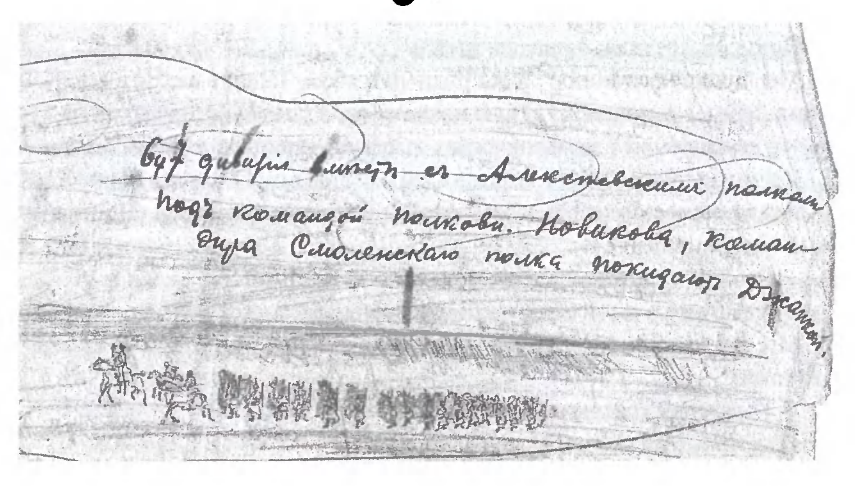
Одна баба несет какие-то коробки.

— Что такое? — спрашиваем. — Открой!

Папиросы.

Берем каждый по папиросе.

Смех. Идем дальше. Полковник Новиков впереди на лошади. Рядом с ним едет полковник Сидорович и три ординарца, мы идем сзади. 6-я дивизия, 7-я, наш полк: всего человек 55. Выходим из Джанкоя. Обозы летят в три ряда. Пыль столбом. Уходят бронепоезда. Слышна пулеметная стрельба где-то правее нас.

Прошли уже верст 5. Маленький полустанок. Кое-кто лезет в вагоны стоящего состава. Идем дальше.

Миргородский говорит, что полковник Сидорович разрешил: кто желает, может ехать поездом. Я лезу в стоящую платформу. Это состав какого-то железнодорожного батальона. Они режут провода. Порезали все. Столбы сразу пошатнулись. Железнодорожники все разбежались. Стали на тормоза солдаты. Начальник состава кричит:

— Сигнал три гудка: тормозить! Два — растормаживай!

Перегрузили с другого состава помпы, домкраты.

Едут какие-то кавалеристы. В плащах, как древние рыцари. Двое офицеров подъехали к нашей платформе.

— Наши кони утомились, — говорят они, — сядем в вагон! — Видно, спешат удрать.

Они бросают лошадей, снимают седла.

Какой-то казак подбежал к ним:

— Дайте мне коней, только уздечек не снимайте!

Ему дали.

— На поезде скорее будем в Севастополе, — говорили между собой офицеры-кавалеристы, — а там и на пароходы! — Все думают о пароходе. А ведь нас сотни тысяч. Неужели удастся и мне сесть? Нет, не верится. Страшно и подумать. Двинулись.

Станция Курман-Кельменчи[214].

Поезд, не доезжая, останавливается.

Мы пошли на станцию. Здесь полный грабеж. Тащат с вагонов все. Поручик Лебедев вытащил из вагона накидку-аэроплан. Миргородский на какой-то двуколке снял два фонических телефонных аппарата. Зачем они ему?

Идем над путями. Пути загромождены составами. Стоят два бронепоезда. Лежит перерезанный поездом человек. Выходим на перрон. Миргородский смотрит вправо.

— Что это, — показывает он вправо, — на горизонте?

— Как будто... не то обоз, не то кавалерия...

Мы уже на станции. Бежит навстречу какой-то человек, что-то кричит. Что такое?

— Кавалерия красных на станции!

«Тах, трах, тах!» — затрещали выстрелы.

Что делать? Куда бежать? Нас 5 человек, и без оружия. Поручик Лебедев швырнул свой аэроплан, Миргородский аппараты — и в поле.

— Бежим к бронепоезду! — кричит поручик Кальтенберг.

Но зачем бежать, ведь внутрь не пустят. От какого-то состава отцепился паровоз и унесся вперед. Обозы кинулись влево в поле. Я уже думал забежать куда-нибудь в огород, но потом тоже кинулся в поле. Бежим по ровному полю. «Догонят! — думал я. — Зарубят. Пропали».

Миргородский догоняет какую-то повозку, хватается за задок, хочет вскочить на нее. Я никак не догоню повозки и хватаю Миргородского за плечо. Он кричит:

— Брось меня, хватайся за повозку!

Наконец прицепились. Перевесился через задок и вкатился в повозку. Лежу. Мчимся что есть духа. Вправо и влево бешено обгоняют нас повозки. Несемся по пахоте. С повозок сбрасывают мешки с мукой, с зерном. Дорога от муки как снегом посыпана.

Летит гарба, полна теплого белья. Белье летит на все стороны. Валяются патронные ящики, винтовки, пироксилин, снаряды.

Я лежу на бричке и смотрю в землю. В одном месте валялась пачка связанных денег (по 50 карбованцев). Снаряды красных с воем рвутся рядом. На станции стрельба. Мы уже отъехали верст 7. Станция скрылась. Идем дорогой, быстро, быстро. Село. Едем дальше. Встретили коменданта полка и вестового. Они переодеваются в какие-то зипуны, вероятно, думают оставаться.

От села обозы расходятся. Одни идут налево, другие направо. Налево в Феодосию, направо в Симферополь. Решили идти на Феодосию — ближе, но

потом раздумали, решили на Севастополь, там, вероятно, будет больше пароходов.

Едем на Симферополь. Теперь мы делаем круг, так как красные перерезали нам дорогу. До Симферополя, говорят, 50 верст. Едем до вечера. Кони пристали. Пересел на другую повозку — Сводно-гвардейского полка. Поздно вечером остановились в какой-то колонии у немца. Я сел на мягкое кресло в зале и уснул. В доме полно народу.

Проснулся, как бы не проспать, когда будут уезжать. У всех на устах: Севастополь. Пароходы. Ой, не удастся всем уехать! Знаю я новороссийскую эвакуацию.

Ночью двинулись.

Едем всю ночь. Я спал на повозке. Утро. Страшный туман.

31 октября. Едва солнце взошло, прибыли в Симферополь. Обозов идет тьма. Все стремятся в Севастополь. Все без оружия. Налегке. Возле Симферополя по полю бродят мальчишки и собирают брошенные винтовки: их много (винтовок). Если бы эти мальчишки сейчас захотели, они бы смогли превратить все обозы в стадо баранов.

Едем по улицам города. Обозы столпились, нельзя проехать. Я слезаю с повозки и пробираюсь пешком. Публика болтается в городе, но военных почти не видно, но они чувствуются в штатских костюмах и смотрят подозрительно.

Это те, которые решились!

Публика стремится на станцию — там грабиловка. Выхожу из города. По шоссе на Севастополь обоз идет густой колонной в 5 рядов. Одни повозки обгоняют других. Я сажусь на одну повозку. Стала. Нельзя проехать. Я на другую и т.д.

Наконец удалось сесть на одну, поехали. До Севастополя, кажется, 90 верст.

Когда же приедем? Дорога очень красива. Шоссе между гор, покрытых зеленым лесом.

Виды как на картине.

Гора, под горой в долине красивый двухэтажный дом. Железная дорога. Идет бронепоезд. Спешим по дороге. Лежат винтовки, снаряды, винтовки — повозки, двуколки. Дохлые лошади.

Бахчисарай.

К вечеру прибыли в Бахчисарай. Кормят лошадей. Много яблок продается по дороге. У меня ни копейки. Жрать очень хочу. Не ел со вчерашнего утра. Иду в одну хату. Говорю хозяйке:

— Дайте хлеба, а я дам вам взамен мыло.

Она пошепталась с дочкой, отрезала фунта 4 серого хлеба. Я дал мыло и распростился. Немного съел хлеба, а остальной оставил на дорогу. А вдруг-таки сяду на пароход? Надежда еще есть. А на пароходе, знаю, как насчет еды: Новороссийск научил.

Выехали вечером. По дороге валяются уже и передки, орудия, винтовки. Какой-то юнкер-артиллерист идет рядом с своей батареей и подбирает брошенные винтовки и тут же разбивает их. Легко бьются винтовки. Винтовок так много, что он не успевает идти рядом с батареей и отстает от нее. Так он шел верст 5. До Севастополя еще верст 25.

Поздно ночью подъехали к Севастополю. Спускаемся с крутой горы по шоссе. Темно, ничего не видно. Повозки стали. Куда идти? Где пристань? Надо приставать к другим.

Вот Корниловская инжерота[215]. Собирается на пристань. Они тащат кухни, все. Я бреду за ними. Идем на Килен-бухту. Проходим какую-то туннель. Встретил Поторжинского. Он в конвое генерала Скоблина[216]. Бросил свою лошадь. Конвойцы прощаются с лошадьми.

Вот и пароходы. Два громадных транспорта «Саратов» и «Херсон». На первый грузятся корниловцы, на второй дроздовцы. Я решил лезть на ближайший «Саратов». «Надо взять винтовку!» — вспомнил я Новороссийск. Под одной повозкой я взял австрийский карабин. Иду. У трапа стоит сорок очередей в ожидании погрузки. Я пристроился к одной. Радиотелеграфисты.

— А вы кто? Вы не наш!

Пришлось пристраиваться к другим очередям. Штаб обороны.

— А это уже тридцать седьмой! — указывают на меня. — Как же вы говорили, что у вас тридцать шесть! — спорят офицеры.

— Это не наш!

Пришлось идти в другую очередь.

Неужели не сяду? Вот несчастная наша часть. Грузятся тыловые части, а наши... Пропадай.

Грузится штаб армии.

— Офицеры, шесть человек, вперед!

— Шесть человек офицеров! — кричу я и лезу сам вперед.

— Раз, два, три, четыре! — отсчитывают на трапе. Я пятый.

— Назад, назад! — кричат за мной. — Осади!

Мой номер прошел.

Я сел. Слава богу. Я сел. Новороссийск меня научил. Скорее, скорее подальше в трюм, а то еще высадят. Замер в трюме и горячо поблагодарил Бога. Не верю своему счастью. Неужели мне удалось сесть? Я счастлив. А на берегу ведь толпятся десятки тысяч народу.

Теперь только уехать.

С нами едет генерал Кутепов. Странное совпадение. Из Новороссийска ехал с ним на «Пылком» и из Севастополя на «Саратове».

Наш транспорт «Саратов» громадный. Народу все лезет и лезет. Но он почти пустой. Я зашел в кают-компанию. Здесь блестящие гвардейские офицеры, богачи, дамы. Цвет русской аристократии. Они не забыли в панике эвакуации надеть шпоры, аксельбанты. Захватить саквояжи, картонки.

— А вы чего? — накинулся на меня один офицер. — Марш!

Нашего брата сюда не пускают. Ухожу. Обидно страшно. Ну да ничего. Главное, лишь бы уехать, а там я с вами расстанусь и не желаю больше никогда встречаться.

1 ноября. Сегодня отходим. Говорят, приказано отойти после обеда. Публика еще грузится. Трап уже приняли. Лезут по канатам, прыгают в воду, подъезжают на лодках. В воде плавают лошади. Бедные животные. Одна уже выбилась из сил. А берега пристани каменные, высокие. По бухте скользят сотни лодок и все подъезжают и подъезжают. Теснота и давка на пароходе страшная. Народу как мух. Нельзя пролезть.

На мачтах всех русских судов подняты французские флаги — значит, принимай. Смотрю на город. Город с бухты красив. Как жаль, что я ночью прибыл и ничего не видел. Вообще, сколько я за этот год проехал и прошел городов и ни одного не видел хорошо.

Вижу памятники, церковь Св. Николая на Братском кладбище. Я узнал ее по картинке. Церковь в виде пирамиды.

В полдень в бухте раздалось громовое «ура». Я вылез на палубу. Со всех перегруженных пароходов машут фуражками, платками и кричат ура. Бухту красиво перерезывает военный катер — на нем генерал Врангель. Он только покинул Севастополь, когда погрузились почти все. Это не то что Деникин. Недаром говорил весной: если что случится, я выведу вас с честью.

Генерал Врангель в дроздовской форме. Я его видел в первый раз.

— Господа! — кричал генерал Врангель, когда «ура» умолкло. — Едем неизвестно куда, пока еще ни одна держава нас не принимает. Что будет с нами, не знаю. Запасов продовольствия у нас нет. Может быть, нам суждено погибнуть в море. Если кто чувствует, что ему не угрожает опасность остаться в Крыму, и не хочет идти на риск, может остаться!

Подали баржу для желающих остаться.

Много пленных красноармейцев, которых корниловцы взяли на пароход почти насильно, полезли на баржу. Но матросы отказались вести баржу на берег, так как по слухам в городе были уже красные. Генерал Врангель мотается на катере.

— Есть ли у вас места? — кричит он. — Еще остались на берегу наши, человек 200, я бы их перевез к вам.

Он еще раз проехал. Опять «ура!». Когда все уже уселись, он выехал на средину пролива. Сделал земной поклон дорогой родной земле и, поблагодарив всех нас, пожелал счастливого пути и сказал, что едет сейчас в Феодосию руководить там погрузкой. Все говорят: «Если Врангель уходит, и мы с ним». Останься сейчас Врангель на родной земле, большая часть осталась бы с ним. Он популярен, и мы верим ему глубоко.

Мы выходим на внешний рейд. Плывут мимо крепостные валы, башни, бойницы, торчат орудия. Согласно приказа генерала Врангеля все брошено в исправности, ничто не увозилось и не портилось. Вот мол. Стоят два американских миноносца. С берега стучит пулемет.

Последний привет с Родины. Прощай, не услышу я больше твоего кровожадного рокота. Стучит машина нашего громадного океанского парохода, реют на мачтах французские флаги, но трепещет на корме наш русский. Уже мол остается позади! Прощай, Россия! Прощай!

Очень рад, что покинул тебя. Тебя, где властвует кровь, кровь и кровь! Где «Homo homini lupus»[217]... Где из-за одного слова несогласия убивает брат

брата, а сын отца. Уеду в другую страну. Может быть, даже утону в море, и может, даже сейчас. Но раскаяния у меня нет за то, что сел на пароход. Прощай! Прощай! Увижу ли тебя, Родина, когда-нибудь? Твои сочные плодородные нивы, города и села?

Иду в трюм.

Через полчаса вылез наверх. Нежное тепло греет палубу. Вокруг нас мирно плещут синие волны. Вдали едва-едва виднеется полоска земли — это Крым. Последнее прости!

Через час скрылась и эта полоска — последняя пядь русской земли. Вокруг тихое спокойное синее море. Крикливые чайки с пронзительным криком шмыгают над пароходом и садятся на воду, прыгают по волнам и опять подымаются. Счастливые — они могут остаться на Родине. А мы, верные ее сыны, — мы нет.

Прощай же, Родина, ты выгнала нас, мы в открытом море.

Транспорт «Саратов»
3.XI.1920. Босфор.

[Послесловие][218]

Я упоминал, что в Джанкое на площади полковник Новиков собирал группу. «Господа, — говорил он, — если мы будем идти стадом, то нас перебьют, как овец. Будем идти боевой группой и всегда сможем пробиться к морю». Люди ему поверили. «Это полковник Новиков, — шептали в рядах, — брат его геройски погиб от большевиков»[219]. Я сначала примкнул к этой группе. Но потом, увидев отходящий состав, сел на поезд.

Группа полковника Новикова пришла в Севастополь, когда суда уже отошли на рейд. Генерал Врангель, увидев на берегу подошедший отряд, подъехал на катере. Полковник Новиков отрапортовал, что его группа в 200 человек просит принять их на корабли.

Генерал Врангель на катере объехал суда, спрашивая: могут ли они принять еще 200 человек. С кораблей ответили: нет мест — переполнены.

Генерал Врангель подъехал к берегу.

— Полковник, — крикнул он, — на кораблях нет мест для всех, но вас я возьму на катер!

— Я не могу бросить людей! — ответил Новиков.

Как потом я узнал, он приказал людям снять погоны, раздобыть лошадей и под видом красноармейской части пробираться через Перекоп к румынской границе. Но, очевидно, через Перекоп нелегко было пройти. Их окружили красные и после боя оставшихся в живых, в том числе полковника, расстреляли.

Спрашивается невольно, зачем грузили пленных, которые потом из Галлиполи уехали в Россию, а своим боевым (в большинстве офицерам) не нашлось места на судах. То же, что и было в Новороссийске. Дроздовцы вызывали на миноносец своих солдат, а на берегу остались штаб-офицеры, донские и кубанские части со знаменами при оружии.

P.S. Поручики Лебедев и Кальтенберг были в Галлиполи в инженерной роте Алексеевского полка. Я был в 1-й роте генерала Алексеева, и командиром роты был полковник Сидорович, в нашем 3-м взводе командиром был капитан Осипенко, а отделенный — капитан Орехов. Старых алексеевцев было человек 20. В августе 1921 года я заболел малярией за день до ухода полка в Болгарию. Месяц лежал в госпитале и попал оттуда в саперную роту технического полка. Командир полка Баумгартен в декабре уехал в Сербию[220]. С тех пор никаких сведений об алексеевцах не имею.

Приложение 1

ОФИЦЕРЫ И ВОЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ АЛЕКСЕЕВСКОГО ПОЛКА, РАССТРЕЛЯННЫЕ ОРГАНАМИ ЧК В НОЯБРЕ–ДЕКАБРЕ 1920 ГОДА*

Александров Михаил Дмитриевич, штабс-капитан, 1885 г. р., уроженец с. Новогригорьевское Ставропольской губернии. Поступил в Добровольческую армию в 1918 г., сражался с красными в рядах 1-го Партизанского генерала Алексеева полка. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Анохин Иван Михайлович, поручик, 1889 г. р., уроженец Тульской губернии. Окончил Псковскую школу прапорщиков, в составе 537-го пехотного Лихвинского полка участвовал в Первой мировой войне, во ВСЮР с 24.10.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Баженов Николай Степанович, подпоручик, 1898 г. р., уроженец г. Липецк Тамбовской губернии, в составе 245-го пехотного Вольского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 1919 г. (Харьков), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 6-й армии в Симферополе 26.11.1920 к расстрелу, расстрелян в Феодосии в ночь на 9.01.1921 г.

Банасик Иван Лукич, коллежский секретарь, 1883 г. р., уроженец г. Константиноград Полтавской губернии. Во ВСЮР с 1919 г. (Константиноград), служил в хозяйственной части 1-го Партизанского генерала Алексеева полка, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Мелитополе 9.12.1920 к расстрелу.

Баталин Владимир Константинович, полковник, 1871 г. р., родился в г. Карачев Орловской губернии. Участник Первой мировой войны, во ВСЮР

* Список составлен по предсмертным анкетам, ныне хранящимся в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины и Центральном государственном архиве общественных организаций Украины.

с 1919 г., служил в хозяйственной части 1-го Партизанского генерала Алексеева полка. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Белавинцев Анатолий Вениаминович, штабс-капитан, 1896 г. р., уроженец г. Гжатск Смоленской губернии, во ВСЮР с 2.08.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Бойченко Емельян Михайлович, подпоручик, 1896 г. р., уроженец Константиноградского уезда Полтавской губернии, окончил Алексеевское военное училище, во ВСЮР с декабря 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Борисевич Семен Павлович, поручик, 1886 г. р., уроженец д. Красная Минской губернии, окончил Виленское военное училище, в составе 99-го пехотного Ивангородского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 25.12.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Вечтомов Владимир Николаевич, подпоручик, 1889 г. р., уроженец г. Екатеринбург. Во ВСЮР с 18.06.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Вихров Петр Николаевич, подпоручик, 1891 г. р., уроженец г. Грозный, в составе 323-го пехотного Юрьевского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 5.04.1919 (Грозный), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 6-й армии в Симферополе 26.11.1920 к расстрелу, расстрелян в Феодосии в ночь на 9.01.1921.

Власов Иван Федорович, подпоручик, 1898 г. р., уроженец Севастополя. Служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Феодосии 27.11.1920 к расстрелу.

Воронюк Петр Павлович, подпоручик, родился 29.06.1893, уроженец с. Перво-Плесное Воронежской губернии. Окончил Иркутское военное училище (1.08.1917), в августе 1918 г. поступил в Донскую армию, затем служил

в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 6-й армии в Херсоне 4.12.1920 к расстрелу.

Гагарин Анатолий Владимирович, князь, полковник, 1878 г. р., родился в Москве, окончил Александровское военное училище, служил во 2-м гренадерском Ростовском полку, в составе 279-го пехотного Лохвицкого полка участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г. поступил в Добровольческую армию, с 27.10.1918 состоял командиром 1-го Партизанского генерала Алексеева полка, осенью 1919 г. формировал 2-й Алексеевский полк, в 1920 г. был помощником командира 1-го Партизанского генерала Алексеева полка по хозяйственной части. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Скрывал свою активную службу у белых, заявив, в частности, что в 1918—1919 гг. проживал во Франции и командных должностей не занимал. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Глушак Михаил Васильевич, подпоручик, 1886 г. р., уроженец с. Великоустье Черниговской губернии, окончил Алексеевское военное училище. Во ВСЮР со 2.08.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу

Горюнов Федор Матвеевич, подпоручик, 1893 г. р., уроженец г. Богородск Московской губернии, в 1918—1919 воевал в рядах РККА, перешел на сторону белых. Во ВСЮР с 20.09.1919, служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 9.12.1920 к расстрелу.

Григоров Сергей Васильевич, подпоручик, 1897 г. р., уроженец Одессы, окончил школу прапорщиков в г. Одесса. Во ВСЮР с 14.01.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Гусев Николай Иванович, штабс-капитан, 1894 г. р., уроженец г. Вологда Костромской губернии, окончил Киевское военное училище (1915), в составе 7-го Особого пехотного полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с февраля 1920 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Гуськов Александр Сергеевич, подпоручик, 1893 г. р., уроженец с. Глухово Московской губернии, окончил Казанское военное училище. Во ВСЮР

с апреля 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Дианов Иван Алексеевич, подпоручик, 1886 г. р., уроженец г. Згерж Петраковской губернии, офицер из нижних чинов, в составе 2-го Кавказского пограничного полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 1919 г. (Екатеринодар), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 6-й армии в Симферополе 26.11.1920 к расстрелу, расстрелян в Феодосии в ночь на 9.01.1921.

Дрейер Александр Константинович фон, подпоручик, 1892 г. р., уроженец Харькова. Во ВСЮР с 1919 г. (Харьков), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 6.12.1920 к расстрелу.

Дубовой Федор Петрович, подпоручик, 1895 г. р., уроженец с. Палицы Черниговской губернии, окончил 2-ю Петергофскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с августа 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Дюжаков Всеволод Алексеевич, подпоручик, 1896 г. р. уроженец г. Юзовка. Во ВСЮР с 18.08.1919, служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 7.12.1920 к расстрелу.

Жук Порфирий Николаевич, штабс-капитан, 1895 г. р., уроженец Чернигова. В составе 15-го Кавказского стрелкового полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР поступил в 1919 г. в Тифлисе, служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку. Остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 6-й армии в Симферополе 26.11.1920 к расстрелу, расстрелян в Феодосии в ночь на 9.01.1921.

Загребельный Петр Никитич, подпоручик, 1896 г. р., уроженец с. Матвеевка Богодуховского уезда Харьковской губернии, окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков (24.07.1916), в составе 738-го пехотного Григориопольского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с ноября 1919 г., служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 30.11.1920 к расстрелу.

Иванович Рудольф Христофорович, генерал-майор, 1851 г. р., уроженец д. Доброта в Черногории, участник Русско-турецкой и Русско-японской

войн, с 1912 г. находился в отставке. В 1919 г. добровольно поступил во ВСЮР, состоял казначеем 1-го Партизанского генерала Алексеева полка. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Кандауров Николай Алексеевич, подпоручик, 1892 г. р., уроженец д. Большая Кандауровка Тульской губернии, офицер из нижних чинов, в составе 418-го пехотного Александровского полка участвовал в Первой мировой войне. В 1918—1919 гг. служил в РККА, откуда дезертировал. Во ВСЮР с лета 1919 г., служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 4-й армии в Симферополе 7.12.1920 к расстрелу.

Карпов Владимир Николаевич, подпоручик, 1896 г. р., уроженец Одессы, окончил Тифлисское военное училище. Во ВСЮР с декабря 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Касилов Петр Владимирович, поручик, 1896 г. р., уроженец Херсонской губернии, окончил Одесское военное училище, в составе 185-го пехотного Башкадыкларского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 23.09.1919 (поступил в г. Ананьев), взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Катюшкин Арефий Лукич, подпоручик, родился 8.10.1894, уроженец с. Большие Могилы Тамбовской губернии, окончил Телавскую школу прапорщиков (5.03.1917). Во ВСЮР с 2.04.1919 (Ставрополь), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 30.11.1920 к расстрелу.

Керсек Александр Иосифович, подпоручик, 1894 г. р., уроженец Херсонской губернии, окончил 1-ю Одесскую школу прапорщиков, в составе 7-го Заамурского пограничного полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 23.09.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Кислица Федор Киприанович, подпоручик, 1895 г. р., уроженец с. Преображенское Екатеринославской губернии, окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с 17.03.1919, взят в плен в составе 1-го Партизан-

ского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Ковалев Александр Андреевич, подпоручик, 1892 г. р., уроженец Самарской губернии, окончил 6-ю Московскую школу прапорщиков, в составе 169-го пехотного Новоторжского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 8.09.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Козин Степан Федорович, подпоручик, 1897 г. р., уроженец с. Домаха Орловской губернии. В составе 46-го пехотного Днепровского полка участвовал в Первой мировой войне. В апреле 1919 г. поступил в 1-й Партизанский генерала Алексеева полк ВСЮР. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Колобанов Петр Петрович, подпоручик, 1890 г. р., уроженец с. Богородское Курской губернии. Во ВСЮР с 13.07.1919, служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 7.12.1920 к расстрелу.

Коссович Дмитрий Николаевич, поручик, 1878 г. р., уроженец г. Стародуб Черниговской губернии. В период Первой мировой войны служил в штабе 2-го Кавказского армейского корпуса. В ноябре 1918 г. в Екатеринославе поступил в Добровольческую армию, в 1920 г. состоял при казначее 1-го Партизанского генерала Алексеева полка. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Кочетков Александр Алексеевич, поручик, 1889 г. р., уроженец Москвы. В составе 5-го Сибирского стрелкового полка участвовал в Первой мировой войне. Поступил во ВСЮР в ноябре 1919 г. в Курске, служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку. Остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 6-й армии в Симферополе 26.11.1920 к расстрелу.

Крылов Александр Ефимович, подпоручик, 1896 г. р., уроженец Таганрога, окончил 4-ю Киевскую школу прапорщиков (24.06.1917), в Добровольческой армии с 12.10.1918 (Таганрог), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 7.12.1920 к расстрелу.

Крылов Алексей Петрович, полковник, 1880 г. р., родился в Саратове, окончил Московское пехотное юнкерское училище, в составе 8-го Особого

пехотного полка участвовал в Первой мировой войне. Поступил во ВСЮР 23.03.1919, служил в Сводно-Астраханском полку, Сводно-гренадерской дивизии. В Русской армии помощник командира 1-го Партизанского генерала Алексеева полка по хозяйственной части. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Кудрявцев Михаил Александрович, подпоручик, 1896 г. р., уроженец Московской губернии, в составе 11-го стрелкового полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 14.09.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Кужелев Иосиф Прокофьевич, подпоручик, 1895 г. р., уроженец г. Глухов Черниговской губернии. Во ВСЮР с сентября 1919 г. (Глухов), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 12.12.1920 к расстрелу.

Лахтионов Сергей Моисеевич, подпоручик, 1893 г. р., уроженец Чернигова, окончил 4-ю Киевскую школу прапорщиков, в составе 410-го пехотного Усманского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 13.10.1919, служил в 13-м пехотном Белозерском полку, затем — в Алексеевском полку, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Лебедев Иван Михайлович, полковник, 1876 г. р., уроженец г. Устюг Череповецкой губернии, с 1904 г. служил в 22-м Сибирском стрелковом полку, в составе которого участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с осени 1919 г. (Киев), состоял в интендантстве Алексеевской пехотной бригады, затем — 6-й пехотной дивизии. Остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 4-й армии в Симферополе 19.12.1920 к расстрелу.

Лобович Михаил Демьянович, подпоручик, 1896 г. р., уроженец с. Озярница Гродненской губернии, окончил Алексеевское военное училище. Во ВСЮР с 25.06.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Луговой Никифор Карлович, подпоручик, 1896 г. р., уроженец с. Кобзовка Полтавской губернии, окончил Алексеевское военное училище, в составе 500-го пехотного Ингульского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с июня 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского

генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Медянов Василий Павлович, подпоручик, 1895 г. р., уроженец с. Зуя Симферопольского уезда Таврической губернии, окончил Александровское военное училище. Во ВСЮР с декабря 1918 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Мешковский Леонид Александрович, подпоручик, 1900 г. р., уроженец с. Ураево Воронежской губернии. Во ВСЮР с 29.07.1919, окончил ускоренные военно-училищные курсы в г. Ставрополе (29.01.1920), взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Мириманов Степан Фомич, полковник, 1870 г. р., уроженец Тифлисской губернии, окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. В период Первой мировой войны преподавал в Виленском военном училище, воевал в составе 12-го Кавказского стрелкового полка. В 1918 г. служил начальником охранного отряда Украинской Державы, в г. Липовец. Во ВСЮР с 18.04.1919 (Одесса), с 1.06.1920 начальник учебной команды 1-го Партизанского генерала Алексеева полка, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Феодосии 5.12.1920 к расстрелу.

Мирошник Степан Яковлевич, подпоручик, 1896 г. р., уроженец х. Соловки Воронежской губернии, окончил 4-ю Московскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с 15.05.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Михайлов Филипп Александрович, подпоручик, 1897 г. р., уроженец г. Онега Архангельской губернии, в составе 5-го инженерного полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 1919 г. (Одесса), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен следователем особого отдела 4-й армии в Симферополе 13.01.1921 к расстрелу.

Москаленко Дионисий Васильевич, подпоручик, 1896 г. р., уроженец с. Стодолы Черниговской губернии, окончил 3-ю Киевскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с 26.09.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Москаленко Михаил Александрович, подпоручик, 1892 г. р., уроженец ст. Марьевка Екатеринославской губернии. Во ВСЮР со 2.10.1919 (Харьков), служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 2.12.1920 к расстрелу.

Никифоров Виктор Никанорович, подпоручик, 1897 г. р., уроженец г. Елисаветград. Во ВСЮР с 12.12.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Новицкий Виктор Васильевич, поручик, родился 22.01.1895, уроженец Харькова, окончил Виленское военное училище. Во ВСЮР с октября 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Охременко Николай Тимофеевич, штабс-капитан, 1893 г. р., уроженец с. Сороки Бессарабской губернии. В составе 107-го пехотного Троицкого полка участвовал в Первой мировой войне. В 1-й Партизанский генерала Алексеева полк поступил в сентябре 1919 г. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Пенкин Николай Николаевич, подпоручик, 1897 г. р., уроженец г. Зарайск Рязанской губернии, окончил Александровское военное училище, в 1918—1919 гг. служил в РККА, перешел на сторону белых. Во ВСЮР с октября 1919 г., служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 9.12.1920 к расстрелу.

Пигров Николай Алексеевич, подпоручик, 1894 г. р., уроженец Ставропольской губернии, окончил Душетскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с мая 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Роде Павел Николаевич, подпоручик, 1898 г. р., уроженец Саратова, окончил Павловское военное училище. В Добровольческой армии с ноября 1918 г., служил в Астраханском пластунском батальоне, Гренадерском батальоне Алексеевского полка, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Россинский Анатолий Анатольевич, подпоручик, 1896 г. р., уроженец г. Бирюч Воронежской губернии, окончил 3-ю Московскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с 20.12.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Серебряков Константин Николаевич, штабс-капитан, 1894 г. р., уроженец Тифлиса, служил в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку, остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Феодосии 27.11.1920 к расстрелу.

Сивухин Иван Иванович, поручик, 1894 г. р., уроженец слободы Алексеевка Курской губернии, окончил Саратовскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с 23.11.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Смирнов Петр Степанович, подпоручик, 1897 г. р., уроженец г. Умань Киевской губернии, окончил 3-ю Киевскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с января 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Соловьев Владимир Ефимович, подпоручик, 1892 г. р., уроженец Тверской губернии, в составе 490-го пехотного Ржевского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с декабря 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Сочнев Константин Матвеевич, подпоручик, 1892 г. р., уроженец Нижегородской губернии, окончил 1-ю Киевскую школу прапорщиков, в составе 37-го пехотного Екатеринбургского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с февраля 1920 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Тенидиев Елевтерий Елевтериевич, подпоручик, 1897 г. р., уроженец Новороссийска, окончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с ноября 1918 г., служил в 1-м Кубанском стрелковом и Алексеевском полках, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Трубников Арсений Никанорович, подпоручик, 1897 г. р., уроженец с. Медвежья гора Тверской губернии, окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с 3.09.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Туренко Григорий Никифорович, прапорщик, 1898 г. р., уроженец Курской губернии, в составе 65-го пехотного Московского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 29.09.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Федотов Владимир Константинович, поручик, 1900 г. р., уроженец Москвы. Во ВСЮР с 15.05.1919, окончил ускоренные военно-училищные курсы в Ставрополе (февраль 1920), взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Федотов Дмитрий Васильевич, поручик, 1891 г. р., уроженец Нижегородской губернии, окончил Тифлисскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с января 1920 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Холявин Григорий Григорьевич, подпоручик, 1897 г. р., уроженец Кобеляцкого уезда Полтавской губернии, окончил Чугуевское военное училище (1917), в составе 158-го пехотного Кутаисского полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с сентября 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Шаталов Георгий Порфирьевич, писарь, 1891 г. р., в рядах ВСЮР служил во 2-м Алексеевском пехотном полку и Керченском комендантском этапе. Остался в Крыму. Приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи 11.12.1920 к расстрелу.

Шулькевич Александр Яковлевич, подпоручик, 1890 г. р., уроженец ст. Монастырище Киевской губернии, окончил 1-ю Одесскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с мая 1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Щеголев Константин Иванович, подпоручик, 1879 г. р., уроженец с. Средние Егорки Воронежской губернии. Во ВСЮР с февраля 1919 г., служил в

Сводно-стрелковом полку, Гренадерском батальоне Алексеевского полка, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Эстрин Сергей Александрович, подпоручик, 1893 г. р., уроженец Орла, окончил Алексеевское военное училище, в составе 197-го пехотного Лесного полка участвовал в Первой мировой войне. Во ВСЮР с 23.09.1919 г., взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Юденич-Мальцев Борис Александрович, ротмистр, 1896 г. р., уроженец д. Красное Пермской губернии. Окончил Павловское военное училище (1914), в составе 17-го Туркестанского стрелкового полка участвовал в Первой мировой войне. С 1918 г. по 3 января 1920 г. служил в армянской национальной армии, затем поступил в состав 1-го Партизанского генерала Алексеева полка ВСЮР. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Яицкий Константин Никифорович, подпоручик, 1896 г. р., уроженец с. Ширяево Воронежской губернии, окончил 1-ю Одесскую школу прапорщиков. Во ВСЮР с 25.06.1919, взят в плен в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка у д. Богдановка. Приговорен тройкой управления Южюгзапфронтов в Харькове 9.12.1920 к расстрелу.

Яцимирский Емельян Емельянович, штабс-капитан, 1896 г. р., уроженец г. Кишинев. В составе 16-го Финляндского стрелкового полка участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г. в Ростове-на-Дону поступил в 1-й Партизанский генерала Алексеева полк Добровольческой армии. 19.11.1920 добровольно явился на регистрацию в ЧК в Симферополе. Приговорен 23.11.1920 в Симферополе тройкой особой фронтовой комиссии к расстрелу.

Приложение 2

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА СУДОПЛАТОВА БОРИСУ ПАВЛОВУ

Massy, v 7-XI-73

Уважаемый Г-н Павлов! Простите, не знаю Вашего отчества. Случайно попался мне «Часовой» за октябрь № 568, где Вы пишете про Генический десант. Я служил в 1-м Алекс[еевском] полку от Харькова до эвакуации Крыма и в Галлиполи был в 1-й роте Алекс[еевского] п[олка]. О Вас я слыхал еще в Батайске и [о] Вашей разведке в Ростов. Я все время вел дневник, и у меня даже есть рисунок «Борис Павлов», хотя сходства, наверно, не было и в рисунке, но зато Георгиевский крест вышел удачно. Близко встретился я с Вами в[о] время Генич[еского] десанта, у меня в дневнике записано: «командир полка с адъютантом стоят на крыше дома. Наблюдают в бинокль. Очевидно, кое-что заметили. Борька Павлов, наш 13-летний партизан, лазил в парке по деревьям, изображая из себя индейца, и бросал в воздух стрелы, которые он взял в музее Филибера».

Потом ниже, уже перед Геническом:

«У нас одиннадцатизарядные английские винтовки, и приказано заряжать после каждого выстрела. В винтовку входит 2 обоймы, но патроны почему-то врассыпную. Когда я глянул на своего соседа по цепи справа, то ахнул. Со мной рядом шел Борис Павлов. Он шел, весело подпрыгивая и что-то напевая, в руках у него была стрела. Убьют мальчишку. “Борис, иди в обоз!” — крикнул я ему. “Зачем? — пожал он плечами. — Думаете, я боюсь!” — “Слушай, иди в обоз!” — крикнул я ему еще раз. Но он взвизгнул и скорчил мне рожу».

Потом у меня записано в августе в десанте на Кубань. Если не ошибаюсь, в море Вы вместе с другими прыгали с баржи и хорошо плавали, так же и на Кубани в реке Протоке.

Был я в команде связи у пор[учика] Кальтенберга, а в Геническе был в офицерской роте.

Мне очень приятно вспомнить все это, т.к. здесь, в Париже, сколько ни встречал людей, то в Конном Алексеев[ском], то в артилл[ерийской] бригаде, а бывших в полку в пехоте ни одного не встретил. Правда, нас, старых

алексеевцев, в Галлиполи было человек 30. Командиром роты в Галлиполи был полк[овник] Сидорович. Года два-три назад встретил одного алексеевца 2-го полка свящ[енника] Рилло (он умер), и он мне сказал, что полк[овник] Бузун погиб в Югославии от серб[ских] партизан. Вот и все, что я хотел Вам написать. Живу я под Парижем в 10 килом[етрах].

Очень рад, что встретил хоть одного алексеевца, который помнит Батайск, Кубань, Крым и еще Кубань. Пишу на имя «Часового», не знаю, дойдет ли до Вас это письмо.

Быв[ший] унт[ер-]офицер 1-го Партиз[анского] ген. Алекс[еева] пехот[ного] полка Александр Судоплатов

26/XII-73

Дорогой Боря! Смею Вас так назвать, хотя я на 5 лет старше Вас. Если бы мы были близко знакомы в полку, то, вероятно, так бы звали друг друга. А ведь сколько раз в Ивановке я сидел рядом с Вами на улице, когда Вы пели «Пусть свищут пули, льется кровь!». Я помню, сколько раз слыхал раньше, как Вы хорошо поете, и специально бежал Вас слушать. Ну это прошлое. Не стоит расстраиваться.

Теперь о настоящем. Я вижу по Вашей книжке, которую прочел залпом и за которую Вам очень благодарен, будь мы в России и не будь революции, из Вас вышел бы хороший писатель или публицист. Вы, наверное, поэт, и вижу, Ваш любимец — Лермонтов.

Я хочу Вам предложить одну вещь. У Вас есть внуки (т.е. наследники) — у меня никого нет, и я часто думал о своем дневнике — его выбросят в сор или сожгут после моей смерти. Если Вы ничего не имеете против, я его дарю Вам, если Вашим внукам он будет неинтересен, Вы по прочтении, может быть, отдадите его в какой-нибудь архив-музей — эмиграции. Предупреждаю только, что я его часто переписывал по памяти. Писал, не помня точно дат, и в этом есть ошибки, а также в названии сел и станиц. Да вот еще, т.к. я жил на Украине — мой отец был сельским священником, а в Добрармию я ушел из семинарии, и у нас на Украине евреев называли — жиды (это не было презрительным словом, т.к. они сами себя часто так называли), то в дневнике я часто так их называю. Не подумайте, что я антисемит. У меня было много друзей-евреев и покойная жена была наполовину еврейского происхождения.

Вы пишете в Вашей книге, что ничего не знаете о начале и истории Алекс[еевского] полка. Я не могу Вам помочь. Я поступил в полк в октябре 1919 г.

в Алексеев[ский] учебный батальон. Уехал из Севастополя на «Саратове» вместе с ген. Кутеповым, из Новороссийска на миноносце «Пылком» тоже с ним вместе. В Галлиполи был в 1-й роте Алексеев[ского] полка. Во второй роте команд[иром] роты был полков[ник] Дядюра, первопоход[ец]-алексеевец, и помню, он ходил по палаткам и собирал сведения о начале полка (даты, станицы и т.д.). Он хотел написать историю полка. Сделал ли что он или нет? Не знаю. Умер он в тридцатых годах в Париже. Вот и все.

Не ожидая Вашего согласия, через несколько дней после 1 января я посылаю Вам дневник, т.к. до 10 янв[аря] почта забита посылками. Я думаю, на посылке написать (содержимость посылки) Manuscript. Не знаю, как по-английски. Я думаю, это разрешено посылать в Америку. Мы ведь не в Сов[етской] России. Если вес ее превзойдет 1 кг, то я тогда ее разделю на 2 части, т.к. можно послать посылку только в 1 кг.

Мне доставит большое, большое удовольствие, когда Вы ее получите, т.к. с этой стороны у меня уже не будет мысли о ее дальнейшей судьбе.

В заключение поздравляю Вас и Вашу семью с наступившим Новым годом и желаю всем Вам — здоровья и успехов в делах.

Ваш А. Судоплатов.

P.S. Никак не привыкну писать по новой орфографии, а переучиваться поздно.

Еще раз благодарю за «Первые четырнадцать лет». Не подумайте, Боже сохрани, предлагать — как Вы пишете — оплатить пересылку дневника, — это меня очень обидит.

А.С.

12/II-74

Дорогой Боря!

Получил вчера Ваше письмо и прошу прощения, это моя вина. Я Вам не написал в свое время о высылке моего дневника и тем заставил Вас ждать.

Послал я его 15/I и думаю, что Вы, наверно, его получили и Ваше письмо разминулось с ним. Послал я его заказным, но не авионом. Т.к. живем мы в свободных странах, то, думаю, оно не пропадет.

Разрешаю Вам пользоваться им, печатать и т.д. Т.к. я уже писал, могут быть ошибки в датах и названиях станиц и сел, то, если можно, исправьте, пожалуйста. У Вас, наверное, есть материалы о ходе операций с точки зрения «высшего командования». У меня же выше штаба полка ничего не най-

дете. Если Вас интересуют наброски «Галлиполи», я могу Вам послать и печатайте от своего имени.

Когда-то я послал в «Русск[ую] мысль» рассказ — они напечатали. Но второй не поместили. Хотя второй был, по-моему, интересней. Но писал я его от руки, а они не хотят, очевидно, возиться с рукописями не на машинке.

Еще раз прошу меня извинить, что не сообщил вовремя. Думаю, Вы его уже имеете. А было бы жалко, если пропадет.

Еще раз извините

Ваш А. Судоплатов

17 сент[ября] 74

Дорогой Боря!

Очень польщен Вашим предложением напечатать выдержки из Дневника. Спасибо, что не забываете меня. Посылаю Вам фотографию, где я снят в 21 году уже в Сербии, если хотите ее внести. Прошу только (нигде я не выступал в литературе, неудобно как-то) — не называйте подлинной фамилии моей. Поздно уже начинать это дело. Снят я сзади, перед окном (очерчен карандашом).

Будете писать, сообщите, продается ли во Франции «Первопоходник» и время его выхода.

Вы много делаете, чтобы оставить память об алексеевцах — спасибо Вам.

Здоровье мое пока слава богу. Живешь — больше оглядываешься назад.

Привет Вашей семье

Будьте здоровы

Ваш А. Судоплатов

6/I 75

Дорогой Боря!

Сегодня получил «Первопоходник». Вы мне сделали подарок, какого я никогда не получал. Во-первых, я ожидал, что это будет газета или брошюра в 5 или 6 листов, а во-вторых, я как будто получил первый раз в жизни фотографии давно знакомых событий в далекой юности.

Действительно, это были фотографии. Они так хорошо исправлены (доставил Вам лишнюю работу), рисования у нас в школе ведь не было... А потом: какой труд по редактированию и печатанию. Мне даже совестно, что Вы

уделили мне столько места, а себе ничего не оставили, а ведь Ваша книга стоила того, чтобы ее напечатать. Я ее давал многим читать, и все читали ее «запоем»...

Я знаю, что Вы вложили много труда в нее, что Вам материально обошлось это недешево (разрешите хоть частично Вам вернуть за ее пересылку).

Сознание того, что когда-нибудь (ведь наша жизнь прошла для будущего) там в России кто-то возьмет в библиотеке Вашу книгу или сборник «Первопоходник», прочтет ее, задумается и понесет скромный букетик к памятнику Белому воину или поедет поклониться кургану на Перекопе, — нас утешает. Еще раз спасибо за труды.

Прочитал я и спросил себя: почему у корниловцев и дроздовцев этого не было? Правда, они всегда держались «на материке» компактно и внутренняя организация у них была продумана. Дроздовцы в Галлиполи имели несколько сот в полку бывших пленных, их так дрессировали там, что можно было равнять их с полком мирного времени. А ведь вместо пленных (которых сажали на пароходы почти насильно) можно было вывести людей, для которых не было уже места. Наш полк хозяйственно был плохо организован. Но наш командир был не хуже Туркула, и беда наша была в том, что не успевали мы переформироваться, как нас посылали куда-то «на воды» затыкать дырки. Это была летучая пожарная команда. Когда полк[овник] Бузун приехал в Константинополь или Галлиполи (мне говорил видевший его алексеевец) и вздумал себе согреть котелок на костре, с чаем или чем-то другим, он долго мучился, дрова сырые не горели, развести хороший огонь он не смог, и тогда он махнул рукой, выплеснул котелок. Поваром он не смог быть, а помню его в горах: когда он, узнав, что Ванда Иосиф[овна] попала в плен, заорал: «Конная сотня за мной!» — и помчался к обозу. Правильно сказал поэт (только надо перевести наоборот): рожденный ползать летать не может.

Еще раз большое спасибо. Ваш Судоплатов.

КОММЕНТАРИИ

Дневник печатается по рукописи, хранящейся у Ольги Матич. При публикации были раскрыты многочисленные сокращения («пор.», «поруч.», «ж.д.» и т.п.). В издании воспроизведены все рисунки А. Судоплатова (часть сделана карандашом, часть чернилами, некоторые раскрашены). Черно-белые рисунки даны в тексте книги, раскрашенные — на вклейке.

[1] Неточно цитируется стихотворение Н.А. Некрасова «Внимая ужасам войны...» (1855 или 1856), являющееся откликом на Крымскую войну.

[2] С 1924 г. Артёмовск — город в Донецкой области Украины.

[3] *Михаил Тихий* — рядовой Алексеевского полка, друг автора дневника. 13 марта 1920 г. отстал от белых войск и остался на Северном Кавказе, присоединившись к отрядам зеленых.

[4] «Почему так рано — наверно, большевики близко!» (*укр.*).

[5] *Нестроевой* — рядовой, негодный к военному строю и выполняющий в воинской части вспомогательные и хозяйственные функции. Все нестроевые солдаты сводились в особую нестроевую роту.

[6] В каждой воинской части имелось два типа обозов: первого разряда — для боезапаса, медикаментов и небольшого запаса продовольствия — и второго разряда — для формы, личных вещей и продуктов. В период боевых действий обозы первого разряда, как правило, находились вблизи линии фронта, а второго — в тылу.

[7] Станция Желанная в настоящее время входит в состав Донецкой железной дороги (Украина). Упомянутые Половинка и Шпак добровольцами поступили в Алексеевский полк.

[8] *Нижние чины* — в Русской императорской армии официальное наименование военнослужащих срочной службы (неофицеров). Отменено, как оскорбительное, приказом № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г. Вместо него положено было говорить: «солдаты» или «товарищи солдаты». В белых войсках термин «нижние чины» не был восстановлен.

[9] Шапка (*укр.*).

[10] Верста была равна 1066,8 метра.

[11] Будучи людьми богатыми, офицеры гвардейских полков модно одевались и задавали тон светской жизни Петербурга. Отсюда возник термин «тонный».

Традиция гнусавить и картавить в разговорной речи имеет свои истоки в XVIII — начале XIX в., когда офицерский состав гвардии преимущественно пользовался не русским, а французским языком, в котором «говорят в нос». Эта привычка со временем перешла и на русскую речь гвардейских офицеров, которые умышленно при разговоре «проглатывали» букву «р». В составе Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) были созданы два Сводных гвардейских кавалерийских полка (в которых эскадроны носили наименования прежних полков императорской гвардии) и Сводная гвардейская пехотная дивизия.

[12] *Вольноопределяющийся* — добровольно поступивший в армию и обладающий достаточным образовательным цензом, чтобы со временем претендовать на первый офицерский чин.

[13] *Караимы* — тюркоязычная народность, традиционно исповедующая караизм (во многом близкий к иудаизму), представители которой живут главным образом в Крыму.

[14] Правильно — Юзовка, ныне г. Донецк.

[15] Мандат нужно проверить, или это, как его, местожительство, или как его! (*укр.*).

[16] Речь идет о кавалеристах из эскадрона Уланского ее величества полка из состава Сводного гвардейского кавалерийского полка.

[17] Да откуда он у меня? Было всего пять четвертей (*укр.*).

[18] Лепешки (*укр.*).

[19] *Дроздовцы* — военнослужащие Дроздовской стрелковой дивизии Вооруженных сил Юга России. Генерал М.Г. Дроздовский (1881—1919) организовал в начале 1918 г. на Румынском фронте отряд добровольцев для похода на Дон — на помощь зарождающемуся Белому движению. 26 февраля 1918 г. М.Г. Дроздовский выступил из г. Яссы и, пройдя захваченную румынскими войсками Бесарабию и занятую большевистскими отрядами Украину, 21 апреля 1918 г. достиг Ростова, где вскоре соединился с белыми войсками. Впоследствии этот переход был назван Дроздовским походом. Позднее отряд М.Г. Дроздовского был переформирован в 3-ю пехотную дивизию Добровольческой армии, которой он продолжал командовать. 31 октября 1918 г. в бою М.Г. Дроздовский был ранен в ногу и спустя два месяца скончался из-за заражения крови. После смерти генерала его именем была названа стрелковая дивизия, выделенная из 3-й пехотной дивизии.

[20] Генералы Андрей Григорьевич Шкуро (Шкура; 1887—1947) и Константин Константинович Мамонтов (Мамантов; 1869—1920) — командиры казачьих корпусов. Первый получил известность организацией антисоветского восстания на Северном Кавказе весной 1918 г. Второй — глубоким рейдом по тылам Крас-

ной армии, совершенным в августе 1919 г. Ко времени описываемых событий корпус Шкуро увяз в боях с советскими войсками на Юге Украины, а корпус Мамонтова был разбит красной конницей Буденного. Генерал Шкуро эмигрировал, в годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами по созданию казачьих частей в составе вермахта, был захвачен советскими войсками и повешен в Москве. Генерал Мамонтов умер от тифа в период отступления к Новороссийску.

[21] Американский Красный Крест начал свою работу в Российской империи в годы Первой мировой войны — оказывал медицинскую помощь раненым и больным, поставлял теплую одежду и медикаменты. В связи с поддержкой странами Антанты лидеров Белого движения продолжал свою работу в годы Гражданской войны.

[22] В мае 1918 г. немецкие войска подошли со стороны Ростова к Батайску. Чтобы заставить правительство Советской России выполнить одно из условий Брест-Литовского мира и передать немцам находящиеся в Новороссийске корабли Черноморского флота, немцы предприняли наступление через Батайск на Новороссийск. Части Красной армии упорно защищали Батайск, но вскоре вынуждены были оставить город. Черноморская эскадра была затоплена в Новороссийске 18—19 июля 1918 г.

[23] *Корниловцы* — наименование военнослужащих формирования, созданного генералом Л.Г. Корниловым в составе русской армии в мае 1917 г. Первоначально оно именовалось 1-м Ударным отрядом, затем — Ударным полком, Славянским ударным полком, Корниловским ударным полком. В задачу части входили прорыв укрепленных позиций противника, а также борьба с дезертирами в собственном тылу. После прихода к власти большевиков большая часть военнослужащих полка пробралась на Дон, где восстановила полк под названием Корниловского ударного. В 1919 г. в составе Вооруженных сил Юга России полк был развернут в Корниловскую дивизию.

[24] 1-й армейский корпус Добровольческой армии был сформирован в ноябре 1918 г. В конце 1919 г. в его состав входили Корниловская, Марковская, Дроздовская и Алексеевская дивизии, а также ряд других соединений. Расформирован весной 1920 г. после прибытия частей в Крым.

[25] поужинать (*укр.*).

[26] Да чего же. Борщ остался. Сегодня у меня душ двадцать солдат обедало. Раздевайтесь и побейте вшей. У меня как стояли казаки, так целую ночь били вшей, даже руки, говорят, заболели, пока всех не перебили (*укр.*).

[27] По-видимому, как непризывной из-за возраста в казачьи части Терского казачьего войска, Богомолов поступил добровольцем в Алексеевский полк.

[28] *Кутепов* Александр Павлович (1882—1930) — генерал от инфантерии. Участник Русско-японской войны, «за оказанные боевые отличия» переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, в котором служил до 1918 г., был последним командиром этой части. С 24 декабря 1917 г. состоял в Добровольческой армии, командовал офицерской ротой, затем — Корниловским полком и 1-й дивизией, с мая 1919 г. возглавлял 1-й армейский корпус. 4 сентября 1920 г. П.Н. Врангель назначил его командующим 1-й армией. С 1928 г., после смерти П.Н. Врангеля, возглавлял Российский общевоинский союз. 26 января 1930 г. был похищен советскими агентами и скончался на корабле по пути в Новороссийск.

[29] девушку (*укр.*).

[30] В начале 1918 г. Кубанская краевая войсковая рада провозгласила независимую Кубанскую народную республику. Фактически эта республика была полностью подчинена командованию Добровольческой армии, а затем — Вооруженных сил Юга России. Лидеры Кубанской республики пытались освободиться от влияния белогвардейцев и летом начали сепаратные переговоры с не признанными А.И. Деникиным Украинской народной республикой, Грузией и Горской республикой. Одновременно в Париже делегация Кубанской республики добивалась принятия ее в Лигу Наций. Поэтому 7 ноября 1919 г. А.И. Деникин приказал арестовать руководителей Кубанской республики, один из них (Ф.И. Кулабухов) был повешен. После этих событий большая часть полков Кубанского казачьего войска покинула ряды Вооруженных сил Юга России и вернулась домой. Часть кубанских казаков примкнула к отрядам зеленых.

[31] *Топорков* Сергей Михайлович (1881—1931) — генерал-лейтенант. Происходил из забайкальских казаков, выслужил офицерский чин за боевые отличия в период Русско-японской войны. В Добровольческой армии служил с начала 1918 г., командовал полком, бригадой, дивизией и корпусом. В мае—июне 1919 г. во главе своих войск совершил рейд по тылам красных, чем содействовал стремительному наступлению белых на Харьков. В Русской армии генерала П.Н. Врангеля был начальником Сводного казачьего корпуса. В эмиграции жил и скончался в Белграде.

[32] Автор имеет в виду специальный вагон для перевозки мяса: с отделениями для льда и крючками для подвешивания мясных туш.

[33] Неужели (*укр.*).

[34] *Думбадзе* Леван Самсонович (1897—1947) — полковник. Окончил Михайловское артиллерийское училище, в составе 26-й артиллерийской бригады участвовал в Первой мировой войне. С 1918 г. служил в Добровольческой армии, командовал 1-й и 2-й Алексеевскими батареями. В 1920-е гг. входил в бое-

вую организацию генерала Кутепова, несколько раз совершал рейды на советскую территорию с разведывательными целями. Проживал в Югославии, погиб в Мюнхене.

[35] *Барбович* Иван Гаврилович (1874—1947) — генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, командовал 10-м гусарским Ингерманландским полком. В 1918 г. служил в армии Украинской Державы, 19 января 1919 г. был зачислен в состав Вооруженных сил Юга России, командовал кавалерийскими частями: полком, бригадой и дивизией. Во время отступления белых к Новороссийску его конница прикрывала отход. В Русской армии генерала П.Н. Врангеля возглавлял кавалерийские дивизию и корпус. Умер в эмиграции в Германии.

[36] Пулемет «Максим» весил более 60 килограммов. Для постоянного охлаждения ствола на него надевался стальной кожух. Через специальную крышечку на верху кожуха пулеметчики заливали воду. Пулемет «Льюис» английского и американского производства поставлялся в ряды Вооруженных сил Юга России странами Антанты. Он весил всего около 12 килограммов, но тактико-технические характеристики его были хуже, чем у «Максима».

[37] Биографическая справка о князе Гагарине помещена в приложении № 1.

[38] Пушка «Канэ» — морское орудие, предназначенное для размещения на кораблях и береговых батареях. Имела большие калибр (152 мм), дальность стрельбы (11 км) и силу разрушения. Весила 14 690 кг и по суше могла перевозиться только с помощью специальных технических средств. В годы Первой мировой войны пушки «Канэ» устанавливали на бронепоезда и специально оборудованные трактора. Эта техника использовалась и в Гражданскую войну.

[39] Что это (*укр.*).

[40] беги (*укр.*).

[41] Впоследствии Борис Павлов в своей книге «Первые четырнадцать лет» очень подробно описал эту разведку:

«В один из ближайших дней, во время обеда, из разговора командира полка с кем-то из его помощников, я узнал, что штаб нашего корпуса вызывает добровольцев для разведки в занятом большевиками Ростове. Мысль пойти на разведку меня воодушевила. Помню, не спал всю ночь, строя об этом планы. На другой день утром, не говоря никому ни слова, я отправился на вокзал. Поезд генерала Кутепова, командира нашего корпуса, в это время как раз стоял на ст. Каял. Часовой, стоявший перед вагоном генерала Кутепова, не хотел меня пропускать, но случайно подошедший к окну генерал Кутепов приказал меня впустить. На мою просьбу послать меня на разведку в Ростов он сначала ответил категорическим отказом, сказавши, что я слишком молод и что он не имеет

права рисковать моей жизнью. Я начал его горячо упрашивать, даже почти расплакался, говорил, что хоть лет мне еще немного, я уже многое видел и пережил. Я доказывал, что мне безопаснее, чем кому-либо, идти на такую разведку, т.к. я пройду там, где взрослый не пройдет и погибнет. Не знаю, подействовали ли на него мои доводы или он сам решил, что это не так опасно для меня, но он в конце концов сказал: "Ну, хорошо, беру этот грех на себя. Иди, Бог с тобой".

Мое задание состояло в том, чтобы выяснить, какие части занимают Ростов и по возможности их численность, где находятся штабы этих частей, много ли у них артиллерии и где она расположена (как раз в это время большевики усиленно обстреливали Батайск), сколько там бронепоездов, их названия, вооружение и т.д. Начальник разведки Добровольческого корпуса снабдил меня письмом, в котором отдавалось распоряжение, чтобы наши части, занимавшие передовые позиции в Батайске, оказали мне содействие при переходе фронта. Он также снабдил меня в достаточном количестве советскими деньгами, совершенно новыми, еще не разрезанными, в больших листах. У него осталась жена в Ростове, и он очень просил меня зайти к ней и сообщить, что он жив и здоров.

Я решил идти, выдавая себя за крестьянского мальчишку-подводчика, бросившего своих лошадей и возвращающегося домой. В то время это было частым явлением. У воюющих сторон не хватало своих перевозочных средств; в связи с этим появилась новая повинность, которая тяжелым бременем легла на крестьянство. <...>

В полку от моей затеи идти в Ростов разведчиком были не в восторге, особенно возмущался командир полка. Он был вне себя, что я все это сделал без его ведома, но запретить мне идти не мог, т.к. это уже было одобрено генералом Кутеповым.

Итак, я решил идти мальчишкой-подводчиком, якобы родом из села Салы; это на 20—25 верст севернее Ростова. Село Салы я немного знал, т.к. при отступлении мы простояли в нем несколько дней. Я считал, что, если меня начнут о нем расспрашивать, я смогу кое-что ответить. Чтобы приобрести подобающий вид, пришлось выменять свое обмундирование на крестьянскую одежду; было особенно жалко расставаться с синими бриджами, которые мне казались очень шикарными. За них я получил старый, разлезающийся по швам нагольный полушубок. В общем, получилось не так плохо, и на первый взгляд я мог сойти за крестьянского подростка. Неприятной неожиданностью для меня оказалось только то, что все мною вновь приобретенное было полно насекомых. Вшей в таком количестве я еще никогда не видел.

В Батайске ночь перед походом я провел у юнкеров Константиновского военного училища, занимавших позиции на окраине поселка. Местность меж-

ду Батайском и Ростовом оказалась весьма неподходящей для незаметного перехода фронта: покрытая снегом равнина, почти без всякой растительности, перерезанная довольно высокой насыпью железной дороги, которая вела в Ростов. Равнина эта во время половодья часто заливалась водой, для оттока которой эта насыпь прерывалась большими виадуками. Третий виадук, в середине равнины, как мне сообщили константиновцы, был уже в руках красных; там был их передовой пост. Вдалеке, на расстоянии десяти верст, виден был Ростов, расположенный на более высоком правом берегу Дона.

Пройти незамеченным не было никакой возможности, и я решил идти, ни от кого не прячась, прямо по полотну железной дороги. Было солнечное морозное утро, и я, распрощавшись с провожавшими меня константиновцами, бодро зашагал по шпалам. Пройдя версты две, я заметил впереди себя какую-то фигуру, пытающуюся спрятаться от меня в кустах под насыпью. Когда я подошел ближе, эта фигура, видимо, разглядевши, что идет мальчишка, вылезла на насыпь. Оказался пожилой казак, как я из его рассказов понял — дезертир, убежавший от белых и возвращающийся домой. Решили идти вместе.

У третьего виадука, как меня константиновцы и предупреждали, нас остановила красная застава. Мой рассказ, что я подводчик, идущий домой, как будто ни у кого подозрения не вызвал. Нас провели в штаб роты, находящийся недалеко в железнодорожной будке. Там нас допросили. Красная сестра милосердия даже накормила горячими оладьями. Но отпустить не отпустили, а, дав сопровождающего красноармейца, отправили в штаб полка.

Перед Ростовом несколько стоящих один за другим бронепоездов вели обстрел Батайска. Название одного было “Товарищ Троцкий”. <...>

Проходя мимо советских бронепоездов, я с интересом разглядывал их, стараясь запомнить все, что мне казалось важным, ведь начиналось выполнение моего задания.

Выскочивший из одного бронепоезда человек в кожаной куртке и галифе, верно, комиссар, заинтересовался, кого ведут, и стал нас расспрашивать. Мои ответы его удовлетворили, но сбивчивые речи перепуганного казака ему не понравились. Он начал кричать, пересыпая свою ругань площадной бранью. Казака отвели в сторону и начали избивать. Потом красноармейцу сказали, чтобы он вел меня дальше, а что казак останется с ними.

В штабе полка меня опять допрашивали. Расспрашивали о количестве белых войск в Батайске и их расположении. Я давал неопределенные и бестолковые ответы, изображая, что в этом ничего не смыслю. Однако и здесь меня не отпустили, сказав, что у них есть приказ всех перебежчиков препровождать в штаб дивизии и что там меня наверняка отпустят и дадут документ.

Штаб дивизии находился уже в самом городе. Красноармеец, ведущий меня, не спешил. Он по дороге заходил к знакомым, где-то пил чай, а я его ждал в подворотне. Я мог бы убежать, но был уверен, что меня и так отпустят, а главное, хотелось получить документ, с которым я бы чувствовал себя более уверенно в Ростове. Но мои надежды не оправдались: в штабе дивизии меня тоже не отпустили. Может быть, я показался подозрительным. Мое настроение сильно упало. Тот же красноармеец повел меня дальше, в комендантское управление Ростова. Оно находилось в центре города, на Садовой улице. Уже наступил ранний зимний вечер. Среди сутолоки, которая творилась в комендатуре, мой страж долго не мог найти человека, которому он мог бы меня передать. Какой-то человек в буденовке, вероятно комиссар, заявил, что у него сейчас нет времени мною заниматься и что мое дело разберут завтра.

Меня отвели в подвал этого дома. Большая комната, в которой я очутился, была до отказа набита. После морозного свежего воздуха одуряюще ударило вонью переполненного людьми помещения. Тускло горела, почти не освещая, электрическая лампочка. Мебели не было никакой; все сидели или лежали на полу. Казалось, что мне места уже нет и что придется стоять, но как-то потеснились, и я, подложив свой полушубок, тоже прилег.

На душе было невесело. Закрадывался страх, что будет дальше, к тому же хотелось есть. Наконец усталость от всех переживаний и возраст взяли свое, и я уснул.

Проснулся рано, в сумраке начинающегося дня. Соседи тоже стали просыпаться. Группами под конвоем нас начали водить в уборную. Несмотря на все волнения, я с любопытством разглядывал население нашей комнаты. Публика была самая разношерстная: державшиеся вместе бородатые казаки, давно не бритые люди интеллигентного вида, бывшие офицеры, которых можно было узнать по выправке, вертлявые и нахальные воришки. Мой сосед меня информировал, что все ждут вызова к следователю и что некоторые оттуда не возвращаются. Как он выразился: "Их отправляют дальше — в штаб Духонина" [генерал-лейтенант Н.Н. Духонин, с 3 ноября 1917 г. по старому стилю исполнявший обязанности верховного главнокомандующего, 20 ноября был убит толпой солдат и матросов, возбужденных известием об освобождении им из тюрьмы генералов Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина] (в то время ходкое выражение, обозначавшее расстрел). Перспектива не из веселых.

Принесли хлеб, на человека получилось по небольшому куску, и протухшую семгу. Это была еда на весь день. Хлеб съел сразу. Попробовал семгу, но, несмотря на голод, есть не смог.

Подвальные окна нашей комнаты выходили на какую-то улицу. Слышен был шум города, но посмотреть в окно было невозможно, т.к. окна находились под потолком.

Началась уборка комнаты; состояла она в том, что все встали со своих мест и кто-то, поднимая страшную пыль, начал подметать пол; чтобы проветрить комнату, конвоир принес высокую табуретку и открыл окно. С улицы доносились женские голоса. Мне сообщили, что это торговки съестным. Сосед сказал, что, если конвоир разрешит и у меня есть деньги, я могу купить себе что-нибудь поесть. Режим в этой тюрьме, как видно, был еще либеральный. Мои деньги были спрятаны у меня в валенках, при всех я достать их оттуда не мог. <...> На мое счастье, у меня в кармане нашлось две “керенки”, и за них я получил пригоршню рожков.

Вызовы к следователю шли весь день и первую часть ночи, но меня не вызывали. Не вызвали и на следующий день. Только под вечер на третий день я услышал свою фамилию, с трепетом в сопровождении вооруженного красноармейца отправился на верхний этаж. Следователь, вопреки рассказам, мне показался совсем не страшным, еще довольно молодым человеком; встретил он меня скорее ласково. Я ему повторил мою затверженную биографию, что я подводчик, бросил лошадей и возвращаюсь в село Салы. Нервы мои не выдержали, и я немного расплакался. Не знаю, поверил ли следователь в мою, белыми нитками шитую, биографию. Ведь не мог же я сразу превратиться в стопроцентного деревенского паренька. Конечно, при желании меня можно было легко вывести на чистую воду. Но следователь этого желания не проявил. Может быть, на самом деле поверил, а может, я попал в его добрую минуту и он просто по-человечески пожалел мальчишку. Ведь сколько таких, как я, потерявших дом, металось в те времена по всей России в поисках своих родных.

Так или иначе, но он меня отпустил, выдав бумажку, что я возвращаюсь домой.

Был уже вечер, и мне некуда было деваться, не возвращаться же было в камеру. Следователь меня опять пожалел и устроил спать на столе в одной из канцелярий. Ночью меня разбудили пришедшие уборщики, которые с шумом начали передвигать столы и стулья и подметать. Потом они откуда-то принесли ящик консервов фаршированного перца и хлеб и устроили пиршество, на которое пригласили и меня. После трехдневной голодовки все было необычайно вкусно.

Утром я проснулся с головной болью и ломотой во всем теле. “Начинается какая-то болезнь. Только этого не хватало”, — думал я мрачно. Это совсем расстраивало мои планы. Решил, пока еще окончательно не разболелся, отправить-

ся в станицу Гниловскую, к казачкам, у которых провел Рождество, — может, они приютят. К счастью, это было не так далеко, около семи верст от Ростова. Спросил дорогу и пошел.

В Гниловской меня встретили как родного, уложили в кровать, дали какой-то настойки, малины с чаем. Перед этим, узнав, что у меня насекомые, заставили раздеться на веранде, дали мне одежду отсутствующего хозяина, обещав мою выпарить и вымыть. Казачка ухаживала за мной, как за вернувшимся сыном. Я им сказал, что при отступлении отбился от полка и все это время скитался. Половина их дома была занята красноармейцами. Казачка им объяснила, что я их племянник. <...>

Пролежав три дня с высоким жаром, я начал выздоравливать; слава богу, у меня оказался не тиф.

За это время в Гниловскую пришли новые войска; видно, красные готовились к наступлению. В наш дом вселили еще человек десять. Хозяйку, ее дочку и меня уплотнили в одну комнату, пришлось нам троим спать на одной широкой кровати поперек, подставив стулья. Красноармейцы же валялись по всему дому на соломе, целый день ничего не делая. Большинство из них было мобилизовано, вид у них и настроение были совсем не воинственные. От них удалось узнать, какие полки стояли в Гниловской.

Наконец я набрался сил и отправился на разведку в Ростов. Бродил там три дня, возвращаясь в Гниловскую спать. Побывал на вокзале, видел там еще бронепоезда, обошел окраины города в сторону Батайска. Старался запомнить виденную мной артиллерию и занимаемую ею позиции. Артиллерии было много. Относительно количества войск было сложнее: прикинуть на глаз трудно, а расспрашивать опасно.

К жене офицера из штаба Кутепова я так и не попал. Потом, не желая его огорчать, я соврал, что был у нее, но не застал дома.

Вечером после моего третьего похода в Ростов хозяйка мне рассказала, что старший из красноармейцев расспрашивал ее обо мне и что она боится, что кто-нибудь из соседей разболтал ему что-нибудь про меня. Решил, что надо на следующее утро уходить обратно в Батайск. Имей я возможность остаться там дольше, конечно, я мог бы раздобыть больше сведений, но и то немногое, что я узнал, как мне кажется, представляло уже кой-какой интерес. Рано, еще в темноте, казачки меня накормили, поплакали, благословили <...>.

За Доном, в двенадцати—тринадцати верстах, был заветный Батайск. Большевики не особенно следили за людьми, переходящими в этом месте Дон. По ту сторону Дона находились заливные луга и на них копны накошенного летом сена. Местные казаки часто ездили туда за своим сеном.

В Гниловской от Дона отделяется большой его рукав Мертвый Донец, и поэтому Дон здесь довольно широк. Резкий, сильный ветер, дувший с Азовского моря, сдул весь снег с зеркальной поверхности Дона. Ослабевший после болезни и от всех переживаний, я не мог устоять на ногах и все время падал. Переправлялся почти ползком, на карачках. <...>

Пошел снег. В десяти шагах ничего не было видно, но зато и меня, идущего по открытому полю в сторону "белогвардейского" Батайска, тоже никто не мог увидеть. Это было, конечно, хорошо, но было легко потерять направление, ведь я шел без дороги. Прошло часа три; по моим расчетам, уже должен был быть Батайск, а его все не было. Ветер со снегом, что может быть ужаснее? Начало закрадываться отчаяние, уходили последние силы. Появилась какая-то апатия, желание прилечь с заветренной, защищенной от этого пронизывающего ветра стороны куста и отдохнуть. Но инстинктивно я еще боролся, понимая, что если прилягу, то усну и уже больше никогда не проснусь.

Вдруг сквозь сетку падающего снега появились очертания моста. Это был тот самый виадук, где находилась красная застава и откуда начались мои злоключения. Какое счастье, что шел снег и меня никто не заметил. Мне бы несдобровать, если бы я опять попал к ним в руки. Я прошел версты две-три лишних, взяв чересчур налево, но теперь я, по крайней мере, знал, где я нахожусь и что до наших уже недалеко. Это придало мне сил. Вскоре снег прекратился и стали ясно видны дома Батайска.

В том месте, куда я вышел, огромные лужи, образовавшиеся во время рождественской оттепели, превратились в скользкие, замерзшие зеркально гладкие поверхности. На них, вероятно, было бы очень хорошо кататься на коньках, но мне в тот момент было не до катанья: я шел и опять все время падал. Из ближайших домов меня заметили, выбежали навстречу, подхватили, потом хорошенько оттерли снегом и только тогда ввели в избу. Это были наши, изюмские гусары, занимающие позиции по окраине Батайска.

Мне принесли поесть, дали отдохнуть, а потом отвели к генералу Барбовичу, командующему кавалерией Добровольческого корпуса. Спешенная кавалерия в это время занимала позиции, на которые я вышел. Выслушав мой рассказ, Барбович вышел в соседнюю комнату, где повышенным тоном кому-то рассказал обо мне и возмущался, что "детей посылают туда, куда не нужно".

Для нормальных условий, возможно, он был и прав, но время-то было ненормальное. Услышав его слова, я немножко оскорбился; ребенком себя не считал и действительно уже не чувствовал себя таковым.

Теперь, может быть, все случившееся со мной покажется многим маловероятным. Но ведь подобные и еще более невероятные истории происходили не

только со мной. Мы, дети тех "страшных лет России", как эти годы назвал Блок, становились взрослыми гораздо раньше, чем наши отцы и наши дети. Судьба украла у нас несколько лет, и мы "перескочили ускоренным выпуском" из раннего детства сразу в юность.

В свой полк, который в то время занимал позиции тоже в Батайске, я попал, только когда уже было темно. Там, забыв про усталость, до поздней ночи рассказывал во всех подробностях все мои похождения и переживания.

Проснувшись утром, на столике рядом с кроватью я нашел новые погоны нашего полка: синие с белым кантом с тремя лычками. Командир полка произвел меня в старшие унтер-офицеры. Эти погоны сразу же пришили к моей гимнастерке. Настроение портила только саднящая боль отмороженной правой щеки. Пришлось ее перевязывать, так что вид у меня был такой, как у раненого. С первым поездом я отправился на станцию Каял, где продолжал стоять поезд генерала Кутепова. Результатами моего похода, главное, как мне теперь кажется, тем, что я вернулся невредимым, он остался очень доволен. Расспрашивал меня о моей семье, что я собираюсь делать дальше. Потом вышел в соседнее купе и принес оттуда новенький блестящий серебряный Георгиевский крест, который и прикрепил к моей гимнастерке.

Кто в моем возрасте, да и старше, не мечтал о белом крестике! Понятно, что я был бесконечно счастлив и горд. Думаю, что в жизни ни до этого, ни после этого я никогда не испытывал такого острого и яркого ощущения радости.

Генерал Кутепов предложил мне остаться при штабе корпуса. <...>

Предложением остаться в штабе корпуса я не воспользовался, а вернулся в наш полк, который уже считал своим.

Отношение ко мне в полку заметно изменилось. Если раньше ко мне относились как к милому, но все же временному гостю, как к маленькому и слабому, которого любили, но который иногда бывал и обузой, то теперь меня признали своим, хотя и малым по возрасту, но полноправным членом полковой семьи. Командир полка приказал зачислить меня в первую роту, хотя я по-прежнему остался при штабе полка. Я получил жалованье за три месяца, с первого ноября. Получилась довольно порядочная, по моим понятиям, сумма» (*Павлов Б.А.* Первые четырнадцать лет. М., 1997. С. 50—60).

[42] То есть рафинированный сахар кладут в стакан, а не едят вприкуску.

[43] *Кальтенберг* Вольдемар Александрович — поручик, в Партизанском полку Добровольческой армии служил с 1918 г. В 1919 г. начальник команды связи 1-го Партизанского генерала Алексеева полка, в 1921 г. состоял в инженерной роте своей части в Галлиполи.

[44] То есть превосходная (*простореч.*).

[45] *Гильдовский* Борис Сергеевич служил в частном кинотеатре в Москве. В Вооруженные силы Юга России перешел из Красной армии осенью 1919 г. под Орлом, с февраля 1920 г. служил в команде связи Алексеевского полка. С апреля 1920 г. — старший унтер-офицер. Был в Галлиполи. Окончил Александровское военное училище (1922), получил чин подпоручика. В 1925 г. находился в составе Марковского полка в Болгарии.

[46] Французская киностудия братьев Патэ была создана в 1896 г. В 1908 г. в Москве действовал филиал этой киностудии, занимавшийся прокатом французских фильмов и созданием отечественных.

[47] 1-й Офицерский генерала Маркова полк был образован 17 (4) ноября 1917 г. в Новочеркасске как Сводно-офицерская рота. Развернут в Офицерский полк 25 (12) февраля 1918 г. После смерти 25 июня 1918 г. генерала С.Л. Маркова получил его имя. В октябре 1919 г., после формирования 2-го и 3-го полков, развернут в Марковскую дивизию, которая была разбита красной конницей у ст. Ольгинской 29 февраля 1920 г. В Крыму дивизия была восстановлена, после эвакуации в Галлиполи из оставшихся солдат был образован Марковский полк.

[48] *Состав-огнесклад* — специально оборудованный поезд для перевозки снарядов, патронов и взрывчатых веществ.

[49] Имеется в виду вагонная букса — металлическая коробка, внутри которой находятся подшипник качения и смазочный материал.

[50] Имеется в виду Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

[51] Такая станица не существовала. Были и есть Старовеличковская и Нововеличковская станицы.

[52] *Зеленые* — партизанские отряды, действовавшие в тылу белых войск и заявлявшие, что не являются сторонниками ни белых, ни красных. Однако с приближением Красной армии отряды зеленых вливались в ее состав. На Северном Кавказе и в районе Новороссийска отряды зеленых состояли преимущественно из кубанских казаков, дезертировавших из Вооруженных сил Юга России после разгона Кубанской рады по приказу генерала А.И. Деникина. В бои с белыми они старались не вступать. Когда Северный Кавказ заняли красные, из этих подразделений зеленых советским командованием была сформирована Отдельная кавалерийская дивизия Екимова.

[53] Казакам Донского казачьего войска была присвоена особая форма — фуражки с синим околышем и красной тульей и синие шаровары с красным лампасом.

[54] Речь идет о ветеране Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[55] В Российской империи большинство калмыков проживали на территориях Донского и Астраханского казачьих войск и в период боевых действий призывалось в состав этих войск. Оскорбление большевиками буддистских святынь было причиной того, что большинство калмыков оказались в рядах Вооруженных сил Юга России.

[56] *«Corned beef»* — американские консервы с солониной.

[57] Офицерские роты существовали во многих частях Вооруженных сил Юга России. В них на правах рядовых зачислялись недавно мобилизованные молодые офицеры. Командирами в этих ротах были ветераны Белого движения. В период разворачивания частей в более крупные воинские единицы офицерские роты служили резервом для пополнения командного состава.

[58] *Калинка* — рядовой Алексеевского пехотного полка, погиб в бою с красными 1 октября 1920 г.

[59] *Свирщевский* Александр Иванович (1896—1985) — капитан. Окончил Тифлисское военное училище, участвовал в Первой мировой войне. С 20 ноября 1918 г. служил в составе 1-го Партизанского генерала Алексеева полка Добровольческой армии. Эмигрант, скончался в Русском доме в Каннах.

[60] Далее густо зачеркнуто следующее предложение, ряд слов в котором прочтены нами предположительно: «Все равно, если попадет к красным, то они не узнают, кто автор этих строк, ибо я нигде не ставил свою фамилию».

[61] При посадке на корабль попеременно пускали по пять человек от разных частей. В отрывке упоминаются воины Алексеевского, Самурского, Смоленского и Черноморского пехотных полков.

[62] Из-за стремительного отступления белых с Северного Кавказа и краха обороны Новороссийска между командованиями Донской армии и Добровольческого корпуса, входивших в состав ВСЮР, возникли разногласия. Город и порт Новороссийск находились в распоряжении командования Добровольческого корпуса. В результате конфликта часть Донской армии была брошена в Новороссийске и затем сдалась красным.

[63] *«Волчата»* — неофициальное название военнослужащих Корниловского конного полка, состоявшего из кубанских казаков. Бойцы этого полка носили шапки из волчьего меха и использовали волчьи хвосты в качестве бунчуков. После разгона по приказу А.И. Деникина Кубанской рады часть кубанских казаков осталась верной Вооруженным силам Юга России, в том числе Корниловский конный полк. В Новороссийске кубанские части были брошены в порту. Корниловский конный полк и некоторые другие кубанские подразделения, не желая сдаваться красным, направились в сторону Грузии. Вскоре они были эвакуированы подошедшими кораблями в Крым.

[64] *Сидорович* Адольф Георгиевич — полковник. 17 сентября 1918 г. был зачислен в состав Партизанского полка Добровольческой армии, с 13 ноября 1918 г. командовал 2-м батальоном полка, в боях с красными был несколько раз ранен. В 1919 г. помощник командира 1-го Партизанского генерала Алексеева полка, с 29 августа 1920 г. временно исполняющий должность командира полка. В 1921 г. находился в лагере Галлиполи, был командиром 1-й роты Алексеевского полка, по состоянию на 1 сентября 1927 г. числился в составе полка, проживал в Болгарии.

[65] *Редькин* Василий Иванович (1898—1962) — поручик. В 1919—1925 гг. служил в Алексеевском полку. Скончался во Франции.

[66] Генерал А.И. Деникин так описывал этот эпизод: «Очертания Новороссийска выделялись еще резко и отчетливо. Что творилось там?.. Какой-то миноносец повернул вдруг обратно и полным ходом полетел к пристаням. Бухнули орудия, затрещали пулеметы: миноносец вступил в бой с передовыми частями большевиков, занявшими уже город. Это был “Пылкий”, на котором генерал Кутепов, получив сведение, что не погружен еще 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку, пошел на выручку. Потом все стихло. Контуры города, берега и гор обволакивались туманом, уходя вдаль... в прошлое» (*Деникин А.И.* Очерки русской смуты: В 5 т. Берлин, 1926. Т. 5. С. 350).

[67] Чеченцы служили в составе Вооруженных сил Юга России. Из них была сформирована Чеченская конная дивизия, и, кроме того, некоторая часть чеченцев служила в сотне охраны штаба Добровольческого корпуса.

[68] Ср. в воспоминаниях Б. Павлова об отступлении 1-го Партизанского генерала Алексеева полка на Кубань и эвакуации в Крым.

«Тринадцатого февраля началось наступление большевиков на соседнем с нами участке — на станицу Ольгинскую, которую занимали марковцы. Упорный бой продолжался четыре дня. В конце концов марковцы отступили. На Батайск красные не наступали, и у нас было довольно спокойно, но, чтобы не быть отрезанными, 18 февраля (по старому стилю) по приказу верховного командования мы оставили Батайск без боя. <...>

На первом ночлеге после Батайска на спящую 1-ю роту нашего полка неожиданно напали большевики. Потом говорили, что в роте оказались красные провокаторы и что это нападение было приготовлено и произведено при их содействии. Хата, в которой находились офицеры, была окружена, и им предложено было сдаться. Поручик Маслов, раскрыв окно, бросил на улицу гранату. Подождав взрыва, он выскочил в окно и благополучно избежал плена. Другие офицеры вместе с командиром роты поручиком Лацисом растерялись и были якобы связаны своими же солдатами, перешедшими на сторону красных.

Это был первый и, насколько мне известно, единственный случай такого рода в нашем полку. Именно с этим эпизодом, оставившим у всех горький осадок, ассоциируется у меня начало отступления по Кубани <...>.

Об отступлении по Кубани в весну двадцатого года у меня сохранилось мало каких-либо ярких, интересных воспоминаний. Отходили почти без сопротивления, пытались задержать большевиков и установить фронт на реке Кубани, но из этого ничего не вышло. И опять неудержимо покатились дальше к морю. <...>

Утром в станице Брюховецкой нас позабыли разбудить, и мы заспались. Когда, оседлав лошадей, мы собрались выехать на улицу, в начале ее показалась вступающая в станицу красная кавалерия. Мы повернули коней и задворками, через плетни и канавы, понеслись карьером. Как я не свалился с лошади — не знаю. Мой Мишка не мог выдержать такой скачки и начал отставать. Увидев это, полковник Гребенщиков, чтобы не оставлять меня одного, сбавил ход. Когда мы догнали своих, он похвалил меня, сказав, что я выдержал экзамен на звание "кавалериста".

В станице Крымской простояли два дня. Новороссийск был уже близко. Вместо ровной степи начались холмы и невысокие горы, покрытые лесом. Мы вступали в предгорья Кавказа.

Потеплело, запахло весной. Опять дороги превратились в жидкое месиво. Когда мы шли по ровному месту, нас, обдавая грязью, обгоняли автомобили. Теперь мы их встречали на подъемах, завязавшими в грязи. Мы, сидя на лошадях, были застрахованы от этого.

Наш пехотный полк, отступая и приноравливаясь к создавшейся обстановке, почти весь сел на добытых правдами и неправдами лошадей. У кого не было седла, устраивал себе нечто подобное из подушки. Только небольшая часть ехала на подводах.

Последняя ночевка перед Новороссийском была назначена в станице Неберджаевской (в точности названия не уверен). Попросив разрешения у командира полка, я отправился туда вперед с нашими квартирьерами, обгоняя медленно продвигающиеся войска и обозы. Станица эта расположена в двух-трех верстах от главной дороги, в котловине, окруженной со всех сторон горами. Приехав туда, мы остановились на площади, возле станичного управления. Начали спокойно, вместе с квартирьерами от других полков, делить станицу на районы по полкам. Вдруг с противоположной от главной дороги стороны, по довольно пологому спуску, показалась идущая лавой конница. Она шла по направлению к станице и быстро приближалась к нам. Это были "зеленые".

В этот момент их никто не ожидал. Нас было мало, и сопротивляться мы, конечно, не могли. Вскочив на коней, мы понеслись обратно, в сторону главной дороги. Мой Мишка при максимальном напряжении сил, как и полагалось, от всех отстал. В панике обо мне забыли, все ускакали. Среди этих квартирьеров не было близких мне людей, и меня на этот раз никто не подождал. На мое счастье, зеленые не пошли за нами в погоню, а, заняв станицу, там остановились.

Как потом оказалось, это были два кубанских полка с батареей, с частью офицеров, перешедших на сторону зеленых. Решили заслужить милость красных и ударили в спину своим.

Наконец на взмыленном Мишке я вылетел на шедшую по хребту горы главную дорогу. Несколько часов тому назад, когда мы по ней ехали, по ней шли бесконечной лентой обозы нашей отступающей армии. Теперь она была пуста. Только на обочине ее лежала цепь дроздовцев (я их узнал по погонам) и куда-то стреляла. Оказывается, и здесь было нападение зеленых.

По инерции я продолжал ехать вперед, вдоль лежащей цепи. Мой измученный Мишка, не подгоняемый мною, перешел на шаг. Солдаты на меня с удивлением оглядывались: что за герой объявился? Геройства же тут с моей стороны никакого не было, была просто растерянность: что делать дальше, куда повернуть и куда ехать? Ко всему этому начали еще падать снаряды. У зеленых оказалась и артиллерия.

Один из снарядов разорвался так близко, что силой взрыва меня и Мишку бросило на землю. Слава богу, все окончилось ушибом и пережитым страхом. Еще в состоянии обалдения я вскочил на ноги и побежал под гору. Хватаясь за кусты и деревья, вовремя остановился, так как крутой откос оканчивался обрывом. С перепуга и от возбуждения я сначала не чувствовал боли, большие синяки и ссадины обнаружил позднее. Отдышавшись и немного придя в себя, вскарабкался обратно на гору.

Мишку я нашел около одной из брошенных подвод, где он спокойно ел сено. Видно, он меньше меня потерял присутствие духа и даже аппетита не потерял. Взобравшись на него, поехал дальше и наконец спустился с этой злосчастной горы. Оказалось, что в обход ее проходила еще другая дорога, проселочная, по которой, как более безопасной, пошел поток отступающих обозов.

Конечно, нашего полка я там не нашел. В этой неразберихе, вызванной неожиданным нападением зеленых, все смешавшим, никто ничего не знал. Может быть, наш полк уже прошел, а может быть, и нет. Ничего другого не оставалось, как присоединиться к общему движению в направлении Новороссийска, что я и сделал.

Дорога, по которой прошли десятки тысяч, превратилась в густое месиво глубиной по колено, из которого мой Мишка еле вытягивал ноги. Он стал останавливаться, не особенно обращая внимания на мои понукания. Раньше я его никогда не бил и не применял плетки. Теперь же выломал прут, но он сразу сломался. Начал уже приходить в отчаяние, как вдруг на краю дороги увидел кем-то потерянную хорошую казачью нагайку. Дело пошло лучше. Мишка ожил и даже пытался идти рысью. Но счастье продолжалось недолго. Версты через две меня остановил старый калмык (группа их отдыхала на краю дороги). Ухватившись за мои поводья, он на ломаном русском языке начал что-то возбужденно кричать, показывая на мою плеть. Я понял, скорее по его жестикуляции, что эту плеть он потерял и требует, чтобы я ее ему вернул. Как мне ни хотелось оставить ее у себя, но пришлось отдать, — на его стороне была сила. А может, она и впрямь была его.

Без плетки стало еще хуже, чем раньше. Хоть бросай Мишку и иди пешком. Выручил догнавший меня офицер нашего полка. Он тоже отстал от полка и был очень обрадован, встретив меня. Он поехал рядом со мной и, когда было необходимо, подбодрял Мишку своей плеткой. Да и сама дорога исправилась, стала более каменистой. Лошади немного повеселели и пошли быстрее. Под вечер мы добрались до Новороссийска.

Город был как взбудораженный муравейник. Всюду было полно куда-то спешивших людей, и военных и штатских, пеших и конных; улицы были забиты брошенными повозками, орудиями, передками, автомобилями. Но что особенно усугубляло мрачную картину, это брошенные хозяевами расседланные лошади. Худые и изможденные, они понуро стояли или медленно передвигались в поисках пищи. При въезде в город мы встретили нескольких, как видно, местных жителей, нагруженных мешками, которые они еле тащили. Мой спутник, приняв их за мародеров, выхватил даже саблю. Увидев это, они разбежались, бросив мешки на дороге. В них оказалось старое обмундирование. Солдат, наблюдавший эту сцену, подошел к нам и объяснил, что в городе все склады открыты и их запасы раздаются населению. Оставив мешки на том же месте, мы поехали дальше.

Как воспоминание, характеризующее Новороссийск этого дня, осталась в памяти картина "ликвидации" огромных армейских складов, в тот день наполненных шумной толпой военных. С треском разбивались ящики, чтобы узнать их содержимое; здесь же раздевались и примеряли одежду; закусывали только что найденными консервами, пробовали содержание бутылок. К счастью, алкоголя не было. Наверное, в винные склады толпу не пускали. Это не был грабеж, так как это было разрешено. Даже ссор, насколько мне помнится, не было.

Всего было много, и всем хватало: всех видов военное обмундирование, начиная с шерстяных носков и теплого белья до кожаных теплых курток; разного рода консервы, шоколад, галеты, сгущенное молоко, медикаменты, медицинское оборудование и т.д.

Все это почему-то раньше экономилось, хотя и под Орлом, и под Батайском, и на Маныче войска мерзли в тонких, изношенных шинелишках. Не имея ничего теплого, отмораживали ноги и руки, часто голодали. Для тифозных не хватало медикаментов, и сыпняк буквально косил людей. Теперь это все бросалось; не успели даже вовремя вывезти в Крым. Такое хозяйничанье, выражаясь мягко, уважения к себе не вызывало, не вызывает и теперь.

В каждом человеке сидит жадность. Она просыпается особенно тогда, когда есть возможность что-то получить даром. Подхваченные общим психозом, я с моим офицером тоже пошли по складам. В одном набрали ботинок, так что еле могли тащить. В следующем бросили часть ботинок и набрали консервов и сгущенного молока. В третьем опять часть вещей выбросили, соблазнившись кожаными безрукавками, которые тогда почему-то были в моде, и т.д.

Штаб полка нашли поздно вечером на горе, на окраине города. Там шла подготовка к погрузке. Ночью выступили и пошли, направляясь к пристани. Горели склады, бросая причудливые отсветы на окружающую местность. Пахло гарью. Около гавани было приказано оставить наших лошадей. Это был тяжелый момент расставания человека с существом, с которым он как-то сроднился, с которым многое вместе пережил и которое было верным товарищем в трудные минуты. Многие прослезились. Оставленные лошади продолжали идти вслед за своими хозяевами. Командир не выдержал этого напряжения и застрелил своего коня. Прощаясь со своим Мишкой, я тоже всплакнул и расцеловался с ним. Он, по своим силам, старался служить мне верой и правдой.

В эту ночь по Новороссийску, как призраки, бродили табуны бездомных лошадей, ищущих своих хозяев.

На молу тысячеголовая толпа мучительно медленно продвигалась к пришвартованным пароходам, где происходила погрузка.

Вдоль мола шел довольно широкий барьер, около метра высотой. Взяв свои вещи, я взобрался на него и пошел по нему, обгоняя всех. На меня кричали, но я не обращал на это внимания. Таким образом я добрался до парохода, на который должен был грузиться наш полк. Это был довольно большой транспорт “Св. Николай”.

В это время на него происходила погрузка другого полка. Около трапа стояли два офицера с револьверами в руках и пропускали только солдат и офицеров своей части. Многие из других полков пытались проникнуть вне очереди,

но их не пускали, несмотря на скандалы, которые они устраивали. Моя попытка тоже окончилась неудачно. На все мои уверения, что наш полк тоже грузится на этот транспорт, мне решительно отвечали: “Когда будет грузиться твой полк, тогда и ты погрузишься, а пока жди”.

Чтобы не стоять и не быть на дороге, я забрался под трап и решил там ждать подхода нашего полка. Перед этим был день бурных переживаний, эту ночь мы не спали. Присев, я сразу же заснул. Проснулся от каких-то криков и стука. Первой мыслью было: неужели наш полк погрузился и я теперь останусь один?

Пока я спал, ночь кончилась, начинался рассвет. Шла погрузка нашего полка. Командир полка стоял наверху, около пароходных перил, и следил за происходящим. Увидев меня, он направился ко мне, улыбаясь. Вдруг выражение его лица изменилось, улыбка исчезла: “Что с тобой? Ты весь в крови”, — сказал он, подходя ко мне. Только тут я заметил, что один бок моей шинели густо пропитан кровью. Видно, под трапом у меня было неподходящее соседство. Наверное, там лежал раненый или мертвый, рядом с которым я проспал часть ночи. Жалко было мою новую шинель из русского солдатского сукна. В Батайске перед самым отступлением ее сшили для меня по мерке в нашей полковой швальне. Она мне казалась такой красивой и шикарной, а теперь ничего другого не оставалось, как выбросить ее в море.

Все трюмы парохода были уже до отказа набиты. Нашему полку оставалась только палуба. Усталые люди рассаживались где попало. Нас несколько человек устроилось в подвешенной спасательной шлюпке. С этого места было хорошо видно все, что происходит вокруг. У причалов уже не было кораблей, наш “Николай” был последним. А на берегу еще толпились тысячи людей, жаждущих уехать из Новороссийска. Оттуда доносился какой-то тревожный гул, там что-то кричали, махали руками. В городе изредка раздавались выстрелы.

На внешнем рейде был виден английский дредноут “Император Индии”, который, как представитель тогдашней владычицы морей Великобритании, спокойно и внешне безучастно наблюдал за всем происходящим вокруг <...>.

На дредноуте “Император Индии” началось какое-то оживление; там как будто проснулись. Грозные орудийные башни пришли в движение, направляя куда-то жерла своих пушек. Сотрясая воздух, дредноут начал изредка давать выстрелы из своих двенадцатидюймовых орудий куда-то в горы. Стрелял он не то по большевикам, не то по зеленым, не то для острастки прямо в воздух.

На верхнем его мостике была видна белая, как бы вырезанная из бумаги, фигурка, беспрерывно проделывавшая какие-то ритмические движения с флажками. Это отдавался приказ нашему “Св. Николаю” прекращать погрузку и отходить от пристани, так как сроки, поставленные для этого, давно уже прошли.

На нашем корабле началась обычная перед отплытием суетня матросов. Вдруг, расталкивая всех, влетела по лестнице на капитанский мостик группа возбужденных офицеров-дроздовцев. Бросилось в глаза, что один из них без руки. Как мне потом кто-то сказал, это был командир 3-го Дроздовского полка, известный генерал Манштейн. Оказалось, что на наш донельзя переполненный пароход должен был еще грузиться 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку на корабли и только сейчас подошедший к пристани. А капитан уже отдал приказ об отходе корабля, и матросы начали поднимать трап и рубить канаты.

На капитанском мостике на наших глазах разыгралась тяжелая, полная трагизма сцена. Слов разговора не было слышно. Запомнилось только, что в размахивающей руке одного из дроздовцев поблескивал никелированный револьвер; капитан же беспомощно разводил руками и, пытаясь что-то объяснить, все время показывал на английский дредноут.

Дроздовцам, видимо, не удалось переубедить капитана. Громко возмущаясь, они спустились обратно на мол, где оставался их полк. А наш “Св. Николай” между тем начал медленно отчаливать от пристани.

При выходе на внешний рейд мы встретили наш русский миноносец, который, разбрасывая волны, шел полным ходом обратно к пристани. На борту его был виден генерал Кутепов. Узнав, что Дроздовский полк остался на молу, он шел ему на выручку.

Небольшая группа алексеевцев также не успела погрузиться на пароход. Им пришлось пробиваться вдоль берега моря на Туапсе, откуда некоторые из них все-таки пробрались в Крым и вернулись в полк.

Выйдя в открытое море, наш пароход повернул на запад и начал набирать ход. Нас встретило угрюмое, неспокойное, совсем не южное море да стая играющих дельфинов, погнавшихся за нашим пароходом. Было утро 14/27 марта 1920 года» (*Павлов Б.А.* Первые четырнадцать лет. С. 63—75).

[69] *Орлов* Николай — капитан, уроженец Крыма. В 1919 г. служил в Симферопольском офицерском полку Вооруженных сил Юга России. Весной 1920 г. поднял бунт и с частью приверженцев ушел в Крымские горы, объявив себя зеленым. После вступления на полуостров Красной армии прибыл в Симферополь и сдался советской власти. Все члены отряда Орлова были арестованы и затем казнены. Сам Орлов был приговорен к расстрелу тройкой особого отдела 6-й армии в Симферополе 26 ноября 1920 г.

[70] Имеется в виду царь Понта Митридат VI Евпатор (134—63 до н.э.). На территории современной Керчи находился Пантикапей — столица его царства.

[71] С 1945 г. — Войково, село в Ленинском районе Крыма, центр Войковского сельсовета.

[72] *Остюк* (ость) — тонкий заостренный отросток на цветковой или колосковой чешуе у растений.

[73] *Золотник* — единица русской системы мер веса; равен 4,26 грамма.

[74] *Кварта* — единица измерения сыпучих или жидких объемов в англоязычных странах; равна примерно 0,95 литра.

[75] Вначале Судоплатов написал «2 апреля». Исправлено карандашом на «29 марта». Пасха в 1920 г. приходилась на 29 марта по старому стилю (на 11 апреля по новому стилю).

[76] Было «3 апреля», затем «3» исправлено карандашом на «30».

[77] *Лебедев* — поручик, артиллерист, офицер команды связи 1-го Партизанского генерала Алексеева полка, в 1921 г. состоял в инженерной роте Алексеевского полка в Галлиполи.

[78] То есть цинковые коробки с патронами.

[79] Имеется в виду следующая пародийная песня (Судоплатов цитирует ее в записи от 13 октября 1920 г.), популярная до революции:

Пошел купаться Веверлей,
Оставив дома Доротею,
С собою пару-пару-пару пузырей-рей-рей,

Берет он, плавать не умея.
Терпеть он более не мог
И окунулся с головою,
Но голова-ва-ва
Тяжеле ног-ног,
Она осталась под водою.

Жена, услышав про беду,
Удостовериться хотела,
Но ноги милого
В пруду-ду-ду
Она, узрев, окаменела.

Прошло сто лет, и пруд зарос.
И поросли травой аллеи,
Но все торчат-чат-чат
там пара ног-ног-ног.
Но все торчат-чат-чат
там пара ног-ног-ног —
То остов бедной Доротеи.

[80] Имеется в виду народная песня, в основе которой — стихотворение М.Ю. Лермонтова:

Скажи-ка, дядя,
Ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!, и т.д.

[81] Речь идет про следующую русскую народную песню:

Пошли девки на работу,
На работу, кума, на работу!

На работе припотели,
Припотели, кума, припотели.

Искупаться захотели,
Захотели, кума, захотели.

Поскидали рубашонки,
Рубашонки, кума, рубашонки.

Поскакали во речонку,
Во речонку, кума, во речонку.

Отколь взялся тут Игнашка?
Тут Игнашка, кума, тут Игнашка?

Забрал девичьи рубашки,
Рубашки, кума, рубашонки.

Одна девка всех смелее,
Всех смелее, кума, всех смелее.

Выскочила из речонки,
Из речонки, кума, из речонки.

Побежала за Игнашкой,
За Игнашкой, кума, за Игнашкой:

«Отдай девичьи рубашки,
Рубашки, кума, рубашонки...»

Пошли девки на работу,
На работу, кума, на работу!

[82] Слова «31 марта» вписаны позднее карандашом.

[83] В Екатеринодаре 31 января 1919 г. были созданы военно-училищные курсы для подготовки офицеров для Вооруженных сил Юга России. После прибытия курсов в Крым они были преобразованы в Корниловское военное училище. После эвакуации в Галлиполи училище вплоть до 1925 г. продолжало готовить офицеров для белых войск.

[84] *Звягин* Михаил Андреевич — генерал-майор, участник Первой мировой войны, командир 108-го пехотного Саратовского полка (полковник). С 18 мая 1919 г. командовал Самурским пехотным полком Вооруженных сил Юга России, весной 1920 г. командовал Алексеевской бригадой, затем — 6-й пехотной дивизией. Эмигрант, жил в Югославии.

[85] Так это вы кадеты?! (*укр.*).

[86] Да было пять человек! (*укр.*).

[87] так как что-то он не так идет (*укр.*).

[88] не печалься (*укр.*).

[89] Весной 1920 г., в связи с разгромом Красной армией войск Колчака, Миллера, Юденича и Деникина, советская власть ослабила террор. Но уже в апреле 1920 г. начались повальные аресты бывших белых офицеров и активных казаков, оставшихся на советской территории. Число концлагерей для белогвардейцев было также значительно увеличено.

[90] Имеется в виду Амадей-Людвиг Филибер (1818—1889), выходец из Франции, ботаник и селекционер, владелец соляных промыслов на Сиваше и зерноводческого и овцеводческого имения Акманай; он вывел сорт яблок «зеленый ренет».

[91] На полях запись Судоплатова: «Керчь. 12 мая 1920 года. Конец 2-й тетради».

[92] В Русской армии генерала П.Н. Врангеля было восстановлено награждение орденами и знаками отличия Русской императорской армии. В данном случае речь идет о награждении знаком отличия Святого Георгия 4-й степени.

[93] Было «8 апреля». Исправлено карандашом на «3 апреля».

[94] Правильно: «à la coque» — «со взбитым коком» (*фр.*).

[95] Правильно — Юзкуи.

[96] Ограда около стен хаты, промежуток между которой и стенами закладывается соломой или листьями для утепления хаты (*укр.*).

[97] Вначале было «куча жидов». Исправлено карандашом на «группа евреев».

[98] *Сохацкий* Владимир — поручик, с начала 1919 г. служил в Чехословацком пехотном батальоне Вооруженных сил Юга России, позднее — офицер 1-го Партизанского генерала Алексеева полка.

[99] *Логвинов* Николай Николаевич — капитан, участник Первой мировой войны, 7 марта 1920 г. произведен в подполковники с переименованием в полковники, командир 1-го батальона 1-го Партизанского генерала Алексеева полка.

[100] Борис Павлов в своих мемуарах подробно описал десант Алексеевского полка под Геническ:

«Отдохнуть нам так и не удалось. На второй день Пасхи неожиданно пришел приказ о выступлении. Вечером в Керчи наш полк погрузили на большую баржу. Была безлунная ночь. При потушенных огнях мы прошли Керченский пролив и вышли в Азовское море.

Куда мы плывем, никто точно не знал. Командир полка, если я не путаю, получил конверт с заданием, который он должен был распечатать в открытом море.

Погода для начала апреля была необыкновенно теплая, и Азовское море, известное своими бурями, довольно спокойное. В барже было чересчур душно, и я устроился спать на воздухе, на крыше рулевой будки.

Нашу баржу тянул маленький по сравнению с ней катер. Запомнилось его название “Силач”, такое не соответствующее его размерам. Свое название он с честью оправдал, легко справляясь со своей, казалось, непосильной для него задачей. Мы довольно быстро продвигались вперед.

На рассвете высадились в тылу у большевиков около села Кирилловка, верст сорок севернее Геническа. Высадка прошла благополучно. Как видно, нас никто не ожидал. Да и трудно было предположить, что войска, только что потерпевшие поражение на Кубани, так быстро оправятся и будут способны на рискованную операцию десанта.

Силы наши были не ахти какие: остатки нашего полка, около 300 человек, взвод юнкеров да какая-то часть Самурского полка, всего человек четыреста—пятьсот, при одном орудии (взяли с собой два, но второе даже не выгрузили, так как оно оказалось неисправным).

С нами пришла канонерская лодка "Гайдамак", бывший ледокол, переделанный в военное судно. Она должна была поддержать огнем своих орудий нашу высадку и помогать нам в дальнейшем по мере нашего продвижения вдоль Азовского моря. Для этого к нам был прикомандирован моряк-артиллерист в чине лейтенанта, чтобы корректировать стрельбу "Гайдамака".

Задача нашего десанта, как я понимаю, была, пройдя по тылам большевиков, нарушить коммуникации, оттянуть силы красных от Перекопа и выйти на соединение с нашими около Геническа.

Вначале все шло гладко, мы продвигались довольно быстро, не встречая особенного сопротивления. Но на второй день картина начала меняться: красные уже подтянули силы, каждую деревню приходилось брать с упорным боем. Ко всему еще и моряк-лейтенант был убит и мы потеряли поддержку с моря. Мы остались с одним орудием, к тому же и снаряды для него скоро вышли.

Одно село мы никак не могли взять. Засевшие там большевики оказывали упорное сопротивление. Для овладения им потребовалось бы много человеческих жертв и времени. А при нашей малочисленности наше спасение было в быстроте продвижения вперед. Был найден выход: мы просто обошли это село, оставив его защитников позади себя.

Подойдя к Геническу, нашему полку пришлось вести бой на две стороны: отбиваться от наступающих на нас сзади большевиков и вести бой с обороняющими город красными войсками.

Геническ оказалось взять не так просто; наши цепи были встречены сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Большевики уходить из Геническа не хотели. Нам же нужно было взять его во что бы то ни стало: другого выхода у нас не было. За Геническом была Арабатская стрелка и Крым, где были уже наши.

Напрягая последние силы, несмотря на большие потери, наши цепи упорно продвигались вперед. Наконец большевики не выдержали и стали отходить. Мы вступили в город; казалось, что все злоключения кончились и мы сможем спокойно передохнуть. Стрельба умолкла, наступило затишье. Штаб нашего полка вышел на небольшую городскую площадь и там остановился.

Перепуганные жители начали выползать из своих домов и вступать в разговоры. Среди них были и евреи; как и во всех русских приморских городах, здесь их было довольно много. Ко мне подошел старый еврей и стал меня расспрашивать, кто мы такие, поругал большевиков, а потом сказал мне, что он знает, где у красных склад оружия, и предложил мне его показать. Он повел меня в какое-то большое здание, по виду похожее на государственное учреждение. Сначала мы пошли по лестнице, а потом по бесконечному пустому ко-

ридору. Наши шаги гулко отдавались в тишине казавшегося необитаемым здания. Начал закрадываться страх и раскаяние, что пошел с незнакомым человеком в только что занятом нами городе неизвестно куда. Главное, я никому не сказал, куда я ухожу.

Наконец мы вошли в большую комнату, густо заставленную кроватями, на которых лежали и сидели раненые. Это был лазарет красных. При нашем появлении все замерли и с испугом уставились на нас. Они, верно, уже знали о приходе белых и приняли меня за первого вестника добровольцев, о жестокости которых советская пропаганда так много кричала.

В углу этой комнаты была навалена небольшая куча разнокалиберных старых винтовок, которую мой проводник мне и показал. Это и был в его представлении "склад оружия".

Обитатели палаты, видя, что пока, кроме меня и старого еврея, никого нет, осмелели. Начали переговариваться между собой и расспрашивать еврея, что происходит в городе и зачем он привел меня к ним. Ситуация принимала неблагоприятный оборот для меня: я оказался один среди врагов. Они бы могли что угодно со мной сделать, и об этом никто бы не узнал. Спасло меня то, что, по-видимому, они не были вполне уверены, что за нами никто не следует. Пока они этого окончательно не раскумекали, нужно было уходить. Прервав дебаты, я сказал, что сейчас нам нужно идти, но что скоро мы вернемся.

Мне и до сих пор не совсем понятно поведение старого еврея и почему он именно меня выбрал своим доверенным лицом. Возможно, как говорят, у него «не все были дома». Одно можно с уверенностью сказать, что ему не поздоровилось после нашего ухода из города.

За те полчаса, что я отсутствовал, обстановка совершенно изменилась. Со стороны, с которой мы вошли в Геническ, была слышна приближающаяся и все усиливающаяся пулеметная и ружейная стрельба. Красные, которые шли за нами, догнали нас и наступали на город.

Командир полка, увидев меня, приказал мне отправляться на пристань, где уже шла переправа войск на Арабатскую стрелку.

Генический пролив, соединяющий Азовское море с Сивашом и отделяющий Геническ от Арабатской стрелки, в этом месте довольно узкий; тем не менее переправа шла не очень быстро, так как в нашем распоряжении было только несколько небольших лодок. Даже весел не было, и приходилось грести досками, отодранными от настила пристани.

Наш стрелковый полк, занимающий позиции на Арабатской стрелке, в задачу которого входила оборона ее от большевиков, почему-то не оказал нам поддержки во время нашего наступления на Геническ; не помог он нам и во время переправы.

Вдобавок ко всему начался обстрел пристани из близлежащих домов, расположенных на горе над проливом. При занятии нами города красные, припертые к морю, как видно, попрятались по домам и теперь, увидев, что мы отступаем, открыли огонь из окон, в упор расстреливая на выбор бегущих белых.

Такой развязки никто не ожидал. Началась паника, лодки брали с боя. Мои попытки попасть на одну из них не увенчались успехом. Забравшись под пристань, я скинул ботинки и штаны и, бросившись в воду, поплыл. Вокруг пули, цокая, падали в воду. Вода, наверное, была холодная, ведь было только начало апреля по старому стилю, но я никакого холода не замечал.

На середине пролива я ухватился за корму проходящей мимо лодки. Это было очень вовремя, я уже начал терять силы. Кто-то, не забывший старые законы военного товарищества, подал мне руку и втащил меня в лодку. В лодке уже были раненые и на дне лежал убитый. К тому же лодка текла и постепенно наполнялась окрашенной в красный цвет водой.

Не помню, как мы пристали к берегу. Подхваченный инстинктом "самоспасения", который охватил всех, я понесся, не чувствуя под собой ног, по открытой песчаной косе. Ни хаты, ни деревца, ни куста — ничего, что могло быть защитой или укрытием.

Начали рваться снаряды. Это наш "Гайдамак", не разобравшись, в чем дело, и решив, что это большевики переправились через пролив, по своей собственной инициативе, думая нам помочь, взял под обстрел Арабатскую стрелку. На наше счастье, ошибка скоро выяснилась и обстрел прекратился.

Пробежав версты две, мы остановились. Пули уже не достигали нас. Начали собираться те, кому удалось выскочить из этой переделки. Вид у всех нас был совсем не воинственный — были мы совершенно мокрые, большинство полуголые. Немного осталось от нашего полка. Много алексеевцев осталось лежать на деревянных настилах Генической пристани или нашли свою могилу на дне Генического пролива.

Между собравшимися уцелевшими алексеевцами не было командира полка. Говорили, что он остался с ротой, прикрывающей отступление, а что произошло с ним дальше — никто не знал, начали уже беспокоиться за его судьбу.

Вдруг видим, едет какая-то повозка, а в ней, к нашей великой радости, наш командир в каком-то старом тулупе на голое тело. Он одним из последних переплыл пролив. Увидев жалкие остатки полка, он закрыл лицо руками и разрыдался. Те, у кого сохранилась одежда, поделились с ним и как-то его одели.

Потом пришла та же баржа, что и привезла нас, и тянул ее тот же катер "Силач". Погрузили наши остатки и повезли обратно в Керчь.

Так, внешне бесславно, окончился наш десант. Но если принять во внимание нашу малочисленность и привадуматься, чего мы, несмотря на эту малочис-

ленность, достигли, то стыдиться нам нечего. Горсточка алексеевцев храбро прошла по тылам красных, оттянула на себя силы большевиков и этим самым облегчила главным силам оборону Перекопа и заняла с боем Геническ. Но здесь их, повторяю, почему-то никто не поддержал, а своих сил у них было недостаточно, чтобы удержать за собой город» (*Павлов Б.А.* Первые четырнадцать лет. С. 83—88).

[101] Было «генерал». Карандашом исправлено на «полковник».

[102] *Гравицкий* Георгий (Юрий) Константинович (1883—1931) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны, с начала 1918 г. сражался в рядах Добровольческой армии. Весной 1919 г. возглавил вновь сформированный Сводно-стрелковый полк. В 1922 г. вернулся в СССР, работал инспектором пожарной охраны. Арестован 30 августа 1930 г., впоследствии расстрелян.

[103] Неточно цитируется песня на слова стихотворения французского поэта Пьера Жана де Беранже (1780—1857) «Старый капрал» в переводе В.С. Курочкина.

[104] Здесь автор перечисляет сражения Русской императорской армии в период Первой мировой войны 1914—1918 гг. и Вооруженных сил Юга России в 1918—1919 гг., в которых были проявлены героизм и мужество.

[105] В индукторных аппаратах вызов абонента осуществлялся при помощи звонка, а в фонических — при помощи электрического звукового прибора, так называемого зуммера. Звук зуммера, напоминающий жужжание, был слаб и слышен только тогда, когда телефонная трубка находилась около уха телефониста.

[106] *Вениамин* (в миру Иван Афанасьевич Федченков; 1880—1961) в 1919—1920 гг. был епископом Севастопольским и викарием Таврической епархии, активно боролся с большевиками, с апреля 1920 г. — епископ Русской армии и флота. В эмиграции жил в Чехословакии, США и других странах. В 1945 г. по приглашению Сталина участвовал в Поместном соборе в Москве, на котором был избран новый Патриарх Московский и всея Руси. Позднее получил советское гражданство и переехал в СССР.

[107] Мама Русская (с 1948 г. Курортное) — село в Крыму на берегу Азовского моря.

[108] То есть питался скудно, впроголодь (в Евангелии говорится, что Иоанн Креститель питался в пустыне акридами (саранчой) и диким медом).

[109] В 1918 г. были созданы Кубано-Софийские военно-училищные курсы из остатков школы прапорщиков казачьих войск в Екатеринодаре и 1-й Киевской школы прапорщиков, существовавших в период Первой мировой войны. 8 ноября 1919 г. курсам было присвоено имя генерала Алексеева. После эвакуации

в Крым весной 1920 г. они были преобразованы в Кубанское генерала Алексеева военное училище. После эвакуации из Крыма оно некоторое время продолжало свою работу, осуществив последний выпуск в Болгарии в 1922 г.

[110] *Бузун* Петр Григорьевич (1893—1943) — полковник. Окончил Алексеевское военное училище (1913), вышел в 149-й пехотный Черноморский полк, в составе которого участвовал в Первой мировой войне. В начале 1918 г. поступил в Добровольческую армию, в рядах Партизанского полка участвовал в 1-м Кубанском (Ледяном) походе, во время 2-го Кубанского похода командовал 2-м батальоном этой части, был ранен. С 10 декабря 1918 г. занимал должность помощника командира полка, с июня 1919 г. командир 1-го Партизанского генерала Алексеева полка, с 10 мая 1920 г. командир объединенного Алексеевского пехотного полка (с перерывами). В эмиграции в Галлиполи состоял в кадре Алексеевского полка, впоследствии проживал в Югославии. В 1941 г. поступил в Русский корпус, состоявший из белогвардейцев и боровшийся с югославскими красными партизанами. Погиб в бою у м. Вальево (Югославия).

[111] 2-й Алексеевский пехотный полк долгое время завершал формирование в тылу и не выходил на фронт.

[112] *Шевердин* Максим Федорович (1867—1920) — поручик, уроженец Бердянска. Служил в сигнальной связи Черноморского флота, с 1919 г. числился в составе Вооруженных сил Юга России. Остался на родине. Был приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Керчи к расстрелу.

[113] 52-й пехотный Виленский полк до 1914 г. дислоцировался в Феодосии и комплектовался преимущественно местными уроженцами. В начале 1918 г. был расформирован на Румынском фронте. В декабре 1918 г., после перехода Крыма под юрисдикцию Добровольческой армии, полк был восстановлен в ее составе офицерами — жителями Феодосии. В мае—июне 1920 г. в состав полка некоторое время входили в качестве 3-го батальона остатки алексеевцев. В ноябре 1920 г. подавляющее большинство военнослужащих полка осталось на родине и вскоре было расстреляно сотрудниками ЧК.

[114] *Подгорный* Павел Константинович (1881—1920) — полковник. Житель Феодосии, служил в 52-м пехотном Виленском полку, в составе которого участвовал в Первой мировой войне. С начала 1919 г. служил в составе Вооруженных сил Юга России, в 1920 г. командовал 52-м пехотным Виленским полком. Остался на родине, был арестован ЧК, 27 ноября 1920 г. приговорен тройкой особого отдела 13-й армии в Феодосии к расстрелу.

[115] Эта строка вписана позднее карандашом. *Слащев* Яков Александрович (1885—1929) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. С января 1918 г. служил в Добровольчеокой армии, с мая 1918 г. состоял начальником

штаба партизанского отряда А.Г. Шкуро, затем последовательно командовал бригадой, дивизией и корпусом. Зимой—весной 1920 г. успешно руководил обороной Крыма от советских войск, что дало возможность белому командованию эвакуировать войска на полуостров из района Одессы и Крыма. Из-за разногласий с П.Н. Врангелем в июле 1920 г. ушел в отставку. В конце 1921 г. вернулся по амнистии в Советскую Россию, преподавал в школе усовершенствования комсостава РККА «Выстрел».

[116] То есть штаба бригады.

[117] 1-й Партизанский генерала Алексеева полк был шефский, и на погонах должен был находиться вензель шефа. Однако лишь в 1920 г. зашла речь о создании вензеля генерала Алексеева на погоны.

[118] *Гидрокрейсер* — корабль, обеспечивающий транспортировку гидросамолетов с возможностью их выпуска в полет и приема с воды.

[119] *«Ньюпоры»* — истребители французского производства, применявшиеся в Русской императорской армии в период Первой мировой войны, а также всеми противоборствующими сторонами в Гражданскую войну. *«Вуазены-гарба»* — тяжелые самолеты-бомбардировщики, разработанные французскими конструкторами. Производились в России и состояли на вооружении отечественного воздушного флота. Самолеты были оборудованы поплавками и, в отличие от «Ньюпоров», взлетали с воды.

[120] *Сенкевич* Генрик (1846—1916) — польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1905).

[121] провода (*укр.*).

[122] боковая часть крыши (*укр.*).

[123] Имеются в виду трафареты для погон с вензелями «А» (полк генерала Алексеева). Такие трафареты делались из металлической пластинки, в которой был прорезан контур вензеля. Трафареты прикладывались к погонам, и с помощью краски вензель наносился на них.

[124] Крупнейший металлургический завод в Екатеринославе носил название «Брянский».

[125] А не (*укр.*).

[126] В конце 1919 г., в связи с успехами Красной армии и приближением ее к Крыму, в районе Керчи началось большевистское восстание, подавленное частями Туземной бригады Вооруженных сил Юга России, укомплектованной преимущественно чеченцами.

[127] Правильно: rice paper (*англ.*) — рисовая бумага, т.е. тонкая бумага для письма, сделанная из рисовой соломы.

[128] *Казанович* Борис Ильич (1871—1943) — генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Одним из первых поступил в Добровольческую армию, в 1-м Кубанском (Ледяном) походе сражался рядовым в рядах Партизанского полка. Позднее командовал Партизанским полком, был тяжело ранен во время боев за Екатеринодар. В мае—июне 1918 г. осуществил разведывательную поездку в большевистскую Москву, по возвращении — начальник дивизии, затем корпуса. В Русской армии генерала П.В. Врангеля командовал Сводно-Кубанской пехотной дивизией, во главе которой участвовал в десанте на Кубань. В эмиграции жил в Югославии, где и скончался.

[129] Аршин был равен 0,71 метра.

[130] «Двести лет, как казак в неволе» (*укр.*). Фрагмент старинной украинской народной песни «Дума про козацьку неволю».

[131] Ой, рада бы я выйти,
Но нахожусь в неволе
В неволе в ярме
Под московским надзором
В тюрьме (*укр.*).

[132] Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг., когда английский флот пытался захватить Керченский пролив.

[133] Речь идет об участниках советских отрядов, пытавшихся оказать сопротивление немецким войскам во время оккупации Крыма весной 1918 г.

[134] Константиновское военное училище до ноября 1917 г. располагалось в Киеве. После перехода власти в Киеве в руки украинской Центральной Рады училище выехало на Дон, где вскоре вошло в состав Добровольческой армии. В 1919 г. возобновило свою работу, 6 августа было переведено в Феодосию. Весной 1920 г. защищало Крым от советских войск. Участвовало в десанте на Кубанский полуостров. В эмиграции продолжало свою работу до осени 1925 г.

[135] Правильно: «à la bouillon», т.е. «типа бульона» (*фр.*).

[136] *Улагай* Сергей Георгиевич (1875—1944) — генерал-лейтенант. Черкес по происхождению. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С начала 1918 г. служил в Добровольческой армии, командовал дивизией, затем корпусом, прославился при взятии Царицына (ныне Волгоград). В августе 1920 г. руководил десантом на Кубань. Впоследствии проживал в эмиграции во Франции, скончался в Марселе.

[137] Ранее было «морскую», исправлено карандашом на «дождевую».

[138] *Бабиев* Гавриил Федорович (1887—1920) — генерал-лейтенант. Из казаков Кубанской области, сын генерала. Участник Первой мировой войны, в

Добровольческой армии с начала 1918 г. Командовал Корниловским конным полком, затем последовательно бригадой, дивизией и конным корпусом в Русской армии генерала П.Н. Врангеля. В боях был ранен 19 раз. Погиб при переправе через Днепр в районе Каховки. Кубанские казачьи части, которыми командовал генерал, часто называли бабиевскими.

[139] гроб (*укр.*).

[140] «Лезь в гроб!» (*укр.*).

[141] Если очень хотите пить <...> так у меня, кажется, остался квас-сырец, если ребята не выпили (*укр.*).

[142] *Огудина* — ботва некоторых огородных растений (огурцов, арбузов, тыкв и т.п.).

[143] В 1919 г. в составе Вооруженных сил Юга России была осуществлена попытка возродить гренадерские полки. Вначале был сформирован Сводно-гренадерский полк, а к концу 1919 г. из него была развернута Сводно-гренадерская дивизия. При отступлении белых к Новороссийску дивизия была разбита. Ее остатки свели в батальон, приданный 3-м в состав 1-го Партизанского генерала Алексеева полка.

[144] ужинать (*укр.*).

[145] Речь идет, по-видимому, о полковнике Владимире Петровиче Вертоградском, служившем в 1-м Партизанском генерала Алексеева полку с 1918 г. Окончил Иркутское военное училище (1911), в составе 36-го Сибирского стрелкового полка участвовал в Первой мировой войне. В боях с красными был несколько раз ранен.

[146] Реформатская Зинаида Николаевна (? — 1968) — одна из первых русских женщин-офицеров. В октябре 1917 г. в числе 25 девушек окончила Александровское военное училище в Москве, затем выехала на Дон, где поступила в состав Партизанского полка Добровольческой армии. В боях с красными была несколько раз ранена. В 1-м браке жена полковника Вертоградского, во 2-м — Кальфа. В эмиграции проживала в США.

[147] Дикими (или туземными) в императорской армии назывались части, сформированные из горских народностей Северного Кавказа. Кавказской дикой кавалерийской дивизией Красной армии именовалось соединение, сформированное Д.П. Жлобой. В период Кубанского десанта дивизией командовал М.Г. Мейер.

[148] Имеются в виду буденовки, незадолго до этого появившиеся в частях Красной армии.

[149] прямиком (*укр.*).

[150] На полях надпись «Конец 3-й тетради. Обновлен и написан в селе Большая Белозерка Таврической губернии после потери 3-го дневника. 12/X 1920 г. Большая Белозерка Таврической губернии 1-й Партизанский ген. Алексеева полк, команда службы связи».

[151] *Шифнер-Маркевич* Антон Мейнгардович (1887—1921) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны, с августа 1918 г. служил в Добровольческой армии, с мая 1919 г. командовал 1-й Кавказской конной дивизией. В Русской армии генерала П.Н. Врангеля возглавлял 2-ю Кубанскую конную дивизию, во главе которой участвовал в Кубанском десанте, был тяжело ранен. Повторно ранен в боях на Перекопе. Скончался в лагере Галлиполи.

[152] В годы Первой мировой войны гусеничные тракторы стали активно использовать для перевоза тяжелых (дальнобойных) орудий. К концу войны появился ряд гусеничных тракторов, сконструированных исключительно для военных целей — поддержки тяжелой артиллерии. Были сформированы новые артиллерийские части, получившие наименование тракторных дивизионов. В годы Гражданской войны тракторные части существовали в рядах как белых, так и красных войск.

[153] *Черепов* Александр Николаевич (1877—1964) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. 5 декабря 1917 г. одним из первых поступил в Добровольческую армию, командовал последовательно отрядом, батальоном, бригадой, дивизией. В 1920 г. во время Кубанского десанта возглавлял отряд, который должен был связаться с кубанскими партизанами, был тяжело ранен. В эмиграции проживал в Югославии и США, скончался в Нью-Йорке.

[154] Было «сотник N» со сноской «Фамилию его не запомнил», позднее вместо этого вписано карандашом «полковник Скакун». *Скакун* Сергей Борисович — командир казачьего партизанского отряда, организованного в июне 1920 г. и действовавшего в приазовских плавнях у станицы Гривенской. 5 августа присоединился с несколькими сотнями казаков к подразделениям под командованием генерала С.Г. Улагая. После разгрома десанта ушел с бойцами своего отряда в Крым.

[155] Что там так? (*укр.*).

[156] Пейте на здоровье, разве нам жалко для хороших людей, вы за нас деретесь, жаль, что баклажка мала, и полкувшина не влезло... (*укр.*).

[157] Фамилия вписана позднее карандашом.

[158] *Мейер* Михаил Георгиевич — бывший капитан Русской императорской армии, участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 г., в 1919—1920 гг. успешно командовал 34-й стрелковой дивизией, с 16 мая 1920 г. комдив 1-й Кав-

казской дикой кавалерийской дивизии. Был расстрелян белыми при отступлении с Таманского полуострова.

[159] *Устинов* Василий Митрофанович — поручик, с 25 ноября 1918 г. служил в Партизанском полку Добровольческой армии, в 1919—1920 гг. состоял в команде ординарцев Алексеевского полка.

[160] *Астраханская* конная *бригада* была сформирована весной 1920 г. в Крыму из различных небольших кавалерийских частей. Осенью 1920 г. была разбита в боях с частями Красной армии.

[161] *Кацап* — шутливое, иногда презрительное наименование русских у белорусов и украинцев.

[162] А это... (*укр.*).

[163] 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии, имевший целью соединение с восставшими кубанскими казачьими частями, состоялся 22 (9) февраля — 13 мая (30 апреля) 1918 г. Во время 2-го Кубанского похода (июнь—декабрь 1918 г.) Добровольческая армия очистила от красных всю территорию Кубанского казачьего войска, Северного Кавказа, а также Черноморской и части Ставропольской губерний.

[164] *Назаров* Федор Дементьевич (? — 1930) — полковник. Окончил Новочеркасское казачье училище (1914), участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, в 1918—1919 гг. командовал 42-м Донским казачьим полком. В июле 1920-го руководил десантным отрядом, высадившимся у ст. Новониколаевской и после ряда боев разбитым красными. После эвакуации из Крыма выехал в Монголию для продолжения борьбы. В 1930 г. во главе отряда проник на территорию СССР. Попав в окружение, покончил жизнь самоубийством.

[165] Речь идет о картине К.П. Брюллова «Последний день Помпеи» (1828).

[166] В Гривенскую в 1912 г. была переименована не Старонижестеблиевская, а Новонижестеблиевская станица.

[167] *Коновалов* Герман Иванович (1882—1936) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны. В Вооруженных силах Юга России служил с января 1919 г., занимал различные штабные должности, при П.Н. Врангеле занял пост генерал-квартирмейстера. Во время Кубанского десанта был доставлен на Таманский полуостров самолетом для занятия должности начальника штаба генерала Улагая. В эмиграции проживал в Румынии.

[168] *Осокорь* — разновидность тополя, дерево с мягкой древесиной и темно-серой корой.

[169] *Загоскин* Михаил Николаевич (1789—1852) — прозаик, автор исторических романов.

[170] *Короп* — украинское наименование карпа.

[171] *Кокарев* Михаил Андреевич — статский советник, в 1890—1910-е гг. преподаватель русского языка в Харьковском епархиальном женском училище. По-видимому, также преподавал в учебном заведении, в котором учился автор дневника.

[172] Цитируется «Бородино» М.Ю. Лермонтова.

[173] *Осипенко* Ефим Георгиевич — капитан, с 27 сентября 1918 г. служил в Партизанском полку Добровольческой армии, в 1920 г. занимал должность командира офицерской роты полка. Был награжден орденом Святого Николая Чудотворца 2-й степени. В 1921 г. в Галлиполи состоял командиром 3-го взвода 1-й роты Алексеевского полка, по состоянию на 1 сентября 1927 г. числился в кадре полка.

[174] Б. Павлов оставил подробные воспоминания о десанте на Кубань:

«В июле пошли слухи, что наше мирное пребывание на берегу Черного моря скоро кончится. Стали поговаривать о десанте на Кубань или на Дон, в котором и мы, возможно, примем участие. За это время наш полк хорошо отдохнул. Этот отдых полк заслужил. Почти за три года непрерывных боев и походов такое счастье, как сравнительно длительный отдых, ему выпало в первый раз. Полк получил пополнение, получил недостающее вооружение и стал опять внушительной силой. Кроме всего, в него отдельным батальоном был влит Гренадерский полк в триста человек, почти одних офицеров.

За это время все у нас как-то приоделись. Сшили себе белые гимнастерки, форменные фуражки (синий околышек и белый верх). В то лето портные и “фуражечники” Керчи были завалены работой на алексеевцев. Я тоже заказал себе такую фуражку, и мне казалось, что она мне чрезвычайно идет и делает более взрослым.

В последних числах июля был получен приказ о выступлении. Оказалось, что учебная команда, в которой я состоял, в поход не идет, а остается с обозом в Керчи. Большинство офицеров нашей команды обратилось с просьбой в штаб полка о переводе в боевые роты. Я тоже уговорил командира полка взять меня с собой.

Помню, грузились мы вечером, но не на городской пристани, а у причалов Керченской крепости, наверное, из соображений соблюдения тайны. Перед погрузкой был смотр полка нашим новым командиром дивизии генералом Казановичем. Для нашего полка он был свой человек. После генерала Богаевского он в Первом Кубанском походе командовал нашим полком.

Судно, на которое мы погрузились, оказалось вместительной баржей с поэтическим названием “Чайка”. Ее тянул большой катер. Через Керченский пролив проходили опять ночью. На следующее утро проснулись в открытом море. Начинался солнечный летний день. Ветра не было, и почти не качало. Настроение у всех было приподнятое, бодрое; верили, что поход будет удачным.

Наше благодушное настроение несколько испортилось к полудню, когда наступила жара. Наша "Чайка", сделанная из железа, на солнце раскалилась. На палубе было терпимо, там хотя бы был свежий воздух. Но большинство сидело в трюме, где была невыносимая жара и духота. Все разделись и сидели голыми, но и это не помогало. Ко всему прочему выяснилось, что запас пресной воды взят недостаточный; вода была быстро выпита, и людей начала мучить жажда. Некоторые пили морскую воду, благо вода в Азовском море не такая соленая. Пробовал и я ее пить, но не мог, было слишком противно. Меня выручил арбуз, который купил в день погрузки. Он оказался не особенно зрелым, и я не стал его есть и собирался выбросить, но, к счастью, почему-то этого не сделал. На следующий день он очень пригодился мне и казался отличным.

В Азовском море мы встретились с другими кораблями и присоединились к ним. По мере продвижения вперед нас становилось все больше, и постепенно образовалась довольно многочисленная эскадра — в два-три десятка судов, правда, небольших по размеру. Для крупных кораблей Азовское море недостаточно глубоко. Тем не менее картина была довольно внушительная.

Однако внушительность эта была только внешняя: как потом выяснилось, две трети едущих на этих кораблях были не войска, а те, кто позднее оказались только ненужным балластом. Казаки, отправляющиеся к себе на Кубань, уверенные в победе, везли с собой семьи и весь свой скарб. С ними ехали их войсковой атаман со своей канцелярией, члены Кубанской Рады, видные кубанские общественные деятели. Как пишет с возмущением в своих воспоминаниях генерал Врангель: "На корабли было погружено 16 000 человек и 4500 коней, при общей численности войск в 5000 штыков и шашек. Все остальное составляли тыловые части и беженцы".

Генерал Врангель, будучи занят другими делами и операциями, чересчур положился на генерала Улагая, которому было поручено командование этим десантом, переоценив его организаторские способности. О составе десанта генерал Врангель узнал (как он пишет в своих воспоминаниях) в последний момент, когда уже было поздно что-либо менять.

Такого состава десант, его подготовка и погрузка не могли остаться тайной, поэтому понятно, что десант на Кубань, как показали дальнейшие события, для большевиков не был неожиданностью. Они нас там ожидали и успели к этому подготовиться, сосредоточить войска. Им неизвестно было только точное место высадки десанта.

Такой громоздкий и ненужный груз, как штатские люди и беженцы, сыграл печальную роль в Кубанской операции. Он связал действия армии, сделав ее неповоротливой и медлительной, оглядывающейся на обозы, где находились семьи воюющих.

Но все это рассуждения и мысли теперешние, когда уже знаешь, к чему это привело и чем кончилось. Пятьдесят лет тому назад я вообще о таких вещах не рассуждал; все мне было интересно, и я пребывал в прекрасном настроении духа. Да и никто, думаю, из плывущих тогда на нашей "Чайке" не занимался критикой и не сомневался в успехе, который нас ожидает.

Под вечер наша эскадра остановилась, и все командиры частей были вызваны на совещание на корабль, где находился генерал Улагай и его штаб. На это совещание ездил и командир нашего полка.

Когда стемнело, опять тронулись дальше. На рассвете второго дня показались берега Кубани. Было тихое, ясное утро. Море было спокойное, почти как зеркало. Вдалеке показалось какое-то селение. Это и была станица Приморско-Ахтарская, цель нашего путешествия — исходная точка нашего десанта.

Корабли шли медленно и осторожно, опасаясь сесть на мель. С них, создавая какую-то особенную торжественность, понеслась песня стосковавшихся по родной земле казаков:

Эх, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь!

А с берега, врываясь диссонансом и возвращая к действительности, грубо застучал пулемет. Это большевистский пост дал о себе знать.

Суда остановились довольно далеко, около версты от берега, так как ближе было чересчур мелко. Сначала высадились части конных кубанцев, а потом наш Алексеевский полк. Произошло неожиданное купание всего полка; хорошо, что вода была теплая и начало припекать солнце. Эту версту до берега пришлось пройти голыми; в начале вода была мне по горло. Солдаты шли, неся винтовку и одежду над головой. Наши сестры милосердия шли со своими ротами в одних сорочках. Им было, конечно, труднее идти, чем мужчинам: дно было илистое и вязкое, да и ростом они были меньше.

Первые, дошедшие до берега, еще не одетыми вступили в перестрелку с большевистским постом. Их там оказалось немного, с одним пулеметом, и они быстро отступили. Начало было удачно — высадка прошла без потерь, как мне помнится, не было даже ни одного раненого.

Добравшись до берега и увидев, что опасности нет, что большевики уже отступили и их пулемет замолчал, я вспомнил, что мне страшно хочется пить. Побежал к невдалеке разбросанным хатам, вблизи которых были видны журавли колодцев. Туда же, перегоняя друг друга, уже бежали толпы полуодетых людей. Когда я подбежал к первому колодцу, из него уже вместо воды вытягивали жидкую грязь. То же самое повторилось и у второго колодца. Я вбежал в хату, на-

нет. Единственная надежда была на счастье да на то, что перепуганные большевики удрали уже далеко и не думают о засадах. Прошло порядочно времени, а наших все нет. Командир начал беспокоиться, что с полком и где он.

Я очень устал и, несмотря на переживаемые всеми волнения, задремал. Проснулся от толчка, когда наша дрезина резко затормозила. Нас остановила наша передовая застава. Дальше за ней наших уже не было. Не останови нас наша застава, наше путешествие могло бы кончиться печально. Наш полк мы как-то обогнали. Возможно, что дорога, по которой шел полк, проходила вдалеке от железной дороги. Но, так или иначе, связь с полком была установлена, и мы, довольные, повернули обратно.

Штаб полка обосновался в ближайшей железнодорожной будке. Не успели мы разместиться и устроиться на ночлег, как началась перестрелка. Оказалось, что большевистский разъезд наткнулся на нашу заставу, на которую недавно “наткнулись” и мы. Наше счастье, что большевистский разъезд попал на нашу заставу, а не на нас. При начавшейся перестрелке один красноармеец был ранен и взят в плен. Это был первый пленный, взятый нами на Кубани.

На другой день рано утром большевики повели наступление. Наступил тяжелый день для нашего полка.

Наш полк занял позиции ночью, действуя на ощупь, не зная, что впереди и вокруг него. Два батальона заняли позиции левее железной дороги. Правее, довольно далеко от железной дороги, у Свободных Хуторов, занял позицию 3-й Гренадерский батальон.

Наступала на нас кавалерийская дивизия, имеющая в своем распоряжении артиллерию, которая начала нас усиленно обстреливать. Наша артиллерия еще не успела подойти, и мы не могли ответить им тем же.

Большевики, наверное, узнав, что в железнодорожной будке находится штаб полка, взяли ее под обстрел. Снаряды, все сотрясая, рвались совсем рядом. В такой переделке я еще не бывал. Перепуганный, я сидел за кирпичной стеной какого-то сарая и просил у Бога, чтобы этот ужас скорее кончился. Судьбе хотелось быть милостивой к нам, и на этот раз попаданий не было. Было много грохота, переживаний и страха, но никто не был даже ранен. При такой обстановке наш штаб на какой-то промежуток времени оказался отрезанным от остальных частей полка. Позднее обнаружилось, что большевики бросили свои главные силы на наш крайний правый фланг, занимаемый Гренадерским батальоном, с целью его окружить.

Бой там продолжался несколько часов без перерыва. Патроны были на исходе. Около полудня батальон не выдержал и начал отступать. Но в своем тылу он натолкнулся на красных и оказался отрезанным от своих. Мало кто пробился из окружения. Большинство или были порублены красной конницей, или взя-

ты в плен. В этот день батальон потерял убитыми или взятыми в плен 200 человек, среди них 4 сестры милосердия. В этом, казалось бы, безнадежном положении нашлись командиры, которые не растерялись, не поддались панике и сохранили присутствие духа.

Прорываться пришлось через хутора. Каждые 40—50 шагов был забор, через который нужно было перелезать. Как рассказывали, у одного из таких перелазов остановился начальник пулеметной команды пор. Слободянюк с пулеметом; своим огнем он прикрывал отступление. У него уже кончались пулеметные диски. Увидев среди бегущих своего брата, он закричал ему: "А диски взял?" На обязанности младшего брата было носить пулеметные диски. "Нет, не взял", — ответил тот смущенно. "Тогда иди обратно и принеси их сюда", — отдал поручик брату довольно жестокое приказание. Младший брат точно исполнил приказ старшего брата: побежал обратно, пробрался на оставленную ими позицию, на глазах у подходивших красных забрал диски и принес их брату. Эти диски спасли людей, прорывавшихся вместе с этими двумя братьями, от большевистского плена.

К вечеру подошла наша артиллерия, и Свободные Хутора, где произошла трагедия Гренадерского батальона, были нами взяты обратно. На другое утро были подобраны убитые и раненые. Убитых было около ста человек, и, наверное, много еще не найденных осталось лежать в зарослях кукурузы, в камышах плавней.

В степи была вырыта большая братская могила, и все трупы свезены к ней. Все они были догола раздеты: кто-то позарился на синие бриджи, на хорошие сапоги. Среди убитых были и такие, которые были сначала ранены, а позднее кем-то добиты. Но и этого мало: кто-то издевался над ними, кто-то мучил раненых перед тем, как убить. У многих были выколоты глаза, на плечах вырезаны погоны, на груди звезды, отрезаны половые органы.

Сколько нужно было злобы, жестокости и садизма, чтобы это сделать. И ведь это проделали над русскими свои же русские, и только потому, что они правду и добро понимали по-другому, чем те, кто надругался над ними. А казалось, еще недавно и те и другие вместе сражались на Германском фронте и в трудную минуту, рискуя жизнью, выручали друг друга. Кто разбудил в них зверя? Кто натравил этих людей друг на друга? Я не хочу сказать, что в этом виноваты были только красные, а белые всегда были правы. Конечно, много жестокого делали и белые.

Нет ничего ужаснее, кровопролитнее и беспощаднее гражданской войны. И не дай бог, чтобы русскому народу пришлось еще раз пережить что-нибудь подобное.

деясь хоть там получить какой-либо жидкости. В хате казачка разливала из бочонка белый хлебный квас. Но мне и здесь не повезло. Когда очередь дошла до меня, весь квас был уже выпит, и мне досталась одна белая гуща. Но она была холодная, видно, бочонок перед тем стоял в погребе, и я ею как-то утолил свою жажду.

Вернувшись обратно, я нашел командира полка. Он уже сердился и беспокоился, куда я пропал, и велел мне больше без его разрешения никуда не отлучаться.

В это время несколько рот полка, рассыпавшись по полю в цепь, двинулись на станицу. Командир полка с адъютантом и ординарцем, несущим полковой значок, отправились пешком туда же, а с ними и я.

Большевики, как видно, уже бежали. Было тихо, и выстрелов слышно не было. Наши цепи шли по неровному полю, мы же шли по дороге и незаметно их обогнали. Они были еще далеко, а мы уже входили в станицу, где у околицы остановились и стали их поджидать. Потом командир шутя говорил: "Сегодня я с Борисом (т.е. со мной) первыми вошли в Приморско-Ахтарскую, так что честь ее занятия принадлежит нам!"

На улицах станицы у многих домов были выставлены скамьи, на которых были расставлены ведра с молоком и водой, хлеб, сало, арбузы. Казачки угощали проходящих солдат.

По дороге к станичному управлению мы зашли на железнодорожную станцию; она была пуста, но было видно, что еще недавно здесь шла нормальная жизнь. У платформы под парами стоял поезд.

Наш ординарец нашел где-то телеграфиста и привел его к командиру. Выяснилось, что телеграф еще работает. Узнав это, командир приказал телеграфисту получить связь с комендантом Тимошевки. (Тимошевка — это первая большая узловая станция по дороге на Екатеринодар, теперешний Краснодар.) Коменданту Тимошевки наш командир представился как красный комендант Приморско-Ахтарской. Тот поверил и начал расспрашивать, что у нас происходит. О десанте ему было уже известно. В связи с этим у них были большие волнения, но никаких подробностей они еще не знали. Наш командир сообщил ему, что добровольцы начали высадку, но что Приморско-Ахтарская оказывает сопротивление и просит немедленно прислать ей в подмогу бронепоезд. Тимошевский комендант ответил, что у них на станции как раз стоит бронепоезд и что он сейчас кому следует нашу просьбу передаст.

Несколько минут длилось молчание — наверное, он пошел разговаривать об этом со своим начальством. А затем телеграф начал отбивать такие слова, как "белогвардейская сволочь", "гадюки", "бандиты", пересыпая их площадной

бранью, и наконец совсем замолчал. Связь прекратилась. Надо предполагать, что там в этот момент стало известно, что Приморско-Ахтарская уже сдана, и комендант понял, что кто-то из добровольцев пытается его обдурить.

План нашего командира состоял в том, чтобы заманить бронепоезд сюда, потом за ним взорвать железнодорожный путь, чтобы он не мог уйти, и взять его в плен. План трудный, но при удачном стечении обстоятельств выполнимый. Как рассказывал командир, такие "трюки" с красными в прошлом уже удавалось проделывать. Жаль, что на этот раз не удалось.

Нехватка бронепоездов во время нашего десанта все время чувствовалась, так как действия нашего полка, особенно вначале, происходили вдоль полотна железной дороги. Отсутствие у нас бронепоезда давало большие преимущества большевикам, у которых они были. Наши артиллеристы даже пытались эту нехватку как-то восполнить, сделав самодельный бронепоезд. Простая железнодорожная платформа была обложена мешками с землей. За этим прикрытием были поставлены два пулемета и одно полевое орудие. Эту платформу возил простой паровоз. Такого рода сооружение было большой помощью в боях с пехотой, но конкуренции с настоящими бронепоездами, конечно, не выдерживало.

Передохнуть в Приморско-Ахтарской не удалось. Не успели мы хорошо поесть, как был отдан приказ выступать дальше. Наш полк получил приказание занять позиции около так называемых Свободных Хуторов, находящихся верстах в двадцати по железной дороге от Приморско-Ахтарской, и прикрывать высадку главных сил десанта. Нужно было торопиться, чтобы не дать красным опомниться и подтянуть силы.

Командиру полка пришлось, не помню уж из-за чего, задержаться, и поэтому штаб полка тронулся в путь, когда уже стемнело. Лошадей у нас не было. К счастью, на станции достали довольно большую дрезину. Погрузили на нее телефон, несколько ящиков с патронами, наши сумки и отправились догонять полк.

В гору дрезину приходилось толкать самим, под горку же все усаживались на нее и катились довольно быстро. Вначале шутили и смеялись, но вскоре попритихли, начали уставать, да и обстановка не располагала к шуткам.

Темная ночь. Тишина, нарушаемая лишь постукиванием нашей дрезины. Незнакомая, еще не занятая нами местность. Камыши плавней, в некоторых местах подходящие к самой железной дороге, стояли вдоль нее как бы стеной. Неприятель мог оказаться за каждым кустом, за каждым поворотом. А нас несколько человек, при таких условиях в полном смысле слова беззащитных, неспособных оказать сопротивление. Ведь неприятель мог нас видеть, а мы его

В день панихиды было получено еще одно печальное известие — в Приморско-Ахтарской при разгрузке пароходов случайной бомбой налетевшего большевистского аэроплана был тяжело ранен помощник командира полка по хозяйственной части полк. Вертоградский. Бомба, разорвавшаяся рядом, оторвала ему обе ноги. Чтобы дальше не мучиться, у него еще нашлись силы вынуть наган и застрелиться.

Полковник Вертоградский был женат на женщине-прапорщике, первопоходнице Зинаиде Николаевне Реформатской. В 17-м году, при Керенском, она поступила в Женский батальон. Была послана в Москву на курсы в Алексеевское пехотное училище, по окончании которого была произведена в прапорщики. Всего женщин на этих курсах было двадцать пять, потом пятнадцать из них пробрались на Дон к генералу Алексееву и пошли в Первый Кубанский поход. Зинаида Николаевна была среди них. В мое время в Белой армии чина прапорщика уже не было и первым офицерским чином был чин подпоручика. Не было и женщин в армии, кроме сестер милосердия. Поэтому прапорщик Реформатская никакой должности в полку при мне не занимала, и ее знали только как жену помощника командира полка. Не была она произведена и в подпоручики, а ее чин прапорщика постоянно напоминал о Женском батальоне — безрассудной, но героической попытке русских женщин во время развала керенщины спасти Россию и своим примером образумить мужчин и заставить их выполнить свой долг перед Родиной.

Гибелью Гренадерского батальона и смертью помощника командира полка начался для нашего полка Кубанский десант.

Под вечер, в день похорон погибших гренадеров, из камышей, близко подходящих к железнодорожной будке, где находился штаб нашего полка, выполз странного вида человек. Он был в изодранной черкеске, заросший и измученный. Представился есаулом, назвав свою фамилию. Сказал, что он послан к нам штабом Кубанского повстанческого отряда, действующего в плавнях в районе Ачуева, для связи с командованием десанта.

Он рассказывал, что в плавнях находится много казаков, бежавших от красных и жаждущих опять начать борьбу с большевиками. Это сообщение ободрило и подняло дух, упавший после событий последних дней, и несколько разогнало минорное настроение, навеянное панихидой. Правда, как показало будущее, не все было столь радужным, как это описывал повстанец, и не так много оказалось казаков, готовых опять начать борьбу за освобождение Кубани от коммунистов.

Приехавшие в этот же день из Приморско-Ахтарской рассказывали, что выгрузка войск, так затянувшаяся, наконец закончилась и что нужно ждать приказа об общем наступлении. Ждать пришлось недолго; на следующее утро

началось наше наступление всеми силами. Это был третий день нашего пребывания на Кубани. В этот день была с боем занята станица Ольгинская и взяты пленные. Кубанцы отбили у большевиков большой броневик с несколькими пулеметными башнями и с громким названием "Товарищ Ленин". Этот броневик я увидел при входе в станицу. Имя Ленина уже было перечеркнуто мелом и сверху тем же мелом было каллиграфически выведено "Генерал Бабиев". Казаки уже перекрестили броневик, дав ему имя своего любимого командира. Ген. Бабиев, один из наиболее блестящих кавалерийских генералов Юга России, во время нашего десанта командовал кубанской казачьей дивизией.

Это был лихой командир, и еще молодой, но в период мировой и гражданской войн он получил множество ранений, отчего стал инвалидом: одна рука у него была сухая и не действовала. И тем не менее он был всегда там, где опасность, всегда впереди своих казаков. Рассказывали, что обыкновенно, когда его дивизия шла в атаку, он брал поводья в зубы, в здоровую руку саблю и скакал впереди всех, увлекая людей за собой. Казаки его обожали, ему верили и были готовы идти за ним куда угодно.

Вечером в станице Ольгинской неожиданно в штаб нашего полка явились два офицера из нашего Гренадерского батальона, которые уже были нами причислены к погибшим. Спаслись они чудом. Как они рассказывали, батальон был окружен, попытка пробиться окончилась неудачей. Патроны все вышли. На спасение не было никакой надежды, и они сдались, другого выхода не было. Офицеров сразу же отделили от нижних чинов и начали издеваться над ними и избивать. На ночь их поместили в какой-то сарай. Их было больше пятидесяти человек. Из разговоров конвоиров они поняли, что утром их ожидает расстрел. И вот эти два офицера сговорились, что, когда их утром поведут на расстрел, они попытаются бежать. Терять было нечего, а может быть, посчастливится и удастся спастись.

На рассвете их повели за станицу по дороге, идущей кукурузными полями. Эти два офицера шепотом пробовали уговорить шедших с ними тоже рискнуть и броситься всем одновременно в разные стороны, но их план не встретил сочувствия — для этого нужна была какая-то решимость, а ее у большинства уже не осталось. Тогда один из них сильно толкнул ближайшего конвоира, так что тот упал. Настало замешательство, воспользовавшись которым они бросились в чащу рядом растущей кукурузы. Конвоиры открыли огонь, но преследовать не решились, видимо, боясь растерять остальных пленных. В этих зарослях кукурузы офицеры и скрывались два дня, питаясь початками зеленой кукурузы.

Остальные же пленные были расстреляны. Трупы их позднее были найдены какой-то казачьей частью.

Наше наступление первые дни развивалось успешно. Каждый день занимали новую станицу, брали пленных, отбивали у большевиков пушки и пулеметы и довольно быстро продвигались по направлению к Екатеринодару.

Оптимисты даже начали подсчитывать, когда мы будем в Ростове, считая взятие Екатеринодара и очищение Кубани от большевиков делом решенным.

Кубань, несмотря на третий год гражданской войны, оставалась краем, поражающим своим богатством и обилием всего, что дает земля. Не было, как мне кажется, в России края богаче, чем Кубань, с ее черноземом, дающим щедрые урожаи, с ее большими, благоустроенными, широко раскинувшимися станицами, с ее бесконечными полями высокой кукурузы, пшеницы и с ее бахчами и фруктовыми садами.

Нигде я не ел таких сладких кавунов, таких душистых дынь и таких сочных персиков, как на Кубани. Мы как раз попали в сезон и объедались всеми этими деликатесами — плодами Кубанской земли.

Трудно было тогда поверить, что через тринадцать лет здесь, на Кубани, люди будут тысячами умирать от голода и даже дойдут до людоедства. (Голод на Кубани, 1933 г.)

Около станицы Роговской штаб полка был обстрелян большевистским самолетом. Для меня это было что-то новое, еще мною не испытанное и, может быть, потому так хорошо запомнившееся.

Было уже под вечер, жара спала. Бой кончился, и стрельба прекратилась. Наступила приятная тишина. Вдалеке было видно, как наши цепи начали входить в станицу: большевики, как видно, ее уже оставили.

Штаб полка в это время находился около насыпи железной дороги. Здесь же стояла какая-то команда полка. Солдаты и офицеры сидели на насыпи, курили и спокойно разговаривали. Вдруг тишину нарушил треск летящего самолета. Наш он или красный, определить сразу было трудно. Но очень скоро это стало ясно. Самолет неожиданно пошел вниз, спустился совсем низко и со страшным шумом пронесся над нашими головами, стреляя по нам из пулемета. Он летел так низко, что можно было разобрать лица летчиков. Их было двое.

Я упал на насыпь железной дороги, заросшую травой. Казалось, что каждая пулеметная очередь с самолета срезает траву над моей головой.

Сделав два или три таких залета, самолет поднялся и улетел. Нужно было быть первоклассным летчиком, чтобы такое проделать на аэроплане того времени.

Большого урона от этого нападения не было, кажется, было два или три раненых. Но психологический эффект был большой. Это было нечто подобное немецким "тиффлигерам", которых мы так боялись во Вторую мировую войну.

На третий или четвертый день нашего наступления нами была занята станица Тимошевская — важный железнодорожный узел. До Екатеринодара, столицы Кубанской области, оставалось недалеко. Уже было пройдено полпути. Но здесь, в Тимошевке, наше наступление почему-то вдруг остановилось, и мы тут простояли, как будто чего-то выжидая, три дня в полном бездействии. А отдыхать нам было рано, ведь наступление только что началось.

Много позднее, уже в эмиграции, приходилось читать, как генерала Улагая, начальника нашего десанта, обвиняли в медлительности и в проявленной им тогда, совсем ему не свойственной, нерешительности.

На квартиру в Тимошевке я вместе с несколькими офицерами попал в богатый казачий дом. Хозяйка нас там прямо закармливала. Как-то на обед она нам сварила целого маленького поросенка. Аппетиты у нас были хорошие, желудки здоровые. В один присест мы вчетвером этого поросенка и прикончили, и никто этому не удивлялся, и никто из нас не заболел.

На главной площади станицы был устроен парад войскам, с оркестром трубачей, а потом молебен с многолетием.

Все это, вероятно, было сделано с пропагандистской целью — показать казакам нашу силу и привлечь их в наши ряды. Но, видимо, этой своей цели парад не достиг. Казаки и дальше в своей массе продолжали выжидать.

К тому же и события начали принимать неблагоприятный для нас оборот. Оказалось, что у нас в тылу не все в порядке. Пока мы были в Тимошевке, большевики высадили десант около Приморско-Ахтарской, пытаясь отрезать нас от моря. Высадились они как раз там, где за десять дней перед этим высадился наш десант.

Чтобы остановить большевиков, туда спешно была брошена дивизия генерала Бабиева. Туда же был послан и наш полк.

Но белых оказалось чересчур мало, а красных чересчур много. Разбить их нам не удалось. Они давили на нас своей массой. На смену одним появлялись новые. Началась агония, когда одной храбростью не возьмешь. Несколько дней наш полк метался по степи, ведя непрерывные бои. Потери были огромные, особенно среди офицеров. На Кубань большинство из них приехало в наших форменных белых алексеевских фуражках, заметных издалека. Говорили, что у красных даже была специальная команда целиться и стрелять "по белым фуражкам". Были выбиты почти все ротные командиры. За эти несколько дней наш полк сменил четырех командиров полка. Был ранен полковник Бузун. Сменивший его на посту командир 1-го батальона полк. Шклейник был убит. Вступивший после этого в командование полком командир 3-го батальона кап. Рачевский был смертельно ранен и через несколько дней скончался. После него полк принял полковник Логвинов, который и посадил нас обратно на пароход.

В одном из боев наш полк взял в плен около тысячи красноармейцев. В массе это были мобилизованные, т.е. оказавшиеся не по своей воле на стороне большевиков. Они выдали своих комиссаров и сами же с ними безжалостно расправились, устроив над ними самосуд. Большинство из пленных было сразу же распределено по нашим поредевшим ротам.

Не прошло и трех-четырех часов после появления у нас этих пленных, как нашему полку вновь пришлось иметь дело со свежим полком красных. По открытому полю этот полк шел густой цепью, наступая на нас. В этом бою замечательно показали себя только что взятые в плен красноармейцы. Они первыми бросились в атаку с криком: "Товарищи, не стреляйте! Мы свои! Сдавайтесь!" Красные цепи, как бы в нерешительности, остановились, потом совершенно неожиданно для нас повернули назад и начали уходить, не приняв боя. Возможно, красное начальство, не уверенное в стойкости своих красноармейцев и боясь, что с этим полком может произойти то же, что и с предыдущим, решило не рисковать. Из этого полка сдалось в плен только несколько человек.

Рассказываю я это со слов других. Сам же я в это время находился в обозе, который двигался за полком. Во время каждого боя мы останавливались, выжидая, чем он кончится.

От этих дней остались в памяти: раскаленная степь, пыль дороги да бесконечные бахчи зрелых, сочных арбузов и дынь. Они были наше спасение. Ели мы их и с хлебом, и просто так. Они нам утоляли и голод и жажду.

Отступая, около станицы Гривенской мы вышли на Протоку, являющуюся одним из главных рукавов реки Кубани.

Река Кубань, давшая имя Кубанскому казачьему войску, в недалеком прошлом была своего рода географическим феноменом. Еще на моей памяти, наш учитель географии любил задавать такой вопрос: "А какая река в России впадает сразу в два моря?" Чтобы получить хорошую отметку, нужно было ответить: "Река Кубань, впадающая и в Азовское, и в Черное моря".

И до начала этого столетия это так и было. Один рукав, носивший название Старая Кубань, вливался в Кизилташский лиман Черного моря. Другими же своими рукавами она впадала, как и теперь, в Азовское море. В этом столетии рукав Старая Кубань затянуло илом и песком, он зарос бурьяном и кустарником и связь его с Черным морем перестала существовать. И река Кубань, таким образом, потеряла свой исключительный интерес для географов.

Как я уже сказал, около станицы Гривенской мы вышли на Протоку, рукав, впадающий в Азовское море. В этом месте он имеет вид полноводной реки, правда, не особенно широкой. По дороге вдоль нее и пошли наши отступающие войска. Это был единственный в этом месте узкий проход к Азовскому морю, с обеих сторон которого простирались непроходимые плавни. Для нас это было

очень удачно. Это гарантировало от неожиданного нападения большевиков со стороны, а также облегчало защиту этого прохода с небольшим количеством войск и не давало возможности красным использовать численный перевес в войсках и вооружении.

Расстояние от станции Гривенской до моря, думаю, было верст тридцать—тридцать пять.

Обоз наш двигался довольно медленно, с большими остановками. Все время ехать на повозке было тоскливо и скучно, поэтому я часто шел пешком. У берега реки я нашел кем-то брошенную маленькую плоскодонную лодку-душегубку. Вычерпал из нее воду, раздобыл подходящую доску, которую применил как весло, и поплыл довольно быстро вниз по течению. Стало веселее и интереснее. В моей душегубке я обогнал наш обоз и через час или два за одним из поворотов увидел долгожданное море, правильней сказать, довольно широкое, занесенное песком устье Протоки.

Хотя время близилось к вечеру, солнце еще ярко светило, ветра не было и море было спокойное. Настроение у меня было хорошее, и я не стесняясь (ведь никого вокруг не было) во весь голос пел, вернее горланил, песни.

Вдали на песчаных отмелях были видны какие-то темные пятна, которые меня заинтересовали. Я подплыл ближе. Моего радостного настроения как не бывало. Это были человеческие трупы, принесенные сюда водой. Результат боев вдоль берегов Протоки. Они были распухшие, уже обезображенные разложением. От них шел ужасный запах.

Кто белый, кто красный — разобрать было трудно. В полном смысле — жуткая братская могила и тех и других. Смерть всех обезобразила и всех уравняла.

Такого зрелища я никак не ожидал, ведь за несколько минут до этого все было прекрасно, мне было так весело, что я совсем забыл о войне.

Солнце начало садиться, надвигались сумерки. Я повернул лодку и быстро, как будто за мной кто-то гнался, поплыл обратно.

С левой стороны Протоки находится большая песчаная коса. На ней и расположились табором наши войска и обозы в ожидании пароходов, которые должны были забрать их обратно в Крым.

Несмотря на понесенные войсками большие потери и наше поражение, здесь собралось народу больше, чем с нами приехало из Крыма. Тут были и повстанцы из камышей, и казаки, присоединившиеся к нам в занятых нами станицах, и пленные красноармейцы. Численно нас стало больше, мы распухли; но не думаю, что от этого мы стали сильнее. Этот прирост, конечно, не мог возместить потерю многих старых, верных Белому делу добровольцев, нашедших в этот раз свою могилу на Кубани.

Неожиданное скопление такого большого количества людей в пустынной, отрезанной от населенных пунктов местности поставило вопрос пропитания, особенно в первые дни, довольно остро. Пришлось сесть на голодный паек. В первый день нам выдали по четверти фунта муки, перемешанной с отрубями, и ничего больше. Из нее кто варил галушки, кто делал лепешки. К счастью, о крыше не приходилось заботиться, стояли теплые летние ночи.

В прежнее время в устье Протоки находились богатейшие рыбные промыслы, а также рыбный завод, принадлежавший Кубанскому казачьему войску. Здесь производилась знаменитая ачуевская икра, засаливалась разных сортов рыба, коптились балыки. Недалеко от устья была небольшая пристань для выгрузки рыбы, амбары, солельни и небольшой поселок. Мы с одним офицером на моей душегубке это обследовали.

Все выглядело запущенным и брошенным; жителей, как я вспоминаю, мы там не встречали. Возможно, они куда-нибудь попрятались и от греха подальше ушли в камыши.

В одном из сараев мы нашли старый дырявый невод, что натолкнуло нас на мысль: не заняться ли нам рыбной ловлей? В реке, как видно, было много рыбы, их стаи все время проплывали мимо нашего челнока. Мы кое-как починили невод, позвали на помощь еще несколько человек, закинули невод и потащили его вдоль берега реки. Результат превзошел все наши ожидания. Чтобы отвезти наш улов в расположение полка, пришлось идти за подводой. Такой же улов был и на следующий день. Главным образом попадались огромные сомы таких размеров, о существовании которых я даже не предполагал.

Мы рыбу и варили и пекли в золе. Без хлеба и в таком количестве она нам скоро опротивела, но все-таки она наполняла наши желудки и голодать нам не пришлось.

В рыбачьем поселке Ачуеве была небольшая церковь, которой, к сожалению, тогда никто из нас не заинтересовался. Позднее, уже за границей, я где-то читал, что эта церковь старая, интересной архитектуры, расписанная каким-то неизвестным, но замечательным художником.

Когда-то здесь, недалеко от Ачуева, богатый купец, застигнутый бурей, потерпел крушение. Он дал обет в случае спасения построить церковь. Его корабль выбросило на берег недалеко от устья Протоки, и купец и его люди спаслись. Тут он и построил церковь, не поскупившись на ее украшение.

Около Ачуева нас, отступивших сюда, собралось, как я уже упоминал, больше, чем прибыло вначале. Как потом говорили, около двадцати тысяч человек.

Была построена временная пристань, и, когда пришли пароходы, началась погрузка, продолжавшаяся четыре или пять дней. Грузили все, ничего не оставляя: лошадей, повозки, артиллерию, отбитые у большевиков броневики. Руко-

водить эвакуацией войск прилетел начальник штаба генерала Врангеля генерал Шатилов. Был полный порядок, и паники не было. Первыми грузились кубанские конные полки. Нашему полку и юнкерам было поручено прикрывать посадку, т.е. задержать большевиков у узких проходов около Протоки и не пропустить их к морю. Грузиться наш полк должен был одним из последних.

Большевики, стараясь прорвать оборону, вели непрерывное наступление. Наш полк, отражая атаки, и здесь нес большие потери. В этих боях особенно отличился капитан Осипенко со своей ротой, за что и был, первым в нашем полку, награжден орденом Николая Чудотворца.

В старое время для таких случаев существовал офицерский Георгиевский крест. Он присуждался особой Георгиевской думой, и награждение им утверждалось самим Государем. По статусу ордена никто другой на это не был правомочен. Поэтому во время Гражданской войны на юге России офицерским Георгиевским крестом никого не награждали. И вот, чтобы возместить это, в Крыму генералом Врангелем был учрежден орден Николая Чудотворца для награждения офицеров за особо геройские подвиги.

На передовые позиции, занимаемые нашим полком, туда, где происходили непрерывные бои с наседающими большевиками, я не попал. Обыкновенно меня не пускали туда, где была большая опасность. Я это время провел на самой Ачуевской косе, там, где был штаб полка, занимаясь рыбной ловлей или наблюдая, как производится погрузка войск на пароходы.

Спокойное течение дня нарушалось налетами красных самолетов. Найти от них укрытие на голой песчаной косе было почти невозможно, и я, следуя примеру других "храбрецов", залезал под ближайшую повозку, как будто бы это могло спасти, и оттуда наблюдал за происходящим вокруг.

Таких налетов бывало по несколько в день (большевики прилагали все усилия, чтобы помешать эвакуации белых). Обыкновенно прилетали один или два самолета, летящие довольно высоко, почти вне досягаемости нашего примитивного обстрела из ружей и пулеметов. Эти самолеты сбрасывали по несколько маленьких бомб и улетали, а им на смену через некоторое время прилетали новые. Такие бомбежки большого вреда не приносили. Они действовали больше психологически, нагоняя страх на людей со слабыми нервами. Ведь бомбежка с воздуха в те времена для многих была чем-то новым, непривычным, а потому особенно жутким.

Наших самолетов на Кубани мы не видели; и в этом отношении перевес был на стороне красных <...>.

Итак, мы уходили с Кубани. Второй раз за последние полгода наш полк возвращался побежденным из неудавшегося десанта.

На нашем пароходе несколько человек заболело холерой. На Кубани население нас предупреждало, что из некоторых колодцев нельзя пить воду, так как они якобы отравлены красными. Командованием было даже дано распоряжение, чтобы добровольцы пили по возможности только кипяченую воду. Был слух, что в колодцы были пущены большевиками бациллы холеры. К счастью, холерная эпидемия на нашем пароходе не разыгралась и все ограничилось этими несколькими заболеваниями.

Кроме страха заболеть холерой почему-то запомнилось, как в походной кухне, стоящей на палубе, варили манную кашу. Пресной воды было мало, так что воду для нее черпали прямо из моря и варили, не добавляя соли. Получалось очень вкусно. Как видно, пропорция соли в Азовском море была для этого как раз подходящая. Каша пользовалась большой популярностью, чего нельзя было сказать о выданных во время этой поездки консервах. Консервы эти были из какого-то странного, белого, неаппетитного мяса. Надписи на банках, объясняющей их "содержание", не было. Кто-то пустил шутку, что они были изготовлены во время войны из мяса обезьян для питания чернокожих солдат французской армии. После таких разговоров консервы есть как-то расхотелось.

К Керченскому проливу подошли днем. Предполагая, что на Тамани находятся свои, наш пароход, не останавливаясь, начал проходить пролив.

Нужно сказать, что в то время, как мы были на Кубани, наши войска высадились также и на Таманском полуострове, т.е. на Кубанской стороне Керченского пролива. Но, как видно, Тамань к этому времени уже тоже была оставлена нами, так как наш пароход подвергся сильному артиллерийскому обстрелу. К счастью, все были недолеты.

Пришлось повернуть обратно и ждать темноты. Остановились при входе в пролив. Вдалеке была видна Русская Мамá, о которой осталось много приятных воспоминаний. Ночью при потушенных огнях прошли через пролив.

По прибытии обратно в Керчь был смотр полка. Большое число бывших красноармейцев, влитых в полк, совершенно изменило его внешний вид, сделав его каким-то серым и бесцветным. Наших белых алексеевских фуражек в рядах было мало. Видно, много этих фуражек рядом со своими хозяевами осталось лежать на полях Кубани. Как у Лермонтова:

Плохая им досталась доля,
Немногие вернулись с поля.

В Керчи мы задержались недолго, что-то около недели. В последних числах августа (по старому стилю) наш полк был погружен в вагоны для отправки в Сев. Таврию. <...>

В нашем вагоне подобрались хорошие голоса. Во время дороги много пели: на станциях около нашего вагона собиралась публика, которая каждую песню провожала аплодисментами — пели мы, по-видимому, неплохо.

Между прочим, здесь я в первый раз услыхал песню:

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы русские солдаты... —

и так далее.

Песня нам очень понравилась, и мы ее часто пели. Уже в эмиграции ей было присвоено имя "Алексеевской песни".

Выгрузился наш полк за Перекопом, на небольшой станции недалеко от Мелитополя. Оттуда по степи, минуя несколько сел, прошли вперед верст тридцать. Остановились в большом и богатом, широко раскинувшемся селе Ивановке. Здесь полк простоял около месяца, пополняясь и подготовляя себя, как потом выяснилось, к "Заднепровской операции"» (*Павлов Б.А.* Первые четырнадцать лет. С. 107—131).

[175] *Канцеров* Павел Григорьевич (1866 — после 1921) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. В Вооруженных силах Юга России с начала 1919 г., в январе—феврале 1920 г. командовал Марковской дивизией, разбитой красными у ст. Ольгинской. С 27 августа 1920 г. командовал Сводно-Алексеевской (затем — 6-й пехотной) дивизией. В начале 1921 г. находился в лагерях беженцев в Румынии. Дальнейшая судьба неизвестна.

[176] С 1930 г. — станция Партизаны (Херсонская обл.).

[177] В августе 1920 г. генерал П.Н. Врангель разделил свою армию на 1-ю и 2-ю. Алексеевский полк входил в состав 6-й дивизии 3-го корпуса 2-й армии. Армией командовал генерал Даниил Павлович *Драценко* (1876—1945; скончался в Югославии), корпусом — генерал Михаил Николаевич *Скалон* (1874—1940; умер в Праге).

[178] *Макитра* — на Украине широкий глиняный конусообразный горшок.

[179] *Востоков* Владимир Игнатьевич (1868—1953) — протоиерей, церковный деятель и публицист. В 1913 г. пострадал из-за публичных выступлений против Г.Е. Распутина. В годы Гражданской войны основал т.н. Братство Животворящего Креста, призывавшее к борьбе с большевизмом и восстановлению монархического строя. В 1920 г. выступил с инициативой организации мирного крестного хода против большевиков, вследствие которого, как предполагал священник, «красноармейцы, благочестивые русские крестьяне, благоговейно сни-

мут шапки, вонзят штыки в землю и падут ниц перед святыми иконами». Крестный ход был запрещен генералом П.Н. Врангелем. Впоследствии проживал в Югославии, Австрии, Германии и США, был настоятелем различных русских православных церквей. Похоронен на сербском кладбище в Сан-Франциско.

[180] В составе казачьих войск Российской империи существовали как конные, так и пешие воинские части. Эти последние назывались пластунскими. В Русской армии генерала П.Н. Врангеля был 1-й Кубанский стрелковый полк, состоящий из пластунов. В качестве особого отличия во время парадов пластунам этого полка было разрешено прохождение с ружьями «на руку», а не на плече, как в прочих полках. В Русской императорской армии с ружьями «на руку» ходили лишь два полка: лейб-гвардии Павловский и 11-й гренадерский Фанагорийский. Впоследствии это отличие заимствовала и Красная (а затем — Советская) армия: лучшие части во время парадов на Красной площади получали право прохождения с ружьями или автоматами «на руку».

[181] семечки подсолнечника (*укр.*).

[182] видишь (*укр.*).

[183] Цитируется «Песня Алексеевского полка». Автор слов — Иван Иванович Новгород-Северский (1893—1969).

[184] Немецкий батальон, воинская часть Русской армии, созданная из добровольцев немцев-колонистов Таврической губернии. Была уничтожена при отступлении от Чонгарского моста в ноябре 1920 г.

[185] *Люшня* — дугообразный упор на возу, запряженном волами.

[186] То есть штаб дивизии.

[187] Автор ошибается. Это были бывшие махновцы, признавшие власть Головного атамана Украинской Народной Республики (УНР) Симона Петлюры. С последним генерал Врангель заключил военную конвенцию, согласно которой на Волыни, на правом фланге Армии УНР, формировалась формально подчиненная Врангелю 3-я Русская армия генерала Б.С. Пермикина. В Крыму же начала создаваться Украинская дивизия генерала Г.Е. Янушевского. В состав этой дивизии должны были войти бывшие военнослужащие Армии УНР и Галицкой армии, оказавшиеся в Крыму, а также различные мелкие антисоветские партизанские отряды, не желавшие подчиняться белым. В частности, один из таких отрядов состоял из екатеринославских повстанцев и действовал на фронте вместе с белыми частями. Украинская повстанческо-партизанская армия имени батьки Нестора Махно (официальное наименование формирований махновцев) в тот момент находилась в союзе с Красной армией и участвовала в боях с белыми.

[188] запутался (*укр.*).

[189] Ходями в 1900—1930-е гг. в России называли китайцев.

[190] *Шеляг* — старое украинское название медных монет; в данном случае речь идет о глиняных мазанках с крышами из листов желтого металла.

[191] нужно (*укр.*).

[192] разве пешком (*укр.*).

[193] Пулемет, использующий для перезарядки энергию предыдущего выстрела, создал американец Джон Браунинг в 1895 г., производила его фирма «Кольт». С 1896 г. пулемет «Кольт—Браунинг» был на вооружении армии США. После начала Первой мировой войны Россия в большом количестве закупала эти пулеметы модели 1914 г.

[194] *Лохов* Дмитрий Васильевич — полковник. Участник Первой мировой войны, с 29 ноября 1918 г. служил в Партизанском полку Добровольческой армии, в 1919 г. командовал 2-м батальоном, в 1920 г. начальник обоза 2-го разряда 1-го Партизанского генерала Алексеева полка. Эмигрировал, с 1925 г. проживал в Болгарии.

[195] *Черевики* — башмаки с толстыми подошвами (*укр.*).

[196] *Цыганок* Спиридон Филимонович (1875—1935) — генерал-майор. Казак ст. Поповичевской Кубанского войска. Участник Первой мировой войны (войсковой старшина). В 1918 г. участвовал в 1-м и 2-м Кубанских походах Добровольческой армии, с 9 ноября 1918 г. командовал 9-м Кубанским пластунским батальоном, с 28 ноября 1919 г. 3-й Кубанской пластунской бригадой. В Русской армии генерала Врангеля был произведен в генерал-майоры, командовал 1-м Кубанским пластунским полком. С полком эмигрировал на о. Лемнос, где был начальником 2-й Кубанской стрелковой дивизии и командиром 2-й бригады Кубанской казачьей дивизии. В 1920—1930-х гг. жил в Югославии.

[197] Имеются в виду Уманский, Волчанский (Шкуринский), Корниловский конные полки Кубанского казачьего войска и Черкесский конный полк, входившие в состав дивизии генерала Г.Ф. Бабиева.

[198] Терентий, а видел, как подскакал один и хватил Панасюка шашкой? Так бедолага и залился [кровью]...

— Разве Панасюка? Охрименко!

— Какого Охрименко?.. Охрименко тогда в связи был, еще как ударил Панасюка, а сотник Негайный зарубил его...

— А наш полковник, ребята, здорово рубает, видели, как он двоих мотыльнул...

— Я не меньше трех сегодня зарубил...

— Ну трех, я тем оврагом, что в плавнях, за один налет человек четырех положил...

— А видели, как Тимошенко зарубили?

— А черт его знает, кажется, под ним коня ранило, как я видел, двое на него налетело, одного он снял, а второй его...

— А у них, говорят, тоже наши!

— Нет, донцы, разве наши так рубят! (*укр.*)

[199] Конница Буденного — 1-я Конная армия РККА, действительно воевавшая с Русской армией П.Н. Врангеля. 3-й конный корпус РККА под руководством Г.Д. Гая был не на юге, а на Польском фронте. Черная Хмара — кличка атамана Антона Яковлевича Гребенника (1890 — ?). Будучи сторонником Украинской Народной Республики, он, после заключения перемирия между представителями Врангеля и Петлюры, сформировал в составе Русской армии украинский партизанский отряд. После эвакуации белых из Крыма его отряд переправился в Румынию, где вошел в состав интернированных там частей Армии Украинской Народной Республики. Этот отряд описывает Александр Судоплатов, ошибочно именуя его махновским. Огненной дивизией Судоплатов называет Огневую бригаду, входившую в состав 51-й стрелковой дивизии Красной армии и имевшую в своем составе большое количество пулеметов и минометов. В октябре 1920 г. бригада участвовала в боях с белыми в районе Перекопа.

[200] Сейчас село Переможное в Токмакском районе Запорожской области Украины.

[201] *Манштейн* Владимир Владимирович (1894—1928) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны. В начале 1918 г. на Румынском фронте поступил в отряд полковника М.Г. Дроздовского, в составе которого вскоре прибыл на Дон. Командовал ротой, батальоном, 3-м Дроздовским стрелковым полком. Отличался безрассудной храбростью, в боях был тяжело ранен, потерял руку. В эмиграции проживал в Болгарии, покончил жизнь самоубийством.

[202] Лютеранское село Андребург было основано в 1865 г. В сентябре 1941 г. мужское население села было депортировано, в 1943 г. оно было переименовано в Черноземное.

[203] То есть косилок.

[204] *Школьная батарея* — артиллерийская воинская часть, входившая в состав Учебно-школьного дивизиона, созданного в конце 1919 г. в Севастополе для обучения русских артиллеристов стрельбе из иностранных орудий. Большинство личного состава дивизиона и батареи в ноябре 1920 г. попало в плен к красным и затем расстреляно органами ЧК.

[205] *Морозов* Василий Иванович (1888—1950) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны, с 1918 г. сражался в рядах Донской армии атамана

П.Н. Краснова, командовал бригадой. В 1920 г. — командир 2-й сводной конной дивизии, состоявшей из донских казаков. Эмигрировал, жил в Югославии и Австрии.

[206] Французская крепость Верден была окружена несколькими рядами мощных укреплений. Своды сооружений были усилены железобетоном; в ряде мест устроены башни, позади линии обороны сооружены подземные убежища и склады боеприпасов.

[207] Орден Святого Николая Чудотворца — высшая награда Русской армии генерала П.Н. Врангеля, учрежденная 30 апреля 1920 г. Орденом могли награждаться как офицеры, так и солдаты. Всего в 1920—1921 гг. этим орденом было награждено 338 человек, часть из них — посмертно.

[208] С 1945 г. Каменское — село в Ленинском районе Крыма.

[209] Весной 1919 г. Красная армия в первый раз перешла Перекоп и устремилась в глубь Крымского полуострова. Крымско-Азовская армия Вооруженных сил Юга России отступила на Керченский полуостров, заняв оборону на т.н. Акмонайских позициях. Здесь фронт проходил с апреля по июнь 1919 г., когда белые перешли в наступление и очистили Крым от красных войск.

[210] То есть блуждали.

[211] *Новиков* Вячеслав Митрофанович (1883—1930) — полковник. Служил в 25-м пехотном Смоленском полку, в составе которого участвовал в Первой мировой войне, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. В мае 1917 г., имея только чин подполковника, был назначен командиром 497-го пехотного Белецкого полка. В начале 1918 г. вернулся домой в Воронеж. Служил в Красной армии, но из-за репрессий против его семьи, в частности — расстрела ЧК родного брата после вступления в Воронеж частей ВСЮР перешел на их сторону и был назначен командиром караульной роты. 2 октября 1919 г. при караульной роте начал восстанавливать 25-й пехотный Смоленский полк. Имея всего две роты добровольцев, уже 6 октября 1919 г. выступил с ними на фронт, где полк получил большое пополнение. В конце 1919 г. был ранен, по выздоровлении вновь вернулся на прежнюю должность командира полка. В ноябре 1920 г., во время отступления частей Русской армии от Юшуньских позиций к портам для дальнейшей эвакуации, возглавил остатки 6-й пехотной дивизии. По дороге сбился с пути и прибыл в Севастополь уже после окончания эвакуации. Из Севастополя отряд Новикова отправился в Ялту, где генерал Врангель, сойдя с корабля на пирс, предложил полковнику и его офицерам эвакуироваться, а солдатам — из-за отсутствия места на кораблях остаться. Новиков отказался и остался со своими людьми в Крыму. Он принял решение уничтожить опознавательные знаки Русской армии, переодеться в

красноармейскую форму и под видом части РККА уйти из Крыма пешим порядком к румынской границе. Еще с воронежских времен у Новикова остались печати саперной роты 3-й отдельной стрелковой бригады РККА, которыми он воспользовался для изготовления поддельных документов. Группа в количестве 60 человек дождалась в крымских горах прихода красных и затем, присоединившись к одному из обозов 2-й Конной армии, вышла из Крыма. После этого часть людей группы ушла домой, а Новиков во главе 28 человек (включая 18-летнюю жену и 17-летнюю племянницу) направился к Днестру. Идя под видом красноармейской части, группа добралась до Днестра, но он не замерз, и перебраться на румынскую сторону было невозможно. Группа направилась на север, в сторону польской границы. В ночь на 28 декабря 1920 г. в д. Цыбулевка люди Новикова были захвачены советской пограничной заставой. Шестерым удалось убежать, остальные 5 января 1921 г. были направлены в особый отдел Киевского военного округа. 8 марта 1921 г. 12 солдат из группы Новикова были освобождены и отправлены в запасную армию труда, еще два офицера осуждены на полтора года заключения в Соловецком лагере. 3 мая 1921 г. было вынесено решение по делу Новикова, еще пяти офицеров, его жены Ольги и племянницы Натальи. Девушки были освобождены и направлены в Воронеж, офицеры приговорены к 5 годам заключения в лагере. Мягкий приговор был обусловлен тем, что члены группы Новикова согласились работать на органы ЧК. Вскоре Новиков «бежал» из заключения и объявился в Польше, где стал объединять вокруг себя монархически настроенных русских офицеров. Был выслан, но направился не в Данциг, куда ему было предложено выехать, а в Советскую Россию. После возвращения на родину работал в разных местах, затем был назначен военруком одного из вузов в Ростове-на-Дону. В конце 1929 г., когда начались массовые аресты бывших белых, был арестован и 3 марта 1930 г. по постановлению коллегии ОГПУ в Москве приговорен к расстрелу.

[212] Знаком ордена Святой Анны 4-й степени были миниатюра, крепившаяся на сабле, и темляк красного цвета с желтым ободком, подвешивавшийся на эфес холодного оружия.

[213] *Чувал* — большой мешок.

[214] Правильно: Курман-Кемельчи.

[215] То есть инженерная рота.

[216] *Скоблин* Николай Владимирович (1894 — 1938?) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны, в 1917 г. воевал в составе Корниловского ударного полка, с частями которого влился в Добровольческую армию. С 1 ноября 1918 г. командовал этим полком, затем — Корниловской дивизией. Впоследствии жил в эмиграции во Франции, был завербован ГПУ и участвовал в похи-

щении советскими агентами главы Российского общевоинского союза генерала Миллера. После этого предположительно бежал в Испанию, где вскоре умер.

[217] «Человек человеку волк!» (*лат.*).

[218] Под этим условным названием печатаются дополнения, написанные на отдельных листках, вложенных в тетрадь с дневником.

[219] Полковник Леонид Митрофанович Новиков был расстрелян ЧК в Воронеже в 1919 г.

[220] В начале 1921 г. в Галлиполи все инженерно-технические подразделения Русской армии были сведены в Технический полк, в составе которого были: саперная, инженерная, минная, телеграфная и другие роты. Командиром полка был генерал-майор Василий Федорович фон Баумгартен (1879—1962, Буэнос-Айрес).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наша жизнь прошла для будущего...
Александр Судоплатов, 1975 г.

Даже самый увлекательный текст по силе воздействия никогда не сравнится с рисунком или фотографией. Не прочитав еще текст, мы нередко сначала рассматриваем иллюстрации. Большая редкость, когда автор насыщает свой текст интересными изображениями. А если этот текст еще и хорош, да к тому же описывает исторически значимые события, и автор еще побеспокоился о добротных иллюстрациях...

Книга, о которой пойдет речь, была создана в период Гражданской войны 1917—1920 годов. Недоучившийся семинарист, 17-летний Александр Судоплатов, ушел к белым, чтобы сражаться за свою правду. Школьная скамья дала юноше хорошую подготовку, и в перерывах между боями он вел дневник, иллюстрируя его рисунками с натуры. Текст и картинки были выполнены талантливо. О позднейшем творчестве Судоплатова мы, к сожалению, ничего не знаем. Но дневник, уникальный свидетель тех дней, сохранился и дошел до нас.

Судоплатов описал в дневнике исторически важные события, о которых мемуаристы рассказывали мало и неохотно. Особое внимание он уделил истории своей воинской части — Партизанского генерала Алексеева полка. История этого полка неразрывно связана с судьбой Добровольческой армии и ее создателя — генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева. Сын солдата сверхсрочной службы, выслужившего чин офицера, он сделал головокружительную карьеру, став к 1917 году начальником штаба Верховного главнокомандующего Русской императорской армией. Главнокомандующим был император Николай II, которого Алексеев в начале Февральской революции убедил отречься от престола.

На революцию в России генерал Алексеев, как и многие в стране, возлагал большие надежды. Но когда армию и страну стали, по его мнению, расшатывать левые идеи, Михаил Васильевич принял решение начать борьбу с революционерами. Уйдя с поста начальника штаба Верховного главнокомандующего при Керенском, он вернулся в Петроград, где вскоре создал так называемую Алексеевскую организацию. В ее состав должны были войти офицеры, юнкера

и добровольцы правых взглядов, способные произвести вооруженный переворот. Но пока генерал собирал первых добровольцев и искал деньги на нужды организации, в Петрограде состоялся большевистский переворот, и к власти в стране пришел Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным. Большевики стали искать Алексеева, и 30 октября 1917 года (по старому стилю) он вынужден был уехать на юг — в Новочеркасск, под защиту донского правительства, не признавшего власти Совнаркома.

2 ноября 1917 года Алексеевская организация начала работу в Новочеркасске, объявив вербовку офицеров и добровольцев в свои ряды. Параллельно на Дону формировались добровольческие отряды для обороны казачьих земель от красногвардейских отрядов и перешедших на сторону большевиков частей русской армии. Вскоре в Новочеркасск прибыли генералы Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и другие, которые подключились к работе по созданию армии, получившей название Добровольческой.

Ленин прекрасно понимал, что на юге страны возгорается пламя Гражданской войны, и уже в декабре 1917 года назначил командующим внутренним Южным революционным фронтом В.А. Антонова-Овсеенко, дав указание ликвидировать донское правительство в Новочеркасске, украинское — в Киеве, а также Алексеевскую организацию. В помощь Антонову-Овсеенко были выделены революционные войска и красногвардейские отряды. Они наступали с севера. С юга «контрреволюционную гидру» должны были раздавить войска Кавказского фронта. Предательство части казаков тяжело переживал донской атаман генерал А.М. Каледин, застрелившийся 29 января 1918 года.

Вскоре большевистские войска были у Ростова и Новочеркасска. Добровольческая армия и примкнувшие к ней несколько донских отрядов были слишком малочисленны, а поэтому М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов приняли решение идти на Кубань, чтобы соединиться там с антибольшевистски настроенными местными казаками.

В ночь с 9 на 10 февраля (22 на 23 по старому стилю; далее даты даются по новому стилю, введенному в Советской России 1 февраля 1918 года) Добровольческая армия выступила из Ростова, имея в своих рядах чуть больше 4 тысяч человек. 25 февраля в станице Ольгинской состоялась окончательная организация армии. Вся пехота была сведена в три полка: Сводно-офицерский, Корниловский ударный и Партизанский пеший казачий. Впоследствии Сводно-офицерский полк стал 1-м Офицерским имени генерала С.Л. Маркова, погибшего в рядах Добровольческой армии в боях с большевиками. Корниловский полк изначально носил имя своего шефа — генерала Л.Г. Корнилова.

Партизанский пеший казачий полк был создан преимущественно из уроженцев Дона — бойцов партизанских отрядов полковника Краснянского, есаулов Лазарева и Чернецова. В этих отрядах было много учащейся молодежи из Ростова и Новочеркасска: студентов, юнкеров, реалистов, гимназистов и кадет. Чуть позже в полк был влит отряд киевских юнкеров, а в марте — батальон кубанских казаков. Первым командиром полка стал генерал А.П. Богаевский, впоследствии — донской атаман.

Марш Добровольческой армии на Кубань получил название 1-го Кубанского (иначе — Ледяного) похода. Добровольцы продвигались в лютую стужу, в грязи, окруженные со всех сторон врагами, не имея достаточного количества патронов, медикаментов и продовольствия. Когда цель похода — Екатеринодар (ныне — Краснодар) была уже близка, командование армии выяснило, что кубанское правительство ушло из города и его заняли большевики. Поиски отряда кубанского правительства затянулись надолго, и возникла опасность, что большевики смогут разбить антисоветские части поодиночке. Но случай помог соединиться Добровольческой армии и кубанским казакам — в конце марта их объединенные силы составили 6 тысяч бойцов. Генерал А.П. Богаевский стал командиром бригады, а Партизанский полк возглавил генерал Б.И. Казанович.

Объединив силы, генерал Л.Г. Корнилов предпринял попытку взять штурмом столицу Кубанского войска — Екатеринодар. Бои длились четыре дня (9—13 апреля) и стоили Добровольческой армии около четырехсот убитых и до полутора тысяч раненых. Среди убитых был и Л.Г. Корнилов. После его смерти руководство армией принял генерал А.И. Деникин (М.В. Алексеев считался Верховным главнокомандующим и боевыми операциями против большевиков не руководил).

Взять Екатеринодар не удалось, хоть в город и проникли части Партизанского полка. Но в это же время командование Добровольческой армии получило сведения о крупномасштабном восстании против советской власти на Дону. Казаки звали на помощь. Оставив Кубань, Добровольческая армия стремительно направилась к Дону, достигнув его 12 мая 1918 года.

Во время похода, чтобы отличать своих от использующих красную символику большевистских частей, чины Добровольческой армии стали носить на шапках белые ленты. Так появились термины «белые» и «белогвардейцы». По окончании похода все его участники были награждены Знаком отличия Ледяного похода, представляющим собой терновый венок с мечом на ленточке георгиевских цветов.

С помощью Добровольческой армии казаки освободили свои земли от большевиков и создали Донскую армию. Кроме того, с Румынского фронта, прой-

дя весь юг Украины, на Дон пришел добровольческий отряд полковника М.Г. Дроздовского, имевший в своих рядах около 2 тысяч человек. Из пехоты этого отряда был сформирован 2-й Офицерский полк, получивший после гибели М.Г. Дроздовского его имя и впоследствии называвшийся Дроздовским.

22—23 июня 1918 года Добровольческая армия начала 2-й Кубанский поход — для занятия Кубанских земель и выхода к Кавказу, чтобы полностью обеспечить свои тылы. В результате этого похода к концу 1918 года были очищены от красных вся Кубань, черноморское побережье, Северный Кавказ и Ставропольская губерния. Во время 2-го Кубанского похода командиром Партизанского полка был полковник (затем — генерал-майор) П.К. Писарев.

В период успехов Добровольческой армии на 61-м году жизни умер ее создатель, генерал от инфантерии Алексеев. 27 ноября 1918 года в память Михаила Васильевича Партизанский полк получает наименование Партизанского генерала Алексеева пехотного полка, или Алексеевского.

В осенних боях алексеевцы понесли большие потери. Был ранен и полковник П.К. Писарев. В рядах полка осталось очень мало участников 1-го Кубанского похода. Остатки полка были отведены на отдых и переформирование в Новороссийск. Новым командиром полка стал полковник князь А.В. Гагарин, его помощником — капитан П.Г. Бузун. Эти два человека впоследствии по очереди командовали Алексеевским полком. В феврале—марте 1919 года полк действовал против войск независимой Грузии, затем был переброшен в Донецкий бассейн. 4 мая 1-й армейский корпус Добровольческой армии, в который входили Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексеевский полки и несколько других частей, перешел в наступление по направлению Славянск—Купянск—Харьков—Белгород.

Белые силы на Юге постепенно разрастались. Кроме Добровольческой и Донской появились Крымско-Азовская, Кавказская армии и другие крупные войсковые объединения. В связи с этим 8 января 1919 года под руководством генерала А.И. Деникина были созданы Вооруженные силы Юга России.

24 июня 1919 года их подразделения почти без боя вошли в Харьков. Именно из этого города позднее ушел в ряды Алексеевского полка 17-летний семинарист Александр Судоплатов. Но первое его знакомство с белогвардейцами состоялось именно тогда, в жаркие дни июня 1919 года, на харьковских улицах. Вот как описывала события этих дней харьковская газета «Новая Россия»:

«Вчера в 7 часов вечера войска Добровольческой армии в составе Сводно-Стрелкового и Дроздовского полков под командой полковника Гравицкого вступили в Харьков. Первою была занята часть города, прилегающая к Чугуевскому тракту, на котором передовые отряды добровольцев налетали на отстав-

ший обоз красноармейцев и разбили его. Большевики, не оказывая особого сопротивления, поспешно отступали к центру города, и затем к вокзалу.

На Московской улице броневик большевиков "Артем", оказавшийся в тылу наступающей добровольческой цепи, открыл пулеметный огонь, коим было убито и ранено несколько человек. После того как был открыт ответный огонь, прислуга броневика, оставив его, бежала и пыталась скрыться на чердаке одного из домов по Рыбной улице, но была захвачена добровольческим отрядом.

К 9 часам центр города был уже занят войсками Добровольческой армии. Дальнейшему их продвижению было оказано сопротивление на Холодной горе, где ими были установлены орудия и скрыты в зелени горы пулеметы. После недолгой перестрелки добровольцы орудийным огнем заставили замолчать батареи красноармейцев и шаг за шагом под пулеметным и ружейным огнем очистили гору от последних отрядов большевиков.

Остатки Красной армии отступили по Григоровскому шоссе, так как все железнодорожные пути были перерезаны еще утром. Этим объясняется та поспешность, с которой запоздавшие комиссары покидали днем в автомобилях Харьков.

Население города оказало вступившим войскам самый радушный прием. Вступающих засыпали цветами и встречали овациями. До поздней ночи на улицах толпился народ, обсуждая события. Проходившие добровольческие части радушно отвечали на приветствия»[1].

Уже на следующий день по городу был расклеен приказ по 1-му армейскому корпусу Добровольческой армии за подписью генерала Кутепова, в котором отдавались распоряжения о назначении начальника гарнизона и организации временной городской думы. Юный Судоплатов не мог не видеть этот приказ, в котором, возможно впервые, он увидел фамилию Кутепова. Впоследствии на страницах дневника он не раз упомянет об А.П. Кутепове и 1-м армейском корпусе. Рядом с приказом висели объявления за подписью полковника Гравицкого о прглашении добровольцев в Сводно-стрелковый полк. Фамилия эта вскоре тоже появится в записках юноши, а с солдатами этого полка он будет воевать бок о бок.

3 июля 1919 года генерал А.И. Деникин подписал так называемую Московскую директиву. Войскам ставилась задача, преодолевая сопротивление Красной армии, идти на Москву. 1-й армейский корпус генерала Кутепова должен был идти кратчайшим путем: на Курск—Орел—Тулу.

Совместно с корниловцами Алексеевский полк берет Курск. Здесь выходит приказ о разворачивании части в 1-й и 2-й Алексеевские полки. 1-м полком

[1] Новая Россия (Харьков). 1919. 12 (25) июня. Экстренный выпуск.

остается командовать капитан Бузун, 2-й же должен был сформировать полковник Гагарин. Позднее (16 октября 1919 года) начинается формирование Алексеевской пехотной дивизии в составе 1-го и 2-го Алексеевских полков, Самурского пехотного полка, Алексеевских артиллерийской бригады, инженерной роты и учебного запасного батальона. Самурский полк был также одной из старейших частей Добровольческой армии. Он возник во время 2-го Кубанского похода как Солдатский полк — из перешедших от красных на сторону белых бойцов РККА. Позднее по просьбе нескольких офицеров части было передано знамя 83-го пехотного Самурского полка старой русской армии, и так он стал Самурским. В дневнике Александра Судоплатова немало слов посвящено бойцам этой части, есть и цветной рисунок: «Алексеевец и самурец — братья по оружию».

После Курска алексеевцы с боями отвоевывают Щигры, Ливны и доходят до городка Новосиль в Тульской губернии. 11 октября — 18 ноября 1919 года состоялось Орловско-Кромское сражение, по сути предопределившее исход Гражданской войны. Под ударами Красной армии войскам Вооруженных сил Юга России пришлось начать отступление.

Через Белгород 1-й Партизанский генерала Алексеева полк отходил до станицы Гниловской — на берегу Дона, недалеко от Ростова. Здесь командование предполагало организовать оборону и не пустить красных дальше. Но этим планам не суждено было сбыться. Когда белые вернулись на казачьи земли, между штабом А.И. Деникина и лидерами кубанского казачества вспыхнул давно назревавший конфликт по поводу независимости так называемой Кубанской народной республики. Деникин приказал разогнать Кубанскую краевую раду (законодательный орган казаков), но в ответ значительная часть кубанских полков покинула фронт и ушла домой. Часть донских казаков решила закончить борьбу, другая — выжидала, наблюдала, как разворачиваются события. В результате войска Вооруженных сил Юга России были деморализованы и, несмотря на героический отпор отдельных частей, отступали к Черному морю. В конце марта 1920 года остатки Добровольческой, Донской и Кубанской армий, погрузившись на корабли в Новороссийске и районе Туапсе, отбыли в Крым, не занятый большевиками.

Новороссийская эвакуация была хаотичной и неорганизованной. Об этом красноречиво свидетельствует дневник Александра Судоплатова. Не смогли эвакуироваться из-за отсутствия кораблей и были брошены на милость красных многие казачьи части. Добровольческие формирования также сильно сократились в численности: в Крым поехали только офицеры и добровольцы. Почти все мобилизованные белыми в течение 1919 года остались дожидаться прихода со-

ветских войск. Численность белых значительно сократилась еще и от эпидемии тифа, свирепствовавшей зимой 1919—1920 года. В результате если только в одном 1-м Партизанском генерала Алексеева полку в начале октября 1919 года имелось 1118 штыков, то в Крыму во всех Алексеевских формированиях осталось чуть больше 300 человек.

4 апреля 1920 года в командование Вооруженными силами Юга России вступил генерал П.Н. Врангель. Он был заслуженным офицером Первой мировой войны, хорошо зарекомендовал себя в 1918—1919 годах на постах начальника дивизии, корпуса и армии, был популярен в белых войсках. Одним из первых стратегических решений Врангеля стала попытка выбраться из Крыма в Северную Таврию. Для этого в середине апреля 1920 года было проведено два десанта, оказавшихся безуспешными. В один из десантов (под Геническ) пошла Алексеевская пехотная бригада: 150 алексеевцев, 150 самурцев и 20 юнкеров.

Генический десант подробно освещен в дневнике Александра Судоплатова и в воспоминаниях присоединившегося к алексеевцам после отхода от Ливен 13-летнего кадета 2-го Московского кадетского корпуса Бориса Павлова. Для алексеевцев эта операция закончилась фатально: из десанта вернулась буквально горстка бойцов, в результате чего Врангель принял решение расформировать эту часть. 5 мая 1920 года остатки алексеевцев были сведены в батальон, включенный в состав 52-го пехотного Виленского полка.

Ликвидация одной из первых частей Добровольческой армии вызвала волну протестов среди офицеров. Врангель вынужден был отменить свой приказ, и 14 июня 1920 года восстановил 1-й Партизанский генерала Алексеева пехотный полк. На его пополнение были переданы офицеры и солдаты других расформированных частей. В частности, 3-й батальон был создан из остатков Гренадерской бригады.

Воссозданный полк принял участие в десанте на Кубань (так называемом Улагаевском десанте) 14 августа — 7 сентября 1920 года. Целью десанта было привлечь на свою сторону кубанских казаков, по большей части сожалевших о конфликте с Белой армией и поднявших антисоветское вооруженное восстание. В случае успеха Врангель планировал отвоевать Кубань, а затем вернуться на Дон, где собирался вновь поднять на борьбу с большевиками донских казаков. Но Красная армия дала решительный отпор десанту. В частности, в боях целиком погиб 3-й (Гренадерский) батальон Алексеевского полка. Войска отряда генерала Улагая вернулись в Крым вместе с присоединившимися к ним кубанскими повстанцами.

В сентябре—октябре 1920 года Алексеевский полк участвовал в последнем наступлении войск генерала Врангеля, переименованных к тому времени в Рус-

скую армию. Целью этого наступления было закрепиться в Северной Таврии и прорваться в глубь Украины. Но бои на Каховском плацдарме также закончились в пользу красных. Началось отступление Русской армии в Крым. Во время этого отступления в бою у с. Богдановка 28 октября 1920 года Алексеевский полк был разбит красными. Два батальона и учебная команда алексеевцев, укомплектованные преимущественно вчерашними красноармейцами, захваченными в плен во время десанта на Кубань, при приближении советской кавалерии сложили оружие. Из окружения вырвались только офицеры и добровольцы — всего чуть больше 40 человек.

Пленных алексеевцев, бывших красноармейцев, сотрудники ЧК после сортировки сразу же направили на пополнение советских войск. Судьба же офицеров сложилась трагически. Высшие офицеры были направлены в штаб Южного фронта на допрос, после которого расстреляны. Младшие офицеры — подпоручики и поручики — еще какое-то время жили надеждой на снисхождение. Их направили в Харьков — в распоряжение особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов. Вскоре к алексеевцам присоединили взятых в плен в районе Перекопа офицеров Донского офицерского резервного и Сводно-стрелкового кавалерийского полков. Полтора месяца пленники содержались в харьковской тюрьме, так как их судьбу могли решить лишь всесильные «главные чекисты» Советской Украины — В.Н. Манцев и Е.Г. Евдокимов. Но те «работали» в Крыму: расстреливали людей, не пожелавших эвакуироваться с Русской армией Врангеля. Лишь по возвращении Манцева и Евдокимова в Харьков судьба 124 пленных офицеров была решена. Все они 9 декабря 1920 года были приговорены к расстрелу. Казнили пленников в течение суток после вынесения приговора. Среди расстрелянных было 42 офицера-алексеевца.

Выжившие в бою под с. Богдановкой алексеевцы под руководством полковника Бузуна добрались до кораблей и затем эвакуировались. Но другая довольно значительная группа военнослужащих полка не по своей воле осталась в Крыму и также была расстреляна чекистами. Речь идет о запасном батальоне, нестроевой роте, пулеметной команде, команде связи, а также — хозяйственной части, обозах 1-го и 2-го разрядов. Эту группу алексеевцев возглавлял полковник князь Гагарин.

В период отступления от Перекопа группа полковника Гагарина утратила связь с теми, кто оставался с Бузуном, и отстала от основных частей Русской армии. Пулеметная команда и команда связи покинули эту группу и направились в Феодосию. Но они либо не успели на посадку, либо не были взяты на корабли грузящимися там кубанскими казаками. Вскоре команды попали в плен, и их офицеры расстреляны органами ЧК.

13 ноября, когда полным ходом шла эвакуация в Севастополе, группа князя Гагарина находились в деревне Зуево — в 20 верстах от Симферополя. Вокруг были красные, и прорваться к Черному морю, за исключением дороги на Алушту, уже не представлялось возможным. Ночью в одном из домов деревни Зуево собрались офицеры-алексеевцы, чтобы принять решение о том, что делать дальше. Но единого мнения достичь не удалось. Одна часть алексеевцев решила попытать счастья в Алуште, другая — направиться в Джанкой и сдаться первой же красной части, третья — остаться в Зуево и ждать дальнейшего развития событий. Но никому не удалось выжить. Те, кто направился в Джанкой, были по большей части расстреляны там же специальным карательным отрядом ЧК. Алуштинская группа также была вскоре перехвачена красными, доставлена в Симферополь и там казнена. Те же, кто остался в Зуево, не зная о судьбе первых двух групп, вскоре решили пойти в Симферополь и сдаться на милость победителей.

19 ноября 1920 года на регистрацию в Особую фронтовую комиссию ЧК в Симферополе явилось 11 офицеров Алексеевского полка. Возглавлял эту группу помощник командира полка по хозяйственной части полковник Алексей Крылов. В группе выделялся 69-летний участник Русско-турецкой и Русско-японской войн генерал-майор Рудольф Ивановим — черногорец по происхождению, поступивший к белым добровольно и занимавший должность казначея полка. В группу также входили полковники Анатолий Гагарин, Владимир Баталин, ротмистр Борис Юденич-Мальцев, штабс-капитаны Михаил Александров, Николай Охременко, Емельян Яцимирский, поручик Дмитрий Коссович, подпоручики Степан Козин и Даниил Сергиенко. Десять из них были приговорены к расстрелу уже 21—22 ноября. Судьбу одного из алексеевцев, подпоручика Даниила Алексеевича Сергиенко, установить не удалось.

Ответы на вопрос «Почему не эвакуировались с армией Врангеля?» в анкетах нескольких алексеевцев убедительно свидетельствуют, что группа из 11 офицеров эвакуировалась бы с Врангелем, если бы была возможность. Так, генерал-майор Иванович написал, что их не взяли на пароход. Полковник Гагарин ответил на этот вопрос следующим образом: «...потому, что прибыли в Симферополь только 14 ноября». Полковник Баталин объяснял причину нахождения в Симферополе тем, что его «взяли в плен».

В Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины удалось выявить анкеты многих из числа офицеров-алексеевцев, расстрелянных в ноябре—декабре 1920 года в Харькове и Крыму. Их биографические данные публикуются в книге в качестве приложения.

На полуостров Галлиполи, куда была эвакуирована Русская армия генерала П.Н. Врангеля, высадилось всего около 40 военнослужащих 1-го Партизан-

ского генерала Алексеева пехотного полка. Чтобы сохранить память о прославленной воинской части Добровольческой армии, было принято решение восстановить полк путем формирования его из различных соединений. Для создания нового полка были использованы остатки 6-й, 7-й, 13-й и 34-й пехотных дивизий Русской армии. В новом полку бывшие алексеевцы составили 1-ю роту. Кроме того, при полку были созданы артиллерийский и кавалерийский дивизионы. Командиром вновь созданной части стал генерал-майор Михаил Михайлович Зинкевич, который был помощником командира Партизанского полка в 1918 году.

Группа старых алексеевцев пыталась собрать сведения об истории полка и бойцов, сложивших свои головы в его рядах. Инициатором по сбору материалов полковой истории стал полковник Владимир Яковлевич Дядюра, служивший помощником командира по хозяйственной части полка с момента его создания и до начала 1920 года. Именно В.Я. Дядюра во время 1-го Кубанского похода привел в состав Партизанского полка офицеров и юнкеров 3-й Киевской школы прапорщиков. Он собирал документы, опрашивал живых участников. Впоследствии Владимир Яковлевич выехал во Францию и скончался 14 января 1926 года в санатории Берк-Пляж. Судьба его архива неизвестна, а некоторые личные документы Дядюры ныне хранятся в частной коллекции.

После смерти Дядюры заняться историей родного полка мог бы его бывший командир — полковник П.Г. Бузун. Но из-за душевной травмы, связанной с уходом от него супруги — Ванды Иосифовны, также участвовавшей в 1-м Кубанском (Ледяном) походе в составе Партизанского полка, Петр Григорьевич не взялся за увековечивание памяти алексеевцев. Вот что о нем впоследствии вспоминал в книге «Первые четырнадцать лет» Борис Павлов:

«...одно время, когда я был уже студентом, у меня на короткое время завязалась переписка с командиром полка. Он случайно встретил одного моего одноклассника, узнал мой адрес и написал мне. Судя по письмам, он был уже не тот бравый командир полка, который мне так импонировал, под обаянием которого я находился. Личная жизнь его не удалась. Его жена Ванда Иосифовна (в которую я, говоря откровенно, мальчишкой был немножко влюблен) ушла от него. Эту драму он как раз в это время остро переживал. Чувствуя себя одиноким, он в длинных письмах ко мне изливал свою душу, откровенно рассказывая, как эта женщина его оскорбила. Я же тогда, по молодости лет занятый полностью своими личными интересами, не сумел найти с ним общий язык, и наша переписка понемногу начала глохнуть и наконец совсем прекратилась.

Во время последней войны, как мне потом рассказывали, он поступил в Русский корпус в Югославии, боровшийся против коммунистов. Вместо полка

он там командовал только ротой. Там в одной из стычек он и погиб, убитый красными партизанами»[2].

Долгую жизнь прожил участник Ледяного похода и бессменный адъютант 1-го Партизанского генерала Алексеева полка Владимир Иванович Дьяков (он не упоминается в тексте дневника Александра Судоплатова, но есть на одной из его картинок — рядом с полковником Бузуном). На склоне лет, с 15 декабря 1983 года по июль 1984 года, он даже был руководителем Русского общевоинского союза. Но Дьяков, насколько нам известно, не оставил после себя мемуаров. Он скончался в Альби (Франция) 15 сентября 1985 года.

К 1960-м годам объединениями корниловцев, марковцев и дроздовцев были выпущены десятки книг по истории своих частей. Алексеевцы же могли похвастаться лишь маленькой заметкой полковника Кривошеи «Краткая история Алексеевского (Партизанского) полка», помещенной в парижском журнале «Часовой»[3].

Лишь в январе 1963 года в «Вестнике Первопоходника» № 16 (издание Калифорнийского общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода) вышла статья бывшего командира полка генерала Б.И. Казановича «Партизанский полк в Первом Кубанском походе». Но эта статья освещала боевой путь алексеевцев только в первой половине 1918 года, и, конечно же, ее было недостаточно для восстановления всей истории полка.

В конце 1960-х годов в различных русских военно-исторических изданиях начали печататься фрагменты воспоминаний жителя США, в прошлом добровольца 1-го Партизанского генерала Алексеева полка Бориса Павлова (Пылина). В 1972 году увидела свет его книга «Первые четырнадцать лет». Значительная часть книги была посвящена Алексеевскому полку, рецензии на нее были помещены в «Часовом», «Первопоходнике», «Русской мысли» (написанная редактором этого издания Зинаидой Шаховской) и других эмигрантских изданиях. Книга вызвала довольно большой интерес у русской эмиграции. Одна из публикаций в журнале «Часовой» попала в руки Александру Судоплатову, также бывшему алексеевцу, воевавшему с Борисом Павловым бок о бок в 1920 году и проживавшему во Франции. Судоплатов сразу же написал письмо в редакцию «Часового» с просьбой передать его сослуживцу-алексеевцу. Редакция выполнила просьбу, и вскоре письмо было доставлено Павлову. Это, а также другие письма Судоплатова вместе с его дневником ныне хранятся у дочери Бориса Павлова Ольги Матич.

[2] *Павлов Б.* Первые четырнадцать лет. М., 1997. С. 181—182.
[3] Часовой. 1930. № 43. 15 нояб.

Борис Павлов был искренне рад весточке от Судоплатова и, по-видимому, написал ему теплое письмо. Вскоре он получил ответ из Франции, в котором шла речь об уникальном дневнике Судоплатова, с интересными рисунками с натуры, который он вел в 1919—1920 годах.

Очевидно, Павлов проявил большой интерес к дневнику, который по своему содержанию перекликался с его воспоминаниями. Тем более что в дневнике были помещены воспоминания Судоплатова о Павлове, а также рисунки. Как только Судоплатов дождался ответа от Павлова, он сразу же выслал ему свою рукопись.

Получив дневник, Павлов показал его редакторам журнала «Первопоходник» (выходившего вместо «Вестника Первопоходника»). Посовещавшись, коллеги приняли решение сделать один из выпусков «Первопоходника» специальным, полностью посвятив его 1-му Партизанскому генерала Алексеева полку. Редактирование спецвыпуска взял на себя Борис Павлов. В основу спецвыпуска должны были лечь статьи и воспоминания Б. Павлова, а также выдержки из дневника с рисунками А. Судоплатова. Об этом решении Павлов сразу же поставил в известность однополчанина и вскоре получил благосклонный ответ.

В спецвыпуске «Первопоходника» (1974. № 21) было 100 страниц, из них 90 посвящено Алексеевскому пехотному полку. Для сборника материалов про алексеевцев была сделана специальная цветная обложка с рисунком нагрудного знака полка, утвержденного в 1939 году во Франции. Спецвыпуск редакция «Первопоходника» снабдила вступлением:

«КОРНИЛОВСКИЙ, МАРКОВСКИЙ, ДРОЗДОВСКИЙ и АЛЕКСЕЕВСКИЙ полки были созданы в 1-м Кубанском и Дроздовском походах, то есть были первыми, кто еще в дни Алексеева, Корнилова, Маркова и Дроздовского начали борьбу с большевиками.

Это были, как их называли, “цветные полки”, самые стойкие и верные — гвардия Белой армии, на плечах которых, в течение всех трех лет Гражданской войны в России, до последнего дня в Крыму, лежала главная тяжесть Белой борьбы.

О корниловцах, марковцах, дроздовцах написаны книги, о них составлены материалы для будущих историков. Только об АЛЕКСЕЕВЦАХ, к сожалению, почти ничего не написано.

Задача этого сборника — восполнить этот пробел в истории Белой борьбы и хотя бы частично, с возможными упущениями и неточностями, может быть, даже некоторыми ошибками, воспроизвести историю этого полка».

В сборник вошли материалы Б. Павлова «Генерал М.В. Алексеев, шеф Партизанского Генерала Алексеева пехотного полка», «Краткая история Парти-

занского генерала Алексеева пехотного полка», «Алексеевцы в Первом Кубанском походе», «О десанте под Геническ», «Гибель Гренадерского батальона. 2 августа», «Отрывок из воспоминаний Бориса Пылина “Первые четырнадцать лет”»; воспоминания о 1-м Кубанском походе командира Партизанского полка генерала А.П. Богаевского, о 2-м Кубанском походе полковника Е.Ф. Емельянова и публициста есаула Бориса Прянишникова. Из дневника Александра Судоплатова в сборник были включены 23 рисунка и следующие отрывки: «Под Геническом 3-го апреля 1920 г.», «Десант на Кубань», «Заднепровская операция», «Последние дни Партизанского имени Генерала Алексеева полка». В конце сборника Борис Павлов поместил выдержки из писем генерала А.Н. Черепова и капитана Еременко о бое у д. Богдановка 28 (15) октября 1920 года.

Хотя в спецвыпуске была опубликована лишь небольшая часть дневника Александра Судоплатова, он был счастлив получить номер и сердечно благодарил в письме Бориса Павлова.

После 1974 года выдержки из дневника Александра Судоплатова, опубликованные в «Первопоходнике», несколько раз перепечатывались в различных изданиях, но в полном объеме он не был издан.

Текст оригинала дневника в пять раз превышает объем публикации в «Первопоходнике». В полном объеме дневник представляет собой ценный изобразительный и литературный памятник, аналогов которому периода Гражданской войны нет.

Как видно из писем Александра Судоплатова Борису Павлову, после пребывания в лагерях Галлиполи он мало писал. Жизненная суета, помноженная на эмигрантскую нужду, помешала раскрыться его способностям. Но часто бывает так, что люди, прожив долгую жизнь, лишь одним поступком вписывают свое имя в анналы истории. Таким вкладом в историю для Алексея Судоплатова стал его юношеский дневник.

И, конечно же, необходимо выразить искреннюю благодарность Борису Павлову и его дочери Ольге Матич за сохранение дневника юного воина Белой идеи Александра Судоплатова.

Ярослав Тинченко

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Судоплатов Александр

ДНЕВНИК

Дизайнер
С. Тихонов
Редактор
А.И. Рейтблат
Корректор
Л.Н. Морозова
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 23,5. Тираж 1500. Заказ № 7915

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

россия в мемуарах

Александр Судоплатов
ДНЕВНИК

Дневник Александра Судоплатова (1902—?), служившего в Первом Партизанском генерала Алексеева пехотном полку Добровольческой армии, сохранился в домашнем архиве и впервые печатается целиком. Он выразительно и правдиво запечатлел повседневный быт белогвардейцев, их кровопролитные схватки с Красной армией. Автор описывает Кубанские походы Белой армии и ее эвакуацию из Крыма, рисует героизм и самоотверженность одних участников Белого движения, жестокость и мародерство других. Рисунки автора удачно дополняют его словесные описания.

ISBN 978-5-444-80129-1
9 785444 801291